

Стивен Протеро
Восемь религий, которые правят миром: Все об их
соперничестве, сходстве и различиях

Аннотация

В этой книге представлены крупнейшие религии мира: иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, религия йоруба, а также дополнительная глава об атеизме, такие, какие они есть на самом деле, – во всех их славе и бесславии. Вы узнаете, из чего выросли религии, покорившие миллионы людей; что обещают человеку великие религии мира и чего они требуют взамен; какие проблемы человека реально решает та или иная религия; что происходит на современном глобальном религиозном рынке сегодня; как религия может превратиться в одну из величайших сил зла в истории. Стивен Протеро – не только признанный специалист по религиоведению, но и мастер слова, поэтому «Восемь религий...» – это и компетентное изложение основных идей, практик и ценностей великих религий, и увлекательный остроумный рассказ о человеческих поисках Бога и стремлении стать совершеннее в прошлом и настоящем.

Стивен Протеро
**Восемь религий, которые правят миром: Все об их соперничестве,
сходстве и различиях**

Stephen Prothero

God Is Not One

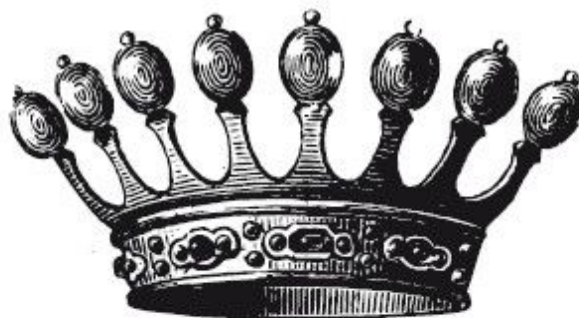
THE EIGHT RIVAL RELIGIONS

THAT RUN THE WORLD – AND WHY

THEIR DIFFERENCES MATTER

Harper One

An Imprint of HarperCollins Publishers

الله اعلى
Даосизм религия йоруба
КОНФУЦИАНСТВО БУДДИЗМ ИУДАИЗМ
ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО
А Т Е И З М

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*

Оформление обложки *Петра Петрова*

© Stephen Prothero, 2010

First published by HarperOne, an Imprint of HarperCollins Publishers Translation rights by Sandra Dijkstra Literary Agency

© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

От автора

Эта книга появилась благодаря великодушию моих коллег, трудам других ученых, поддержке друзей и родных, провокационным вопросам студентов.

В Бостонском университете мне была обеспечена поддержка главы кафедры Диэны Клеппер и деканов Джеффри Хендерсона и Вирджинии Сапиро. Более десяти студентов старших курсов, изучивших в Бостонском университете религиоведение и теологию, поделились со мной опытом. Коллеги по университету помогали работе продвигаться, устраивая вместе со мной «мозговые штурмы», читая отдельные главы, отвечая на письма с экстренными просьбами проверить эту фразу или ту дату: это Кесиа Али, Нэнси Аммермен, Дэвид Эккел, Пола Фредриксен, Донна Фрейтас, Скотт Герднер, Кэтрин Хьюдак, Джонатан Клаванс, Дженнифер Наст, Фрэнк Кором, Кристофер Лерих, Роберт Хефнер, Том Майкл, Дана Роберт, Адам Селигмен, Онадже Вудбайн, Уэсли Уайлдмен и Майкл Занк. Джон Бертронг и Дайана Лобел проявили поразительное великодушие, подготовив комментарии по нескольким главам и продолжая подбадривать меня во время работы.

За пределами моего родного университета помощь мне оказывали Джун Ан, Хэзер Бернс,

Дэвид Чеппелл, Ивонна Ширё, Лесли Кушинг, Ивонна Дэниэл, Элис Фрэнк, Джорджия Фрэнк, Сет Хэнди, Ли Хохмен, Пол Джонсон, Эшли Макар, Кэтрин Макклаймонд, Джозеф Мерфи, Джейкоб Олупона, Роберт Росс, Нора Рабел, Кен Сербин, Кристин Свенсон, Роберт Фэррис Томпсон, Скот Тумма, Роберт Термен, Томас Туид, Дункан Уильямс, Джефф Уилсон, Лорен Уиннер.

Благодарю также Николаса Хагдео и Дэвида Нойхауса – и тот, и другой показали мне свой Иерусалим, а с помощью Лаоде Архэма и Меган Хинсон я побывал в домах мусульман на Яве и индуистов на Бали.

Как всегда, я чрезвычайно признателен моему замечательному литературному агенту Сэнди Диджкстра, а также трудолюбивым сотрудникам агентства *Sandra Dijkstra Literary Agency*. В издательстве HarperOne мой издатель Марк Таубер и мой рекламный агент Джули Бертон доказали, что являются первоклассными мастерами своего дела, как и мой неутомимый редактор Роджер Фрит, предоставивший замечательную референтную группу по этому проекту на всех стадиях – от предложения до публикации и так далее.

Вдобавок мне необычайно повезло иметь двух дочерей, прекрасно изображающих интерес к моей работе.

И наконец, мне следует поблагодарить моих студентов, которым и посвящена эта книга. Некоторые, например, обладатель множества талантов Шари Рабин, втягивали меня в стимулирующие дискуссии по этому проекту. Другие направляли мои мысли менее очевидными, но не менее эффективными средствами, в том числе с любопытством расспрашивая о великих религиях мира. Мои студенты – мусульмане и христиане, конфуцианцы, индуисты и неверующие. Они исповедуют буддизм, религию йоруба, иудаизм и даосизм. Поэтому они стали для меня целой лабораторией религиозных различий и моделью мирного существования приверженцев соперничающих религий.

Процесс преподавания и учебы я воспринимаю как диалог, а диалог – как провокацию. С удовольствием сообщаю, что диалоги моих студентов со мной и друг с другом в аудитории все эти годы представляли собой лучшие провокации, каких только может пожелать преподаватель. Но больше всего я благодарен студентам за важные вопросы – из тех, исчерпать которые не под силу ни одной книге, ни одной религии.

Примечания по датам и диакритическим знакам

В научной литературе, посвященной религии, часто используются диакритические знаки, указывающие, как то или иное слово произносится на санскрите или другом сакральном языке. По сути дела, наличие диакритики – признак добросовестности научного подхода. Но для большинства читателей диакритические знаки – та же китайская грамота (какая разница, бревис здесь или седиль?), поэтому я отказался от них во всех случаях, кроме прямого цитирования, имен собственных и ссылок на источники. Если диакритический знак над или под латинской буквой «s» указывает, что она произносится, как «sh», тогда здесь этот звук передан как «sh», то есть имя индуистского бога Шива записано как «Shiva», а не «Elyiva», цель в индуизме, мокша, – как «moksha», а не «mokEда». Диакритические знаки зачастую оказываются препятствием для интеграции нехристианских религиозных терминов в английский язык – препятствием из тех, которые лучше разрушать, чем надстраивать. Одна из причин, по которым санскритское слово «nirvṛtṇa» вошло в словари английского языка, – возможность отбросить макрон над «a» и точку под «p». А индуистские эпосы Mahābhārata и Rāmāyaṇa нашли путь к широким кругам англоязычных читателей уже без соответствующих циркумфлексов.

Как правило, религиоведы также помечают даты сокращениями «н. э.» («нашей/новой эры») или «до н. э.» («до нашей/новой эры») в стремлении отойти от явно христианского характера

таких сокращений, как «от Р.Х.» («от Рождества Христова») и «до Р.Х.» («до Рождества Христова»). Это уловка, так как даты по-прежнему продолжают указывать на связь событий с жизнью Иисуса независимо от того, когда происходили эти события – в н. э. или после Р. Х. Но поскольку употребление сокращений «от Р.Х.» и «до Р.Х.» косвенным образом подразумевают веру в Иисуса как «Господа» и «Христа», здесь я пользуюсь

сокращениями «н. э.» и «до н. э.» У мусульман свое летоисчисление, начинающееся от Хиджры («переселения» или «бегства») Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году н. э. Следовательно, данная книга впервые издана в 2010 году н. э., а также в 1431 году от Хиджры.

Вступление: Бог не один

Аллергия на дискуссии (с. 14) Мнимый плюрализм (с. 15) • Религия имеет значение (с. 17) • Токсин и тоник (с. 19) • Коянискаци (с. 22) • Разные проблемы, разные цели (с. 24) • «Великий» – не обязательно «хороший» (с. 27) • Величайшая из религий (с. 28) • Спорт и спасение (с. 31) • Насущные вопросы (с. 33)

По меньшей мере с тех пор, как в 60-х годах XX века по всей Европе и США появились первые ростки контркультуры, стало принято заявлять, что все религии прекрасны и все они истинны. Это утверждение, которое восходит к тексту «Все религии одинаковы» (1795) английского поэта, гравера и провидца Уильяма Блейка, выглядит столь же странно, сколь и любопытно¹. Никому не приходит в голову доказывать, что разные экономические системы или политические режимы – это одно и то же. Различия капитализма и социализма настолько очевидны, что о самом факте их существования едва ли стоит упоминать. То же самое справедливо для демократии и монархии. Тем не менее ученые продолжают настаивать на том, что конкурирующие религии, такие, как индуизм и ислам, иудаизм и христианство, по некой удивительной прихоти воображения представляют собой одно и то же, и эти взгляды эхом повторяет массовая культура, не в последнюю очередь многомиллионный проект Дэна Брауна «Код да Винчи».

Самая популярная у сторонников подобных взглядов метафора изображает великие религии взбирающимися на одну и ту же гору по разным тропам. «Взойти на гору жизни можно с любой стороны, но на ее вершине тропы сходятся, – пишет философ и религиовед Хьюстон Смит. – У подножия, в предгорьях теологической, ритуальной и организационной структуры, религии различаются. Особенности и отличия культуры, истории, географии, общественного темперамента обусловлена разницей отправных точек... Но за пределами этих различий манящая цель остается одной и той же»². Эта мысль служит утешением в мире, где конфликты и насилие по религиозным причинам зачастую выглядят существующими и действенными в большей степени, нежели Бог. Но так ли это? Если да, что нас может ожидать на вершине?

Согласно Мохандасу Ганди, «вера в единого Бога – краеугольный камень всех религий», значит, к этому единому Богу и взбираются вверх по склону все религиозные люди. Но когда речь заходит о божественном, единица оказывается не единственным возможным числом религий. Многие буддисты не верят ни в одного бога, многие индуисты верят в тысячи богов. Более того, по характеру эти боги различаются настолько, что это не укладывается в голове. Так кто же на самом деле бог – воитель, как индуистская Кали, или кроткий странник, как христианский Иисус? Обезличен он или наделен воплощением? Какого он пола – мужского, женского или обоих сразу? Или он вообще не поддается описаниям?

Как и Ганди, Далай-лама утверждает, что «ключевая мысль всех религий во многом одна и та же»³. Но с его точки зрения, религии мира объединяет не столько Бог, сколько Благо – сладостная гармония мира, любви и взаимопонимания, которые известный религиовед Карен Армстронг также считает образующими стержень каждой религии. Разумеется, традиции

мировых религий объединяет и многочисленность этических норм. Ни одна религия не одобряет секс с родной матерью или убийство родного брата. Это незыблемое правило можно увидеть не только в христианской Библии и иудейском Талмуде, но и в индуистских и конфуцианских священных книгах. Но ни одна религия не воспринимает как причину своего существования одни только этические нормы. В представлении иудеев галаха («закон» или «путь») содержит и ритуалы, а десять заповедей начинаются с правил поклонения Богу.

Справедливости ради отметим: те, кто утверждает, что религии мира – одно и то же, не отрицают неоспоримого факта расхождений в деталях. Очевидно, что христиане не совершают паломничеств в Мекку, а у мусульман нет таинства крещения. Как признает Хьюстон Смит, пути религий расходятся «в предгорьях» догм, церемоний и учреждений⁴. То есть утверждать, что все религии одинаковы, – это не значит отрицать разницу между буддистами, которые не верят в бога, иудеями, которые верят в единого Бога, и индуистами, верующими во многих богов. Это значит просто утверждать, что математика божественности – проблема «предгорий».

На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению, и даже сегодня религиозные различия существенно влияют на реальный мир

Споры о том, есть ли у Бога тело (да, говорят мормоны; нет, говорят мусульмане), есть ли у людей душа (да, говорят индуисты; нет, говорят буддисты), не имеют значения, потому что, как пишет индуистский духовный учитель Свами Шивананда, «основы или сущность всех религий одинаковы. Религии различаются лишь в том, что не относится к сущности»⁵.

Красиво выраженная мысль – и вместе с тем опасная, неуважительная и неверная. В течение жизни более чем целого поколения мы следовали за учеными и гуру, направлялись по кроличьей норе в воображаемый мир, где все боги одинаковы. Это самообольщение отчасти объясняется вполне понятным неприятием миссионерских эксклюзивистских взглядов, согласно которым в рай или на небеса попадешь лишь ты сам и тебе подобные. На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению приверженцев бессмысленных обрядов, виновников поддельных чудес, распространителей надуманных мифов. В эпоху Просвещения в XVIII веке популярность приобрели идеалы религиозной терпимости, и нам, несомненно, от этого стало легче. Тем не менее идея религиозного единства остается самообольщением, добавить миру спокойствия ей так и не удалось. Напротив, из-за этого наивного теологического группового мышления – назовем его «богомышлением» – мир стал более опасным, так как мы перестали обращать внимание на религиозные конфликты, создающие угрозу для нас повсюду. Нам пора выбраться из кроличьей норы и вернуться к действительности.

Приверженцы соперничающих религий мира объединяются, когда речь заходит о вопросах этики, но решительно расходятся по вопросам учений, обрядов, мифологии, опыта и права. Эти различия могут не иметь значения для мистиков или религиозных философов, однако они важны для простых верующих. Мусульмане не считают несущественным паломничество в Мекку, которое они называют «хадж». Напротив, его причисляют к пяти столпам ислама. Христиане не считают несущественным крещение. Напротив, оно входит в число семи христианских таинств. Но религиозные различия не просто имеют значение для тех, кто исповедует ту или иную религию. Они оказывают непосредственное влияние на реальный мир. Из-за них, к примеру, люди отказываются вступать в брак с мусульманином или индуисткой. А в некоторых случаях религиозные различия побуждают верующих сражаться и убивать.

Одно из назначений мантры «все религии одинаковы» – остановить эти сражения и убийства. Утешает возможность делать вид, что великие религии составляют одну большую, дружную,

счастливую семью. Но каким бы благонамеренным ни было это отношение, его нельзя назвать ни точным, ни этически достоверным. Бог не один. Вера в единство религий – всего лишь вера (возможно, даже фундаменталистского толка). А скачок, который приводит нас к ней, – плод гиперактивного воображения.

Аллергия на дискуссии

Одна из причин нашего желания последовать за фантазиями в кроличью нору религиозного единства – неловкость, которую вызывают у нас споры. Когда речь заходит о религии, нам особенно остро хочется всеобщего лада и согласия. В период преподавания в Бостонском университете мне приходилось потрудиться, чтобы спровоцировать вежливую дискуссию. Моим студентам легко давалась «вежливость», а на «дискуссию» возникала аллергическая реакция. Они считали споры проявлением невоспитанности и даже в кругу друзей старались избегать их любой ценой. Они охотно обсуждали достоинства последнего фильма братьев Коэн или диска U2, но ни в какую не соглашались высказывать разногласия почти по всем прочим поводам. Когда дело доходит до религии, американская молодежь с гораздо большей вероятностью пользуется выражением «мне кажется», чем «я считаю» или, Боже упаси, «я убежден».

В иудейской традиции различают споры ради победы в спорах (не имеющие ценности) и «споры во имя Бога» (имеющие ценность)⁶. Сегодня Запад захлестывают споры по радио, телевидению, в интернете, но почти всегда эти споры ведутся не ради истины, а ради рейтингов или саморекламы, или по обоим причинам. Поэтому мы не желаем спорить на благо кого-то другого, а когда спорят другие, не видим в этом ничего достойного. Идея религиозной терпимости трансформировалась в смиренную рубашку религиозного согласия.

Однако в глубине души мы знаем, что религии мира отличаются друг от друга. Как утверждал мой коллега Адам Селигмен, сама идея религиозной терпимости подразумевает различия, поскольку незачем проявлять терпимость к чужой религии, если она, по сути дела, ничем не отличается от твоей⁷. Мы делаем вид, что эти различия несущественны, потому что так чувствуем себя увереннее, выглядим более высоконравственными. Но от притязаний на «одинаковость» мировых религий более безопасным наш мир не становится. Подобно всем формам невежества, эти притязания делают мир более опасным. Что нам нужно на этой неистово религиозной планете, так это реалистичный взгляд на сферы конфликтов соперничающих религий и сферы, в которых они могут сотрудничать. Новый подход к этой скользкой теме может внушать страх. Но мир таков, каков он есть. Поэтому толерантность и уважение останутся бессмысленными словами до тех пор, пока мы не узнаем хоть что-нибудь о том, к кому именно должны проявлять толерантность или уважение.

Мнимый плюрализм

Книга Хьюстона Смита «Религии мира» была распродана тиражом более двух миллионов экземпляров с тех пор, как впервые вышла в 1958 году под названием «Религии человечества». Одна из причин ее успеха – искреннее и убежденное провозглашение Смитом идеи принципиального единства мировых религий. Делая акцент на вечных идеалах того, что он назвал «нашими традициями мудрости», Смит уделяет основное внимание духовному опыту и сводит до минимума упоминания об исторических фактах, институциональных реалиях и соблюдении ритуалов. Он приводит в пример скорее выдающихся, нежели обычных приверженцев религии – таких мистиков, как аль-Газали в исламе, святой Хуан де ла Крус (святой Иоанн Креста) в христианстве и Чжуан-цзы в даосизме. По его собственному признанию, Смит пишет о «религиях в их лучшем проявлении», демонстрирует их «светлую сторону» вместо того, чтобы вывешивать на обозрение грязное белье, ставит их «богодуховенную» философию и теологию превыше войн и кривотолков. Он пишет с позиций сочувствующего, обращаясь к американским идиомам надежды и оптимизма. Когда речь идет о религии, говорит Смит, дело «обстоит лучше, чем может показаться»⁸.

Более полувека назад, когда Смит написал эти слова, они сыграли на чувствах именно так, как и требовалось. После Второй мировой войны и холокоста поборники традиции, которая приобретала известность как иудео-христианская, начинали рассматривать протестантизм, католичество и иудаизм как три равноправных проявления одной общей веры. Тем временем поклонники «Вечной философии» Олдоса Хаксли (1945) и «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла (1949) осуждали устоявшуюся склонность людей делить мировые религии на две категории: ложные и свою собственную. Религии мира, утверждали они, – это разные тропы, ведущие к вершине одной и той же горы. Или, как выразился Свами Шивананда, «Коран, Зенд-Авеста или Библия в той же степени священны, как и «Бхагавад-гита»... Ахура Мазда, Ишвара, Аллах, Яхве – все это разные имена одного Бога⁹. Сегодня этот подход – новая ортодоксальность, закрепленная в бестселлерах Карен Армстронг и телевизионных интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом, Хьюстоном Смитом и другими видными сторонниками «вечной философии».

Это «вечнофилософствование» может показаться вполне плюралистическим, но лишь на первый взгляд. Католического богослова Карла Ранера справедливо раскритиковали за его теорию, согласно которой многие буддисты, индуисты и иудеи на самом деле «анонимные христиане», которые в грядущем попадут на небеса. Консервативные католики считают эту теорию оскорбительной для их давнего убеждения в том, что «вне церкви нет спасения». Но и либералы осуждают учение Ранера за снисходительность, присущую ему, по их мнению. «Нигде в мире, – пишет католический богослов Ханс Кюнг, – не найти истинного иудея, мусульманина или атеиста, который не счел бы заявление о том, что он «анонимный христианин», безапелляционным»¹⁰.

Но безапелляционны и сторонники «вечной философии». Они тоже приписывают своей традиции посторонних вопреки их воле. Когда гуру Хаксли, Свами Прабхавананда, говорит, что все религии ведут к Богу, ему представляется индуистский Бог. И когда мои студенты-индуисты цитируют бога Кришну из «Бхагавад-гиты» (4:11) – «Как человек предается Мне, так Я и вознаграждаю его» – истина, которая им представляется, – индуистская истина. Всего в нескольких кварталах от моего офиса находится Общество Веданты и Рамакришны. Его здание очень похоже на церкви основного направления протестантизма, но перед ним расставлены изображения индуистских богов, а в самом помещении находятся символы мировых религий: исламские звезда и полумесяц, буддийское колесо дхармы, христианский крест, иудейская звезда Давида. Когда мой друг Свами Тьягананда, который руководит Обществом, утверждает, что все религии одинаковы, он высказывается как верующий человек, исполненный надежд. Когда о том, что все религии одинаковы, говорит Хьюстон Смит, он изъясняется на том же языке.

Мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее

Мне понятна суть их действий. Они не описывают мир, а воображают его заново. И рассчитывают, что их надежды пробудят в нас братские чувства. Перед лицом угрозы религиозного фанатизма и кровопролития как в прошлом, так и в настоящем мы не можем не стремиться к таким видениям и такой надежде. Однако нам следует понимать, что они собой представляют, не путая ни то, ни другое с ясным и четким анализом. Мы должны признать: бывают ситуации, в которых непонимание различий между, допустим, суннизмом и шиизмом, усиливает, а не ослабляет конфликты и насилие. Увы, мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее. И если идеализм нам необходим, то в реализме мы нуждаемся еще сильнее. Нам требуется понять религиозных людей такими, какие они есть, не только в лучшем, но и в худшем проявлении. Мы должны обратиться не только к архитектуре, внушающей благоговейный трепет, и благородному мистицизму, но и к фанатизму, и к террористам-смертникам.

Религия имеет значение

Действительно ли у мировых религий больше общего, чем различий, – один из решающих вопросов нашего времени. До недавнего времени большинство социологов были уверены, что религии исчезают, что по мере индустриализации и модернизации страны будут становиться все

более светскими. В настоящее время религия действительно сдает позиции во многих западноевропейских странах. Однако более девяти из каждых десяти американцев веруют в Бога, и за примечательным исключением Западной Европы, остальному миру тоже присуща выраженная религиозность. Повсюду в Латинской Америке, Африке и Азии религия имеет значение для христиан, которые славят Иисуса после рождения ребенка, для мусульман, которые обращаются к Аллаху за утешением, когда узнают, что больны раком, и для индуистов, которые просят у богини Лакшми здоровья, богатства и мудрости. Религия играет существенную роль и в жизни Западной Европы, где свойственное католицизму отношение к женщине и телу, к примеру, продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь в Испании и Италии и где призыв к молитве по пять раз на дню звучит в мечетях повсюду, от Амстердама до Парижа и Берлина.

Однако религия – не просто частное дело. Она имеет значение на социальном, экономическом, политическом и военном уровне. Религия может и не сворачивать горы, тем не менее это одна из главных движущих сил мировой политики. Она определяет ход выборов и в США, где примерно половина американцев утверждает, что не стали бы голосовать за атеиста, и в Индии, где движение «Хиндутва» («индусскость») стало местным вариантом американского движения правых христиан. Религией движима и экономика. Паломники, направляющиеся в Мекку и Иерусалим, закачивают миллиарды долларов в год в экономику Саудовской Аравии и Израиля. Доход от продаж Библии в США ежегодно составляет приблизительно 500 миллионов долларов, оборот мусульманских банков достигает одного триллиона долларов¹¹.

Религия – не просто частное дело. Это одна из главных движущих сил мировой политики

Мировую историю зачастую излагают так, словно религия не играла в ней хоть сколько-нибудь заметной роли. Испанцы завоевали Новую Испанию ради золота, британцы прибыли в Новую Англию, чтобы ловить рыбу. Великая французская революция не имела никакого отношения к католицизму, движение за гражданские права в США преследовало исключительно гуманистические цели. Но даже если религия представляется вам лишеной смысла, понять ее смысл необходимо, чтобы понять мир.

В одном только XXI веке религия уничтожила Бамианские статуи Будды в Афганистане и башни-близнецы в Нью-Йорке. Она же разожгла гражданскую войну в Шри-Ланке и Дарфуре. Она оказывала сопротивление коалиционным войскам в Ираке. Во многих странах мнение религии оказывается решающим в вопросах питания людей, а также обстоятельств их вступления в брак и развода. Религиозное соперничество либо медленно кипит, либо выплескивается в Мьянме, Уганде, Судане и Курдистане. Борьба в Иерусалиме и на Ближнем Востоке носит религиозный характер в той же мере, что и экономический и политический. Индуизм и буддизм служили ключевыми факторами мотивации в затянувшейся на десятилетия гражданской войне, еще недавно раздиравшей Шри-Ланку. Религия остается главным мотивирующим фактором в Кашмире, где две ядерные державы, преимущественно индуистская Индия и преимущественно мусульманский Пакистан, никак не могут разрешить давний территориальный спор с осязательным религиозным оттенком. Догмат «все религии одинаковы» не поможет нам продвинуться в понимании этой борьбы ни на йоту.

Токсин и тоник

Начало XXI века в Европе и США ознаменовалось выходом в свет десятков бестселлеров, написанных так называемыми новыми атеистами. Такие авторы, как Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниел Деннет, Кристофер Хитченс и Мишель Онфре, проповедовали свою версию

«богомышления», усаживая в подражание сторонникам «вечной философии» все религии в одну лодку. Но эта команда видела лишь грехи, объединяющие великие религии – одну и ту же глупость, один и тот же гнет. Посмотрите на крестовые походы, 11 сентября и все религиозные конфликты в промежутке между этими событиями, предлагали они. Посмотрите на уродливое наследие сексистских (и подавляющих сексуальность) писаний. Религия опасна для вашего здоровья и токсична для общества.

Разумеется, религия существует не в вакууме. «Исповедовать религию в общем» можно с таким же успехом, как «говорить в общем на языке». Поэтому обобщения, касающиеся комплексного влияния религии, – особая категория опасности. Тем не менее основной тезис «новых атеистов», несомненно, верен: религия действительно является одной из величайших сил зла в мировой истории. Однако религия – это еще и одна из величайших сил добра. Религии оставили божественную печать одобрения на всевозможных дьявольских замыслах, но вместе с тем религии обладают достаточной силой, чтобы сказать «нет» злу и пошлости. Да, религия дала нам инквизицию. А во времена

Религия – одна из величайших сил зла в мировой истории

не столь отдаленные она дала нам убийства президента Египта Анвара Садата исламскими экстремистами, премьер-министра Израиля – вооруженным иудеем, премьер-министра Индии Индиры Ганди – телохранителями-сикхами. Но вместе с тем религии мы обязаны отменой рабства и движением за гражданские права. Множество, а может, и большинство шедевров живописи, литературы, скульптуры, архитектуры и музыки созданы благодаря религиозному вдохновению. Без религии не было бы Альгамбры и Ангкор-Вата, регги и григорианского хора, «Тайной вечери» Леонардо да Винчи и «Четырех квартетов» Т.С. Элиота, «Молчания» Сюсаку Эндо и «Ночи» Эли Визеля.

Политологи полагают, что мотивацией людям служит в первую очередь власть, экономисты приписывают то же значение алчности. Но невозможно понять действия отдельных лиц, общин, сообществ, народов, если подходить к ним исключительно с политическими или экономическими мерками. Незачем верить в силу молитвы, чтобы увидеть, как сила религиозных убеждений и поступков побуждает людей к действию. Религия сыграла свою роль в создании Исламской Республики Пакистан в 1947 году и в основании государства Израиль в 1948 году, в Исламской революции в Иране (1979) и в «Рейгановской революции» 80-х годов XX века.

Когда я преподавал в университете штата Джорджия в Атланте, я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие, направленное против евреев, и как это оружие привело к появлению Освенцима и Дахау. После этого шокирующего чтения мои студенты-христиане возмущенно заявляли в один голос: нацисты были ненастоящими христианами, потому что настоящие христиане ни за что не стали бы отправлять евреев в крематории. Эта реакция ужаснула и до сих пор ужасает меня, поскольку неспособность понять, каким образом ненависть древних христиан к «христоубийцам-евреям», питавшая нацизм, позволяет христианам сложить с себя всякую ответственность за вклад, который их религия внесла в ужасы войны.

После 11 сентября многие мусульмане тоже отказались от подобной ответственности. Они утверждали, что террористы, вера которых превратила самолеты в оружие массового уничтожения, террористы, которые оставили свой Коран в чемоданах и с криками «Аллаху Акбар» («Аллах Велик») направили самолеты к выбранным целям, были ненастоящими мусульманами. Истинные мусульмане не стали бы убивать женщин, детей, мирных граждан. Таким образом, эти мусульмане сложили с себя ответственность и отказались расплачиваться за темную сторону своей традиции.

Я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие злодеев

Так что же такое религия – токсин или тоник? Одна из величайших в мире сил зла или одна из величайших в мире сил добра? Да и еще раз да, и это значит, что религия – слишком заметная сила, чтобы пренебрегать ею. Ганди был убит индуистским экстремистом, убежденным, что мусульманам досталась слишком большая территория по условиям раздела Индии и создания Пакистана. Однако стратегия сатьяграхи, или ненасильственного сопротивления, которую пропагандировал Ганди, тоже была порождена религией, на нее оказали заметное влияние джайнистский принцип ахимсы (ненасилия), а также пацифизм Нагорной проповеди Иисуса. Да, религия дала Соединенным Штатам расистскую ненависть Ку-клукс-клана, но вместе с тем положила конец дискриминирующим «Законам Джима Кроу» о расовой сегрегации.

Сегодня невозможно понять американскую политику, не имея представления о Библии, на которой клянутся президенты США и к которой почти ежедневно обращаются в Конгрессе. Невозможно понять политику Индии и экономику Китая, ничего не зная об индуизме и конфуцианстве. На заре XX века У. Э.Б. Дюбуа в книге «Душа черного народа» пророчествовал, что «проблема XX века – проблема цветного барьера». События 11 сентября и многие другие свидетельствуют о том, что для XX века характерна проблема религиозного барьера¹².

Коянискаци

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось. В языке индейцев хопи слово «коянискаци» означает «жизнь вне равновесия». В шекспировском «Гамлете» говорится, что «подгнило что-то» не только в Дании, но и в существовании человека. Индуисты считают, что мы живем во время Кали-юги, эпохи наибольшего упадка в космической истории. Буддисты утверждают, что жизнь человека обезображена страданием. История иудаизма, христианства и ислама свидетельствует о том, что эта жизнь проходит отнюдь не в Едеме, и что Сион, Царство Божье и рай где-то впереди.

Религиозные люди во всем мире соглашались с тем, что порядок нарушен. Однако их мнения расходятся при попытках выяснить, что именно разладилось, а пропасть между ними возникает при переходе от выявления людских проблем к поискам их разрешения. Христиане считают источником всех бед грех, а религиозной целью – спасение от греха. Буддисты называют этим источником страдание (которое, согласно их традиции, отнюдь не возвышает), а религиозной целью – избавление от страданий. Если приверженцы религий мира и вправду сродни альпинистам, тогда они взбираются на совершенно разные горы, совершают восхождение на разные пики и пользуются при этом разным снаряжением и приемами.

Так как религиозные традиции не остаются статичными со сменой веков, стран и обстоятельств, внутренние разногласия в каждой из мировых религий весьма существенны. Религиоведы поспешат указать, что существует не один буддизм, а множество. То же самое относится ко всем религиям мира. Христиане причисляют к себе подобным приверженцев римского католицизма, православия и протестантизма; быстро развивающийся мормонизм вполне может оказаться четвертым из основных путей христианства. Иудеи различают ортодоксальный, консервативный, реформистский, конструктивистский и секулярный иудаизм. Индуисты поклоняются невообразимому множеству богов невообразимым множеством способов. И, как может подтвердить каждый американский и европейский солдат, воевавший в Ираке и Афганистане, суннизм и шиизм – направления ислама, заметно различающиеся во многих отношениях.

Я вовсе не считаю, что мы не наблюдаем «конфликт цивилизаций» между исламом и

христианством, тем не менее нелепо предполагать, что две крупнейшие мировые религии одинаковы хоть в сколько-нибудь значительном смысле или что межконфессиональный диалог между христианами и мусульманами как по волшебству поможет преодолеть разделяющую их пропасть. Казалось бы, этот факт должен воодушевлять сторонников мультикультурализма, прославляющих многообразие в рамках религиозных традиций и за их пределами. Но даже в среде мультикультуралистов прослеживается тенденция делать вид, будто бы различия между, скажем, исламом и христианством скорее мнимые, чем подлинные, и что различия внутри религиозных традиций просто не являются основанием для шумихи, которую поднимают из-за них верующие. Тем временем в англиканских общинах всего мира наблюдается раскол по вопросу отношения к гомосексуализму, а в США такие болезненные темы, как аборт или исследования стволовых клеток, разводят протестантов по двум враждующим лагерям.

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось

Более ста лет ученые вели поиски сущности религии. Они уже считали, что нашли этот Святой Грааль в Боге, но потом узнали, что буддисты и джайнисты отрицают существование Бога. Сегодня широко распространено мнение, согласно которому общей для всех религий сущности нет. Если что и объединяет их, то фамильное сходство: склонность к определенным верованиям или поступкам. В этом семействе религий родственникам свойственно отправлять обряды. Им свойственно делиться преданиями о том, как появились жизнь и смерть, и записывать эти предания, составляя священные книги. Им свойственно совершенствовать методики вхождения в транс и поклонения. Свойственно образовывать институты и собираться в священных местах во время, считающееся священным. Свойственно учить людей, как вести себя по отношению друг к другу. Свойственно исповедовать ту или иную веру в богов и сверхъестественное. Свойственно наделять предметы и места сакральным смыслом. Религиозный философ Ниниан Сمارт называл эти тенденции семью «асpekтами» религии: обрядовым, нарративным, эмпирическим, институциональным, этическим, доктринальным и материальным¹³.

Но эти примеры фамильного сходства – всего лишь тенденции. Как в семьях невысоких людей есть верзилы (у баскетболиста Майкла Джордана не было родственников ростом выше шести футов – 1,80 м), так и в семье религий есть те, которые отвергают существование Бога, и те, которые прекрасно обходятся без символов веры. Религия является таковой в том случае, если обладает достаточным сходством ДНК, чтобы принадлежать к семье религий. Особенными (и самими собой) членов этой семьи религии делает то, как именно они смешивают и сочетают свои аспекты. Опыт занимает центральное место в даосизме и буддизме. Нарративный аспект подчеркивается в индуизме и иудаизме. Для конфуцианства ключевое значение имеет этический аспект. Ислам и религия йоруба – в значительной мере ритуалы. А доктринальность особенно важна для христиан.

Соперничающие религии мира, несомненно, связаны родственными узами, но скорее как двоюродные братья и сестры, чем как монозиготные близнецы. Они следуют разным учениям. Они отправляют разные обряды. И не преследуют одни и те же цели.

Разные проблемы, разные цели

После выхода моей книги «Религиозный ликбез» (*Religious Literacy: What Every American Needs to Know – and Doesn't*, 2007) я получил по обычной и электронной почте множество писем, в которых читатели признавались, что понятия не имеют о мировых религиях, и спрашивали, нет ли какой-нибудь книги, которую можно прочесть, чтобы стать грамотным в вопросах религии. Эта книга написана специально для них. В ней рассматриваются характерные особенности каждой из великих религий: к примеру, увлеченность приверженцев религии йоруба властью, акцент даосистов на естественности, внимание мусульман к

загробной жизни.

Основа этого проекта – простой, состоящий из четырех частей подход к религиям, метод, которым я годами пользуюсь в учебных аудиториях и лекционных залах всего мира. Каждая религия формулирует:

- проблему,
- решение этой проблемы, которое также служит религиозной целью,
- метод (или методы) перехода от проблемы к ее решению,
- пример (или примеры) для подражания, которые проложили этот путь от проблемы к решению.

К примеру, в христианстве

- проблема – грех,
- решение (или цель) – спасение души,
- метод достижения спасения – определенное сочетание веры и добросовестной работы,
- примеры для подражания, указавшие этот путь, – святые в католичестве и православии и простые верующие в протестантизме.

В буддизме

- проблема – страдание,
- решение (или цель) – нирвана,
- метод достижения нирваны – Благородный Восьмеричный Путь, предусматривающий такие классические практики буддизма, как медитация и песнопения,
- примеры, указавшие этот путь, – архаты (в т*~~censored~~*аваде), бодхисаттвы (в махаяне) или ламы (в ваджраяне).

Этот четырехчастный подход является заведомо упрощенным. Невозможно обобщить итоги тысячелетий христианской веры или буддийской практики в четырех тезисах. Следовательно, эта модель – всего лишь отправная точка, а нюансы прояснятся по ходу дела. К примеру, католики и протестанты расходятся во мнениях о том, как достичь спасения, а приверженцы махаяны и т*~~censored~~*авады – в том, как достичь нирваны (и в вопросе о том, является ли нирвана «достижением»). Однако несомненное достоинство этой простой схемы заключается в том, что она помогает выявить и разъяснить различия между религиозными традициями и внутри них. Пытаются ли буддисты достичь спасения души? Конечно, нет, так как даже не верят в грех. Пытаются ли христиане достичь нирваны? Нет, поскольку для них страдание не является тем, что надлежит преодолевать. В сущности, оно может даже пойти на пользу.

Эта книга обращена и к религиозным, и к нерелигиозным людям. Незачем верить в Бога, чтобы испытывать желание понять, как вера в Бога преображала личность и общество со времен Древнего Израиля до современного Китая. Незачем креститься или выходить замуж за

мусульманина, чтобы стремиться к пониманию воздействия обрядов на людей, которые их отправляют. Значит, эта книга написана для неверующих. Но вместе с тем и для исповедующих веру, и для искателей своего сакрального пути. Люди, проявляющие интерес к духовной жизни и находящиеся в поиске новых вопросов или новых ответов, найдут изобилие и того, и другого в жизни индуистов, конфуцианцев и иудеев, о которой говорится в этой книге. И даже те, кто уже утвердился в своих религиозных (или нерелигиозных) привычках, получают возможность заново сформулировать свои религиозные обязательства (или отсутствие таковых), сравнивая их с иными проявлениями религиозности и находя сходства и различия.

В этой книге многого недостает. В нее не вошел синтоизм – как и джайнизм, зороастризм, викканство и бахаизм. Обделены вниманием новые религиозные движения, такие, как растафарианство и сайентология. Но больше всего я сожалею о том, что не включил в книгу сикхизм. Я куратор Ассоциации сикхов Бостонского университета, несколько лучших моих студентов были сикхами. Но мне понадобилось провести черту, и я провел ее, оставив под ней примерно 25 миллионов приверженцев сикхизма.

В эту книгу вошли великие религии Ближнего Востока (иудаизм, христианство и ислам), Индии (индуизм и буддизм) и Восточной Азии (конфуцианство и даосизм). Кроме того, в нее была включена вера Западной Африки и диаспор ее выходцев – религия йоруба. В учебниках религиоведения в ту же кучу обычно сваливают североамериканские, австралийские и прочие африканские «первобытные» или «примитивные» религии.

Тот, кто знает только одну религию, ничего не знает о религии

Однако йоруба – на самом деле великая религия, насчитывающая более 100 миллионов приверженцев, живущих повсюду – от места ее зарождения в Западной Африке до Южной и Центральной Америки, островов Карибского моря и США. Религии представлены здесь в отдельных главах, но ни одна из них в действительности не занимает обособленного положения. Как не устают напоминать нам конфуцианцы, человек не остров, и как писал философ-иудей Абрахам Хешель, «ни одна религия не является островом»¹⁴. Одна из важных тем мировой истории – межрелигиозный контакт, а возникновение межрелигиозных конфликтов, сотрудничества и союзов в последнее время ускорилось. Поэтому цель данной книги – представить восемь великих религий не по отдельности, а в состоянии соприкосновения и в сравнении. Можно немало узнать о своей религии, сравнивая ее с другими. Согласно известному высказыванию немецкого филолога и специалиста по сравнительному религиоведению Макса Мюллера, «тот, кто знает что-то одно, ничего не знает»¹⁵.

«Великий» – не обязательно «хороший»

Мусульмане с давних времен настаивают на том, что единственный Бог велик. Но в этой книге великими названы значительные мировые религии. Что это значит? Во-первых, это не значит, что все они хороши. Дольше, чем на протяжении жизни поколения, авторы, пишущие о религии, руководствовались убеждением, что путь к межрелигиозному пониманию – акцент, сделанный не только на сходствах мировых религий, но и на том, что они по сути своей благо. Это побуждение вполне понятно. Ни один беспристрастный ученый не станет закреплять стереотипы, зачастую уходящие корнями в миссионерскую полемику и утверждающие, что ислам – сексистская, индуизм – идолопоклонническая религия, а африканские верования сродни сатанизму. Однако пришло время перерасти этот защитный рефлекс. После холокоста и 11 сентября и нам необходимо рассматривать мировые религии такими, какие они есть на самом деле – во всем их бесславии и славе. Значит, необходимо понять, в чем они расходятся и согласуются, и не закрывать глаза на их недостатки и промахи.

С 1927 года журнал *Time* выбирает «человека года». Некоторые избранники, мужчины и женщины, – первыми вспоминаются Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль, – были

великими в благом смысле слова. Но благо не являлось обязательным условием для редакции *Time*, где просто искали человека, «с которым так или иначе связаны наиболее важные события минувшего года». (Избранником *Time* в 1938 году стал Гитлер, а в 1939 и 1942 годах – Сталин). При выборе религий для этой книги я не предпринимал никаких усилий, чтобы отделить зерна от плевел. Я просто старался включить в текст распространенные и весомые религии – те, которые «так или иначе» оказывали непосредственное влияние в течение некоторого времени и продолжают оказывать на нас влияние сегодня¹⁶.

Мировые религии представлены здесь не в хронологическом порядке их основания, а по степени влияния, от наиболее до наименее влиятельных. Но как определить степень влияния? Очевидно, что в этом

Пришло время рассматривать мировые религии такими, какие они есть на самом деле – во всем их бесславии и славе

случае статистика выходит на первый план. Строго в численном выражении наиболее великими религиями являются христианство и ислам, которые вместе исповедует более половины населения планеты; иудаизм с его 14 миллионами приверженцев находится на последнем месте. Но есть еще один ключевой фактор – историческая значимость. По этой шкале иудаизм вполне может оказаться величайшей из религий, так как он породил и христианство, и ислам. В итоге был выбран порядок, соответствующий в первую очередь воздействию в настоящее время – степени, в которой каждая религия затрагивает нас, потрясает, лишает дара речи.

Собирая материал для этой книги, я обращался к друзьям и студентам с вопросом о том, какую религию они считают наиболее влиятельной. И получил длинный перечень возможных вариантов, вплоть до коммунизма. Веские доводы были приведены в пользу конфуцианства, основной движущей силы восточноазиатского экономического чуда, которое увидело предыдущее поколение, и нынешнего бума в Китае, где правительство пропагандирует идеалы конфуцианства в дополнение к умирающей идеологии марксизма-ленинизма (и в качестве возможной замены последней). Но самые значительные религии сегодняшнего дня – христианство и ислам. Именно они традиционно вызывают раздражение у атеистов. Именно они привели к изменениям на геополитической карте.

Величайшая из религий

Доводы в пользу преимуществ христианства выглядят убедительно. В США, самой могущественной державе мира, христианство – религия *par excellence*. Бестселлер номер один во всем мире, Библия, – священное писание американских политиков, широко цитируемое в инаугурационных речах и на заседаниях в Белом доме и Сенате. Подавляющее большинство граждан США считают себя христианами, то же самое относится ко всем президентам страны, начиная с Вашингтона. Но во всем мире религией большинства христианство не является. В сущности, ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции. Следовательно, в мировых масштабах вопрос о величии не имеет однозначного ответа.

Ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции

Тем не менее положение Мухаммеда Али в сфере мировых религий занимает ислам. Статистически ислам на втором месте после христианства, но численность его сторонников растет гораздо быстрее. За последний век численность христиан в мире слегка снизилась – с 35 % в 1900 году до 33 % в настоящее время. В Европе многих христиан можно назвать исповедующими эту религию в лучшем случае формально. За тот же период численность приверженцев ислама резко возросла: с 12 % населения мира в 1900 году до 22 % в настоящее

время¹⁷. Согласно Базе данных по мировым религиям, численность сторонников ислама растет на 33 % быстрее численности сторонников христианства главным образом за счет высокой рождаемости в Индонезии, Пакистане, Бангладеш, Индии, Египте, Иране и других странах, где преобладает ислам¹⁸. Так что если в христианском сегменте рынка наблюдается застой, то исламский продолжает рваться вперед с головокружительной скоростью.

Если же отставить цифры, ислам остается лидером по влиянию на современность.

Многие христиане следуют принципу «кесарю кесарево, а Богу Богово», ограничивая свою веру личной сферой. Мусульмане же, напротив, так и не приняли разделения на частное и публичное. Большинство воспринимает ислам как религию и образ жизни.

Ислам определяет то, как верующие одеваются, питаются, вкладывают, тратят и одалживают деньги. Поэтому религиозные обязательства мусульман оказывают значительное влияние на мир, который их окружает.

Ислам и христианство – миссионерские религии, соперничающие в борьбе за новообращенных с тех пор, как в VII веке родился ислам. С начала современной эпохи ислам был на подъеме, в 1453 году завоевал Константинополь и в течение следующих нескольких веков быстро распространялся по Европе и Ближнему Востоку, Северной Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Но в последние несколько столетий, особенно после падения Османской империи в 1918 году, начался подъем христианства – благодаря экономическому, технологическому и военному могуществу колониальных держав Европы и США. В наше постколониальное время мусульмане вновь на марше и в новостных передачах.

Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане

В мире, где от нефти зависит жизнь наших автомобилей, электростанций и во все более значительной степени – наша собственная жизнь, шейхи Саудовской Аравии и других богатых нефтью исламских государств пользуются невероятным влиянием. Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане. И наконец, влияние, которое исламские экстремисты «Аль-Каиды» и других джихадистских организаций оказывают на современную жизнь, не поддается учету. Их действия привели к перераспределению триллионов долларов из государственных бюджетов, преобразили не только наши способы путешествовать и вести войны, но и наши представления о будущем планеты. Словом, ислам – религия, о которой говорят на планете больше, чем о какой-либо другой. Неслучайно журналист Кристофер Хитченс направлял свое острое перо в первую очередь на ислам. «Аллаху Акбар, – говорят правоверные мусульмане. – Бог велик». «Бог вовсе не велик, – возражал Хитченс. – Религия отравляет все»¹⁹.

В настоящее время мусульмане втянуты в исторический диалог о пути, который им следует проложить в современном мире, и не в последнюю очередь об отношениях между мечетью и государством. Этот диалог ни в коей мере не ограничен экстремистами или Ближним Востоком. Он бурно развивается в Индонезии, мусульманское население которой (самое многочисленное в мире) проявляет мало интереса к экстремизму. Он ведется и на Западе, где сильны позиции «прогрессивного ислама». На территории США находится более тысячи мечетей, политики учитывают политическое влияние мусульман в «колеблющихся штатах», таких, как Мичиган, а также в регионе трех штатов – Коннектикута, Нью-Джерси и Нью-Йорка. В Великобритании имя Мухаммад в настоящее время занимает третье место по популярности, его опережают лишь Томас и Гарри, а от него отстают

Джек и Оливер²⁰. Ислам также является наиболее быстро растущей религией в Европе, где численность мусульман за последние тридцать лет увеличилась втрое²¹.

При выборе религий для этой книги и расстановке их по силе современного воздействия я, очевидно, находился под влиянием собственных предубеждений. Но я старался быть беспристрастным. Собирая материал в Иерусалиме, я разговорился с одним пожилым мусульманином. Когда я сказал ему, что пишу книгу о религиях мира, он строго посмотрел на меня, показал в мою сторону пальцем и велел мне быть честным. «Не пишите лжи о религиях», – сказал он. Религиоведы редко бывают честными настолько, чтобы признать это в разговоре, а тем более в публикациях, но все мы знаем, что в каждой религии мира есть то, что ей удастся хорошо, и то, что ей не удастся совсем. Если речь идет о помощи бездомным, скорее всего мы обнаружим, что христианское движение «Общественное Евангелие» гораздо полезнее индуистского представления о кастах. Когда нам надо найти способ успокоить мысли путем физических упражнений, пример индуистских йогов окажется полезнее примера христианских святых.

Однако быть честным – значит следовать традициям религии, писать так, чтобы по прочтении соответствующей главы верующие могли сказать «аминь», и в целом помнить, что пишущий о любой религии задает чьи-то чувства. Проводя исследования для этой книги, я неоднократно сталкивался с тем, что видные теологи индуизма и буддизма обращаются с понятиями «греха» и «спасения души» так, словно они относятся к числу индуистских и буддийских²². Но это христианские понятия, поэтому я не пользовался ими, когда писал об индуизме и буддизме. По тем же причинам я не стал называть мусульманский рай или буддийскую нирвану небесами. Кроме того, я не исходил из предположения, что для индуистов писание играет столь же важную роль, как и для протестантов, или применяется схожим образом. Самые священные индуистские писания – Веды, но едва ли индуистам есть дело до их содержания: как подтвердит почти любой индуист, в этом случае важны звуки и сакральная сила, которую эти звуки передают. Я не считал, как считают многие протестанты, что религии – это прежде всего вера и убеждения. Религию нельзя низводить до уровня «системы убеждений», как нельзя сводить ее к «системе обрядов». Убеждения – неотъемлемая часть большинства религий, но все-таки лишь часть, и в большинстве случаев далеко не самая важная. (Например, можно быть иудеем, не веря в Бога). Поэтому я буду называть протестантов «верующими», а их религию – «верой», но постараюсь реже упоминать о религиозных людях в целом как о «верующих» или о том, что их традиции «основаны на вере».

Христианским мыслителям издавна свойственно полагать, что спасение души – цель всех религий, а затем утверждать, что лишь христиане могут достичь этой цели. Сын методистских миссионеров Хьюстон Смит, выросший в Китае, отрицал это утверждение, но не предпосылки к нему. «Считать спасение монополией какой-либо одной религии, – писал он, – все равно что заявлять, что Бога можно найти лишь в этой комнате, но никак не в соседней»²³. Заявление о том, что и конфуцианцы с буддистами могут спастись, может показаться достойным восхищения проявлением эмпатии. Тем не менее оно в корне ошибочно, так как конфуцианцы или буддисты не стремятся к спасению. Спасение – христианская цель, и когда христиане говорят о нем, то они имеют в виду спасение от греха. Но конфуцианцы и буддисты не верят в грех, поэтому им представляются бессмысленными попытки спастись от него. И хотя мусульмане и иудеи упоминают о грехах, ни в исламе, ни в иудаизме спасение от греха не названо целью. Когда темничный страж спрашивает апостола Павла: «Что мне делать, чтобы спастись?» (Деян 16:30), он задает не общечеловеческий, а специфический христианский вопрос. Поэтому каким бы великодушным ни казалось утверждение, что конфуцианцы, буддисты, мусульмане и иудеи могут быть спасены, на самом деле оно только создает путаницу. К спасению стремятся лишь христиане.

Здесь, пожалуй, будет уместным сравнение со спортом. В каком из следующих видов спорта – в бейсболе, баскетболе, теннисе или гольфе, – можно улучшить счет с помощью пробежек? Конечно, в бейсболе, потому что сам термин «пробежка» отсутствует в баскетболе, теннисе и

гольфе. В каждом виде спорта своя цель: баскетболисты стремятся забросить как можно больше мячей в корзину, теннисисты отыгрывают очки, гольфисты загоняют мяч в лунки. И если задать вопрос, в каком из видов спорта имеют ценность пробежки, бейсбол с самого начала попадает в привилегированное положение. Критиковать баскетбольную команду за то, что ее игроки не набирают очки за счет пробежек – не значит запятнать ее репутацию. Это всего лишь непонимание сути игры в баскетбол. И в этом заключается еще одна проблема с мнимым плюрализмом давнего философского толка: как пробежки являются монополией только одного вида спорта, так и спасение – монополия только одной религии. Если рассматривать грех как причину затруднительного положения человека, а спасение души – как решение, тогда имеет смысл обратиться к Христу. Но проблему это не уладит настолько, как может показаться, поскольку подлинный вопрос заключается не в том, какая из религий наилучшим образом доставит нас в «зону защиты», то есть к спасению, а в том, к которой из многочисленных предлагаемых религиозных целей нам следует стремиться. Стоит ли нам пробиваться к «зоне защиты», то есть к спасению души, или же лучше прорваться к финишной черте социальной гармонии? Надо ли выбирать такую цель, как реинкарнация? Или бегство из замкнутого круга жизни, смерти и перерождения?

Насущные вопросы

Каждый год я объясняю своим старшекурсникам, что для студентов существует два достойных пути. Один из них – предпрофессиональная подготовка, подготовка к карьере, которая обеспечит им еду на столе и крышу над головой. Второй, более личный, – поиск насущных вопросов, достойных того, чтобы задать их, вопросов, ответы на которые нельзя найти ни за семестр, ни в течение всей жизни (и не одной). Как возникает что-либо? Как оно прекращает свое существование? Как происходят изменения? Каким образом что-то остается неизменным? Что такое «я»? Кто или что такое «Бог»? Что происходит, когда мы умираем? С той же предсказуемостью, с какой осень сменяет лето, младшекурсники приносят в аудитории насущные вопросы такого рода. И с той же предсказуемостью многие преподаватели пытаются направить внимание студентов на вопросы попроще, которые можно охватить за одну часовую лекцию, задать на выпускном экзамене и ответить на нем же. Но студенты правы: по крайней мере, в данном случае «сложнее» значит «лучше».

Прежде чем я начал признаваться, что запутался в религиозных вопросах, мне казалось, что на самые насущные из них я знаю ответы. Теперь же мне известно, что я не знаю даже, как правильно сформулировать сами вопросы. Мухаммаду приписывают изречение «верно заданные вопросы – половина учения», и если оно справедливо, значит, я был в лучшем случае недоумком²⁴. Сегодня я пытаюсь следовать совету немецкого поэта Райнера Марии Рильке и «любить сами вопросы», не в последнюю очередь – заданные американским мистиком Уолтом Уитменом:

...поведай о том, что видел,
Что врезалось в память тебе. Какие битвы,
Победы и поражения, осады навек ты запомнил?²⁵

(Пер. М. Зенкевича)

Существуют всевозможные причины для попыток повысить свою религиозную грамотность. Одна из них – гражданская. Невозможно понять город, страну или мир, не принимая во внимание колоссальное влияние религии, какую бы направленность оно ни имело. Есть также личные причины культивировать религиозную грамотность, в том числе тот факт, что изучение мировых религий дает возможность вступить в увлекательный, продолжающийся тысячелетиями диалог о рождении и смерти, вере и сомнении, осмысленности и путанице. Американский философ Ричард Рорти называл религию «стопором для разговоров», и действительно, кому не случалось постучаться в эту дверь и увидеть, как разговор упирается в

незыблемые утесы догматов?²⁶ Но вместе с тем религия служит и завязкой для разговоров. Мы, люди, задаем вопросы. Мы хотим знать, почему. От этого зависит наше счастье (и, конечно, наши беды). Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой, Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы, значит с любопытством и трепетом обратиться к целому миру проблем, значит переходить, как при любом разговоре, от темы к теме, от вопроса к вопросу. Зачем мы здесь? Куда мы движемся? Как живем? Есть ли Бог? А зло? А мы?

Когда меня спрашивают, как я стал преподавателем религиоведения (а это и вправду необычная профессия), обычно я отвечаю, что узнал о религиоведении как раз в то время, когда утрачивал христианскую веру своей юности, и что эта наука дала мне возможность заниматься религиозными вопросами, по-прежнему увлекавшими меня, не претендуя на то, что хоть какие-то ответы будут даны в ближайшее время. Когда же, перефразируя Блаженного Августина, я стал «вопросом для себя», то обратился и к другим, еще более насущным вопросам, так и начался мой непрекращающийся диалог с великими религиями²⁷.

Одно из самых распространенных заблуждений, касающихся мировых религий, заключается в том, что они якобы проникают на одинаковые глубины, задаются одними и теми же вопросами. Это не так. Только те религии, которые считают Бога благом, спрашивают, как добрый Бог допустил гибель миллионов людей во время цунами. Только религии, для которых характерна вера в существование души, спрашивают, существует ли душа до рождения человека и что происходит с душой после его смерти. И только религии, считающие, что у нас на всех одна душа, спрашивают о «душе» в единственном числе. Но все религии задаются вопросами о положении и состоянии человека. Вот мы, существующие в человеческом теле. Что теперь? Что дальше? Какими мы должны стать?

Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой, Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы

В этой книге исследуются разные ответы, предлагаемые каждой из мировых религий на вопросы, которыми она задается. Цель книги – показать, как жизнь исповедующих ту или иную религию соответствует самым насущным из этих вопросов, и подсказать, как могла бы наша жизнь соответствовать этим вопросам, не в последнюю очередь обманчиво простому и при этом сложному: как стать человеком.

Глава 1

Ислам: путь подчинения

Намаз (с. 40) Пять столпов веры (с. 43) • Джихад (с. 46) • Аллах (с. 48) • Мухаммад (с. 50) • Коран (с. 53) • Шариат (с. 61) • Сунниты и шииты (с. 63) • Исламизм (с. 65) • Прогрессивные и умеренные мусульмане (с. 67) • Суфизм в трезвости и во хмелю (с. 70)

Большинство европейцев и североамериканцев никогда не встречались с мусульманами, поэтому для них ислам начинается в воображении, а конкретно – в том уголке воображения, где гнездится страх. Они смотрят на ислам сквозь завесу, брошенную им на глаза много веков назад христианами-крестоносцами, стремившимися осудить ислам как религию насилия, ее основателя Мухаммада – как воина, а священную книгу Коран – как текст гнева. Буддизм ассоциируется с Далай-ламой и Нобелевской премией мира, которой он был удостоен, а ислам – с Усамой бен Ладеном и его боевым оружием. Ислам – это пакистанские женщины, пленницы черной паранджи, лидеры «Талибана», взрывающие в Афганистане древние статуи Будды, саудовские террористы, угоняющие самолеты и уничтожающие тысячи ни в чем не повинных людей во славу Бога и его девственников.

На протяжении веков ислам периодически становился навязчивой идеей Запада и не только в

воображении. Мусульмане отняли у христиан Иерусалим в 637 году н. э., крестоносцы вновь завоевали его в 1099 году, Саладин захватил во славу ислама в 1187 году, а британцы вернули христианскому миру в 1917 году. Но в современное западное сознание ислам ворвался с возвышением аятоллы Хомейни во время исламской революции в Иране 1979 года и с захватом в Тегеране 52 сотрудников дипломатической службы США, которых продержали в плену 444 дня и освободили в 1981 году. После 11 сентября жаркие споры об исламе ведутся повсюду в мире. Какую роль сыграла исламская религиозность, как мотивировала террористов угнать четыре самолета и уничтожить почти три тысячи человек? Действительно ли ислам – религия террора? Участвуют ли христианство и ислам в настоящее время в конфликте цивилизаций? Или же мусульмане мирно сосуществуют с иудеями и христианами как отпрыски одной тройственной семьи религий?

Наше отношение к исламу определяется нашим коллективным невежеством. Мы не в состоянии считаться с этой религией потому, что почти ничего о ней не знаем

К сожалению, этот животрепещущий разговор редко выходит за рамки переброски, словно мячиком для пинг-понга, всем известными клише, разговор, в котором одна сторона утверждает, что ислам – религия мира, а другая – что ислам является религией войны. Одна сторона игнорирует отрывки из Корана и исламские традиции, с помощью которых оправдывали войны против «неверных» (неверующих), в то время как другая игнорирует существующий в исламе запрет на убийство женщин, детей, гражданского населения и собратьев-мусульман (сотни которых погибли в башнях-близнецах 11 сентября). Причина этого игнорирования – наше коллективное невежество. Мы не в состоянии считаться с исламом потому, что почти ничего о нем не знаем. Тем не менее, когда моих соотечественников просили охарактеризовать ислам одним словом, их коллективное воображение неизменно рождало такие определения, как «фанатизм», «радикализм», «строгость», «насилие» и «терроризм»¹. В Германии, Испании и Великобритании большинство населения убеждено, что попытки быть набожным мусульманином и жить в современном обществе неизбежно сопровождаются фундаментальным конфликтом².

После 11 сентября была предпринята поспешная попытка переосмыслить иудео-христианскую традицию как иудео-христианско-мусульманскую. У ислама действительно много общего с его предшественниками. Иудеи, христиане и мусульмане – «люди Писания», верующие в единого Бога, который обращается к своему народу посредством пророков. Само выражение «люди Писания» заимствовано из ислама (Ахль аль-Китаб), где им названы иудеи и христиане как братья и сестры в Аллахе. У священных писаний этих трех великих религий насчитывается много общих ключевых концепций. Чаще всего упоминаемые атрибуты мусульманской веры – вера в единого Бога, ангелы, писание, пророки, Судный день, судьба – характерны также для иудаизма и христианства. Иудейская Библия, христианская Библия и Коран объединены также патриархом Авраамом, который, согласно всем трем традициям, является основателем монотеизма.

Однако отношения между отпрысками в этом авраамическом семействе в лучшем случае неблагоприятны. В одном из канонических эпизодов своей жизни, в «ночном переносе» (или «ночном путешествии») из Мекки в Иерусалим, Мухаммад, по его утверждению, молился вместе с Авраамом, Моисеем и Иисусом. Но способны ли иудеи, христиане и мусульмане уживаться подобным образом? Или они обречены быть заклятыми врагами в кровопролитном конфликте цивилизаций? После 11 сентября президент Джордж Буш и британский премьер-министр Тони Блэр неоднократно называли ислам религией мира, но представитель христианского возрождения Фрэнклин Грэм утверждал, что ислам – «чрезвычайно злая и порочная религия», а телепроповедник Джерри Фолуэлл осуждал Мухаммада как «террориста»³. Мусульманские общины мира отреагировали на события 11 сентября, осуждая эти преступления как антиисламские, подчеркивали общность мусульман с иудеями и христианами, хотя исламские джихадисты заявляли, что иудеи и христиане – неверующие,

заслуживающие смерти в этой жизни и вечных мук в следующей.

События 11 сентября 2001 года свели разговоры об исламе к вопросам войны и террора. Но при любом обсуждении ислама следует помнить, что слово «ислам» родственно другому – «салям», то есть «мир». Мусульмане приветствуют друг друга словами «ассаламу алейкум» («мир вам») и отвечают на это приветствие «ва-алейкум ас-салям» («и вам мир»). Однако слово «ислам» означает «подчинение», «капитуляция». Следовательно, ислам – путь подчинения, а мусульмане – «подчиняющиеся», которые стремятся к миру в этой и в следующей жизни, веря себя единственному истинному Богу. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что они падают ниц во время молитвы. «Ты падаешь ниц, или тебе не дает гордыня?» – спрашивает эта традиция. «Масджид», арабское название мечети, дословно означает «место преклонения». У тех, кто верен этому обычаю, появляются на лбу отметины, названные в Коране «следами от земных поклонов» (48:29)⁴.

Намаз

Пять раз в день, 365 дней в году, на протяжении *более* чем тысячи лет мусульмане внимают призыву на молитву, исходящему от мечетей и минаретов в больших и малых городах планеты. Этот призыв, азан, почти всегда звучит на арабском языке, так как, по мнению мусульман, именно на арабском Бог даровал свое последнее откровение, Коран, своему последнему пророку, Мухаммаду. В разных странах мусульманского мира азан слегка варьируется, в том числе и в течение дня. К примеру, до зари в нем звучит напоминание о том, что «молитва лучше сна». Вот азан в наиболее общем виде:

Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха
Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха
Свидетельствую также, что Мухаммад – посланник Аллаха
Свидетельствую также, что Мухаммад – посланник Аллаха
Спешите на молитву
Спешите на молитву
Спешите к процветанию^[1]¹

Эту фразу в русскоязычных источниках часто переводят как «спешите к спасению». – *Прим. пер.*

[\[Закреть\]](#)

Спешите к процветанию
Аллах Превелик
Аллах Превелик
Нет Божества, кроме Аллаха

Свыше миллиарда человек, примерно одна пятая часть населения Земли, считают себя мусульманами, по численности приверженцев ислам уступает только христианству. Как и христианство, ислам обычно относят к западным религиям, он преобладает в таких ближневосточных странах, как Иран, Ирак и Афганистан. Однако большинство мусульман мира живет в Азии. В Индонезии больше мусульман (примерно 178 миллионов), чем в любой другой стране, в три раза больше, чем в

Саудовской Аравии, Афганистане и Ираке вместе взятых. Следующие за Индонезией места занимают еще три азиатские страны: Индия, Пакистан и Бангладеш. Из десяти стран с

наибольшей долей мусульманского населения лишь две, Египет и Иран, относятся именно к Ближнему Востоку. Три (Нигерия, Алжир и Марокко) – африканские (как и Египет, разумеется). Оставшаяся страна, Турция, частично расположена в Азии, на Ближнем Востоке, и в Европе⁵. В центральноазиатских государствах – Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане (Киргизии) мусульмане составляют большинство. В Европе к странам с мусульманским большинством относятся Албания, Босния-Герцеговина и Косово и, кроме того, небольшие, но быстро растущие мусульманские общины есть повсюду в Европе и Северной Америке.

По некоторым оценкам, почти 20 % людей, которых ввозили в США в качестве рабов, были мусульманами, но ислам впервые стал заметным в стране благодаря организации «Нация ислама» (NOI), которая завербовала и политического активиста Малькольма Икса, и боксера Мухаммеда Али, добившись нетрадиционного сочетания негритянского национализма и ислама. После того, как в 1975 году умер Элайджа Мухаммад, возглавивший «Нацию ислама» после таинственного исчезновения ее основателя Уоллеса Д. Фарда в 1934 году, организация продолжала существовать во главе с сыном последнего, У.Д. Мухаммадом, двигаясь в сторону суннитского ислама основного направления. После того, как У.Д. Мухаммад распустил NOI, Луис Фаррахан воссоздал ее, тем не менее сегодня подавляющее большинство афроамериканских мусульман в США – представители суннизма основного направления, а не члены «Нации ислама».

Стремительный рост исламских общин в Европе вызвал ряд споров, касающихся свободы слова и обязательного ношения хиджаба мусульманками. Если во Франции хиджаб в государственных учебных заведениях запретили по причине отделения церкви от государства, в Швеции его разрешили носить во имя свободы вероисповедания. Между тем отношения мусульман и немусульман становятся напряженными во многих европейских странах. Недавнее исследование показало, что большинство взрослого населения Нидерландов отрицательно относится к исламу. Согласно другому исследованию, большинство мусульман в Германии убеждены, что европейцы враждебно относятся к ним. Тем временем значительная часть мусульман и немусульман сообщает, что отношения между мусульманами и жителями Запада «в целом плохие»⁶.

Ислам представлен также в американской и европейской поп-культуре. Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе – вспомните «Кундун» и «Семь лет в Тибете», – то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней». Есть и положительные персонажи – шериф Али Омара Шарифа в «Лоуренсе Аравийском» и Азим Морган Фримена в фильме «Робин Гуд: принц воров» – но в боевиках мусульман обычно изображают людьми, которые только совершают намаз и убивают, не обязательно в таком порядке⁷.

Я никогда не слышал азан в кинофильмах, зато слышал, как он звучит на четырех континентах. Но нигде он не удивлял меня так, как в Иерусалиме, где, как мне показалось, он звучит повсюду. Я слышал его, стоя у Стены Плача (Западной Стены). Я слышал его, находясь в храме Гроба Господня. Я слышал его, входя через Дамасские ворота в мусульманский квартал Старого города. И каждый раз я вспоминал, насколько близки западные монотеистические религии в одном из самых оспариваемых городов, как отчетливо и постоянно они слышат друг друга, и в какой степени ислам – религия, которую на протяжении веков распространяли устно, речами и звуками.

Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе, то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней»

На азан, который в наши дни передают по телевидению и интернету, мусульмане реагируют всевозможными способами. Одни игнорируют его. Другие следуют призыву под настроение. Но тот, кто соблюдает обряды, бросает готовить пищу, вести машину и посвящает

молитве время на рассвете, в полдень, в послеполуденное время, на закате и ночью. Готовясь к намазу, эти люди совершают омовение, очищаются от жизненной скверны, поворачиваются лицом к Мекке – священному городу ислама, склоняют головы, говорят о своем намерении совершить молитву и обещают молиться именем Аллаха и только его одного. После этого они начинают наполнять воздух священными звуками.

Древний танец молитвы мусульмане исполняют всем телом: встают, кланяются, простираются ниц, садятся. Их ладони перемещаются сначала за уши, потом к торсу. Они наклоняются вперед от пояса, положив руки на колени и держа спину прямо. Потом снова встают. Они простираются в позе полного и абсолютного подчинения Аллаху, касаются земли коленями, ладонями, лбами и носами. Намаз продолжается, они чередуют позы сидя и простершись ниц на полу.

Нельзя продолжать эту молитву, сколько вздумается, фамиллярно и неофициально болтая с Богом, как делают евангелические протестанты. Мусульмане, разумеется, могут обращаться к Аллаху по своим причинам, своими словами и на родных языках. Но пять ежедневных молитв, саят (произносимых вслух на рассвете, на закате и ночью, а также мысленно в полдень и после полудня), они повторяют на арабском именно так, как повторяли веками, начиная со слов «Аллаху Акбар» – «Бог велик». После этого поклоняющиеся говорят о благословенности и возвышенности Аллаха над всеми. Мухаммада называют его пророком и вестником, просят мира «праведным слугам Аллаха», воздают хвалу ангелам. Они просят Аллаха благословить «Мухаммада и народ Мухаммада», как Бог благословил «Авраама и народ Авраама».

После этого мусульмане читают самую распространенную из молитв ислама, мусульманский аналог «Отче наш», взятую из первой и наиболее известной суры, или главы, Корана, названной «Аль-Фатиха» («Открывающая Коран»):

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!
Хвала Аллаху, Господу миров,
Милостивому, Милосердному,
Властелину Дня воздаяния!
Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи.
Веди нас прямым путем,
путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех,
на кого пал гнев, и не заблудших. (1:1–7)

Пять столпов веры

В Женеве XVI века протестантский богослов Жан Кальвин сплел сложную теологическую паутину на двух простых нитях: абсолютном всевластии Бога и греховности человека. Подобно кальвинистам, мусульмане прилагают все старания, чтобы не смешивать Творца с сотворенными. Прославляя преклонение человека перед Аллахом, во многих случаях они называют себя «рабами» Всемогущего. Но в отличие от Кальвина, мусульмане не верят в первородный грех. От рождения каждый человек тянется к Богу и к благу. Поэтому к вопросу греха ислам не обращается. Не видит он и какой-либо необходимости в спасении от греха. В исламе проблемой считается самонадеянность, надменная уверенность в том, что можно обойтись и без Бога – единственного, кто самодостаточен. «Идол твоего «я», – пишет суфийский мистик Руми, – мать (всех) идолов»⁸. Замените этого идола подчинением Аллаху, и получите цель ислама: душу, «обретшую покой» (89:27) в этой жизни и в следующей, в раю.

Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания

Коран неоднократно утверждает, что путь в рай вымощен верой и трудом – «тем, которые уверовали и совершали праведные деяния, уготованы Райские сады... великое преуспеяние»

(85:11), однако ислам тяготеет к иудаизму и отдаляется от христианства, делая акцент на ортопраксии (верных действиях), а не на ортодоксии (верном учении). В данном случае метод, способный увести от самонадеянности в рай – «исповедуйте религию» (42:13). Вновь и вновь Коран говорит о «верующих» и «неверующих», словно вера и есть ключ от рая, тем не менее эти две группы различаются действиями: «Которые совершают намаз и расходуют из того, чем Мы их наделили, они являются истинно верующими» (8:3–4). Разумеется, ислам – «путь знания», эта тема десятки раз упоминается в Коране⁹. В нем есть фрагменты, которые как будто бы ставят веру превыше практических аспектов ее исповедания. «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали свои лица на восток и запад, – гласит один из них. – Но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Последний день, в ангелов, в Писание, в пророков...» Однако после этого плавного, но краткого перехода к ортодоксии даже этот отрывок заканчивается обращением непосредственно к практическим моментам: «...кто раздавал имущество, несмотря на свою любовь к нему, родственникам, сиротам, бедным, путникам и просящим, расходовал его на освобождение рабов, совершал намаз, выплачивал закят» (2:177). Словом, Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания. Да, есть единственный Бог, но верить в него легко, поскольку небо и земля непрестанно воспевают ему хвалу. Труднее подчиниться Богу. «Бедуины сказали: «Мы уверовали», – гласит Коран. – Скажи: «Вы не уверовали. Посему говорите: «Мы покорились» (49:14).

В Европе и Северной Америке поклонники духовных исканий тратят много времени и сил на поиск практик, подходящих специально для их уникальной личности. Одних привлекает йога или медитация, других – тайцзицюань или песнопения. А в исламе основная практика – так называемые «пять столпов»¹⁰. Это метафора архитектурного характера, она ассоциируется со зданием, имеющим опоры по всем четырем углам и в центре.

Центральный столп, поддерживающий это сооружение, – шахада: «Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Аллаха». Это провозглашение веры повторяется в призыве на молитву и в самих ежедневных пяти молитвах. Для того чтобы стать мусульманином, достаточно свидетельствовать приверженность этому кредо, провозгласив вслух обе его истины с пониманием и намерением, в идеале – в присутствии свидетелей.

Четыре столпа, поддерживающих углы данного здания, – саят (молитва), закят (пожертвование), саум (пост) и хадж (паломничество). Каждый день мусульмане пять раз прерывают работу, чтобы помолиться, повернувшись в направлении Мекки. Они прекращают все дела, чтобы восславить Аллаха в мечети, дома, на рабочем месте. И у стоянок такси в лондонском аэропорту Хитроу, и в офисных зданиях в Дубай можно увидеть, как мусульмане расстилают молитвенные коврики.

Для того чтобы стать мусульманином, достаточно вслух произнести шахаду

Кроме того, мусульмане обязаны делать пожертвования в пользу неимущих. В отличие от десятины, христианских пожертвований церкви, размер которых составляет 10 % доходов, размер закята зависит от имущества, и взимают его в пользу бедных. Как правило, мусульмане должны отдавать 2,5 % стоимости большинства видов имущества (за исключением личного – домов, машин и одежды), если оно превышает прожиточный минимум – нисаб.

Саум мусульмане соблюдают в месяц Рамадан, воздерживаясь от еды, питья, курения и секса с рассвета до заката. Это время должно быть посвящено чтению и слушанию Корана. Рамадан, знаменующий ниспослание Мухаммаду откровения, приходится на девятый месяц мусульманского года, но поскольку мусульмане пользуются не солнечным, а лунным календарем, даты Рамадана смещаются относительно григорианского календаря, которым пользуются на Западе.

Рамадан завершается праздником окончания поста Ид аль-Фитр (Ура-за-байрам), когда родственники собираются вместе, чтобы отведать угощение, помолиться, обменяться подарками. При Клинтоне в Белом доме организовали в 1996 году празднование Ид аль-Фитра, а первая в США почтовая марка с исламской тематикой, выпущенная всего за несколько дней до 11 сентября 2001 года, запечатлела и этот праздник, и Ид аль-Адха (Курбан-байрам) – празднование в честь готовности Ибрахима (для христиан и иудеев – Авраама) принести в жертву своего сына Исмаила (в христианских и иудейских писаниях – Исаака).

И наконец, при наличии физических и финансовых возможностей каждый мусульманин обязан раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Хадж, который происходит каждый год в последние десять дней двенадцатого лунного месяца, доступен только мусульманам, которые после исполнения этой обязанности могут присовокупить к своему имени почетное дополнение «хаджи» («аль-хадж»). Хадж и прославляет, и скрепляет единство мусульман, – единство, которое символизирует одинаковая белая одежда, предназначенная для этого паломничества. Наиболее известный и чаще прочих появляющийся на фотографиях момент хаджа – молитва в святынище Каабы, главной святыни мусульманского мира. В каждой мечети есть михраб – ниша, которая указывает верующим, в какой стороне находится Мекка. В самой же Мекке все михрабы ориентированы на святынище Каабы. Мусульмане верят, что это святынище, содержащее черный камень, по-видимому, метеорит, было возведено Адамом и перестроено Авраамом. Его осквернили политеисты, правившие Меккой во времена юности Мухаммада. Но после того, как в 630 году н. э. Мухаммад и его последователи заняли Мекку, святынище было вновь освящено и предназначено для единственного истинного Бога¹¹.

Джихад

Среди терминов, относящихся к мировым религиям, нет более спорного и неоднозначного, нежели джихад. Буквально слово «джихад» означает «борьба», и мусульмане традиционно относят его к двум видам борьбы: к духовной борьбе против гордыни и самонадеянности и к физической борьбе против «дома войны», а именно – против врагов ислама. Вторая разновидность этой борьбы подразумевает разнообразие тактики, в том числе проповедование, наставление, стремление к социальной справедливости. И также может означать войну.

Обращение к отрывкам Корана, которыми экстремисты оправдывают свои преступления, становится настоящим испытанием для мусульман

Некоторые апологеты ислама пытались приуменьшить значение джихада и отделить ислам от исламских экстремистов, утверждая, что из двух видов борьбы высшей является борьба духовная. Один мусульманский коммерсант, с которым я познакомился в Иерусалиме, развил эту мысль, заявив, что джихад не имеет абсолютно никакого отношения к войне, потому что джихад – не что иное как личное стремление быть хорошим. «Уважительное отношение – это джихад, – объяснял он, – а мошенничество – не джихад». В Коране, добавлял он, война вообще не упоминается.

На самом деле в Коране есть упоминания о войне, притом неоднократные.

В одном фрагменте Коран предписывает мусульманам «сражаться», «убивать» и «изгонять» в двух соседних фразах (2:190–191), а чуть дальше утверждает, что сражаться мусульманам «предписано... хотя это вам неприятно» (2:216). Вопрос о том, что лучше для религиозного текста – в целом игнорировать войну (по примеру христианского Нового Завета) или старательно регулировать ее (по примеру Корана) – остается открытым, однако важность темы сражений и убийств в Коране и мусульманском законе бесспорна. Так что если и некорректно переводить слово «джихад» как «священная война», общий смысл этой борьбы и в Коране, и в современной деятельности мусульман остается и духовным, и воинственным.

Нешуточной задачей для приверженцев любой религии становятся борьба с элементами их традиции, с помощью которых оправдывались злодеяния, и закрепление ассоциаций между этими элементами и благом. Многие христиане пренебрегают новозаветными отрывками, где в смерти Иисуса обвиняют иудеев. Но поскольку некоторые христиане обращаются к тем же отрывкам, чтобы оправдать ненависть по отношению к иудеям, гонения на них и убийства, возникает необходимость осторожно обращаться с этими словами, лишая их антисемитских коннотаций. Так и для мусульман испытанием становится обращение к отрывкам Корана, которыми экстремисты ранее оправдывали неправомерные убийства. Это испытание пытаются выдержать многие мусульмане. Террористам-смертникам они напоминают, что Коран однозначно осуждает самоубийство – «не убивайте самих себя» (4:29) и грозит адом тем, кто ослушается. Тем, кто убивает женщин и детей, указывают, что Коран осуждает массовые убийства (5:32) и настаивает на соразмерности действий (2:194). С VII века исламский закон активно и решительно встает на защиту прав гражданского населения¹².

Согласно недавним исследованиям, большинство мусульман Нигерии, Ливана и Турции отказываются признавать законность действий террористов-смертников, даже когда они действуют в защиту ислама. Увы, во всех этих странах существенное меньшинство (42 % в Нигерии, 34 % в Ливане и 16 % в Турции) убеждено, что теракты, совершенные смертниками, оправданны. На Палестинских территориях 70 % мусульман считают, что действия террористов-смертников соответствуют критериям законности и справедливости¹³.

Отмечая, как акцентируют внимание на джихаде исламские экстремисты и западные неоконсерваторы, можно подумать, что это одно из основных понятий ислама. Отнюдь. Как свидетельствует шахада, три ключевых слова исламской традиции – Аллах, Мухаммад, Коран. Чтобы увидеть мир таким, каким воспринимают его мусульмане, надо взглянуть на него через эти три призмы.

Аллах

«Аллах» – по-арабски «Бог», следовательно, арабоязычные мусульмане, равно как и арабоязычные христиане, называют бога Аллахом, что буквально означает «Бог» («аль-илях»). Определенный артикль «аль» указывает, что Бог один, и мусульмане подчеркивают его единственность словом «таухид» – «единобожие». Разумеется, и христиане монотеисты, но их монотеизм можно назвать «облегченным», поскольку единственный Бог предстает как Троица: Отец, Сын и Святой Дух. Исламский монотеизм строже. Подобно иудеям, мусульмане отвергают индуистскую и христианскую идею воплощения Бога в человеческом теле. Кроме того, мусульмане поддерживают иудеев в отказе от визуальных образов Бога на земле на том основании, что такие образы, которым не под силу запечатлеть божественную реальность, побуждают нас к идолопоклонничеству. Для мусульман Бог абсолютно и всецело

трансцендентен, он выходит за рамки всех представлений человека о нем. Поэтому если в западном искусстве до недавнего времени преобладал образ Христа, то центром исламского искусства оставалась каллиграфия, в частности, изображение арабских букв Корана.

Мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского, ни женского пола

Имен Бога в Коране – легион. В Бисмилла (Басмала), фразе, которой начинаются все суры Корана, кроме одной (девятой), Аллах назван Милостивым и Милосердным. Повсюду в Коране Аллаха называют Прощающим, Великодушным, Любящим, Всесильным, Вечным,

Сведущим, Карающим и Справедливым. В одном отрывке говорится, что он – «Властелин, Святой, Пречистый, Оберегающий, Хранитель, Могуущественный, Могучий, Гордый» (59:23). Мухаммад неоднократно повторял, что у Аллаха девяносто девять имен. Некоторые мусульманские мыслители делят этот список на фемининные «джалаль» (имена красоты) и

маскулинные «джамаль» (имена величия). Но в отличие от многих христиан, относящих Бога к мужскому полу, мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского, ни женского пола.

При таком акценте, которого удостоивается таухид, неудивительно, что самой чудовищной ошибкой с мусульманской точки зрения оказывается ширк. Это слово, которое зачастую переводят как «идолопоклонничество», относится к любым верованиям и обрядам, не принимающим во внимание единство и уникальность Бога. Многобожие – это ширк, как и уподобление Бога чему-либо, что не является Богом. Ширк – это беспокойство в первую очередь о деньгах, власти, народе. Мнения мусульман расходятся: одни считают, что вера в христианскую Троицу – ширк, другие – что это менее тяжкое проявление куфра (неверия), но в любом случае ее следует избегать. В исламе Иисуса чтят как пророка; каллиграфические надписи Купола Скалы в Иерусалиме содержат все коранические фрагменты, в которых упоминается Иисус. Но мусульмане настаивают на том, что он не был ни Спасителем, ни Сыном Божьим. В сущности, цель надписей Купола Скалы – утвердить истинность таухида над ошибочностью Троицы. «Нет бога, кроме Бога. Он един. У него нет сопровождающих», – утверждают эти надписи и добавляют, что поскольку у Аллаха нет ни спутников, ни детей, нам не следует называть его Троицей. Или, как наставляет Коран, «Скажи: «Он – Бог Единый, Бог Самодостаточный. Он не родил и не был рожден, и нет никого равного Ему» (112:1–4).

Мухаммад

В книге «100 самых влиятельных личностей в истории» первое место досталось Мухаммаду (570–632 годы н. э.)¹⁴. Это небесспорный выбор. У христианства почти вдвое больше приверженцев, чем у ислама, однако Мухаммад опередил Иисуса, занявшего второе место. Как это могло случиться?

Во-первых, Мухаммад сделал для ислама больше, чем Иисус – для христианства. Иисус был великим религиозным учителем, но предоставил Павлу (занявшему шестое место) основать и укоренить христианство, распространить учения Иисуса. Если Иисус и писал что-нибудь, его письменное наследие не сохранилось, в то время как Павлу приписывают авторство почти половины книг Нового Завета. В исключительно религиозном отношении Мухаммад выполнил работу и Иисуса, и апостола Павла вместе взятых. Во-первых, он был и харизматичным, и административным лидером. Он основал ислам, и хотя мусульмане считают, что Коран он не писал, именно он был пророком, посредством которого это откровение пришло в мир. Современные мусульмане воспринимают Мухаммада как образец для подражания. Хадисы, священное собрание его высказываний и описаний поступков, по авторитетности уступающее только Корану, давно легло в основу исламского закона (шариата). В тех случаях, когда христиане спрашивают: «Как поступил бы Иисус?», мусульмане задаются вопросом: «Как поступил бы Мухаммад?»

Во-вторых, Мухаммад также был выдающимся политическим и военным деятелем, законодателем, дипломатом и военачальником. В отличие от Иисуса, который ни разу не был женат, и Будды, который оставил свою жену, Мухаммад осуществлял всю свою деятельность, поддерживая обширные связи семьи, в которой к моменту его смерти было девять жен. Мухаммад стал единственным человеком, добившимся такого сочетания духовного и мирского успеха. Как пишет один восхищенный поклонник-мусульманин, «он был религиозным учителем, социальным реформатором, нравственным наставником, политическим мыслителем, военным гением, административным титаном, преданным другом, прекрасным компаньоном, верным мужем, любящим отцом в одном лице»¹⁵. Очевидно, это речи верующего человека, но даже сторонние наблюдатели видели, что Мухаммад был носителем как новой религии, так и нового политического и экономического порядка.

В исключительно религиозном отношении Мухаммад выполнил работу и Иисуса, и апостола Павла вместе взятых

Если Иисус отвергал меч, то Мухаммад возглавлял армии. Иисус сторонился политики, а Мухаммад правил обширной империей, к моменту его смерти занимавшей большую часть Аравийского полуострова. Более того, священные писания, принесенные в мир Мухаммадом, охватывали более широкий круг вопросов, чем вдохновленный Христом Новый Завет. Обращаясь к социальным вопросам в той же мере, что и к духовным, Коран говорит о молитве и провидении, браке и разводе, кормлении грудью и менструации, одалживании денег и законе.

Ввиду невиданных достижений Мухаммада неудивительно, что некоторые мусульмане называют свою религию «магометанством» (от ранее принятой формы записи имени пророка – Магомет). Но в этом случае они заходят слишком далеко. Если христиане поклоняются Иисусу как Богу, то мусульмане неизменно повторяют, что Мухаммад был всего лишь человеком. В исламе только один Аллах, человеческого облика он не принимает.

Как отмечал религиовед Уилфред Кантуэлл Смит, наиболее близкий к Иисусу аналог в исламе – не Мухаммад, а Коран. Для христиан даром Божиим, посланным в мир, является Иисус в человеческом облике. Для мусульман таким даром является Коран, выраженный арабским языком. Так что Мухаммад, которого традиция считает не знавшим грамоты, подобен скорее Деве Марии, чем ее сыну. Если Слово Божие в облике Иисуса пришло в мир через чистый сосуд – непорочную Деву, то Слово Божие в облике Корана пришло в мир через иной чистый сосуд – мужчину, который никогда ничего не читал и не писал. Следовательно, чтение Корана подобно христианской Евхаристии. Таким образом принимаешь божественное в себя¹⁶.

Родившийся в Мекке и осиротевший еще в детстве Мухаммад был уже сорокалетним купцом, женатым на Хадидже, женщине старше его,

когда Бог впервые явился ему в пещере Хира на горе неподалеку от Мекки. В этом месте, куда Мухаммад удалялся для молитв и размышлений, ангел Джабраил (Джибрил) нарушил его идиллию повелением: «Читай!» Мухаммад пришел в ужас. Но читать все-таки начал, и эти откровения продолжались с 610 года почти до его смерти в 632 году.

Но летоисчисление в исламе ведется не от этих чтений, а от даты образования мусульманской общины в 622 году. В этом году Мухаммад и его первые последователи бежали из Мекки, где его критику местных политеистических традиций встретили насмешками, в Ясриб, ныне известный как Медина. Там беглецы создали первое мусульманское сообщество – умма. Сегодня это переселение, называемое Хиджрой, служит началом отсчета в мусульманском календаре, в котором годы исламского периода обозначаются сокращенно «г. Х.», то есть «год Хиджры».

Наиболее близкий к Иисусу аналог в исламе – не Мухаммад, а Коран. Для христиан даром Божиим, посланным в мир, является Иисус в человеческом облике. Для мусульман таким даром является Коран

После смерти Мухаммада в 632 году н. э. (или 10 году Хиджры) споры о том, кто станет его преемником, вызвали раскол ислама на два основных направления – суннизм и шиизм. Однако к концу VII века молодая религия получила поразительное распространение: на восток по оставшейся части Аравийского полуострова, на запад в Египет и до самого Триполи, на север до Иерусалима, на территории современных Ирана, Ирака и Афганистана. К 750 году, когда майя еще строили Чичен-Ицу, мусульмане продвинулись по Северной Африке, достигли современных Испании и Португалии, распространили свое влияние до Аральского моря и Самарканда – города на Великом шелковом пути. На заре современной эпохи, в XVI веке, три выдающиеся династии возвели ислам на вершину его величия: Османская с центром в Стамбуле, охватывающая священные земли от Мекки, Медины и Иерусалима до Египта, Северной Африки, Ирака и юго-востока Европы; Сефевиды в современном Иране; и Моголы,

правившие современной Индией. Эта эпоха мирового господства закончилась с возвышением Британской империи в XIX веке и распадом Османской империи в 1918 году. Мир и по сей день носит заметный отпечаток этих исторических изменений.

Коран

Распространяясь и приобретая характер глобальной религии, ислам по-прежнему был связан корнями с арабской культурой, со священными городами Меккой, Мединой и Иерусалимом и с арабским языком Корана. Если отношение христиан к авторитетности Библии варьируется чрезвычайно широко, то практически неизменным для мусульманской веры остается догмат, согласно которому Коран – совершенное, ничем не искаженное и не подлежащее переводу слово Бога. Оно записано не Мухаммадом, а Аллахом, который передал свои слова ангелу, тот поведал их Мухаммаду, а тот, в свою очередь, прочел их спутникам (а не записал их собственноручно). Если есть желание узнать изречения Бога – вот они, записанные слово в слово. Следовательно, Коран – священное писание только на арабском языке (в отличие от христианского мира, переводы Корана в счет не идут).

Слово «Коран» означает «чтение вслух» или «назидание»; первыми словами, явленными Мухаммаду, были следующие: «Читай во имя твоего Господа, Который сотворил все сущее, сотворил человека из сгустка крови» (96:1–2)¹⁷. Так что в отличие от «Книги Мормона» (переписанной, как принято считать, с золотых листов или табличек), это писание изначально было устным и появилось в письменном виде лишь спустя долгое время после смерти Мухаммада. Сегодня Коран, конечно, представляет собой книгу. Но лишь около 20 % мусульман всего мира способны читать его по-арабски, и даже для них Коран, подобно Ведам для индуистов, – скорее звучание, нежели смысл. Поэтому, как и во времена Мухаммада, Коран чаще читают вслух, чем про себя. Он появляется в мире в виде волнообразных звуков, и нередко дети уже к десяти годам запоминают последовательности этих звуков от начала до конца. Те, кому это удается, пользуются особыми почестями, их называют «хафиз» (мужчин) или «хафиза» (женщина). В большей степени, чем «людьми книги» или «людьми Писания», мусульмане являются «людьми чтения вслух» – «аль-Куран».

Мусульмане верят, что Тора Моисея и Евангелие Иисуса были явлены Аллахом посредством его пророков. Вместе с тем они считают, что эти писания были искажены и уже не заслуживают доверия. Поэтому если христиане приняли Еврейскую Библию как свой Ветхий Завет, мусульмане не приняли ни иудейские, ни христианские писания. По мнению мусульман, только Коран безупречно сохранил слово Бога, заученное наизусть при жизни Мухаммада и позднее записанное так, как поначалу его читали вслух.

Коран – совершенное, ничем не искаженное и не подлежащее переводу слово Бога

Коран – сравнительно небольшая книга. Размерами почти с христианский Новый Завет, она может быть прочитана всего за один день. В отличие от Нового Завета, Коран почти не содержит повествований. Его специализация – скорее учение и закон, нежели изложение сюжета. Он состоит из 114 глав – сур, каждой из которых дано название: первая называется «Открывающая Коран», вторая – «Корова». Как правило, суры расставлены по длине – от самой длинной до самой короткой. Официально Коран делится только на суры, однако ученые различают более ранние мекканские и более поздние мединские суры в зависимости от времени, в которое они были явлены. Момент, когда была явлена та или иная сура, имеет значение ввиду исламского учения об аннулировании или отмене, согласно которому более поздние суры могут отменять более ранние.

Тибетские буддисты утверждают, что в их религии мудрость южноазиатской школы т*ensored*авада (теравада) сочетается с состраданием восточноазиатской школы махаяна. На нечто подобное претендуют и мусульмане. Если иудаизм – это в первую очередь закон, а христианство – духовность, говорят они, то Коран сочетает в себе и то, и другое. Более ранние

и зачастую более короткие мекканские суры Корана посвящены преимущественно духовным вопросам, а более поздние и длинные мекканские – социальным, политическим и экономическим проблемам, к примеру, браку, войне, азартным играм. Следовательно, ислам является образом жизни в той же мере, что и религией. Коран учит мусульман не только поклоняться Аллаху, но и давать займы деньги, делить имущество, заключать соглашения и наказывать преступников.

Наиболее часто повторяющийся социальный лейтмотив Корана – справедливость и бедность. Напоминая теологию латиноамериканской освободительной борьбы «преимущественные права – бедным», Коран формулирует принципы преимущественных прав для слабых, решительно и неоднократно высказываясь в защиту слепых, хромых и немощных. Благочестивые, согласно Корану, из любви к Аллаху «дают пищу беднякам, сиротам и пленным» (76:8).

Однако Коран прославляет не этот мир, а мир иной. Ислам делает акцент на жизни после смерти в большей мере, чем любая другая мировая религия. И действительно, трудно найти суру, в которой не упоминалась бы загробная жизнь. В сотнях аятов подробно рассказано об ужасах преисподней и великолепии рая, о наградах, ждущих мучеников, о порядке воскресения, о пророчествах и событиях судного дня. Не существует единого мнения, что означают все эти рассказы и как их следует понимать, в буквальном или переносном смысле, однако и рай, и ад описаны в Коране гораздо подробнее, чем в христианской Библии. В аду пламя и жажда, обугленная кожа и шипы; рай – сад с прохладной тенью, удобными ложами, полногрудыми девами, обилием плодов и, самое главное, с реками, полными воды, молока, вина и меда.

Ислам делает акцент на жизни после смерти в большей мере, чем любая другая мировая религия

Коран неоднократно предостерегает о том, какие ужасы ждут тех, кто упорствует в своей гордыне и отказывается смириться перед Аллахом. Слова «предостережение» и «предостерегать» встречаются в Коране десятки раз, сам Мухаммад назван «предостерегающим» (38:4), а Коран – книгой, ниспосланной «предостеречь тех, которые поступают несправедливо» (46:12). Пророки постоянно повторяют, что нет защитника, кроме Аллаха, но эти предостережения остаются без внимания, вместо этого пророков обвиняют в выдумках и колдовстве.

Одна из основополагающих проблем, о которой повествует Коран, звучит так: «Нет божества, кроме Него. До чего же вы отвращены от истины!» (39:6). Нас отвращает не столько греховность, сколько забывчивость. Сократ под обучением понимал воспоминание: истины, которые, как нам кажется, мы усваиваем, мы на самом деле вспоминаем по прошлым жизням. Как правило, мусульмане не верят в реинкарнацию, но тоже рассматривают обучение как воспоминание. Все мы рождаемся мусульманами, утверждают они. Ни одному младенцу не приходит в голову считать себя самозародившимся или самодостаточным. Но по мере взросления мы становимся «высокомерными» (16:23) и забываем свою истинную природу. Коран убеждает нас одуматься, стряхнуть с себя эту забывчивость, напоминает о нашей полной зависимости от Бога и предлагает способы приучения к смирению. «Неужели вы не помяните назидание?» – недоверчиво вопрошает Коран (45:23). «Не будьте подобны тем, которые забыли Аллаха» (59:19). Значит, Коран – не только откровение и чтение вслух, но и памятка – «Напоминание для миров» (68:52). Помните об Аллахе, убеждает он. Помните о пророках и священных книгах. Не забывайте заботиться о слабых и нуждающихся.

Читатели-иудеи и христиане, только начинающие знакомиться с Кораном, с удивлением обнаруживают в списке его персонажей Авраама, Адама, Каина и Авеля, Давида, Голиафа, Исаака, Измаила, Израиля, Иакова, Иисуса, Иоанна Крестителя, Иону, Иосифа, Марию,

Моисея, Ноя, фараона, сатану, Саула и Захарию. В Коране Мария упоминается чаще, чем в Новом Завете. Тем не менее Коран кардинально отличается от христианской Библии. Здесь Адам грешит, но этот первородный грех не вменяется в вину нам, всем остальным. Следовательно, как и в иудаизме, в исламе нет учения о первородном грехе, потому и Спаситель не отправляется на землю, чтобы смертью обеспечить нам искупление.

В вопросах отношений между мусульманами, иудеями и христианами Коран выглядит столь же противоречивым, как и общение этих групп при жизни Мухаммада. Коран гласит, что Аллах тот же Бог, что и Бог иудеев и христиан – «наш Аллах и ваш Аллах – один» (29:46, в переводе Пиктолла), мусульманам рекомендуется не «вступать в спор с людьми Писания» (29:46). По меньшей мере один из отрывков Корана указывает, что, видимо, иудеи и христиане способны попасть в рай: «Воистину, верующим, а также иудеям, христианам... которые уверовали в Аллаха и в Последний день и поступали праведно, уготована награда у их Господа. Они не познают страха и не будут опечалены» (2:62). Во многих отрывках говорится, что иудейские и христианские пророки ниспосланы Богом и по меньшей мере два отрывка настаивают, что «мы не делаем различий между ними» (3:84 и 2:136).

Авраам (Ибрахим), к примеру, назван «ханифом (приверженцем монотеизма) и не многобожником», записано также, что «в Последней жизни он будет в числе праведников» (16:120, 122). Но здесь он выступает не иудеем, а скорее, претендующим на смену религии, поскольку «от того, кто ищет иную религию помимо ислама, это никогда не будет принято, и в Последней жизни он окажется среди потерпевших урон» (3:85).

Отправить иудеев и христиан в ад – одно дело, а ускорить их прибытие туда – совсем другое. Некоторые аяты Корана, так называемые «аяты меча» – «О те, которые уверовали! Сражайтесь с неверующими, которые находятся вблизи вас» (9:123) и «посему сражайтесь с помощниками дьявола» (4:76) – не только оправдывают войну с немусульманами, но и предписывают вести ее. Еще один противоречивый аят повелевает мусульманам «убивать многобожников, где бы вы их ни обнаружили, брать их в плен, осаждать их и устраивать для них любую засаду» – разумеется, если они не сменят веру: «Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят», то «отпустите их» (9:5).

После 11 сентября многие немусульмане впервые прочитали Коран. У некоторых он вызвал крайне противоречивые чувства

Вопросы этики – плоскость, на которой между мировыми религиями прослеживается наибольшее сходство. Но этика войны в Коране и в Новом Завете далеки друг от друга, как небо и земля. Если Иисус учит нас подставить другую щеку, то Коран наставляет: «Если кто посягнул на вас, то и вы посягните на него» (2:194). В Новом Завете не говорится о том, как следует вести войну. В отличие от него, Коран изобилует указаниями, относящимися исключительно к войне. В нем война допускается в целях самозащиты (2:190; 22:39), но тем, кто виновен в убийстве мусульман, грозит Геенна (4:93), а убийство военнопленных недвусмысленно осуждается (47:4). Вопрос о том, на какие отрывки писания следует полагаться – на те, которые призывают к войне, или на те, в которых выражена надежда, что войн не будет, – остается открытым, однако еще ни одна страна, большинство жителей которой исповедуют ислам, не сбрасывала на другую в условиях войны атомную бомбу.

После 11 сентября многие немусульмане впервые прочитали Коран. У некоторых он вызвал крайне противоречивые чувства. Когда я впервые читал Коран (в переводе), он показался мне слишком монотонным и повторяющимся. Мне хотелось, чтобы действие в нем хоть как-то развивалось. Я выискивал исторический контекст. Тем не менее некоторые элементы мне понравились. Понравились периодические краткие повторения имен Аллаха, сопутствующие почти каждой суре и дающие читателю возможность отдохнуть и перевести дух:

..знайте, что Аллах – Прощающий, Выдержанный...
..знайте, что Аллах – Слышащий, Знающий.
..знайте, что Аллах – Богатый, Достохвальный

(2:235, 2:244, 2:267)

Я убедился, что эта религия предназначена для того, чтобы умирять трепет гордыни. Кроме того, мне понравились характерные для Корана вопросы – «Неужели вы не образумитесь?» (2:44), «Неужели вы не видите?» (31:20), – понравились несмотря на то, что на них редко даются ответы, а точнее, именно по этой причине.

Отдельные отрывки я счел прекрасными, особенно тем, как в них подобраны слова и выражены чувства: «У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах» (2:148), и «устремись к своему Господу» (94:8). Моей любимой стала краткая поэтическая сура «Утро»:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Клянусь утром!
Клянусь ночью, когда она успокаивается (или покрывается мраком)!
Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел.
Воистину, будущее для тебя лучше, чем настоящее.
Господь твой непременно одарит тебя, и ты будешь удовлетворен.
Разве Он не нашел тебя сиротой и не дал тебе приют?
Он нашел тебя заблудшим и повел прямым путем.
Он нашел тебя бедным и обогатил.
Посему не притесняй сироту!
И не гони просящего!
И возвещай о милости своего Господа (93:1-11).

Хотя я не верю, что эта жизнь – всего лишь генеральная репетиция следующей, что «мирская жизнь – всего лишь игра и потеха» (6:32), меня тронули строки о «прибытии» мусульман, верящих, что им будет явлен Бог (24:42). И наконец, мне очень понравился вызов, брошенный простым вопросом, вопросом самого ислама: «Неужели вы не станете мусульманами?» (11:14) Но признаюсь, притом с немалым сожалением, что мне совсем не понравилась тактика, примененная в тексте с тем расчетом, чтобы добиться от меня утвердительного ответа.

Одна из причин моего беспокойства – то, как крепко Коран оплетает гневом милосердие, в итоге кажется, что первый душил второе. Почти каждая сура Корана начинается с напоминания о том, что Аллах милостив и милосерден, нам неоднократно повторяют, что он прощает «тех, кто раскаялся, уверовал, стал поступать праведно, а потом последовал прямым путем» (20:82). Но так же часто нам напоминают об ужасах, уготованных «обитателям Пламени» (35:6). Я то и дело читал, что Аллах следит за мной, что мне надлежит бояться его, поскольку он «суров» (40:3) и «скор в наказании» (6:165), и что он обрушит огонь на нераскаившихся, неверующих, неправедных и исполненных гордыни.

Словом, Коран с начала до конца читается как проповедь, запугивающая огнем, серой и прочими адскими муками. Арабское слово, означающее страдания, наказания и кару, встречается в тексте сотни раз. В сущности, это одно из наиболее часто употребляемых в Коране слов. Так что любому читателю постоянно будут попадаться напоминания о «мучительных страданиях» (7:73), «унизительных мучениях» (22:57), «великих мучениях» (8:68), «мучениях в огне» (7:38) и «кипятке, причиняющем страдания» (44:48).

Если вспомнить, какой страх порождает исламофобия на современном Западе, нагнетание

страха, на которое постоянно натыкаешься в тексте, внушает тревогу. Но как некогда писал иудейский философ Абрахам Хешель о гневе и ярости пророков Еврейской Библии, «каждая предсказанная катастрофа сама по себе призыв к покаянию»¹⁸. Великие чтецы Корана умели доходчиво объяснить своим слушателям: их предостережения – на самом деле предостережения, предназначенные для того, чтобы привести нас к подчинению. Некоторые мусульманские мыслители даже полагали, что адские муки могут длиться не вечно, что наказание для попавших в ад наконец закончится, и они будут взяты в рай.

Разумеется, в своих призывах бояться Бога Коран не уникален. Христианские проповеди с запугиванием адскими муками имеют давнюю историю, а кораническое название ада, «Джаханнам», происходит от библейского «Геенна». Иудаизм и христианство изобилуют текстами, которые библеистка Филлис Трайбл называет «текстами ужаса». «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнущаться восстающими на Тебя?» (Пс 138:21). В других отрывках Библия призывает к истреблению целых народов (Втор 20:16–18) и требует жестоких наказаний для непослушных детей (Втор 21:18–21), для родственников, уговаривающих служить иным богам (Втор 13:6–10), для прелюбодеев (Втор 22:22), для распутниц (Лев 21:9), для всех, кто работает в субботу (Числ 15:32–36).

Коран с начала до конца читается как проповедь, запугивающая огнем, серой и прочими адскими муками

Тем не менее я, читая, замечал, что вздрагиваю и боюсь поперхнуться, как будто передо мной рассказ о блюдах с гноем и потоках кипятка, уготованных упорствующим во грехе. Несомненно, отчасти мое потрясение объяснялось воспитанием в духе христианских писаний. Меня приучили убавлять громкость, когда Иисус говорит о низвергании в ад целых городов (Мф 11:23), я уже не вижу (и не воспринимаю) «озеро огненное» (Откр 20:15) так живо и ярко, как у Микеланджело в «Страшном суде» или у Данте в «Божественной комедии». Тем не менее мне претило постоянно читать о лжецах, злодеях, лицемерах, неверующих и идолопоклонниках. Но признаюсь, во всей этой богобоязненности я уловил нечто живительное. На современном Западе звучит столько пустой болтовни о дружеских отношениях с Богом, что перспектива боязни Бога представляется почти неправомерной. То, что немецкий теолог Рудольф Отто некогда называл «mysterium tremendum», «великой тайной», вытеснено из божественности, а вместе с ней – и пророческая вероятность наказания для тех, кто упорствует в неправедности.

Помня о том, сколько веков подряд христиане критиковали характерное для ислама отношение к женщине, многие удивятся, наткнувшись на отрывки текста, свидетельствующие об отношении к мужчинам и женщинам как к равным: «Для мусульман и мусульманок, для верующих мужчин и верующих женщин, покорных мужчин и покорных женщин... Аллах уготовил прощение и великую награду» (33:35). Но невозможно обойти вниманием и печально известный отрывок из суры «Женщины», разрешающий мужьям бить своих жен (4:34). Почти также обескураживает и ряд аятов, в которых подразумевается, что их читатель мужского пола, как будто все писание адресовано не человечеству в целом, а только мужчинам:

«Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной» (4:3).

«Ваши жены являются пашней для вас. Приходите же на вашу пашню, когда и как пожелаете» (2:223).

Читателей, настроенных на межконфессиональный диалог, могут особенно расстроить аяты, в которых мусульман призывают воздержаться от общения с друзьями-немусульманами. Один из моих друзей-мусульман толкует такие отрывки, как «о те, которые уверовали! Не считайте

иудеев и христиан своими помощниками и друзьями» (5:51), с исторической точки зрения, указывая, что эти строки были явлены в те времена, когда иудеи и христиане нередко объединялись с племенами, враждебными Мухаммаду, следовательно, дружба с ними была равносильна предательству. Но теперь все обстоит иначе, говорит он, и дружба между мусульманами и немусульманами не только позволительна, но и настоятельно необходима. Еще одна знакомая мусульманка считает, что в приведенных отрывках речь идет не о дружбе в современном понимании, а об отношениях покровителя и подопечного, о взаимной защите. По ее мнению, на самом деле эти аяты означают: «Не берите иудеев и христиан в защитники и не ждите от них поддержки»¹⁹.

Шариат

Из семи аспектов религии, перечисленных Нинианом Смартом, наиболее важную роль в исламе играет правовой. По сути дела, если в чем-то ислам приближается к иудаизму и отдаляется от христианства, так это в его акцентировании закона, а не теологии. Шариат, дословно – «правильный путь», – слово, которым мусульмане называют закон, и законы шариата, как их избыточно именуют на Западе, в той или иной мере приняты в последние годы в Иране, Судане, Саудовской Аравии и других странах ислама, в том числе в Афганистане в период власти «Талибана».

Исторически мусульмане не отделяли религиозное от мирского, поэтому шариат проникает во все сферы жизни – в семью, общество, экономику и политику. Он охватывает обрядовую и этическую стороны, а также уголовное право, налогообложение, общественный порядок. Та же надежная концепция относится и к загробной жизни и дает мусульманам наставления не только о том, как жить на Земле, но и как попасть в рай.

Фикх, или толкование шариата, основан и на Коране, и на хадисах, второстепенном корпусе текстов, представляющих собой тысячи изречений о словах и деяниях Мухаммада. Эти хадисы, собранные в VIII–IX веках в шесть чтимых суннитских сборников, охватывают и закон в мирском понимании этого слова, и ритуальные обязательства. Они затрагивают такие, казалось бы, приземленные вопросы, как подстригание бороды Мухаммадом, его любимую еду (мед и баранину) и еду, которую он терпеть не мог (чеснок и дыни). У шиитов есть свои хадисы, в которые также входят рассказы о жизни их духовных лидеров – имамов.

Но далеко не все хадисы в равной степени авторитетны. С каждым ассоциируется цепочка тех, кто передавал их из уст в уста – иснад, а также собственно содержание, или матн, и подлинность любого конкретного хадиса может оспариваться в связи и с первым, и со вторым. Если цепочка устных передатчиков от Мухаммада до того, кто записал хадис, сомнительна, к примеру, если кто-то из участников цепочки ненадежен, хадис может быть отвергнут. Если его содержание противоречит Корану, отвергнутым хадис может оказаться и в этом случае. Подлинность того или иного хадиса регулярно вызывает разногласия в мусульманских кругах²⁰.

Сторонним наблюдателям исламский закон нередко представляется неизменным и непреложным, однако сунниты и шииты расходятся по всевозможным правовым вопросам, а в самом суннитском направлении различают четыре основные школы права²¹. Как и приверженцы Римско-католической церкви, шииты придерживаются концепции централизованной религиозной власти, в их случае в лице имама. Сунниты децентрализуют религиозную власть и наделяют ею мусульманское сообщество в целом. Поэтому неудивительно, что правовые представления суннитов широко варьируются.

На Западе много говорят о фетве, или решении по какому-либо правовому вопросу, особенно с тех пор, как иранский аятолла Хомейни в 1990 году вынес фетву против писателя Салмана Рушди, а Усама бен Ладен в 1996 и 1998 годах – фетвы против присутствия войск США на священных землях Саудовской Аравии. Начав с коранической цитаты «уничтожайте

неверных, где найдете их», бен Ладен в последней фетве назвал активность войск США на Аравийском полуострове «явным объявлением войны Аллаху, его пророку и мусульманам», а убийство американцев и их союзников – «личным долгом каждого мусульманина»²². К этому призыву прислушались лишь немногие мусульмане, потому что фетва имеет силу закона только для тех, кто признает авторитет законоведа, вынесшего это суждение, и по традиции, фетвы должны быть высказаны именно факихами, мусульманскими законоведами, а не мирянами, как бен Ладен. В 2005 году мусульманское духовенство в Испании обнародовало фетву, осуждающую «теракты, осуществленные Усамой бен Ладеном и его организацию «Аль-Каида», как «противоречащие исламу»²³. По их мнению, бен Ладен был вероотступником, следующим не Корану, а выдуманному им самим закону.

Сунниты и шииты

Как видно на примере с осыпанием фетвами, толкований ислама существует множество. В исламе нет папы римского, который издавал бы неопровержимые и непогрешимые энциклики, поэтому шатер ислама служит приютом для многих теологических течений, в том числе фундаментализма и феминизма, легализма и мистицизма, прогрессивного и умеренного направлений. Но вероятно, самое основополагающее деление мусульманского мира противопоставляет суннитов, к которым относятся примерно 85 % мусульман, и шиитов, на долю которых приходятся оставшиеся 15 %.

Смерть основателя оказывается серьезным испытанием для каждого вновь возникшего религиозного движения. В 1844 году в рядах мормонов произошел раскол, вызванный проблемой выбора преемника Джозефа Смита; Общество сознания Кришны было ввергнуто в хаос после смерти Свами Прабхупады в 1977 году. После смерти Мухаммада мусульмане раскололись по тому же ключевому вопросу власти. Большинство поддержало тестя Мухаммада, Абу-Бакра. Но меньшинство, утверждающее, что следующий лидер ислама должен быть кровным родственником Мухаммада, встало на сторону двоюродного брата и зятя пророка, Али.

Сторонников Али начали называть «Шиат Али» («приверженцы Али»), или, коротко, шиитами, а тех, кто поддержал Абу-Бакра, – суннитами (от сунны, то есть «традиций» или «предписаний»). Более широкие и глубокие расхождения возникли в вопросах о том, как следует руководить мусульманским сообществом. Сунниты наделяли

общественно-политической властью калифов, а первостепенную религиозную власть отдавали сообществу в целом. У шиитов общественная, политическая и религиозная власть была сосредоточена в руках лидера, которого они называли имамом. Арабское слово «имам» означает лидер, руководитель, в понимании суннитов – просто человек, который каждую неделю по пятницам проводит богослужения в собрании. Но у шиитов имам (который должен быть прямым потомком Мухаммада) возглавляет не просто общину, а все шиитское сообщество, и, по убеждению шиитов, чист и непогрешим.

От шиитского меньшинства откололось несколько ветвей, наиболее примечательные из которых – шииты-двунадесятники, преобладающие в Иране и на юге Ирака, и шииты-исмаилиты, влияние которых заметно в Индии и Восточной Африке. Двунадесятники – крупнейшее из шиитских направлений. Они верят в существование 12 имамов, из которых двенадцатый исчез («сокрытие») в 873 году н. э., и в то, что этот «сокрытый» имам явится в конце времен, как своего рода мессия и возглавит апокалиптическую битву между силами добра и зла. Меньшая исмаилитская ветвь отделилась в 765 году н. э. в результате споров о том, кто станет преемником шестого имама. Если большинство поддерживало сына шестого имама Мусу, то те, кто в дальнейшем стал исмаилитами, встали на сторону его сына Исмаила. Как и у двунадесятников, у исмаилитов имамы ведут свой род с древности до наших дней.

Каждая религия – «цепь памяти», и ключевым звеном этой цепи для шиитов является мученичество внука Мухаммада, Хусейна, погибшего в битве под Кербелой в Ираке в 680 году н. э.²⁴. Этот поворотный момент истории вспоминают каждый год во время мусульманского месяца мухаррама. На десятый день мухаррама, Ашура, верующими устраиваются постановки, повествующие о смерти Хусейна, наподобие христианских мистерий, представляющих страсти Господни. Напоминая о самобичеваниях кающихся католиков американского Юго-Запада, некоторые верующие бичуют себя в память о муках Хусейна. Несмотря на то, что разновидности этого религиозного праздника отмечают и сунниты, и немусульманское население островов Тринидад и Ямайка, особую важность он представляет для шиитов, многие из которых совершают каждодневный намаз, прижимаясь лбом к глине из Кербелы. Во время революции в Иране с его преимущественно шиитским населением восставшие скандировали: «Каждый день – Ашура, повсюду Кербела».

Исламизм

В число недавних событий в мире ислама, наиболее пугающих как для мусульман, так и для немусульман, входит рост исламизма – радикальной формы политизированного ислама, заимствовавшей традиции мученичества, заложенные иудеями и адаптированные христианами, и придавшей им новое опасное направление.

Если ислам – религия, то исламизм – политическая программа, революционная по целям, утопическая по духу и радикальная во всех смыслах этого слова

Что такое исламизм, люди понимают по-разному, однако, как подразумевает суффикс «-изм», в первую очередь он относится к идеологии, антизападной и антиамериканской идеологии, применяемой для достижения политических целей такими организациями, как «Талибан» в Афганистане, «Хезболла» в Ливане, ХАМАС на Палестинских территориях и, конечно, «Аль-Каида». С идеологической точки зрения цель исламистов – очистить ислам от загрязняющего налета современности, что не в последнюю очередь означает присутствие войск США в Саудовской Аравии и государства Израиль – на Ближнем Востоке. Политическая цель исламистов – создание исламских государств (или транснационального халифата) в соответствии с их специфическими представлениями о мусульманском праве. Для достижения этих целей применяется различная тактика, но у некоторых исламистов она ассоциируется с насилием и даже терактами, которые совершают смертники.

Если ислам – религия, то исламизм – политическая программа, революционная по целям, утопическая по духу и радикальная во всех смыслах этого слова. Как любое другое движение, направленное на возрождение, исламизм стремится продвинуться вперед, делая шаг назад – в данном случае руководствуясь примером раннего ислама, что в понимании «Талибана» означает запрет на образование и работу для женщин. Хотя исламисты в своих взглядах обычно ссылаются на Коран и истоки ислама, исламизм, подобно другим формам фундаментализма, в действительности представляет собой современное изобретение, возникшее под явным влиянием западной идеологии, которой оно стремится противостоять. Наибольшее интеллектуальное влияние на «Аль-Каиду» скорее всего оказал египетский теолог Саид (Сайид) Кутб (1906–1966), призывавший своих последователей вести священную войну против секуляризма, демократии и Запада. Герои исламизма – так называемые мученики, которые в нарушение четких коранических запретов на суицид взрывают себя, в том числе и ради мгновенного переселения в рай. Злодеи и враги – Израиль и «большой сатана», то есть США, но исламисты также осуждают как нечестивцев и вероотступников братьев по вере, мусульман, которые толкуют ислам не столь радикальным образом.

Ультраконсервативные интеллектуальные движения, такие, как салафизм, имеют много общего с исламизмом, но вместе с тем отличаются от него и зачастую противостоят ему. Салафисты стремятся повернуть развитие своих религиозных традиций вспять, к чистому примитивному исламу первых мусульман – «салаф», или «благочестивых предков».

Издевательским словом у них считается «бида», то есть «новшество».

Герои исламизма – так называемые мученики, которые в нарушение четких коранических запретов на суицид взрывают себя, в том числе и ради мгновенного переселения в рай

Одна из форм салафизма, официальная теология Саудовской Аравии ваххабизм, в начале XXI века получила глобальное распространение благодаря саудовским деньгам, на которые во всем мире строились новые мечети. В основе ваххабизма лежит строгое учение Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба (1703–1792), мыслителя XVIII века, который также противился новшествам, но был одержим проблемой ширка. Согласно непререкаемой теологии ибн Абд-аль-Ваххаба, и христианство, и иудаизм – ширк, как и шиизм и мистическое течение ислама, суфизм. Ибн Абд-аль-Ваххаб выступал против шиитского обычая посещения усыпальниц Мухаммада и его сподвижников и даже уничтожил одну из этих святынь. Подобно салафизму, ваххабизм часто называют пуританским течением ввиду его строгого свода правил, стремления очистить религиозные традиции от различных примесей, а также из-за его цели – возвращения к чистоте ранних форм веры. Как и пуритане Новой Англии, которые не празднуют Рождество, ваххабиты не отмечают день рождения Мухаммада.

Исламисты твердо придерживаются убеждения, что мы наблюдаем столкновение цивилизаций, ислама и христианского Запада, но в действительности их деятельность отражает внутриисламскую культурную войну, столкновение между мусульманами, которые верят, что исламская традиция имеет в виду то, что гласит, когда речь идет о запрете на убийство женщин и детей, и мусульманами, которые в это не верят.

Прогрессивные и умеренные мусульмане

На другом конце политического спектра находится прогрессивный ислам – новое течение, особенно сильное в Европе и США. Прогрессивные мусульмане – непреклонные противники салафизма, ваххабизма и исламизма, но вместе с тем они осуждают империализм и колониализм. «Их задача, – пишет Оmid Сафи, автор книги «Прогрессивные мусульмане» (Omid Safi, *Progressive Muslims*, 2003), – дать слово безгласным и власть безвластным»²⁵. Плюралисты до мозга костей, прогрессивные мусульмане приветствуют мнения не только собратьев по вере, но и приверженцев других религий. Несмотря на то, что в основе их мышления и поступков лежат традиционные исламские источники, такие, как Коран и хадисы, они также обращаются к латиноамериканской теологии освобождения, к ненасильственному сопротивлению Мартина Лютера Кинга-младшего, к критике ориентализма нерелигиозного гуманиста Эдварда Саида.

Прогрессивные мусульмане убеждены, что стержень исламской традиции образует борьба за справедливость. Кроме того, они верят, что светочи ислама всегда были на стороне бедных и слабых и что древние исламские традиции, предписывающие защищать беззащитных, побуждают их бороться за гендерное равноправие и права человека. «В основе толкований, которых придерживается прогрессивный мусульманин, – пишет Сафи, – лежит простая, но радикальная идея: жизнь каждого человека, будь то мужчина или женщина, мусульманин или немусульманин, богач или бедняк, «южанин» или «северянин», имеет такую же ценность, как и жизнь всех остальных»²⁶.

Одна из самых противоречивых глав в короткой истории прогрессивного ислама началась в Нью-Йорке 18 марта 2005 года, когда Амина Вадуд, профессор-исламовед из Университета штата Виргиния, провела совместное для мужчин и женщин пятничное богослужение, на котором присутствовало более сотни участников. Это нарушение традиций, согласно которым быть духовными лидерами могут лишь мужчины, стало не первым, однако именно оно вызвало вспышку ожесточенной международной полемики. Мусульманские лидеры во всем мире осудили это событие как нарушение исламского права, однако в дальнейшем женщины-имамы проводили пятничный саят или читали традиционную проповедь по

пятницам в США, Канаде, Испании и Южной Африке. Наиболее часто в западной критике ислама упоминается его враждебное отношение к женщинам. Мусульмане со времен Мухаммада действительно рассматривали половую принадлежность как существенную, а не второстепенную характеристику человека. [«Ведь мальчик не подобен девочке», – гласит Коран (3:36)]. Поэтому в мечетях, куда впускают женщин (в некоторые мечети женщинам входить запрещено), мужчины обычно отделены от женщин. Сыновьям, как правило, достается вдвое больше наследства, чем дочерям, в исламских судах требуется два свидетеля женского пола, чтобы уравновесить голос одного свидетеля-мужчины. И наконец, хотя теологи ислама утверждают, что понятие пола неприменимо к Богу, там, где в Коране требуется местоимение третьего лица, Аллах – это исключительно «Он».

Прогрессивные мусульмане убеждены, что стержень исламской традиции образует борьба за справедливость

Однако мусульманский феминизм – не оксюморон. Мусульманские феминисты утверждают, что Коран и хадисы, несмотря на их патриархальность во многих отношениях, во время их создания представляли собой качественный скачок для женщин в том, что касается имущественных прав, наследства, разводов и образования. Кроме того, они отмечают, что по меньшей мере семь государств с преимущественно мусульманским населением уже возглавили женщины.

Но существует и спорная практика, согласно которой женщины обязаны покрывать голову. Хиджаб запрещен законом в одних мусульманских странах и обязателен в других. Большинство граждан Франции и довольно многие американцы считают, что в их странах следует запретить традиционные для ислама головные уборы, в обеих странах уже случались судебные разбирательства по поводу права мусульманок покрывать голову во время работы в «Макдоналдсе» или снимаясь на водительские права. Многие мусульманки отказались покрывать голову, выражая таким образом поддержку борьбе за права женщин, но вместе с тем мусульманские феминистки не появляются на людях с непокрытой головой, поддерживая борьбу за те же права. Таким образом, хиджаб стал символом исламской самобытности, как кипа, или ермолка, – символом самобытности мужчин-иудеев.

Промежуточное положение между фундаменталистами и прогрессивными мусульманами занимают сотни миллионов сторонников умеренного ислама. Среди 178 миллионов мусульман Индонезии фундаменталисты остаются в тени. Исламистские партии проигрывают на выборах, большинство местных мусульман отождествляют себя с умеренными или прогрессивными силами. Обе эти группы отдают предпочтение демократии и отделению мечети от государства. Прогрессивные мусульмане отличаются от умеренных тем, что активнее высказываются за религиозный плюрализм и права женщин, а также чаще опираются на идеи мыслителей Европы, Латинской Америки и США.

Среди мусульман, с которыми я беседовал во время пребывания в Джокьякарте, культурном и интеллектуальном центре этого обширного архипелага, встречались и умеренные, и прогрессивные. Все они открыто адаптировали ислам к местным обстоятельствам, сочетая его древние традиции с индонезийскими. Все встречали насмешками любую попытку заговорить о столкновении цивилизаций – ислама и христианского Запада. Если такие столкновения и случаются, утверждали они, то лишь между фундаменталистами из числа представителей любой веры, и прогрессивными и умеренными братьями этих фундаменталистов по вере. В Индонезии я ни разу не встречал женщин, закутанных с головы до пят, как в Иране и Афганистане, в сельской местности женщины вообще не покрывают голову. Когда я спросил Зули Кодира, лидера местной умеренной группы «Мухаммадия», в чем сущность ислама, он продемонстрировал лаконичность в духе Джефферсона. «Ислам – это справедливость. И равенство. И демократия». Другой мусульманский лидер объяснил мне, что «суть ислама в заботе о бедных».

Религиозный плюрализм особенно высоко ценится в Индонезии, 17 тысяч с лишним островов которой веками подвергались влиянию буддизма, индуизма и христианства. Зачем Бог сотворил мир? По мнению директора одной исламской школы, с которым я беседовал, причина в том, что Бог предпочитает единству многообразие, потому что «различия – это хорошо». Мне неоднократно напоминали, что мусульмане отрицают насаждение религии – «нет принуждения в религии» (2:256, Пиктолл) – и что к категории «людей Писания» они относят не только иудеев и христиан, но и буддистов с индуистами.

Суфизм в трезвости и во хмелю

Заманчиво представлять себе, что мировые религии – именно то, чему они учат или как действуют, что христианство – это его символ веры, иудаизм – его закон. Но если мы, люди, – не просто сумма наших мыслей или действий, то и религиозные традиции нельзя сводить к символам веры и ритуалам. У каждой из мировых религий есть приверженцы, которые воспринимают свою веру как задачу копнуть глубже Никейского Символа веры или пяти столпов ислама, увидеть, по выражению английского поэта Уильяма Вордсворта, «что-то, проникающее вглубь». В исламе такие люди называют себя суфиями.

Во время пребывания в Иерусалиме я разговорился с хозяином одного магазина, который оказался не только опытным торговцем, но и суфием на протяжении всей своей жизни. Когда я спросил его о значении пяти столпов ислама, он решительно покачал головой – «НЕТ!» – и, вызвав у меня неловкость тем, что чуть не ткнул указательным пальцем мне в нос, заявил, что ислам преспокойно выстоит и без любого из этих пяти столпов. Истинный ислам, по его мнению, не имеет никакого отношения к закону и вместе с тем имеет самое непосредственное отношение к восприятию и опыту. Это сердечная и душевная связь между каждым отдельным верующим и Богом, нечто вроде страстной любви, от которой все твоё существо готово пуститься в пляс. Ей не нужны обряды и правила, добавил он. В сущности, обряды и правила только уводят нас от того, что есть на самом деле.

Подобные взгляды высказывал в XI веке суфий Ансари из Герата (территория современного Афганистана), который в короткой поэме поставил пять столпов на второе место после высшего призвания:

Пост – способ сберечь пищу.

Бдения и молитвы – труд для стариков.

Паломничество – возможность повидать мир.

Раздача хлеба просящим подаяния – занятие для благодетелей.

Влюбиться – вот что значит что-либо совершить!²⁷

Персидский суфий IX века Язид (Баязид) Бистами столь же скептически относился к способности религии привести человека к Богу. «Самая плотная завеса между человеком и Аллахом, – писал он, – есть мудрость мудреца, поклонение поклоняющегося и приверженность приверженца»²⁸.

Для суфиев ислам – это сердечная и душевная связь между каждым отдельным верующим и Богом, нечто вроде страстной любви, от которой все твоё существо готово пуститься в пляс

Одна из отличительных особенностей ислама – его недвусмысленное отрицание христианских традиций celibата, аскетизма и монашества. Мусульманам зачастую невдомек, почему Иисус так и не женился; брак предписан и Кораном («Сочетайте браком тех из вас, кто холост», 24:32), и хадисами [«Брак – моя сунна (образцовое поведение)»]²⁹. Поэтому монахи, удалившиеся от мира, обычно подвергаются осмеянию. Но ранние суфии выступали против этой тенденции. Термин «суфизм» происходит от «суф», то есть «шерсть». Следовательно,

«суфий» – «тот, кто носит шерсть», то есть человек, выбравший простую созерцательную жизнь и благочестивую бедность, во многом схожие с жизнью христианских монахов в их кусачих шерстяных рясах.

Суфизм – мистическое течение, возникшее в VIII веке. Подобно другим мистикам, суфии делают акцент на эмпирическом аспекте религии. Менее терпеливые, чем прочие мусульмане, они не желают ждать смерти, чтобы соприкоснуться с божественным. По примеру Мухаммада (его нередко называют первым суфием) в пещерах на горе Хира, они стремятся «вкусить Бога здесь и сейчас». Или, как выразился один суфийский поэт,

Когда бушует океан,
не дай мне просто слушать его —
пусть брызжет мне в грудь!³⁰

Под руководством духовных наставников, шейхов или пиров, а также посредством орденов или братств суфии веками экспериментировали с разнообразными духовными практиками, цель которых – помочь сердцу открыться для экстатического восприятия божественного. В соответствии с *более* распространенными мусульманскими представлениями о том, что проблема самонадеянности проистекает из забвения, суфии стремятся вечно оберегать Бога в своем сердце, либо повторяя нараспев его прекрасные имена, либо в молчании перебирая их мысленно. Еще одна суфийская практика – мусульманский аналог того, что даосисты называют «вольным и беспечным странствованием»; странствующие суфии играли заметную роль в распространении ислама в краях столь отдаленных, как Африка, Индия, Юго-Восточная Азия.

В исламе суфии печально известны своим заигрыванием с идолопоклонством; вершиной своих духовных исканий они считают полное уничтожение своего «я» и вместе с тем – мистический союз с Богом. Если мусульманские теологи и законоведы склонны подчеркивать трансцендентность и удаленность Бога, суфии делают акцент на его имманентности и близости, склоняясь к пантеизму («все есть Бог») и монизму («все едино»). Если другие мусульмане указывают на кардинальное качественное различие между Богом и людьми, то суфии обращают внимание на сходство между людьми и Богом, который ближе к ним, как сказано в Коране, «чем яремная вена» (50:16). Если действительность едина, тогда множественность – иллюзия, следовательно, на самом деле нет различий между Творцом и сотворенными. Поскольку любое место священо, нет причин отправляться в Мекку или в мечеть, чтобы обрести Бога. По сути дела, незачем отправляться куда-то помимо собственного сердца. Как современные евангелические христиане, которые видят в Иисусе друга, суфии называют себя друзьями Бога.

Многие мусульмане с давних пор усматривали нечто в высшей степени тревожное и даже опасное в эзотерических наставлениях и практиках суфиев, поскольку с точки зрения суфиев слишком многое из того, к чему стремятся и что считают необходимым прочие мусульмане, оказывается необязательным в лучшем случае и вредным в худшем. Если большинство суфиев утверждают, что следуют и внешним, законным путем шариата, и внутренним, мистическим путем («тарикат»), критики заявляют, что суфии приносят первый на алтарь второго. К примеру, ваххабиты рассматривают суфизм как приглашение к ширку и безнравственности. Великий персидский суфий Мансур ал-Халладж был казнен как еретик в Багдаде в 922 году за высказывание «я есть Истина»: сам ал-Халладж воспринимал эти слова как выражение его союза с Богом, а его противники сочли их кощунством, поскольку Истина – одно из девяти имен Бога.

Для того чтобы хоть как-нибудь разобраться в этом мистическом пути, причастные к нему, равно как и посторонние, различали суфиев двух типов: «трезвых» и «хмельных». Если стихия

трезвого суфия – проза, а специализация – разум, то стихия хмельного суфия – поэзия, а специализация – эмоции. К трезвым суфиям относят персидского философа аль-Газали (1058–1111), который, признавая важность шариата, выступил посредником в деле заключения мира между суфиями и теми, кто обвинял их в ереси и безнравственности. С благоговением приближаясь к божественному, трезвые суфии неизменно осознавали власть и гнев Божии, и это осознание сделало их путь ближе к прямому и ограниченному, нежели путь их одурманенных братьев по вере. В отличие от трезвых суфиев, хмельные заостряли внимание на милосердии и красоте Бога, приближались к нему скорее в любви и экстазе, чем в трепете и страхе. В итоге они меньше беспокоились о правовых и ритуальных требованиях своей традиции. По крайней мере, для некоторых хмельных суфиев пять столпов ислама несущественны – так пластиковый пакет, который мы приносим домой из магазина, несуществен по сравнению с продуктами питания, лежащими внутри.

Классический образец хмельного суфия, великий персидский поэт Руми (1207–1273), сегодня любим одинаково и мусульманами, и немусульманами. Благодаря популярности его переводов на английский, выполненных Коулменом Барксом, в настоящее время Руми принадлежит к числу поэтов, пользующихся наибольшим спросом на Западе, его поэзия вдохновляет немало современных знаменитостей, в том числе Мадонну и композитора Филипа Гласса. Стихи Руми на редкость увлекательны, а его увещание «отдать все за любовь» – испытание высшего порядка³¹.

Отчасти привлекательность этого поэта объясняется его предысторией: Руми был книжным червем и ученым, когда однажды его посетил странствующий суфий по имени Шамс, который, по словам одних рассказчиков, сжег книги Руми, или, по утверждению других, бросил эти книги в пруд. («Осел с грузом священных книг – все равно осел», – говорят сейчас суфии³²). Так или иначе, Шамс перевернул всю жизнь Руми, и на протяжении долгих лет они были неразлучны. Затем Шамс таинственным образом исчез, скорее всего, стал жертвой убийцы. Эта трагедия превратила Руми в одного из самых любимых миром и плодовитых поэтов.

Другое название суфизма – ихсан, или «творение прекрасного», то есть именно то, что творит поэзия Руми. Его стихи переполняет тоска по другу Шамсу. «Нет спасения для души, – пишет он, – кроме как в Любви»³³. Однако Руми считает, что любовь Ромео и Джульетты или Николь Кидман и ее очередного партнера по фильму – также любовь к божественному, от божественного исходящая. Когда Руми пишет, что «в доме из воды и глины сердце безутешно без тебя; в этот дом войди скорей, любимый, иль его покину я», он тоскует по Богу и Шамсу³⁴. Или, что больше соответствует вере Руми, он ведет речь о Боге и человеке, которые лишь кажутся разными существами.

На высоте наблюдательного поста, где единственной истинной реальностью является лишь Бог, не имеет смысла отличать суннитов от шиитов, мусульман от иудеев. Поэтому суфии обычно утверждают, что все религии – пути к божественному. Но это лишь пути, неловкие жесты в сторону невыразимого. Разумеется, суфии признают разницу между исламом и другими религиями. Но это внешнее, несущественное знание. Если взглянуть на него сквозь призму внутреннего, существенного знания, все подобные различия померкнут. «Было время, когда я винил своего собеседника, если его религия отличалась от моей, – писал испанский философ Ибн Араби (1165–1240). – Теперь же мое сердце принимает любую форму... Лишь любовь моя религия»³⁵.

Таинственное трагическое исчезновение суфия Шамса превратило Руми в одного из самых любимых миром и плодовитых поэтов

Как однажды объяснял Руми, бывает разум двух видов. Один – это «вторичный» разум ребенка, запоминающего факты из книг и со слов учителей. Благодаря такому разуму можно стать инженером-строителем или научиться отличать пять столпов ислама от семи таинств

католичества. Вордсворт называл его «нашим назойливым разумом»³⁶. Но существует и разум другого рода, «иное знание», проистекающее из непосредственного, личного восприятия Бога – «источник, плещущий из нас наружу»³⁷. Знание такого рода лежит за пределами повседневного языка и заурядного мышления. Поэтому суфии пытаются выразить его иными способами – в музыке, танцах, эллиптическом языке мистической поэзии, сами слова которой побуждают читателя заглянуть вдаль, за Предел.

Один из соблазнов любой религии – ошибочно принять ее за то Высшее, На Которое Она Указывает: например, начать поклоняться не Христу, а христианству. Суфии противятся этому искушению. Их влечет не к исламу, а к Аллаху, не к райским кушам в будущем, а к присутствию божественного здесь и сейчас, не к сведениям, полученным из вторых рук, а к личному опыту. Отвечая на вопрос, стремилась ли она когда-либо в рай, суфийская поэтесса Рабия Басри ответила: «Сначала сосед, потом дом»³⁸.

Один из соблазнов любой религии – ошибочно принять ее за то Высшее, На Которое Она Указывает: например, начать поклоняться не Христу, а христианству

Так что же все-таки означает религиозная образованность, когда речь идет об исламе? Имеется в виду внешняя форма или внутренний опыт?

Подразумевает ли мусульманская грамотность знание пяти столпов и Корана? Или осведомленность о том, чем сунниты отличаются от шиитов? Безусловно, важно все перечисленное. Чтобы понять роль ислама в современном мире, надо понимать его отношение к проблеме самонадеянности и к подчинению как ее решению. Необходимо осмыслить рай как цель и понять, как эта цель определяет поведение человека. Но как напоминают нам суфии, существует и более высокий уровень беглости помимо этой базовой грамотности и, возможно, за пределами самого языка. Возможно, Руми и его братья-суфии пытаются втолковать: важно знать не ислам, а Аллаха. Или упомянутое «знание» в данном случае неуместно? Возможно, «понимать ислам» – это не «знать», а «чувствовать»: чувствовать движение Бога в себе, подобное энергии, воодушевляющей танец.

Тем из нас, кто не относится к суфиям, приходится довольствоваться знанием, что ислам – величайшая из великих религий. По численности приверженцев эта религия милосердия, справедливости, великодушия и подчинения растет гораздо быстрее, чем христианство. По степени влияния – управляет общемировым диалогом о добродетелях и пороках религии. Ислам играет ключевую роль на Ближнем Востоке и в Азии и стремительно наращивает свое присутствие в Европе и Северной Америке. Вклады в исламских банках (которые не взимают комиссии и не выплачивают проценты), по данным Международного валютного фонда, «растут поразительными темпами»³⁹. Ввиду стремительного развития Бразилии, России, Индии и Китая (BRIC), наш разбазаривающий нефть мир, по-видимому, обречен хотя бы в ближайшее время транжирить ее пуще прежнего, значит, влияние преимущественно исламских стран ОПЕК будет только расти. Между тем Ирак, Иран и Афганистан остаются загадками для всех, кто неспособен принять во внимание давний раскол внутри ислама между суннитами и шиитами. Полагать, будто бы диалог о великих религиях начинается с христианства, – значит не только демонстрировать собственную ограниченность, но и выдавать возраст. Возможно, XIX и XX века действительно принадлежали христианству. Но XXI век – век ислама.

Глава 2

Христианство: путь спасения

Умеренный монотеизм и Троица (с. 81) Иисус (трилогия) (с. 82) • 2,2 миллиарда спасенных (с. 86) • Протестантская Реформация (с. 89) • Лютеране, кальвинисты, англикане и анабаптисты (с. 91) • Протестантская и католическая вселенная (с. 92) • Мормонизм (с. 95) • Век евангеличества (с. 97) • Век пятидесятничества (с. 99) • «Небелые» христиане (с. 104) •

В моем детстве каждый Сочельник наша семья собиралась у огня, чтобы послушать, как мой отец читает «Христа-младенца» (*The Christ Child*, 1931). В этой детской книжке собраны рассказы о рождении и детстве Иисуса, заимствованные из новозаветных Евангелий от Матфея и Луки. Своими образами она была обязана супругам Мод и Мишке Петершем – иллюстраторам, акварели которых, казалось, прыгивали со страниц, властные и трогательные, как чудо. На обложке Иисус изображался в вифлеемских яслях сразу после рождения. Как ни странно, рядом с ним не было ни матери Марии, ни ее мужа Иосифа, – компанию младенцу составляло лишь стадо овец и ослов, которые словно ловили каждый его вздох с маниакальным вниманием, обычно свойственным новоиспеченным родителям (хотя явно не этим). Изображение венчал ярко-желтый нимб, напоминающий шлемы астронавтов 60-х годов (в духе Джона Гленна) – по крайней мере, мне в детстве так казалось. От этого пузыря, плотно облегающего голову Иисуса, расходилось несколько ореолов побольше, рассекающих темноту ночного неба светом, подобным солнечному.

Безусловно, что-то особенное было в этом ребенке, ничего не имеющем против волхвов, приносящих дары, о которых никто из нас, детей, даже не слышал (за исключением золота, разумеется). Мало-помалу он научится самостоятельно есть и одеваться, держать в руках молоток и забивать гвозди. Верхом на осле он отправится в Иерусалим, разделит последний ужин со своими учениками, помолится в Гефсимании, будет предан другом, выдержит показательный судебный процесс, подвергнется бичеванию, насмешкам и казни на кресте. Но поскольку книга предназначалась для детей, самыми страшными в ней были упоминания о животных, приносимых в жертву в Иерусалимском храме, а также иллюстрация, на которой Мария, Иосиф и младенец бегут от царя Ирода в Египет среди крошечного ночного мрака. А в остальном детство Иисуса выглядит безоблачным. Он растет и крепнет в плотницкой мастерской Иосифа, во время поездки на несколько дней в большой город ухитряется улизнуть от родителей и проводит время среди раввинов, слушая их и задавая им вопросы. Но этому хорошему еврейскому мальчику не удастся отделаться от своего нимба, который отличает его, выделяет, как избранного, куда бы он ни пошел, служит неосознанным напоминанием об осознании вочеловечении.

Одна из ложных идей так называемого нового атеизма заключается в том, что религии едины и одинаковы: разнообразия одних только христианских направлений достаточно, чтобы испытать потрясение. До того, как ортодоксия обрела власть и право искоренять гетеродоксию, раннее христианство развивалось, пущенное на самотек, а список потенциальных еретиков растянулся, вмещая всех – от монтанистов и манихеев до гностиков и евионитов, донатистов и докетистов, ариан и несториан. Если современные христиане в массе забыли Символы веры и катехизисы, то христиане первых нескольких столетий еще не успели записать их. В то время, как и теперь, пишет богослов Харви Кокс, не существовало «ни централизованной иерархии, ни общепринятого Символа веры, ни установленной системы обрядов»¹. Христианство могло принять любой облик по принципу «кто успел, тот и съел».

Большей частью ранние христиане определялись в богословском отношении в зависимости от взглядов, которых они придерживались на иудеев, на сочетание божественной и человеческой сущности в Иисусе, на связи в семействе Отца, Сына и Святого Духа. Кроме того, ранних христиан манили соперничающие направления монашества – как рассчитанные на монахов-одиночек, пустынников и перипатетиков (само слово «монах» происходит от греческого *monos*, то есть «одинокий»), так и более упорядоченные и менее аскетичные общины бенедиктинцев. Будучи христианином в древности, можно было также придерживаться пути крайнего аскетизма по примеру Симеона Столпника (390–459) – Дэвида Блейна того времени, забравшегося на столп в двадцать с небольшим лет и пробывшего там до конца своих дней.

Предпринимались попытки ограничить это многообразие, образумить еретиков и вернуть на землю оригиналов вроде святого Симеона. Римский император Константин (272–337), обратившийся в христианство в 312 году, в 325 году провел в Никее (современная Турция) первый Никейский собор в надежде придать христианству единообразие. Но «единая истинная церковь» в то время была столь же недостижимой, как и теперь.

В настоящее время христианство – настолько растяжимое понятие, что этот термин относится к верованиям и обрядам пятидесятников в Бразилии, мормонов в Юте, католиков в Италии и православных в России

В настоящее время христианство – настолько растяжимое понятие, что этот термин относится к верованиям и обрядам пятидесятников в Бразилии, мормонов в Юте, католиков в Италии и православных в России. В отличие от мусульман, всегда настаивавших на том, что Коран является откровением только в оригинале, на арабском языке, христиане не ограничиваются словом Божиим на древнееврейском в Ветхом Завете или на греческом – в Новом Завете. Мало того: если мусульмане упорно противились переводам Корана (первый перевод Корана на английский язык, сделанный мусульманином, появился лишь в XX веке), христиане издавна воспринимали перевод, публикацию и распространение Библии на разных языках как свою священную обязанность. Фильм «Иисус», распространяемый евангелической студенческой группой Campus Crusade for Christ International, был переведен более чем на 1000 языков и просмотрен более чем в 220 странах². Но христианство не просто адаптировалось к местным языкам. Оно приняло во внимание местные верования и обряды – от конфуцианства в Восточной Азии до одержимости духами в Африке. Прихожане популярной кимбангистской церкви в Конго причащаются не хлебом и вином, а сладким картофелем и медом. Стратегия заимствования особенностей местной культуры – один из ключей к глобальному успеху христианства и вместе с тем источник его головокружительного многообразия.

Я вырос в лоне епископальной церкви святого Петра на Кейп-Коде. Недавно я посещал службы в Вефильской епископальной церкви африканских методистов по соседству с бостонским районом Джамайка-Плейн. Упомянутые церкви разделены расстоянием всего в сотню километров, но их собрания – два совершенно разных мира. Прихожане церкви святого Петра лилейно-белы, тихи и благочестивы. Прихожане Вефильской церкви – неумные афроамериканцы, легко впадающие в экстаз. По службам в церкви святого Петра можно сверять часы, они никогда не затягиваются дольше, чем на час, а службы в Вефильской церкви не прекращаются до тех пор, пока не иссякнет запас энергии Духа. В церкви святого Петра верующие смиренно сидят на скамьях, сложив руки на коленях, даже когда органист пытается расшевелить их «черным» спиричуэлсом. Завести прихожан Вефильской церкви гораздо легче. Они вскакивают и направляются туда, куда ведет их Дух, возводят руки к небу, когда оркестр играет церковные гимны. Однако и те, и другие – христиане. Как и квакеры, собрания которых проходят в нескольких километрах от моего дома в деревне Ист-Сандвич, Массачусетс: с десяток квакеров, или «друзей», как они себя называют, молча сидят на старых пледах и практичных шерстяных одеялах, греются (или делают вид, что греются) у дровяной печки и слушают тишину так же доверчиво, как слушали их предшественники с тех пор, как в 1657 году образовалась община.

Однако христианство «Христа-младенца» и моего детства не верило в тишину. Особое место в нем занимала доктрина о вочеловечении, столь же таинственная для меня, как и жизнь взрослых в целом. Согласно этому основополагающему христианскому учению, в решающий момент всемирной истории Бог принял облик беспомощного младенца, родившегося у испуганной юной женщины и переданного в мозолистые руки плотника. «Что, если бы Бог был одним из нас?» – вопрошает в популярной песне Джоан Осборн. «Он и был!» – отвечает христианство. Однажды он в своем смирении стал человеком, как если бы Пеле или Майкл Джордан на пике карьеры вдруг отказались от власти, престижа и процветания ради новой жизни в пеленках, среди простых смертных. На протяжении всего вочеловечения Бог

творчески сочетал духовное и мирское, наполнял приземленные события повседневной жизни священным смыслом. Поэтому христианство всегда было не просто спасением от греха, но и священным трепетом перед обычным и заурядным.

Умеренный монотеизм и Троица

Каждое воскресенье в миллионах церквей всего мира христиане подтверждают учение о вочеловечении, повторяя изъявление веры, принятое по требованию Константина на Никейском соборе в 325 году. Ядро Никейского Символа веры, по-прежнему признанного тремя основными направлениями христианства – православием, католичеством и протестантизмом, – учение о Троице, которую составляют Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух.

Христиане – монотеисты, но их монотеизм носит умеренный характер по сравнению со строгим монотеизмом иудеев и мусульман, отказывающихся не только от попыток запечатлеть Бога, но и представлять его в человеческом облике. Христианство изобилует скульптурными и живописными изображениями Иисуса, во всеуслышание объявляющими благую весть – что Бог обрел человеческое тело. Следовательно, христиане воспринимают Бога как таинственную Троицу, Бога в трех ипостасях, или, как блестяще сформулировал писатель Дж. Ч.Холлмен, «тройню, восседающую на заборе между политеизмом и монотеизмом»³. Никейский Символ веры – торжественное заявление о «едином Боге Отце Вседержителе, Творце неба и земли», «едином Господе Иисусе Христе, Сыне Божием едиnorodном» и «Святом Духе, Господе, дающем жизнь». Из этих трех божественных особ больше всего внимания достается Иисусу. «Для нас людей и для нашего спасения» он сходит с небес и рождается человеком у Девы Марии. Его распинают, умерщвляют и погребают. Но по прошествии трех дней он воскресает из мертвых и восходит на небеса. Когда-нибудь он вернется на землю «со славою судить живых и мертвых». Символ веры завершается своего рода приложением, в котором говорится о богодухновеннос-ти христианской Библии, единстве христианской церкви и значении христианского таинства крещения. В последней строчке утверждается учение о воскресении мертвых и ожидании «жизни будущей».

Зачастую ошибочным оказывается именование религии «верой», а ее приверженцев – «верующими». Как ни парадоксально это звучит, вера и верование не играют существенной роли в большинстве религий.

Зачастую гораздо важнее оказываются ритуалы, как в конфуцианстве. Или предания, как в религии йоруба. Многие иудеи не верят в Бога, индуисты всего мира прекрасно обходятся без Символа веры. Когда речь заходит о религии, мы подразумеваем то, что делаем, гораздо чаще, чем-то, что думаем. Разумеется, среди посетителей церкви есть и те, кто крестит детей и принимает хлеб и вино причастия, особо не задумываясь, что все это означает, однако «быть христианином» означает, как правило, заботу о вере и убеждениях. Наиболее существенные расколы в истории христианства были в значительной степени спровоцированы богословскими разногласиями, и вплоть до недавних времен христиане без каких-либо колебаний брались искоренять ересь – к примеру, создавая такие институты, как инквизиция. Сегодня платой за прием в христианскую семью продолжает оставаться скорее ортодоксия («правильное учение»), чем ортопраксия («правильные действия»). Никейский Символ веры начинается словом «верую», и последующей парой сотен слов христиане всего мира резюмируют общую для них веру.

Иисус (трилогия)

Как указывает сам термин «христианство», эта вера вращается вокруг личности Иисуса, которого христиане традиционно чтят как Сына Божьего, Спасителя и Христа (от греческого аналога еврейского слова «мессия», или «машиах», – грядущий царь, который преобразит мир). Хотя в Библии сказано, что он «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8), представления об Иисусе разнятся для разных народов, мест и времен. Подверженные

воздействию культурных, политических и экономических ветров, образы Иисуса примерно так же постоянны, как погода на «Аллее торнадо» в Канзасе. В Древнем мире он был мессией в Иерусалиме, открывающим истину в Афинах и императором в Риме. В США он побывал чернокожим и белым, геем и натуралом, либералом и консерватором, капиталистом и социалистом, пацифистом и воином, атлетом и эстетом, активистом движения за гражданские права и членом Ку-клукс-клана. Мусульмане чтят его как пророка, индуисты – как аватару, буддисты – как бодхисаттву. Так что когда Иисус вопрошает: «За кого почитают Меня люди?» (Мк 8:2), ответить непросто как в его время, так и в наше⁴.

Для всех христиан Иисус – олицетворение власти Бога в мире. Одни уделяют особое внимание его роли наставника, чьи слова и поступки учат нас заботиться о бедных, освобождать угнетенных и строить Царство Божье. Другие воспринимают его как чудотворца, который исцеляет больных, изгоняет демонов, воскрешает мертвых. Третьи приветствуют его как Спасителя, страдания и смерть которого на кресте искупили человеческие грехи и даровали нам спасение. Так или иначе, оспаривать влияние Иисуса на всемирную историю невозможно. В Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия, хранится больше книг об Иисусе (примерно 17 тысяч), чем о каком-либо другом историческом лице, и вдвое больше, чем о Шекспире, занимающем второе место. По оценкам, во всем мире насчитывается 187 тысяч книг об Иисусе на пятиста языках⁵. В честь Иисуса даже названа целая страна – центральноамериканское государство Сальвадор («Спаситель»).

Хотя в Библии сказано, что он «вчера и сегодня и во веки Тот же», представления об Иисусе разнятся для разных народов, мест и времен

Ввиду этой озабоченности верой и убеждениями, Символом верой и катехизисом, возникает искушение классифицировать христианство как доктринальную религию *par excellence*. Вместе с тем это религия предания. Свое предание христиане называют Евангелием. Этот термин применяется к четырем Евангелиям Нового Завета (от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна), которые вместе с Ветхим Заветом, посланиями, приписываемыми апостолу Павлу, и еще несколькими книгами составляют христианскую Библию. Однако первое значение слова «евангелие» – «благая весть». Распространяя Евангелие, христиане распространяют эту благую весть. И хотя при этом они ссылаются на христианские учения, например, о греховности человека и искуплении грехов Иисусом на кресте, по меньшей мере с той же частотой они обращаются к преданию или жизнеописанию.

Предания, которые рассказывают христиане, меняются от общины к общине, от человека к человеку. Но как правило, повествование развивается от греха к спасению. Люди грешили еще со времен пребывания Адама и Евы в Едемском саду. Список этих прегрешений носит название «семи смертных грехов»: гордыня, зависть, гнев, леность, чревоугодие, блуд и корыстолюбие. Но понятие греха в общем смысле относится к склонности человека к злу и ошибочным поступкам. Согласно Библии, грешат все – «если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин 1:8) – и эти грехи имеют последствия, в том числе конфликты с другими людьми и отчуждение от Бога. Грешникам не попасть на небеса, им не видать вечной жизни, никакими своими поступками они не могут заслужить спасение, искупление грехов. Но к счастью, христианство – «религия спасения», и это спасение стало возможным, когда Иисус погибал на кресте⁶. В тот день, который христиане отмечают как Великую (Страстную) пятницу, безгрешный Иисус взял на себя наши грехи. А три дня спустя, в день, который празднуется как Пасха, он доказал, что Бог властен над грехами, воскреснув из мертвых. Следовательно, «благая весть» заключается в том, чтобы каждый, услышав этот рассказ, исповедался в своих грехах и, обратившись за прощением к Иисусу, обрел спасение. Или же, как сказано об этом в Библии, «возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 6:23).

Подобно всем религиозным людям, христиане избирательно и намеренно забывают,

вспоминают и пересказывают основополагающие предания. Они делают акцент на одном эпизоде за счет замалчивания другого, действуя в соответствии со своими склонностями и предубеждениями, свойственными конкретному времени

Эта сюжетная основа действует на трех взаимосвязанных уровнях. Есть повествование о самом Иисусе, Боге, который рождается в яслях Вифлеема, странствует по Галилее и умирает на кресте в Иерусалиме. Но эта история Иисуса вкраплена в более узкие рассказы о роли Иисуса в жизни отдельных людей и более масштабный рассказ о роли Иисуса в истории человечества.

В ограниченных рассказах часто говорится о поразительных преображениях, полных драматизма историях отъявленных грешников, спасенных благодатью милосердного Бога. Или, как сказано в популярном христианском гимне «О, благодать» (*Amazing Grace*), «был мертв – и чудом стал живой, был слеп – и вижу свет». Президент США Джордж Буш был алкоголиком, пока в доме его семьи в Кеннебанкпорте, Мэн, не побывал евангелический христианин Билли Грэм, после чего жизнь Буша круто изменилась. Вскоре после этого Буш открыто признал, что верит в Иисуса и что «возродился в вере». В 1999 году, отвечая во время дебатов на вопрос о своем любимом политическом философе, Буш назвал Христа, «потому что благодаря ему изменились мои взгляды». Тех, кто неожиданно приходит к Христу, называют «рожденными вновь», или «возродившимися в вере», но есть и менее эффектный способ стать христианином: быть крещенным в детстве и следовать христианским правилам во взрослом возрасте.

Более масштабное повествование об Иисусе охватывает промежуток от сотворения до апокалипсиса: с сотворения мира «в начале», о котором рассказывается в первой книге Библии, Бытие, до грядущих пожаров, о которых говорится в последней библейской книге Откровение. Подобно всем религиозным людям, христиане избирательно и намеренно забывают, вспоминают и пересказывают основополагающие предания. Они делают акцент на одном эпизоде за счет замалчивания другого, действуя в соответствии со своими склонностями и предубеждениями, свойственными конкретному времени. Но большинство популярных вариантов масштабного повествования об Иисусе сосредоточено вокруг христианской проблемы (греха) и христианского решения (спасения). Бог создает мужчину по имени Адам и женщину Еву, обоих он поселяет в саду Едемском. Им хорошо живется, пока они, послушавшись Бога, не съедают запрещенный им плод. После этого первого прегрешения Адама и Еву изгоняют из райского сада, и в истории человечества появляются грех, смерть и страдания. С тех пор ситуация только ухудшалась, пока наконец Бог не решил уничтожить мир при помощи потопа, пощадив только семью Ноя и животных, которых Ной собрал про запас в своем ковчеге, чтобы вновь населить землю. Затем Бог заключает соглашение с израильтянами, через Авраама объявляет, что избрал их своим народом и наделяет его законом. Но грехов, смерти и страданий становится все больше, и тогда Бог Отец посылает своего Сына Иисуса в мир, где он будет жить и умрет, как человек, а потом воскреснет из мертвых. Смертью на кресте Иисус расплачивается за грехи всего мира, в итоге его последователи обретают возможность радоваться вечной жизни с Богом. Но деяния Бога в истории человека будут полностью явлены лишь после того, как Иисус вернется, мертвые восстанут из могил и вместе с живыми разделятся на спасенных (тех, кто попадет в рай) и осужденных (тех, кто попадет в ад).

Библейская история нашла блестящее и лаконичное отображение в большом кресте, изготовленном американским художником-любителем Престоном Джетером. Этот крест в стиле тотемных столбов выструган из досок размерами два на четыре дюйма и раскрашен яркими малярными красками. В основании креста обнаженные Адам и Ева в Едемском саду, оплетенные змеем, жадно поедают большое красное яблоко. Выше располагается днищевая часть корпуса Ноева ковчега, еще выше Моисей держит над головой Десять заповедей – совсем как сыгравший его в одноименном фильме Чарлтон Хестон. Центр композиции – ясли

с младенцем Иисусом. Выше находится распятый Христос, вытянутые руки которого придают всей композиции сходство с крестом. На вершине этого креста воскресший Христос поднимает руки к небесам, указывая нам путь к Богу. В соответствии с традиционными христианскими взглядами, согласно которым христианство довершает иудаизм, а не опровергает его, эта скульптура интерпретирует события Еврейской Библии в свете пришествия Иисуса и отображает жизнь Адама, Евы, Ноя и Моисея в буквальном смысле как фрагменты самого распятия. Подобно повествованию об Иисусе, этот крест содержит вопрос, на который каждый отвечает сам: веришь ли ты, что Христос умер, чтобы спасти тебя от твоих грехов? Знаешь ли ты, что Иисус воскрес, чтобы доказать: последнее слово остается вовсе не за смертью, а единый истинный Бог – это Бог процветания?

2,2 миллиарда спасенных

Христианство зародилось как движение вероотступников, никчемное препирательство из-за степени, в которой их обязательства перед евреем Иисусом обязывают их придерживаться таких еврейских традиций, как обрезание. Это движение было не более чем занозой в боку Римской империи, пока император Константин, сын христианки, не обратился в христианство в 312 году, чуть ли не в одночасье превратив христиан из гонимых чужаков в хозяев-гонителей, из угнетаемых в угнетателей. Если предшественник Константина Диоклетиан был самым кровавым гонителем христиан во всей истории Римской империи, сжигал дома собраний, запрещал христианские богослужения и содействовал увеличению численности мучеников, то Константин позволил христианам свободно исповедовать свою веру повсюду на территории империи. Христианское обещание надежды для бедных и рая для верующих нашло широкий отклик, властью Константина распространилось до дальних рубежей греко-римской цивилизации, а затем и по миру за ее пределами.

Христианство зародилось как движение вероотступников

Сегодня Библия – всемирный бестселлер номер один, Иисус – самая узнаваемая фигура в мире, христианство – наиболее популярная и широко распространенная из мировых религий; 2,2 миллиарда человек, или треть населения Земли, называют себя христианами, Новый Завет переведен более чем на три тысячи языков⁷. Христианство – преобладающая религия в Европе, Австралии, Северной и Южной Америке, христиане составляют большую часть населения приблизительно 120 стран – от Арубы, Беларуси и Канады до Замбии и Зимбабве. США во всеуслышание называют себя «государством с наиболее разнообразным конфессиональным составом», однако христиан в нем проживает больше, чем в какой-либо другой стране планеты⁸. В США насчитывается приблизительно 247 миллионов христиан, на втором месте значится Бразилия (170 миллионов), затем – Россия (115 миллионов), Китай (101 миллион) и Мексика (99 миллионов).

Ввиду глобального распространения и вероотступнических истоков, единство, к которому христиане стремились еще в те времена, когда на Никейском соборе по велению Константина был принят Никейский Символ веры, оказалось недостижимым. Библию чтут все христиане, но католическая Библия состоит из 73 книг (или, если Книга пророка Иеремии и Плач Иеремии объединены, – из 72), а протестантская Библия – всего из 66. Существуют сотни различных переводов Библии, которые христиане трактуют по-разному. Есть феминистские Библии, афроамериканские Библии, Новый Завет для девочек-подростков *Revolve* («Размышление») и для мальчиков-подростков *Refuel* («Перезарядка»)⁹. В издании *Good as New* («Лучше прежнего», 2004), авангардистском британском переводе тяготеющего к «левым» уэльского баптиста Джона Хенсона, Иоанн Креститель назван «Макальщиком», святой Петр – «Глыбой», а помешанной на сексе молодежи дается совет не вступать в брак, а обзаводиться «постоянным партнером»¹⁰.

На два основных направления, католичество и православие, христианство разделилось в средние века. Отношения «латинян» и «греков» дали первые трещины в богословских спорах

1054 года, когда легаты папы Льва IX отлучили от церкви патриарха Константинопольского, а патриарх в ответ предал анафеме легатов. Положение стало непоправимым после того, как в 1204 году католические армии захватили Константинополь. В институциональном отношении трения возникли из-за полномочий папы, или, в более широком контексте, из-за вопроса о том, какой должна быть церковная власть – централизованной (позиция католиков) или децентрализованной (позиция православных). В богословском отношении причиной разногласий между греческим Востоком и латинским Западом стал вопрос о Троице, который теперь выглядит подобием пресловутой проблемы «сколько ангелов умещается на булавочной головке?» Исходит ли Святой Дух только от Бога Отца, как утверждают православные? Или же и от Отца, и от Сына, на чем настаивают католики?

В настоящее время Православную церковь возглавляет не папа, а патриархи, власть которых ограничена их государствами. К примеру, Греческая православная церковь и Русская православная церковь существуют без внешнего вмешательства. В большей мере, чем все прочие христиане, православные делают акцент на ритуальном аспекте религии, пышно празднуя евхаристию – как правило, с кадилами, церковной музыкой, роскошными облачениями священников. Из всех чувств православие опирается прежде всего на зрение, поддерживая связь с тайнами божественного посредством икон с изображением святых. Православные, в отличие от католиков, настаивающих на celibate для священнослужителей, допускают браки приходских священников, но для епископов celibat является обязательным. И наконец, если протестанты и католики склонны воспринимать христианское повествование в правовом отношении, уделяя особое внимание распятию как своего рода помилованию, то для православных на первом месте стоят вочеловечение и воскресение, а также и то, и другое как возможное предзнаменование мистической причастности к Христу.

Протестантская Реформация

Следующий значительный раскол в христианстве наметился во времена протестантской Реформации в Европе XVI века. Этот раскол часто датируют 1517 годом, тем моментом, когда немецкий профессор библеистики и монах-августинец Мартин Лютер прибил к двери Замковой церкви в Виттенберге «95 тезисов» – доводы против Римско-католической церкви. Реформация подняла вопрос первостепенной важности – вопрос о спасении души, а точнее, о том, как его достичь. Спасет ли христиан от греха сочетание веры и дел, как утверждают католики? Или же, как считают протестанты, sola fide, то есть одной только веры достаточно, поскольку она искупает наши грехи и служит пропуском на небеса?

Книгопечатный станок впервые в мировой истории способствовал быстрой и недорогой организации религиозного бунта

Как подразумевает термин «реформация», большинство видных деятелей этого периода – Лютер (1483–1546) в Германии, Жан Кальвин (1509–1564) в Женеве, Ульрих Цвингли (1484–1531) в Цюрихе – стремились к реформам в Римско-католической церкви, а не к разжиганию революции. Вдохновленные характерным для Ренессанса стремлением вернуться к первоосновам, они хотели, минуя новшества средневекового католичества, возвратиться к ранним церковным образцам. В условиях растущей грамотности и увеличения численности среднего класса они добивались возможности проводить богослужения и читать Библию на местных языках, а не на латыни, предписанной Ватиканом. Они считали необходимым покончить со спорной практикой продажи индульгенций (подобия расписок о прощении греха). И кроме того, деятели Реформации не видели причин запрещать священникам жениться. Но проповедуя свои основные тезисы – «оправдание милостью в вере», «все верующие – священники» и sola scriptura («только Писание»), – реформаторы непреднамеренно стали революционерами. А когда католики подтвердили приверженность своим традициям (притом в самых недвусмысленных выражениях), на Тридентском соборе (1545–1563), произошел окончательный раскол.

Протестанты соглашались с католиками по вопросу греха и пути к спасению, однако между этими двумя сторонами возникли

разногласия, касающиеся методов достижения указанной цели. Во многих отношениях эти исторические споры повторяли индуистские и буддийские о том, достижима ли эта религиозная цель посредством личных

«Если я вижу белое, я буду верить, что оно черное, если так решат церковные власти». – Игнатий Лойола

усилий или благодаря вмешательству внешней силы. Что в действительности требуется от нас для спасения? Любить ближнего и выполнять обряды? Или просто уповать на могущество спасителя Иисуса? В протестантско-католических спорах всплывал и другой вопрос: что есть искупление – дар, как утверждал Лютер, или же, как настаивал Ватикан, обмен определенного рода, в ходе которого верующие расплачиваются за свои грехи покаянием? В этом случае католики обратились к своим традициям и Посланию Иакова («так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе», Иак 2:17, по Дуэ-Реймсскому переводу), доказывая необходимость и веры, и дел. Но Лютер, который приложил огромные усилия, чтобы увериться в спасении, и в итоге обнаружил, что никакое сочетание молитвы, аскетизма и духовных упражнений не убьет преследовавшего его «монстра неопределенности», высказывался в пользу sola fide (только веры)¹¹. Ибо, как писал Павел, «праведный верою жив будет» (Рим 1:17, по исправленной стандартной версии, RSV).

Подобно набожным индуистам, протестантские реформаторы утверждали, что религиозная цель может быть достигнута всеми, кто применяет свою повседневную деятельность к божественному. Призвание свыше – привилегия не только монахов и монахинь, но и обычных людей. Если это утверждение придало протестантизму убедительности, то его распространению способствовал книгопечатный станок, который в сочетании с растущей грамотностью впервые в мировой истории способствовал быстрой и недорогой организации религиозного бунта. Французский мыслитель Режи Дебре преувеличивает, утверждая, что «без алфавита... не было бы и Бога», но без книгопечатного станка действительно не было бы протестантов¹².

Католическая Контрреформация отреагировала на нападки протестантов, заново подтверждая традиционные учения по таким вопросам, как грех, спасение и в особенности таинства, и создавая организации по образцу «Общества Иисуса» (ордена иезуитов), основатель которого, Игнатий Лойола, известен заявлением: «Если я вижу белое, я

буду верить, что оно черное, если так решат церковные власти»¹³. Но католики также проявили свой вариант религиозной преданности в духе индуизма. На Тридентском соборе Ватикан подтвердил значение внутреннего благочестия, настояв на том, чтобы миряне исповедовались как минимум раз в год. В 1609 году епископ Женевы Франциск Сальский написал «Введение в благочестивую жизнь» – первый классический духовный труд католиков, адресованный мирянкам.

Лютеране, кальвинисты, англикане и анабаптисты

Поскольку протестанты считали, что все могут и должны читать Библию на родных языках, воспринимать ее сквозь призму собственной совести, практически не ссылаясь на традиции, протестантизм в свою очередь тоже раскололся. Сегодняшние четыре основных направления протестантизма – лютеранство, реформатство, англиканство и анабаптизм.

К лютеранскому направлению, занимающему наиболее прочные позиции в Германии, странах Скандинавского полуострова и на американском Среднем Западе, относятся последователи Мартина Лютера, основателя таких конфессий, как Евангелическая лютеранская церковь

Америки и церкви разных европейских государств, в том числе Швеции и Норвегии. Во время богослужений лютеране уделяют особое внимание литургии, общему пению гимнов, в том числе сочиненных самим Лютером (например, «Наш Бог – непреступная крепость»). Хотя лютеране отвергают католическое учение о пресуществлении, согласно которому хлеб и вино святого причастия в действительности превращаются в плоть и кровь Иисуса, они утверждают, что при евхаристии на самом деле присутствует Иисус.

К реформатскому направлению принадлежат протестанты, разделяющие веру Жана Кальвина в абсолютное могущество Бога, полную греховность человека, а также в то, что каждому человеку еще до рождения уготована судьба попасть либо на небеса, либо в ад. Кальвинизм обрел форму в Шотландии, под влиянием ученика Кальвина Джона Нокса (1514–1572), однако самыми знаменитыми кальвинистами в истории стали пуритане, отправившиеся из Англии в Новую Англию в XVII веке и способствовавшие превращению кальвинизма в доминирующий религиозный импульс ранней колониальной Америки. К реформатским конфессиям относятся пресвитерианство и официальное протестантское направление Южной Кореи.

Англиканское сообщество составляют конфессии, появившиеся ввиду печально известного разрыва короля Генриха VIII (1491–1547) с Католической церковью в 1534 году – разрыва, вызванного, помимо прочих причин, решимостью Генриха не допустить, чтобы его брак с Екатериной Арагонской стал препятствием для брака с юной и пылкой Анной Болейн. К англиканским конфессиям относятся Англиканская церковь и Епископальная церковь (США). Традиционно занимающее прочное положение в Англии и бывших британских колониях, например, в Австралии, англиканское сообщество в настоящее время ведет особенно интенсивную деятельность в Африке, на родине более чем половины из 80 миллионов приверженцев Англиканской церкви, насчитывающихся в мире. Англикане, полагаящие свой путь серединой между католичеством и протестантизмом, во многих отношениях близки к католикам. Свое духовенство они называют не «clergy», а «priests», отмечают дни святых и обычно по воскресеньям празднуют евхаристию. Англиканам мы обязаны молитвенником (*Book of Common Prayer*, 1549) и Библией короля Иакова (1611) – документами, тексты которых стали для современного английского языка тем же, чем произведения Данте для современного итальянского, то есть породили этот язык.

Слово «анабаптизм» буквально означает «перекрещение», однако анабаптистов характеризует скорее их отношение к войне и правительству, чем обычай креститься во взрослом возрасте. Амиши и меннониты относятся к анабаптистским «церквам мира», приверженцы которых настаивают на решительном отделении церкви от государства. Как меннониты, так и амиши стремятся вести простой образ жизни среди хаоса современности, отказываются воевать, многие предпочитают обрабатывать землю традиционными методами, не пользуясь такими современными удобствами, как автотранспорт и электричество.

Протестантская и католическая вселенная

Различия между протестантизмом и католичеством можно выявлять разными способами. Католики составляют «древнейший в мире непрерывно существующий международный институт», а протестанты – новички на этой арене¹⁴. У католиков есть папа римский и Ватикан, а у протестантов нет ни того, ни другого. Но ключевое различие между этими двумя группами – то, как каждая из них наполняет мир священной силой.

С точки зрения католиков, вселенная изобилует людьми и предметами, исполненными сакрального смысла. Можно достичь Бога, молясь святым, участвуя в уличных шествиях в дни религиозных праздников или совершая паломничество по одноименным церквам. Наиболее популярные святые, служащие примерами для подражания в католичестве, – святой Франциск Ассизский, основатель монашеского ордена францисканцев, искавший Бога среди бедных и в церкви солнца и неба; святой Иуда, покровитель безнадежных предприятий, и Дева Мария, которую католики славят в дни религиозных праздников Благовещения, Непорочного Зачатия

и Успения, а молитва ей, *Ave Maria* («Радуйся, Мария»), ежеминутно звучит из уст миллионов католиков во всем мире (в том числе фанатов футбола в университете Нотр-Дам). Кроме того, католики достигают Бога посредством семи таинств, совершаемых священниками: крещения, конфирмации, исповеди, причащения, брака, рукоположения и соборования (елеосвящения). В католической мессе ключевым является момент, когда хлеб и вино евхаристии пресуществляются в тело и кровь Иисуса. Такие реликвии, как Туринская плащаница (считаемая погребальным саваном Иисуса) и тело святого Петра в одноименной базилике Ватикана, также непосредственно связаны с тайной божественного. То же самое относится и к Библии, но в данной традиции слово Божье полагается толковать согласно традициям и указаниям церковных властей. (В отличие от большинства протестантских Библий, католические Библии выходят с пояснениями и примечаниями). И наконец, у католиков есть папа, к особенностям власти которого с 1870 года относится непогрешимость – способность высказываться по вопросам вероучения и нравственности, не допуская ошибок.

Протестанты отвергают всю эту католическую вселенную со святыми и реликвиями как проявление суеверия. Образцами им служат простые «рыцари веры», которые, согласно датскому мыслителю Сёрену Кьеркегору, восходят к самому Аврааму. Разумеется, у протестантов есть кумиры, такие, как лидер борьбы за гражданские права Мартин Лютер Кинг-младший, а также немецкий деятель антинацистского сопротивления Дитрих Бонхёффер, однако протестанты не молятся им и не празднуют их дни. В сущности, они осуждают католиков за то, что их преданность Деве Марии (которую католики считают также непорочно зачатой) в некоторых случаях затмевает их преданность самому Иисусу. Вдобавок протестанты отвергают власть папы и обычно называют своих священнослужителей пасторами. Квакеры всецело отрицают таинства, однако большинство протестантов сводят семь таинств католичества к двум: крещению, обряду инициации, – зародившемуся в пустыне и обычно понимаемому как смерть и воскресение, при которых иницируемых очищают либо погружением в воду, либо сбрызгиванием водой, – и причастию, совместной трапезе из хлеба и вина (в некоторых случаях – виноградного сока), также называемой евхаристией, вечерней Господней и мессой, восходящей к Тайной вечери Иисуса и его апостолов накануне его казни на кресте.

Сегодня многие приверженцы христианства предпочитают считать себя просто христианами, а не пресвитерианами, методистами или даже католиками

Решающий момент в протестантских богослужениях наступает не тогда, когда прихожане делят хлеб и вино, а когда собранию читают Библию, а пастор (которым в этом случае может быть и женщина) толкует ее текст для слушателей. Итак, если католики могут приблизиться к Богу посредством святых, реликвий, пап, священников, таинств и Библии, то протестанты обращаются к Богу без посредников и читают Библию под руководством одного только Бога, не стесненные властью папы и церковными традициями¹⁵.

Одно из следствий этих различий – меньше возможностей для кумиров женского пола в протестантской традиции. Католичество, не допускающее существования женщин-священников, часто критикуют за сексизм, однако именно католики наделили ангельскими крыльями женщин и дали миру женщин-святых, не в последнюю очередь саму Деву Марию. Протестанты подрезали эти крылья и разжаловали таких пророчиц, как святая Хильдегарда Бингенская, и таких мучениц, как святая Агнесса, в простые смертные. Несмотря на то, что протестантские мотивы согласуются с современными западными ценностями вроде свободы и равенства, половина нынешних христиан – католики.

Чуть больше трети (36 %) – протестанты, каждый восьмой (12 %) – православный¹⁶.

Но с каждым годом все меньше и меньше христиан отождествляет себя с подобными ярлыками. Теперь редко встретишь пресвитерианина, способного разъяснить учение Кальвина

о предопределении, или приверженца Методистской церкви, которому под силу объяснять, что такое учение об освящении основателей Методистской церкви, Джона и Чарльза Уэсли. Со времен *aggiornamento* («обновления») Второго Ватиканского собора (1962–1965) католики сблизилась с протестантами по многим ключевым вопросам, не в последнюю очередь в своих представлениях о церкви как «народе Божиим», а не иерархии пап и епископов. В настоящее время многие крупнейшие церкви мира относятся к всерелигиозным, многие приверженцы христианства предпочитают считать себя просто христианами, а не пресвитерианами, методистами или даже католиками.

Мормонизм

Помимо всего прочего, христианство породило вереницу новых конфессий, не вписывающихся в три классические категории: католичество, протестантизм, православие. Многие из этих христиан, в том числе адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы и приверженцы христианской науки – продукты американской культуры. Успешнее всех прочих разбивает стереотипы еще одно детище Америки – Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (СПД), в настоящее время – одно из наиболее стремительно растущих религиозных движений мира.

Церковь СПД возникла на севере Нью-Йорка в начале XIX века, когда Евангелическая церковь переживала ряд событий, связанных с возрождением (ривайвелизмом), в дальнейшем получивших название «Второго великого пробуждения». Растерявшийся в этом хаосе юный Джозеф Смит-младший (1805–1844) был охвачен боязнью загробного существования – боязнью того рода, которая побудила Мартина Лютера отрицать католические таинства как сделку с целью спасения души. Смит-младший тоже обратился за помощью к Богу, только задавался иным вопросом: какая из многочисленных протестантских конфессий является истинной? Насколько известно, Бог ответил, что таковых нет. Вскоре после этого ангел по имени Мороний известил Смита о золотых табличках или листах, зарытых в V веке на холме неподалеку от его дома. Смит вырыл эти листы, с помощью двух «провидческих камней» перевел их тексты с «усовершенствованного египетского» языка на английский и опубликовал результаты в 1830 году в виде «Книги Мормона». В этой книге Иисус после воскресения отправляется в Новый Свет и перед вознесением успевает посеять семена своей истинной церкви в американскую почву.

У мормонов, как ныне принято коротко называть приверженцев церкви СПД, немало общего с другими протестантами, однако таковыми они себя не считают, а многие протестанты в ответ отказываются признавать мормонов христианами. Если мормоны заявляют о своей *bona fide*, демонстрируя любовь к Иисусу, многие возродившиеся в вере христиане (в полном соответствии с христианской поглощенностью учением) утверждают, что мормонизм слишком заметно отклонился от традиционных христианских догм, чтобы считаться христианским течением. К примеру, мормоны часто повторяют, что у Бога есть тело и что люди способны становиться божествами. Как минимум до 90-х годов XIX века они расценивали описанную в Ветхом Завете полигамию и теократию как разрешение действовать таким же образом. Мормоны относятся к Библии («если ее перевод верен»), как к слову Божьему, но признают священными писаниями еще три внебиблейские книги: «Книгу Мормона», «Драгоценную жемчужину» и «Учение и заветы». И наконец, мормоны верят в непрерывность откровения, что дает возможность их руководителям менять убеждения и практику посредством пророчеств.

Мормоны, гонимые отовсюду с самого появления, напоминают о том, что свобода вероисповедания – скорее надежда, чем реальность даже в США. В ответ на нетерпимость и враждебность окружающих мормоны перебрались на запад, из Нью-Йорка в Огайо и Миссури, прежде чем обосновались в Иллинойсе. Там Смита арестовали и посадили в тюрьму, где в 1844 году он был убит во время погрома. Под руководством «американского Моисея» Бригама Янга (1801–1877) мормоны переселились в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, где живут по сей день.

Долгое время американцы видели в мормонах опасных чужаков, но в настоящее время широко распространено представление о мормонах как о типичнейших американцах. Самая популярная американская писательница начала XXI века, Стефани Мейер, автор саги «Сумерки», исповедует мормонизм. Герои телесериала «Большая любовь»

(*Big Love*) канала HBO – семья мормонов. Представители СПД, например победитель конкурса талантов *American Idol* Дэвид Арчулета, так часто фигурируют в реалити-шоу, что критики уже начинают сетовать на «колонизацию реального телевидения» мормонами¹⁷. Тем не менее большая часть 14 миллионов приверженцев церкви СПД в настоящее время живет за пределами США, примерно треть называет домом Латинскую Америку – поразительное достижение, при том что кодекс питания мормонов («Слово мудрости») запрещает употребление кофе¹⁸.

Век евангеличества

Следующим после Реформации знаменательным событием в истории христианства стало возвышение евангеличества в XIX веке и быстрая евангелизация территории, в дальнейшем известной как христианский Запад. В 1822 году президент США Томас Джефферсон предсказывал, что Соединенные Штаты захлестнет унитариянство – христианское течение, приверженцы которого отрицают Троицу и чтят Иисуса как великого, но лишённого божественности нравственного наставника¹⁹. Он ошибся. Эту задачу взяли на себя представители Евангелической церкви, вставшие таким образом на путь христианизации и США, и всего мира в «век евангеличества».

Историк Дэвид Беббингтон называл в качестве определяющих для евангеличества четыре черты: «библицизм» (внимание к Библии как богодухновенному слову); «крюцицентризм» (акцент на искупительной смерти Иисуса на кресте); «конверсионизм» (акцент на опыте «возрождения») и «активизм» (акцент на проповедовании и осуществлении Евангелия)²⁰. В начале XIX века эти характеристики слились воедино, породив движение. Благодаря масштабному религиозному возрождению в США и Англии, а также героическим усилиям методистских «разъездных священников» и баптистов, проповедующих фермерам, миссионерская деятельность стремительно меняла Англо-Америку, евангеличество становилось преобладающим религиозным импульсом в протестантском мире.

Христианство – миссионерская религия. В отличие от иудеев и индуистов, обычно не стремящихся обратить кого-либо в свою веру, христиане сразу вняли Великому поручению Иисуса – «идите, научите все народы» (Мф 28:29, по Новой международной версии, NIV). Христианство начиналось как движение иудейских реформаторов. Иисус был иудеем, как и его апостолы, утверждавшие, что он и есть Мессия, которого давно ожидали евреи. Но Павел, обратившийся из иудаизма в христианство, решил проповедовать весть о грехе и спасении в равной мере «и эллинам, и иудеям». Он считал, что для обращения в христианство вовсе незначительно прежде становиться иудеем. Христианам не требуется исполнять обряд обрезания, христианским семьям позволительно есть свинину. Так у христианского движения появились форпосты среди грекоязычного населения мест, известных из библейских посланий Павла – Коринфа, Галатии, Ефеса, Филипп, Колосс и Фес-салоник.

В XIX веке христианство таким же образом двинулось навстречу англоязычному населению, распространяясь еще быстрее, чем в первые века своего существования. В 1800 году христиане составляли менее четверти (23 %) населения планеты. К 1900 году их численность выросла до более чем трети (34 %). Наиболее резкий рост наблюдался в Северной Америке, где за период с 1815 по 1915 год общая численность христиан увеличилась в десять раз. При этом доля христиан в общей численности населения США выросла с примерно 25 % до 40 %. В Канаде прогресс христианства был еще значительнее: с примерно одной пятой населения до примерно половины²¹.

Христианство начиналось как движение иудейских реформаторов. Иисус был иудеем, как и его апостолы, утверждавшие, что он и есть Мессия, которого давно ожидали евреи

Однако евангеличество не просто изменило количество христиан: оно изменило качество христианства. По мере того, как евангеличество расширяло сферу своего влияния, впечатления и эмоции попирали учение и интеллект. Несмотря на то, что все больше христиан относились к Библии как к богодухновенному слову, все меньше их проявляло интерес к изучению того, что именно сказал Бог. Анти-интеллектуалы, например представитель методистского возрождения Питер Картрайт и «евангелический бейсболист» Билли Санди, бравировали своим доморожденным невежеством; христиане, подобно Страшиле, принимали веру сердцем, а не мозгом. Если позитивизм был, по словам французского философа

Огюста Конта, «восстанием разума против сердца»²², то евангеличество стало восстанием сердца против разума.

Евангеличество часто путают с фундаментализмом, но хотя оба они уделяют особое внимание обращению в веру и отстаивают «семейные ценности», на самом деле это совершенно разные направления. Хотя приверженцы обоих движений называют Библию «словом Божиим», евангелические христиане говорят скорее о ее богодухновенности, чем о непогрешимости, поэтому не поддерживают фундаменталистов в стремлении читать ее как учебник геологии или истории. Историк Джордж Марсден дал фундаменталистам широко известное определение – «евангелические христиане, которые на что-то злятся», а предмет недовольства фундаменталистов – современность²³. Евангелические христиане более расположены к современности, не так настойчивы и крикливы. Они одними из первых находят оригинальное применение многим новинкам коммуникационных технологий – от радио и телевидения до интернета.

Сегодня евангеличество занимает видное положение в *InterVarsity Christian Fellowship*, *World Vision* и других волонтерских ассоциациях, пренебрегающих прежними конфессиональными границами. В США евангеличество привычно ассоциируется с такими деятелями движения за свободу вероисповедания, как Джеймс Добсон, основатель организации *Focus on the Family* («В фокусе – семья»), однако американские евангелические христиане XIX века были сторонниками прогресса в политике, возглавляли движение за отмену рабства и за предоставление права голоса женщинам. В наше время типичный евангелический христианин в США выступает против абортов и однополых браков, но склоняется к центристским и даже левым взглядам по многим другим общественно-политическим вопросам, в том числе проблемам нищеты и охраны окружающей среды. Наиболее красноречиво евангелических левых представляет Джим Уоллис, возглавляющий общину *Sojourners* в Вашингтоне, округ Колумбия, со времен ее основания в начале 70-х годов XX века.

Век пятидесятничества

Если христианство XIX века было евангелическим, то в XX веке оно принадлежало пятидесятничеству – исполненной Святого Духа вере, которая в последние десятилетия направила христианский корабль от греко-римского Запада в южном и восточном направлении. Христианство продолжает считаться белым и западным, так как еще в 1900 году

Характерная особенность пятидесятничества – крещение Святым Духом, дополнительная благодать после обращения в веру, часто сопровождающаяся экстатическим говорением на неизвестных языках

чуть меньше 80 % христиан всего мира составляли европеоиды и чуть больше 80 % проживало в Европе и Северной Америке²⁴. Так что когда писатель-католик Хилэр Беллок писал в 1920 году, что «церковь – это Европа, а Европа – это церковь», он был, в общем-то, прав²⁵. Но периодически в XX веке центр тяжести христианства перемещался на другой берег

Гибралтарского пролива, из Испании в Северную Африку²⁶. Во многом эти миграции объясняются пятидесятничеством, зародившимся в Америке, но к настоящему времени прочно обосновавшимся в Африке, Латинской Америке и Азии.

Лет десять назад я предположил, что в американской религии, по-видимому, происходит смещение от трансцендентности к имманентности – от колониальной эпохи Бога Отца к викторианской эпохе Бога Сына и новой эре Бога Святого Духа. Сегодня такой же сдвиг наблюдается во всем мире. Благодаря пятидесятничеству, божественное уже не «где-то там», а «прямо здесь», и Святой Дух наконец удостоился заслуженного внимания.

Порождение Движения святости в протестантской конфессии методистов, пятидесятничество получило название по одному из преданий новозаветной книги Деяния святых Апостолов, в которой Дух Святой после смерти Иисуса нисходит на апостолов во время иудейского праздника Пятидесятницы. При этом «исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках» (Деян 2:4, по Новой международной версии, NIV). Характерная особенность пятидесятничества – крещение Святым Духом, дополнительная благодать после обращения в веру, часто сопровождающаяся экстатическим говорением на неизвестных языках, или глоссолалией. Богослужения пятидесятников способствуют свободе проявления «даров Духа», таких, как «говорение на языках», пророчествование, исцеление верой, а священники-пятидесятники знают, как поэффектнее представить все перечисленное. Президент США Авраам Линкольн однажды заметил: когда он наблюдает за проповедником, ему нравится «видеть, как он словно отмахивается от пчел»²⁷. В пятидесятничестве насчитывается немало проповедников, воюющих с пчелами.

Как и фундаментализм, с которым его часто путают, пятидесятничество – изобретение XX века. В отличие от фундаментализма, ставящего на первое место учение, пятидесятничество делает упор на опыт и впечатления, настаивая (вопреки яростным возражениям фундаменталистов), что чудеса, творившиеся в ранней церкви и описанные в книге Деяния, по-прежнему доступны людям веры. Кроме того, пятидесятники допускают непосредственное общение с Богом, а фундаменталисты и прочие сторонники авторитета Библии считают этот вопрос по меньшей мере щекотливым.

Характерные приметы пятидесятничества появились в разных уголках планеты – в Уэльсе, Корее, Индии, – еще в первые годы XX века, а в 1900 году стали очевидными в Канзасе. Но истоки пятидесятничества обычно прослеживают до апреля 1906 года в маленькой негритянской церкви на Азуза-стрит в Лос-Анджелесе. Во время пробуждений представителей разных народов под руководством одноглазого чернокожего проповедника Уильяма Джозефа Сеймура (1870–1922) христиане молились, пели и говорили на языках, которых не знали. Многие сочли, что «дары Духа» на Азуза-стрит – свидетельство тому, что наступают «последние времена», когда Бог пообещал излить «от Духа Моего на всякую плоть» (Деян 2:17, по исправленной стандартной версии, RSV) – особенно убедительными их доводы стали после того, как в разгар этого бедлама разразилось землетрясение в Сан-Франциско. «Пробуждение на Азуза-стрит», как теперь называют эти события, годами продолжало свидетельствовать о присутствии священной силы, которую в религии йоруба называют «аше». Отчасти благодаря статьям в газете *Los Angeles Times*, в которых происходящее осуждалось как «дикое вавилонское столпотворение», посетители съезжались на Азуза-стрит со всей территории США и со всего мира, а затем уезжали, увозя с собой вести о новой форме христианского поклонения²⁸.

С 70-х годов XX века пятидесятничество переживает бум в оплоте католичества, Латинской Америке; многие латиноамериканцы в США перешли из католических церквей в пятидесятнические. Пятидесятничество прижилось даже в наиболее светских сообществах мира. Во время недавней поездки в Торонто я узнал об одном тамошнем профессоре, изучающем шведское пятидесятничество. Поначалу я счел услышанное шуткой. «И сколько

человек он изучает? – спросил я. – Пятых?» Однако пятидесятничество действительно живет и процветает не где-нибудь, а в Швеции. Филадельфийская церковь в Стокгольме, первое собрание пятидесятников в Швеции, до 60-х годов XX века была крупнейшей пятидесятнической церковью мира. Церковь Слова жизни в соседней Упсале гордится самой большой в Европе школой изучения Библии.

Пятидесятничество породило такие конфессии, как Ассамблеи Бога (основаны в 1914 году) и Международная церковь четырех Евангелий «сестры Эйми», Сэмпл Макферсон (основана в 1927 году). Проявлением его институциональности стал Оклахомский университет Орала Робертса (основан в 1965 году), а также появление в США телевизионных проповедников Джима и Тамми Баккер, Джимми Сваггарта и Пэта Робертсона. Духом пятидесятничества полнятся многочисленные внецерковные общины, а также Харизматическое движение, заряжавшее энергией Католическую, Епископальную и Лютеранскую церковь после Второй мировой войны.

Зародившись на скромной Азуза-стрит в 1906 году, пятидесятничество со временем стало одним из наиболее быстро развивающихся христианских движений, отчасти потому, что, подобно раннему христианству, оно неудержимо притягивает бесправных и неимущих. Сегодня более четверти христиан мира (приблизительно шестьсот миллионов человек) – пятидесятники или харизматы: неплохой результат для традиции, которой в начале XX века вообще не существовало²⁹. Пятидесятники и харизматы составляют примерно половину христиан Бразилии³⁰. Пятидесятничество популярно как в США, так и в Гватемале, где сменилось уже два президента-пятидесятника. Позиции пятидесятничества сильны и в Нигерии, на Филиппинах, в Китае, Чили, Гане, Южной Африке и Южной Корее.

Один из секретов успеха пятидесятничества заключается в его способности обращаться к самым разным проблемам – как приземленным, так и не от мира сего. Еще один секрет – умение находиться одновременно и в практическом настоящем, и в библейском прошлом³¹. Подобно евангелическим христианам и фундаменталистам, пятидесятники считают Библию богодухновенным словом Божиим, с упоением распространяют Евангелие и отражают вызов, брошенный смертью, проповедями о вере в Иисуса как пути к спасению. Но пятидесятники не оставляют без внимания и проблему процветания человека, обещая здоровье и обеспеченность здесь и сейчас. В частности, в странах Третьего мира они предлагают спасение от демонов и колдунов, а их строгие правила, касающиеся спиртных напитков, азартных игр и беспорядочных половых связей, уже изменили жизнь многих женщин во всем мире и способствовали увеличению свободных средств в карманах семей пятидесятников.

Для пятидесятничества опыт – основа существования: опыт вмещения внушающей благоговейный трепет силы Божьей

Пятидесятничество критиковали за эскапизм, в большинстве стран он продолжает ассоциироваться скорее с «евангелием преуспевания» (обращенным к нам призывом Иисуса становиться богатыми), чем с «социальным евангелием» (призывом Иисуса помогать бедным). В Латинской Америке быстрее всех прочих конфессий развивается Вселенская церковь Царства Божьего, центром которой является Бразилия. Эта церковь, также активная в США и Великобритании, проповедует богословие «просите – и дано вам будет», побуждающее верующих молиться не только о спасении души, но и о том, чтобы возле их домов появились их собственные автомобили.

Несмотря на то, что почти все пятидесятники в США разделяют мнение республиканцев по таким интимным вопросам, как гомосексуализм, секс до брака и аборт, по многим другим социальным и политическим проблемам многие склоняются на сторону демократов. В Бразилии пятидесятники тяготеют к «левоцентристам»³². В Венесуэле они благосклонны к президенту-социалисту Уго Чавесу³³. Вдохновленные словами Иисуса о нищих как

«блаженных» (Лк 6:20), «прогрессивные пятидесятники» во всем мире борются с наркоманией, предоставляют приют бездомным, кормят голодных, обеспечивают персоналом детские сады и ясли, консультируют наркозависимых, ведут борьбу с эпидемией СПИДа и проводят политику микрофинансирования предпринимателей³⁴.

Пятидесятники давно признали за женщинами право быть священниками – право, в котором Католическая и Православная церкви отказывают женщинам до сих пор. Честь рукоположения женщин-священников приписывают преимущественно либеральным протестантским течениям, таким, как Епископальная церковь, которая возвела Барбару Харрис в сан епископа в Массачусетсе в 1989 году, а в 2006 году избрала своим национальным лидером Кэтрин Джеффертс Шори. Но у пятидесятников с самого начала существовали проповедники-женщины.

Небывалое возвышение этой традиции обездоленных обладает многими отличительными признаками второй Реформации. Если Мартин Лютер избавил христиан от того, что для многих стало тиранией добросовестной работы, то пятидесятничество освободило их от тирании веры, которая после Просвещения выполняла для многих роль смиренной рубашки. Один из моих самых сообразительных и восприимчивых магистрантов был пятидесятником. На семинаре по великим мыслителям, относящемся к курсу религиоведения, он неоднократно удивлял меня, соглашаясь со многими положениями теорий Эмиля Дюркгейма, Зигмунда Фрейда и других. Когда я наконец выразил удивление непредвзятостью, с которой он воспринимал критику традиционных христианских учений, он объяснил, что его вера не подразумевает упорства в своих убеждениях. Вместо этого она опирается на яркий личный опыт, отрицать который невозможно. Еще одна моя знакомая перед самым призывом к алтарю в негритянской церкви на американском Юге призналась проповеднику, что в действительности не верит в Иисуса. «Не волнуйтесь, – ответил тот, – еще уверуете». Этот проповедник сумел ободрить прихожанку, потому что в его собрании опыт означал больше, чем вероучение. А для пятидесятничества опыт – основа существования: опыт вмещения внушающей благоговейный трепет силы Божьей.

«Небелые» христиане

Не меньшее историческое значение, чем возвышение пятидесятничества, имеет связанная с ним история «небелого» христианства. Родина стародавнего христианства – Европа, его цветом был белый. Но сегодня подавляющее большинство (63 %) христиан живет в Азии, Африке или Латинской Америке³⁵. На Филиппинах в настоящее время насчитывается больше католиков, чем на родине двух последних пап римских, в Польше и Германии, вместе взятых³⁶. И хотя еще в 70-х годах XX века в Китае христианство было под запретом, сейчас в любой воскресный день церковные скамьи в Китае занимает больше прихожан, чем во всей Европе³⁷. Церковь СПД – олицетворение этого глобального сдвига. Многие считают, что мормонской веры придерживаются исключительно белые, воспринимают ее как веру поп-певцов, братьев Осмонд, и бывшего губернатора Массачусетса Митта Ромни, на самом же деле большинство мормонов проживает вне территории США. Примерно треть из них – жители Латинской Америки.

«Потемнение» христианства может показаться новым направлением, но в действительности это возвращение к истокам

Традиции мормонизма особенно сильны в южной части Тихого океана, где мормоны составляют примерно треть и половину населения островных государств Самоа и Тонга³⁸.

Поскольку колонизация способствовала миссионерской деятельности христиан, казалось, обратный процесс, начавшийся после Второй мировой войны – завоевание независимости Индией (1947), Индонезией (1949), Ганой (1957) и Нигерией (1960) – должен нанести урон христианству и, вероятно, ослабить его позиции. Но в действительности с отходом

европейских сил от прежних форпостов в Азии, Африке и Латинской Америке положение христианства в них упрочилось. Большинство церквей на этих континентах в настоящее время возглавляют не иностранные миссионеры, а местные жители, а Библия, молитвенники, сборники гимнов и катехизис переведены на местные языки.

Благодаря главным образом общемировой притягательности пятидесятничества, в 1900–2000 годах доля христиан в Нигерии, самой населенной африканской стране, возросла с 1 % до 49 %, рост численности христиан в Южной Корее был почти таким же стремительным: с менее чем 1 % до 41 %. За тот же период численность христианского населения Азии увеличилась более чем в десять раз – с 27 миллионов до 278 миллионов человек. На фоне этих событий происходила быстрая дехристианизация Европы, несущей потери не только по христианской доле рынка, но и в сфере религиозного рвения и частоты посещения церкви. Доля христиан от общей численности населения снизилась в 1900–2000 года в Германии, Великобритании, Италии, Испании и Франции. Сегодня лишь 52 % взрослых европейцев признаются, что верят в Бога³⁹.

«Потемнение» христианства может показаться новым направлением, но в действительности это возвращение к истокам. В первые века своего существования христианство было почти таким же многонациональным, как нынешний Лос-Анджелес. Вырвавшись за пределы Римской империи, христианское движение в младенческий период своей истории распространялось по Эфиопии и Индии. К тому времени, как христианство добилось признания при Константине, лишь один из его пяти церковных центров находился в Европе – в Риме. Остальные располагались в Азии (Константинополь, Антиохия, Иерусалим) и в Африке (Александрия). Среди величайших мыслителей ранней церкви было немало африканцев, в том числе Блаженный Августин (354–430), автор первой в мире автобиографии («Исповедь») и наиболее влиятельный христианский мыслитель периода между Павлом и Мартином Лютером. В 500 году н. э. две трети христиан всего мира жило либо в Африке, либо в Азии. Только в средние века церковь стала преимущественно европейской⁴⁰.

«Новый христианский мир» нашел пристанище в англиканских церквях Уганды, пятидесятнических церквях Кореи, католических церквях Бразилии и ханьских домовых церквях Китая⁴¹. Очертания этого мира просматриваются в африканских независимых церквях, исполненных Святого Духа собраниях, незапятнанных связью с традиционными конфессиями, заискивающими перед колониальным режимом. Христианство «смуглеет» даже в его давних прибежищах. Среди наиболее известных пасторов в США есть афроамериканцы, а крупнейшая в Западной Европе община, Международный христианский центр Кин-гсуэй (KICC) в Лондоне, – это негритянская церковь, возглавляемая пастором с нигерийскими корнями.

Удивление до сих пор внушает величие евангелических мегацерквей в США – церкви Лейквуд Джоэла Остина в Хьюстоне, Поттерс-Хауса Т. Д. Джейкса в Далласе, основанной Риком Уорреном церкви братства Сэддлбек в Лейк-Форест, Калифорния, – при которых нередко имеются ансамбли живой музыки, огромные экраны, баскетбольные площадки, эспрессо-бары, а также архитектурные красоты, напоминающие скорее местные торговые центры, нежели церквушки, которые посещали наши бабушки. Но ни США, ни Европа не могут похвалиться наличием на их территории хотя бы одной из мегацерквей, входящих в первую мировую двадцатку⁴². Крупнейшие из самых крупных собраний, преимущественно протестантские и пятидесятнические, действуют в Южной Корее, Чили, Колумбии, Сальвадоре, Нигерии и Кот-д’Ивуаре.

Теперь христианство – азиатская религия, и этот факт подкреплен наличием десятков мегацерквей в одном только Сеуле. К этим мегацерквям относится самая большая община планеты – Церковь Полного евангелия Ёидо, которая занимает первоклассный земельный участок напротив здания Национальной ассамблеи, напоминая о растущем политическом

влиянии пятидесятничества как в Азии, так и во всем мире. В этой церкви более 500 священников и 800 тысяч прихожан, обычно по выходным ее посещает четверть миллиона верующих (и зевак). Но далеко не все мегацеркви пятидесятнические или даже протестантские.

Нынешний типичный христианин – это уже не мужчина-европеец, а женщина, латиноамериканка или африканка

Пещерный собор, святилище, высеченное в скалах неподалеку от свалки мусора в Каире, Египет, с помощью мощных аудиосистем каждое воскресенье обрушивает на двадцать тысяч верующих Коптской православной церкви восхваления, молитвы и проповеди.

Олицетворением высказываний о том, что лицо нынешнего христианства темнеет, является не папа Бенедикт, а архиепископ Южноафриканской англиканской церкви, лауреат Нобелевской премии Десмонд Туту. Или, точнее, эти высказывания олицетворяет никому не известная женщина откуда-нибудь из Бразилии, Китая или Демократической Республики Конго, поскольку, как отметила историк церкви Дана Роберт, нынешний типичный христианин – «это уже не мужчина-европеец, а женщина, латиноамериканка или африканка»⁴³.

Наиболее широко растиражированное изображение Иисуса, «Голова Христа» Уорнера Соллмена (1941), – портрет, Иисус на котором – светловолосый европеоид с орлиным носом, со стрижкой и без бороды, способный представлять штат Юта в Сенате США. Однако этот белый Иисус в настоящее время так же устарел, как главный герой давнего детского телесериала «Мистер Роджерс». Современные художники все чаще изображают Иисуса азиатом, африканцем или женщиной. Незадолго до завершения предыдущего тысячелетия газета *National Catholic Reporter* выступила спонсором конкурса «Иисус-2000», по условиям которого требовалось создать изображение Иисуса XXI века. «Иисус из народа» победительницы конкурса Дженет Маккензи – персонаж неопределенной половой и расовой принадлежности, но темнокожий и с толстыми губами, скорее всего, коренной американец или африканец.

Мы живем в эпоху, когда духовность отдельно взятого человека одерживает верх над религиозными институтами

Однако экспансия христианства на юг планеты – это не просто смена цвета кожи христиан. Ей сопутствует изменение облика самого христианства. По мнению Харви Кокса, в настоящее время христиане живут в «пост-догматической» «эпохе Святого Духа», в которой духовность отдельно взятого человека одерживает верх над религиозными институтами, к Символам веры и катехизисам апеллируют чаще, чем следуют им, а «опыт восприятия божественного вытесняет теоретические рассуждения о нем»⁴⁴. Супернатурализм, изгнанный из многих церквей севера планеты научными теоремами и философскими доводами, вновь приобретает популярность. Исцеление верой, говорение языками и даже экзорцизм – обычные явления во многих быстро растущих конфессиях мира. Эта новая волна христианства исключительно практична, к решению таких социальных проблем, как бедность, она подходит с позиций «преимущества бедным», сформулированных богословами латиноамериканского освобождения. Но как минимум с той же частотой она проповедует и личное спасение. По словам историка Марка Нолла, христиане становятся все более предприимчивыми и менее почтительными к традициям. Новое направление – это «самозарождающееся, самофинансирующееся и самораспространяющееся христианство»⁴⁵. Те, кто наблюдает за развитием религиозной жизни в США, давно заметили, что теперь христиан разделяют скорее политические, чем конфессиональные границы. У левых католиков больше общего с либеральными протестантами, чем с традиционными католиками, а у традиционных католиков больше общего с консервативными протестантами, чем с либеральными католиками. Нечто подобное можно сказать и о христианстве в глобальных масштабах,

разделенном на «северное» и «южное». Христиане глобального юга в богословском отношении более консервативны, чем христиане глобального севера, где критика Библии, теория эволюции и компаративное религиоведение породили целую когорту либералов от теологии. Христиане в Африке, Азии и Латинской Америке также склонны подчеркивать эмпирический аспект веры, в то время как христиане в Европе и США делают акцент на его этическом аспекте. Американские и европейские христиане склоняются к «Социальному Евангелию», в котором грех и спасение рассматриваются скорее в коллективном, чем в индивидуальном приложении, и призывают верующих уделять внимание таким вопросам жизни в этом мире, как обеспечение пищей голодающих и предоставление крова бездомным. Христиане в Африке, Азии и Латинской Америке склонны проповедовать «Евангелие преуспевания» и уделять основное внимание получению билета в рай. Здесь ангелы и демоны – не просто метафоры, сверхъестественное живет и здравствует, демонстрируя свою власть.

Увеличивающийся разрыв между христианством глобального севера и глобального юга прослеживается в пароксизмах, досаждающих англиканской общине. Нынешняя проблема – гомосексуализм, а точнее, избрание епископом Нью-Гемпшира Джина Робинсона, не скрывающего своей ориентации. Но в более широком масштабе проблему представляет авторитет Библии, в которой при буквальном прочтении обнаруживаются высказывания против по меньшей мере мужских гомосексуальных отношений. (Лесбиянство нигде в Библии не осуждается напрямую и даже не рассматривается). Это противоречие свидетельствует о том, что приверженцы Англиканской церкви в Африке бесконечно далеки от приверженцев Епископальной церкви в США. Разумеется, и на глобальном юге есть либералы, а на глобальном севере – консерваторы. В ответ на рукоположение Робинсона в 2009 году около 100 тысяч консервативно настроенных американцев покинули лоно Епископальной церкви и образовали Англиканскую церковь Северной Америки. Тем не менее история современного христианства постепенно превращается в повесть о двух церквях, причем глобальный север теряет влияние так же быстро, как глобальный юг завоевывает его.

«Потемнению» христианства способствуют две классические движущие силы религиозных изменений: рождаемость и обращения в веру. Неудивительно, что быстрее всех разрастаются рьяные евангелические церкви, их усилиям способствуют внушительные размеры семей на глобальном юге, по сравнению с которыми семьи севера выглядят карликовыми. Немало выводов было сделано из высокой рождаемости в мусульманском мире, но и христиане так же успешно обзаводятся детьми на глобальном юге, особенно в Африке. Вряд ли христианство повсюду сумеет добиться такого же роста, как в Африке XX века – с 9 миллионов душ в 1900 году до 355 миллионов в 2000 году, – но благодаря сочетанию давнего ривайвализма и еще более давнего роста численности населения Африка и Латинская Америка к 2025 году обгонят Европу по количеству приверженцев христианской веры⁴⁶.

Христианство и ислам

Одно из самых серьезных испытаний для церкви в период глобализации – необходимость считаться с соседями-мусульманами. На протяжении почти всей истории христианства наиболее близкими собеседниками христиан оставались иудеи. С самого начала христианство представляло собой сплав эллинистического и иудейского влияния, а при попытке сочетать их неизменно возникали конфликты. Но сегодня две самые масштабные мировые религии – это христианство и ислам. Их приверженцы, вместе взятые, составляют примерно половину численности населения планеты, они же несут ответственность более чем за половину всех терактов в мире, в том числе совершенных террористами-смертниками.

Конечно, история христиано-мусульманских отношений богата событиями. Арабские мусульмане захватили Иерусалим (который они называли «Аль-Кудс» – «священный») в 637 году. Христиане отвоевали его в 1099 году и вновь были вынуждены отдать мусульманскому герою Саладину в 1187 году. Таким положение города оставалось на протяжении примерно тысячи лет. Бывали времена, когда представители этих двух религий правили отдаленными

государствами, в итоге их пути пересекались лишь во время словесных баталий или военных кампаний. Существовали такие места, как средневековая Испания, где мусульмане и христиане без страха жили бок о бок. Но сегодня ислам и христианство вновь стали соперниками, ввязались в напряженную конкурентную борьбу за людей, власть, общественное мнение. Нынешнюю Африку разделили почти поровну: доля христиан – 47 %, мусульман – 41 %. Между тем уже ведется новая игра, ставка в которой – души и думы группы, которая растет быстрее, чем какая-либо другая в мире. В другой большой игре, которая ведется на телевидении, в газетах и в интернете, христиан противопоставляют мусульманам, приводя в пример этику войны, характерную для тех и других.

Распространение критики джихада в исламе, а также так называемых «аятов меча» из Корана вынудили беспристрастных христиан ломать голову над трудными вопросами о традициях самого христианства, о священной войне и «текстах ужаса». Как в индуистском эпосе «Махабхарата», в Библии целые книги посвящены войне и распространению слухов о ней. Но в отличие от Корана, в ней не содержится никаких правил ведения справедливой войны. Ветхий Завет переполнен упоминаниями о войне, казнях, насилии. «Упою стрелы Мои кровию, – похваляется мстительный Бог в Втор 32:42, – и меч Мой насытится плотию». Тот же Бог повсюду причастен к массовым убийствам детей, геноциду целых народов, а в случае с потопом – к почти полному истреблению всего рода человеческого. Псалмы, которые читают каждое воскресенье во многих церквях, насыщены мстительностью, в том числе Пс 136, завершающийся призывом отомстить вавилонянам, разбив их младенцев о камень. Но пожирает плоть и упивается кровью не только Ветхий Завет. «Не мир пришел Я принести, но меч», – говорит Иисус (Мф 10:34). И кто в здравом уме встанет на защиту Иисуса, который отвечает хананейке, умоляющей помочь ее больной дочери, называя их обеих «псами» (Мф 15:22–28)⁴⁷?

Сегодня ислам и христианство вновь стали соперниками, ввязались в напряженную конкурентную борьбу за людей, власть, общественное мнение

Мистики и «путь отрицания»

При таком количестве религиозного вооружения, заряженного, взведенного и готового выстрелить, столкновение мусульманской и христианской цивилизаций может показаться неизбежным. Но и в исламе, и в христианстве сильны мистические традиции, в которых опыт восприятия божественного побуждает относиться к представителям других религий, как к товарищам-паломникам, спутникам в таинственном путешествии к вечному и неопишуемому. Мистики обеспечивают ресурсами мусульман и христиан, заинтересованных в том, чтобы если не перековать мечи на орала, то хотя бы держать мечи спрятанными в ножны.

Изучая христианство, студенты зачастую узнают о христианских философах больше, чем о мистиках. К примеру, католический философ Фома Аквинский (1225–1274) ввел Аристотеля в диалог с христианством, а также дал известное определение человеку как совокупности тела и души, которые разлучаются в смерти, но вновь воссоединяются при воскресении. Фома Аквинский также выдвинул ряд логичных доводов существования Бога, которые и по сей день остаются предметом споров. Однако как и другие великие религии, христианство породило мистическое направление, которое во имя великой тайны Бога скептически относилось к систематическому богословию и философии. Подобно нынешним пятидесятникам, древние и средневековые мистики ставили опыт выше догмы.

И в исламе, и в христианстве сильны мистические традиции, в которых опыт восприятия божественного побуждает относиться к представителям других религий, как к товарищам-паломникам, спутникам в таинственном путешествии к вечному и неопишуемому

Ортодоксы рассчитывали на theosis, или обожествление («Божией милостью стать тем, чем Бог является по своей природе», – писал Афанасий Александрийский). Средневековые католики,

такие, как Тереза Авильская (1515–1582), стремились к единству с Богом. Но так или иначе, христианский мистицизм подразумевал непосредственный опыт восприятия божественного. Христианские мистики прослеживали свои традиции вплоть до явления Иисуса охваченному экстазом Павлу и приближенности Иисуса к его Отцу, но периодами подлинного расцвета христианского мистицизма считаются Средневековье и Ренессанс. Подобно Блаженному Августину, который, как известно, молил Бога даровать ему целомудрие и воздержанность, «коими пока не обладал», святой Франциск Ассизский (1182–1226), гуляка и баловень из зажиточной семьи, обратился к «нищему житию» и единству с Богом в прославлении природы. Мистики-женщины, например, Юлиана Норичская (1342–1416), радовались женственному аспекту Бога. Майстер Экхарт (1260–1328) красноречиво высказывался о *via negativa*, «пути отрицания», ведущем к Богу, который находится за пределами пространства, времени и описаний, следовательно, о нем можно сказать, по примеру индуистских мыслителей, только «*neti neti*» («ни то и ни другое»). Даже Фома Аквинский признавал, что «проще сказать, чем не является [Бог], нежели то, что Он есть»⁴⁸.

Безусловно путь от современного евангеличества и пятидесятничества к средневековому мистицизму долог и извилист: это путь от мегацерквей и убедительных проповедей в них о том, как голосовал бы Иисус, к Майстеру Экхарту. Но и Экхарт, и типичный пастор мегацеркви оба вовлечены в непрекращающийся христианский диалог о сотворении и распятии, о грехе и искуплении. Единственное преимущество пастора перед мистиком – простота его повествования: мы грешны, Иисус умер за наши грехи, и мы обретем спасение, если уверуем в Иисуса. Преимущество мистика перед пастором – в осознании, что порой не все так просто, как кажется. Иногда христианство невозможно выразить примитивными формулами греха и спасения, веры и труда. Мистик не видит ничего возмутительного и даже странного в том факте, что мать Тереза Калькуттская годами трудилась, не имея возможности даже представить себе присутствие Бога. Мистик понимает также, что сомнение неотделимо от истинной веры. Он знает это по той причине, что (как выразился Бог в Ис 55:8 по Новой международной версии, NIV), «мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои». Поэтому вера и сомнение – неизменные партнеры. Да, проблема христианства – грех, решение этой проблемы – спасение. Да, путь к этой цели – труд, или вера, или и то, и другое, по примеру святых или более заурядных «рыцарей веры». Но эти простые формулы никоим образом не подводят черту под тайнами главных символов христианства – Бога, Христа, Библии и Церкви. И большой вопрос гибели и процветания, смертности и созидания не только не получает ответа от веры (или, если уж на то пошло, от сомнения), но и по-прежнему ждет разрешения.

Глава 3 Конфуцианство: путь приличия

Религия или философия? (с. 118) Преодоление хаоса характером (с. 123) • Конфуций (с. 126) • Человечность и приличия (с. 129) • Мэн-цзы и Сюнь-цзы (с. 132) • Неоконфуцианство, новое конфуцианство и бостонское конфуцианство (с. 134) • Тигры Тайшаня (с. 138) • Стать человеком (с. 144)

Для многих жителей Запада конфуцианство по значимости сравнимо с китайским печеньем, в которое вложено предсказание. О конфуцианстве нам известно, вероятно, меньше, чем о какой-либо другой великой религии, а то, что, как нам кажется, мы знаем, нам не нравится. Конфуцианство – архаичные церемонии. Это бессодержательные ритуалы, банальные изречения, устаревший этикет и прочие средства поддержания статуса кво: жены кланяются мужьям, подчиненные пресмыкаются перед начальством, массы неизменно повинуются правящим властям. Можно ли представить себе что-нибудь более чуждое современности и ценностям гуманизма? Благодаря Просвещению и группе Beatles, мы радуемся новому и молодому, а Конфуций, который сам себя называл почитателем старины, велит нам уважать

старших и умерших. В эпоху новомодных Эшли и Оливий конфуцианство встает на сторону допотопных Берт и Гертруд. Поэтому, делая выбор между конфуцианством и даосизмом, мы неизменно отдаем предпочтение свободе, спонтанности и естественности последнего. Если поискать в интернете имя «Конфуций», придется листать бесконечные страницы ссылок, начинающихся со слов «Конфуций сказал» (многие из которых почти непристойны или же смысл их убит какой-нибудь грамматической или синтаксической ошибкой), прежде чем доберешься до подлинных цитат. Напрашивается вывод, что само конфуцианство – анекдот.

Однако на протяжении длительного периода человеческой истории конфуцианство обладало более значительной властью, чем какая-либо другая религия. Можно почти с полной уверенностью причислить Конфуция к пяти наиболее влиятельным личностям в истории, зафиксированной в письменных источниках. И несмотря на то, что классические даосистские труды гораздо популярнее на Западе, «Лунь юй» (известный также под названиями «Беседы и суждения» и «Аналекты Конфуция»), авторитетный сборник высказываний и случаев из жизни Конфуция, конфуцианский аналог исламских хадисов, – одна из самых влиятельных книг мира. В сущности, ее власть над людьми со временем усиливается в большей степени, чем власть любых других писаний, – возможно, за исключением Библии. Конфуций еще до Сократа объяснил нам, что истинное знание – это знание масштабов своего невежества. Еще до Иисуса он же дал нам свою версию «Золотого правила нравственности» – «не делай другим того, чего не желал бы себе». Задолго до краха Уоллстрит Конфуций говорил: «Благородный муж знает, что такое нравственность. Низкому человеку известно, что такое выгода». Прежде чем мы полюбили романтические комедии Голливуда (и Болливуда), он советовал: «Куда бы ты ни шел, слушай свое сердце». И еще до импичмента президента Билла Клинтона Конфуций вопрошал: «Если ты не в силах быть честным и верным слову... можно ли рассчитывать хотя бы на то, что в ближайшем окружении не встретишь препятствий?»¹

«Лунь Юй» – одна из самых влиятельных книг мира

Некогда сторонние наблюдатели в один голос утверждали, что конфуцианство, по выражению немецкого социолога Макса Вебера, не просто помеха, а блокада на пути экономического развития². Но теперь, с началом капиталистического бума в Восточной Азии, многие усматривают в послевоенных экономических чудесах в Китае, Японии и Корее незримую направляющую руку Конфуция. Да, Конфуций ценил знания выше, чем прибыль, а почтительность к родителям и преданность, акцент на которых он делал, могли способствовать развитию кланового капитализма в Японии и других странах. Но именно его упор на ценности образования стал мощной движущей силой недавних изменений в экономике Восточной Азии, именно конфуцианские ценности, такие, как трудолюбие, бережливость, преданность семье, обязательность и почтение к власти, выдвинули Китай вперед, помогли ему занять нынешнее положение крупнейшего мирового экспортера, основного покупателя долгов США и главного торгового партнера США, Европейского Союза и Японии.

Конфуцианство – западноевропейский термин XVIII века, которому в китайском языке соответствует выражение «жуцзя», или «школа ученых».

Многие усматривают в послевоенных экономических чудесах в Китае, Японии и Корее незримую направляющую руку Конфуция

Под «учеными» здесь подразумеваются знатоки пяти классических текстов, составляющих конфуцианский канон: метафизической «Книги перемен» («Ицзин» или «И-Цзин»³) – руководству по предсказанию событий человеческой жизни по 64 произвольно выпадающим гексаграммам; исторической книги документов «Шу-Цзин» – сборника исторических сведений и речей великих мудрых правителей древнекитайских династий, подробно рассказывающих о достоинствах жизни, подчиненной добродетелям; поэтической Книги песен и гимнов

«Ши-Цзин»; древнейшей антологии китайской поэзии; социальной Книги обрядов «Ли-Цзи», регламентирующей этикет, представляющей общество как идеальный союз, направленный на взаимовыгодное сотрудничество; и исторических «Весен и осеней», летописи конфуцианского княжества Лу, в которых подчеркивается важность коллективной памяти для создания стабильного общества⁴.

Из этого «Пятикнижия» в настоящее время в Китае и на Западе наиболее известна книга «И-Цзин». Вероятно, ее популярность объясняется тем, что эта бесконечно занимательная книга гаданий служит также сборником мудрых высказываний о переменах и обстоятельствах, раскрывающих древние тайны рождения, смерти, преобразования посредством непрерывного взаимодействия инь (женского начала, теневого, холодного, скрытого, пассивного, мягкого, податливого, Земли) и ян (мужского начала, яркого, горячего, очевидного, агрессивного, твердого, подчиняющего, Неба). Неоднократно переводившаяся на английский книга «И-Цзин» проделала долгий окольный путь в европейскую и американскую поп-культуру, оказала влияние на телесериал «Остаться в живых» (Lost), хореографию Мерса Каннингема, романы Филиппа Пулмана, музыкальные композиции Джона Кейджа и группы *Pink Floyd*.

Сегодня конфуцианство объединяют с даосизмом и буддизмом под общим названием «трех китайских учений». В отличие от Запада, где ревнивый Бог ревнивых монотеистических религий (иудаизма, христианства и ислама) предписывает людям выбирать одну и только одну религию, в Китае «три учения» мирно сосуществуют, сочетаются и смешиваются. Если иудеи, которые веруют в Иисуса, – абсурд для многих христиан и почти всех иудеев, то недостатка в даосистах, чтящих Конфуция, и конфуцианцах, поклоняющихся Будде, в Китае не наблюдается. Согласно известной китайской поговорке, «каждый китаец носит конфуцианский головной убор, одевание даосиста и буддийские сандалии»⁵. Или, по другой поговорке, китайцы – конфуцианцы в работе, даосисты на отдыхе и буддисты, когда речь идет о смерти. Поэтому если наугад начать обзывать жителей Китая и, как делают в Америке во время опросов, спрашивать их, исповедуют ли они религию, и если да, то какую, почти все респонденты затруднятся с выбором только одного ответа.

Конфуцианство – только одно из «трех учений», однако оно в большей степени, чем даосизм, буддизм и даже коммунизм сформировало китайские нравы и китайское мышление. Вопрос о том, как расценивать этот дар – как преимущество или обузу, как тайный ингредиент, придающий особый характер китайской цивилизации, или как смрадный пережиток умирающего феодального прошлого Китая, – остается открытым. Бесспорна лишь значительная роль, которую конфуцианство уже сыграло в образовании китайского склада ума, политики, экономики и общества. На протяжении примерно двух тысячелетий конфуцианство было официальной традицией Китая, его уроки о том, как стать человеком с помощью образования, этики и обрядов, за это время успели изучить и усвоить в Корее, Японии и Вьетнаме. Классическое конфуцианское «Пятикнижие» стало основными текстами китайских школ начиная с 136 года до н. э., и на протяжении тысячелетия с лишним единственный путь к службе в многочисленных государственных учреждениях лежал через экзамен на знание этих текстов. Благодаря движению реформаторов-неоконфуцианцев при династии Сун (960-1279 годы н. э.) четыре основные книги конфуцианства – «Лунь юй», «Мэнцзы», «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Учение о Середине») – к 1313 году н. э. вытеснили «Пятикнижие» как тексты для изучения в учебных заведениях и сдачи экзаменов на должность чиновника. Такое положение вещей сохранялось до 1905 года.

Для того чтобы работать на китайское правительство, уже незачем знать, «что сказал Конфуций», однако такие конфуцианские ценности, как почтение к древности, уважение к образованности, почитание старших, уважение к родителям, продолжают оказывать заметное влияние на действия обычных людей в сфере политики и бизнеса, в светском общении, в стремлении к гармонии с небом, и не только в Китае, но и повсюду в Юго-Восточной Азии. Невозможно понять современную жизнь материкового Китая, Тайваня, Гонконга, Японии,

Южной и Северной Кореи, Сингапура или Вьетнама, не принимая во внимание падающую на эти страны длинную тень конфуцианства. Преклонение китайцев перед Коммунистической партией Китая отчасти объясняется конфуцианской восприимчивостью, как и успехи китайской экспортной экономики, основанной на промышленном производстве. Несмотря на то, что даже в Восточной Азии сравнительно немногие называют себя конфуцианцами, конфуцианская восприимчивость свойственна почти всем тамошним буддистам и даосистам. Сотни миллионов восточноазиатских синтоистов, христиан, мусульман и марксистов также в глубине души конфуцианцы. Как и азиатоамериканцы из «образцового меньшинства», которые демонстрируют превосходные результаты и в учебе, и в работе по меньшей мере отчасти благодаря почтительному, граничащему с верой отношению к таким конфуцианским ценностям, как образование, упорный труд и семья. США часто называют единственной уцелевшей супердержавой планеты, но мощной китайской экономике принадлежит более одного триллиона государственного долга США. Следовательно, эти две страны – партнеры в интимном танце не только должников и кредиторов, но и сторонников христианских и конфуцианских ценностей. По всем перечисленным причинам конфуцианство, несмотря на сравнительную безвестность на Западе, выделяется среди величайших мировых религий, уступая только исламу и христианству и опережая оставшиеся компоненты «трех учений» – буддизм и даосизм.

Религия или философия?

Однако остается неразрешенным вопрос о том, является ли конфуцианство религией вообще. Лишь немногие жители Китая воспринимают его таким образом. Для них конфуцианство – философия,

этическое учение или образ жизни. Китайским правительством официально признано всего пять религий – буддизм, даосизм, католичество, протестантизм и ислам, и конфуцианство в этом списке не значится. У конфуцианства нет официальной религиозной иерархии, подобной Ватикану, нет официальных священников, почти отсутствует общественная приходская жизнь. Конфуцианские храмы посвящены простым смертным. Канонические тексты конфуцианства не называют богодухновенными. В значительной мере эти тексты обращаются к таким приземленным материям, как мудрое правление, и мирским искусствам, например народной песне. Здесь мы видим, как поиски смысла высшей реальности отступают на задний план перед поисками просто смысла.

Как и буддизм, конфуцианство, по-видимому, так и не приняло решение насчет религиозности. Поэтому оно ставит под сомнение то, что мы подразумеваем под религией, и в итоге помогает нам увидеть ее в новом свете. Конфуцианство отличается от многих других религий отсутствием интереса к божественному. Его приверженцы говорят об обезличенной силе, которая называется Небом, наблюдает сверху за тем, как живут люди, придает законность власти правителей; вдобавок известно, что конфуцианцы чтили мудрых императоров, квазибожества минувших золотых веков. Однако Богу-Творцу конфуцианцы уделяют столько же внимания, как и типичный атеист, а официальному богословию – еще меньше. В книге «Лунь юй» раз восемнадцать упоминается обезличенное Небо и ни разу – божество, популярное в доконфуцианском Китае.

Вопросы о смерти и загробной жизни нагоняют на конфуцианцев зевоту. Британская феминистка и философ Грейс Янтцен утверждала, что религия имеет и должна иметь по меньшей мере одинаковое отношение и к сотворению, и к разрушению, и к процветанию в этом мире, и к спасению от него в мире ином⁶. И хотя чувствуется нечто странное в обращении к этой откровенно патриархальной традиции как к примеру в попытках Янтцен преодолеть то, что она считает мужской увлеченностью смертью, невозможно отрицать тот факт, что в фокусе внимания конфуцианцев находится процветание человека. До Конфуция китайские мыслители чаще рассуждали о Небесах, чем о Земле. После Конфуция ситуация поменялась. Конфуцианцы по сей день увлечены скорее людьми, чем божествами, и скорее

жизнью до смерти, нежели жизнью после нее. Их проблемы носят скорее этический, чем эсхатологический характер, им свойственна практичность, а не метафизичность. Назначение обрядов – не вызвать дождь или уберечь нас от грехов, а объединить нас, живых и мертвых, превратить в сообщество. Согласно конфуцианству, интерес к человеческой жизни проявляет даже космос.

Однако конфуцианцы ни в коей мере не пренебрегают обрядами, имеющими отношение к умершим. Как иудеи, которые считают похороны родителей и чтение кадиша по ним одним из важнейших способов соблюдения заповеди о почитании отцов и матерей, обязанность конфуцианцев чтить своих родителей продолжается и после смерти последних. Обряды поклонения усопшим, в том числе поклонение поминальным табличкам на домашних алтарях, они считают главным проявлением почтения к родителям. Но когда от Конфуция ждали рассуждений о духах, божествах и загробной жизни, он неизменно переводил разговор обратно на людей и жизнь в этом мире:

«Чи Лу спросил, как надо служить духам умерших и божествам.

Учитель ответил: "Ты не умеешь даже служить человеку. Как же ты можешь служить духам?"

"А можно, я спрошу про смерть?"

"Ты не понимаешь даже жизнь. Как же ты сумеешь понять смерть?"»⁷

Если философ и богослов Пауль Тиллих был прав, определяя религию как «высший интерес», то какой бы ни была религиозная составляющая конфуцианства, она проявляется здесь и сейчас, в этом мире страданий и преодоления. Конфуцианцы всегда настаивали на том, что Земля – наш дом, настоящее – наше время. Нам незачем ждать грядущей утопии. Мы должны сосредоточиться на поступках, совершаемых в этом мире, и особенно на общественных отношениях – церемониях, этикете, проявлениях нравственности, благодаря которым становится возможной гармония в обществе.

Вероятно, все это придает программе конфуцианства слишком мирской характер, тем не менее имеет смысл рассматривать ее как религию мира сего – попытку найти сакральное, спрятанное на самом виду, в мирском, или, как выразился современный конфуцианский мыслитель (и мой прежний наставник) Ту Вэймин, «относиться к обычному миру людей как к духовному по своей сути»⁸. Если религия – это сакральное в отличие от мирского, дух, противопоставленный материи,

Творец как противоположность тому, что сотворено им, то конфуцианство явно не удовлетворяет таким критериям. Но если мы и можем чему-то научиться у этой традиции, то вовсе не тому, что конфуцианство – не религия, а тому, что далеко не все религиозные люди интерпретируют сакральное и мирское так, как это делают христиане.

Какой бы ни была религиозная составляющая конфуцианства, она проявляется здесь и сейчас, в этом мире страданий и преодоления

В религиоведении прослеживается стойкая и неизученная тяга к необыкновенному и отход от заурядного. В США она проявляется как непреодолимое влечение (в том числе и среди ученых-атеистов) к тем, кто особенно рьяно исповедует религию – к людям, умерщвленным Духом или говорящим языками, для которых религия становится скорее разрывом, чем сплошностью. Эта тяга побуждает нас воспринимать приверженцев евангеличества как более «религиозных» людей, чем либеральных протестантов, считать ортодоксальных иудеев более «религиозными», чем реформистских, а конфуцианцам вовсе отказывать в «религиозности». Но в конфуцианстве нет нерелигиозности, путаницу вносят категории, с помощью которых мы анализируем его. Если мы прислушаемся к словам самих конфуцианцев, если обратимся к их

терминологии, то убедимся, что религия может принимать самые разные формы.

В отличие от христианства, вбивающего клин между сакральным и мирским – вечным «городом Бога» и преходящим «городом человека», – конфуцианство гордится творческим смешением того и другого. В конфуцианстве действительно есть трансцендентный аспект. Просто конфуцианцы помещают его в мире, а не за его пределами. Наиболее близкой к западным представлениям о трансцендентном и «совершенно ином» Боге является конфуцианская идея Неба (тянь), которое, несмотря на обезличенность, тем не менее обладает волей. Однако трансцендентность неизменно обнаруживается «здесь и сейчас» в истории человека и в самом человеческом теле. То, что мы называем сакральным и мирским, с конфуцианской точки зрения вечно переходит одно в другое, претерпевает процесс взаимного проникновения – это «имманентная трансцендентность»⁹.

По всем перечисленным причинам конфуцианство можно назвать религиозным гуманизмом. Со светскими гуманистами конфуцианцев роднит целенаправленная сосредоточенность на материальном мире. И тех, и других жизненные вопросы интересуют гораздо больше погружения в высшую реальность. Но если светские гуманисты настаивают на бессодержательности мира сакрального, конфуцианцы добиваются насыщения нашего мира привнесенным извне сакральным – чтобы усматривать Небо в человечестве, придавать человеку ценность, не поддающуюся количественной оценке, чтить повседневность. В конфуцианстве мирское сакрально. Или, как говорит Ту Вэймин, «путь Неба неотделим от людских дел»¹⁰.

Из всех аспектов религии наименьшее внимание конфуцианцы уделяют богословию. Традиционно конфуцианцы рассуждают о Боге так же непринужденно, как французские политики, а представления о трансцендентном Творце, командующем с небес, так же чужды конфуцианцам, как само конфуцианство – большинству читателей из стран Запада. Однако конфуцианцы утверждают, что источник нашей человеческой природы – Небо, что правильная жизнь – это жизнь, проведенная в соответствии с особенностями нашей природы, и что состояние правильности предписано Небом.

Только когда мы ведем социальную жизнь, мы становимся людьми

В конфуцианстве также отступают в тень мифологический аспект, так старательно культивируемый в индуизме, и эмпирический аспект, который так ценят суфии. Однако конфуцианцы проявляют неподдельный интерес к другим аспектам религии: институциональному, материальному, и главное – к этическому и ритуалистическому. Ведь одна из отличительных особенностей конфуцианцев – их убежденность в том, что этика и церемония неразрывно связаны. Так что конфуцианство хоть и выглядит странным отпрыском в семействе религий, тем не менее принадлежит именно к этому семейству.

Вероятно, наиболее важные компоненты ДНК, подтверждающей родство конфуцианства с другими представителями семьи религий, – это вера в личное преображение. Один из моих друзей однажды заметил, что измениться фундаментально, по-настоящему, возможно лишь двумя способами: обращением в христианство и обращением к психоанализу. Но конфуцианцы считают, что их традиции также способны фундаментально изменить человека. Стать человеком в полном смысле этого слова может каждый. Но поскольку добродетель нуждается в соседстве, задача осуществления этого проекта выпала не нам одним.

Автор недавней рецензии на одну книгу в духе «нью-эйдж», написанную самопровозглашенным медиумом, сетует, что почти все в нынешней сфере духовности «побуждает эгоцентричных людей становиться еще эгоцентричнее». Приверженцы «нью-эйдж» непрестанно твердят, что все мы неразрывно связаны друг с другом, и при этом почти все они продолжают жить «в пузыре эгоизма», подчеркивает рецензент Гордон Хейбер.

«Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь посещал экстрасенса, чтобы научиться проявлять щедрость к окружающим»¹¹. О конфуцианстве можно наговорить всякого, но именно эта проблема перед ним не стоит. Если даосисты рассматривают общество как преграду к процветанию человека, то конфуцианцы придают общественной жизни первостепенное значение. Как писал Ту Вэймин, «самопреобразование... – поступок, имеющий общественное значение»¹². Только когда мы ведем социальную жизнь, мы становимся людьми.

Преодоление хаоса характером

Конфуцианство возникло в один из самых хаотичных периодов китайской истории. Правление династии Чжоу (1046-256 годы до н. э.) ознаменовалось водоворотом событий, Китай распался на феодальные княжества, ведущие кровопролитные войны. Поэтому не стоит удивляться тому, что гармония превратилась в вожделенную цель. Различные китайские школы придерживались каждая своей стратегии восстановления порядка из хаоса. Реалисты стремились к достижению гармонии с помощью силы закона, наказаний, оружия. Моисты считали, что гармонию обеспечит всеобщая любовь без различий. Даосисты оправдывали спонтанностью отход к природе. Но конфуцианцы наметили другой путь. Реалистам они сказали, что сила породит только недовольство. Моистам – что любовь положит конец войне разве что в утопии. Даосистам – что отход от общества в себя выглядит эгоистично и безответственно. Стратегией конфуцианцев стало вовлечение, вовлечение, вовлечение – стремление вплестись в шум и суматоху политики и общества, особенно в этическом и ритуальном аспектах. В отличие от религиозных традиций, уделяющих основное внимание отношениям между человеком и божеством, конфуцианство сосредоточилось на отношениях между людьми – да, и на нравственности, а также на этикете, обрядах, приличиях. Мы не рождаемся и не растем в изоляции, отмечали конфуцианцы, и лишь посредством взаимодействия с другими человеческими существами становимся в полной мере людьми.

Одно из конфуцианских откровений гласит, что между работой над собой и гармонией в обществе нет противоречий. Подобно современным евангелическим христианам, конфуцианцы говорят: если хочешь изменить общество, сначала придется изменить отдельно взятых людей. Но возможно ли это? Конфуцианцам всегда была свойственна граничащая с фанатизмом вера в способность человека совершенствоваться вплоть до приближения к идеалу. Изменения возможны. Каждый из нас может стать образцовым конфуцианцем – «цзюньцзы», или «примером для подражания» (то же выражение часто переводят как «углубленный человек», «благородный муж», «незаурядный человек»), образцом, влияние которого способно изменить общество к лучшему¹³. Словом, каждый из нас может преуспевать и тем самым привнести порядок и гармонию в равной мере в общество и космос.

Но как этого можно достичь? Если коротко – с помощью образования, под которым Конфуций подразумевал скорее формирование характера, нежели приобретение знаний. В соответствии с эпитетом Конфуция «первый Учитель», конфуцианцы всегда подчеркивают важность работы над собой посредством образования. Мы можем совершенствовать себя и свое общество, изучая древние классические труды, подражая мудрецам, изучая церемонии и обычаи, проявляя добродетели. Следовательно, конфуцианское образование – это не изучение какого-либо ремесла, а освоение искусства быть человеком. Люди – ученики, и мы, учась, в большей степени становимся собой. Но в одиночку этой цели не достичь. Детям нужны родители, студентам – учителя, супруги и друзья нуждаются друг в друге.

Когда на семинаре, который я веду, речь заходит о странствиях в мировых религиях, между моими студентами вспыхивают бурные споры о том, как лучше странствовать, в одиночку или в компании, – споры, которые быстро перерастают в разговор о том, кто по своей природе люди – одиночки или общественные животные. Какими мы созданы – чтобы жить отшельниками или поддерживать отношения? Характерное для эпохи Просвещения представление о собственном «я» как хозяине самому себе не имеет смысла с точки зрения конфуцианца, убежденного во взаимозависимости всего, что есть в мире. Конфуцианцы не

только не разделяют мирское и сакральное, но и творчески размывают границу между «я» и обществом. «Я» – отнюдь не обособленная частица, утверждают они, а центр обширной паутины взаимоотношений с родными, обществом, народом и миром. Без этой сложной экосистемы наложенных друг на друга сетей взаимных обязательств возможно существование эго, но не «я».

Под образованием Конфуций подразумевал скорее формирование характера, нежели приобретение знаний

Несмотря на бескомпромиссную общинность, конфуцианство не препятствует личному совершенствованию. В сущности, самосовершенствование – неотъемлемая часть конфуцианства. Но конфуцианцы утверждают, что мы становимся собой, как и преобразуем общество, лишь с помощью других людей.

Путь к социальной гармонии лежит через преуспевание человека, а преуспевание человека возможно при правильном построении взаимоотношений с окружающими его людьми.

Согласно конфуцианцам, эти взаимоотношения в силу необходимости иерархичны.

Когда Джон Уинтроп, первый губернатор колонии Массачусетского залива, собирался сойти на берег со своего корабля «Арабелла» и вместе с пассажирами стать жителем Новой Англии, он произнес речь о том, как важно знать свое место и оставаться на нем. «Священный и мудрый промысел всемогущего Бога так определил состояние человечества, чтобы в нем всегда были и богатые, и бедные, и занимающие высокое положение и облеченные властью, и подчиняющиеся им люди незавидного положения», – сказал Уинт-роп. В дебрях Нового Света хватало опасностей и без анархии, сопряженной со стремлением взойти по социальной лестнице. Там богатые должны были оставаться богатыми, а бедные – бедными, и при этом всем полагалось «работать сплоченно, как единому целому»¹⁴. Конфуцианцы тоже считают иерархию необходимым ингредиентом социальной гармонии.

Когда Конфуция спросили, с чего он начал бы, если бы его призвали управлять государством, он ответил, что для начала исправил бы имена. Выражение «исправление имен» в действительности указывает на два принципа: во-первых, вещи надо называть своими именами, во-вторых, они должны соответствовать своему названию. «Да будет правитель правителем, подданный – подданным, отец – отцом, а сын – сыном»¹⁵. По утверждению Конфуция, чаще всего дисгармония и беспорядок в обществе возникают в тех случаях, когда люди либо не знают, какую роль они играют, либо их поступки не соответствуют роли.

Как правило, конфуцианцы различают роли в отношениях пяти типов: правитель-подданный, родитель-ребенок, муж-жена, старший брат-младший брат, друг-друг. Считается, что все эти пять типов взаимоотношений характеризуются обоюдной зависимостью и взаимовыгодой, а не просто подчинением одной из сторон. Родители и правители заботятся о своих детях и подданных, в то время как дети и подданные выказывают преданность и уважение родителям и правителям.

Наряду с пятью типами взаимоотношений важны и пять добродетелей: человечность, справедливость, порядочность, мудрость и преданность. Усердное возвращение этих пяти типов взаимоотношений и пяти добродетелей ведет к порядку в обществе, но согласно конфуцианцам, все эти отношения и добродетели также порождают истинного человека. И в этом случае опять-таки требуются совместные усилия.

Конфуций

Конфуция (латинизированная форма Кун Фу-Цзы, или «учитель Кун»; 551–479 годы до н. э.) часто называют основателем конфуцианства, однако сам он считал себя скорее носителем древних истин, чем изобретателем новых. Его удивительная жизнь пришлось на так

называемый период Ста школ в Китае, или, если пользоваться общепринятой терминологией, на Осевое время, когда по земле ходили Сократ и еврейские пророки. Примерно в то же время жил и Будда.

Уточнение подробностей биографии Конфуция – непростая задача, однако принято считать, что он родился в 551 году до н. э. в Цюйфу, в княжестве Лу (на территории современной провинции Шаньдун), в семье, располагавшей скромными средствами. После смерти отца, повлекшей за собой бедность, Конфуций с головой погрузился в учебу. Еще в юности он прославился, как разносторонне одаренная личность, китайский Джефферсон; благодаря своим познаниям в церемониях, искусстве стрельбы из лука и управлении колесницей, в каллиграфии, математике, поэзии, истории и музыке (он играл на струнном инструменте гучжэне), он стал первым частным учителем в Китае. Целью его наставлений, опирающихся на классическое «Пятикнижие», были формирование характера и самосовершенствование. Подобно Сократу, он вел преподавание в форме бесед, и ученики отмечали, что ему особенно удаются провокационные вопросы.

Обычно Конфуцию приписывают редактирование и написание части классического «Пятикнижия», однако текст, который ассоциируется с Конфуцием у большинства людей, «Лунь юй» (буквально «беседы»), был составлен его учениками. В «Лунь юй» Конфуций называет хаос бедой для человека, а порядок – способом избавления от этой беды. В качестве методов исцеления он указывает на нравственное учение, обычаи и церемонии.

Конфуций побуждал каждого ученика стремиться стать «цзюньцзы» (примером для подражания), а для этого культивировать «жэнь» (человечность) и «ли» (обычаи, церемонии, приличия). С его точки зрения цель образования – не подготовка работников, умеющих пользоваться приспособлениями, а побуждение учеников развиваться, совершенствоваться, становиться людьми, способными понимать добродетели и олицетворять их.

Конфуций пытался действовать и на политической арене, но его усилия в этой сфере принесли плоды лишь спустя долгое время после его смерти, когда при династии Хань (206 год до н. э. – 220 год н. э.) конфуцианство официально заняло господствующее положение в государстве. Деятельность Конфуция в сферах политики и образования свидетельствует о том, что он не был аскетом и не вел преимущественно созерцательную жизнь. Он любил рыбалку, охоту и песни, ценил искусство, был не прочь выпить и вкусно поесть. Семейный человек, муж и отец, он отличался практичностью и, согласно одному из самых известных отрывков «Лунь юй», к семидесяти годам добился, чтобы его долг и желания звучали в унисон.

Конфуций умер в семьдесят с небольшим, при обстоятельствах, которые наверняка стали бы разочарованием для менее выдающегося человека. Несмотря на преданность тысяч учеников, на политическом поприще он потерпел фиаско. Поэтому не стоит удивляться тому, что его последние слова проникнуты смирением с оттенком горечи: «Разумный правитель не приходит к власти; в этом царстве нет никого, кто выберет меня наставником. Пришло мое время умереть». Перед самой смертью голос Конфуция окреп, в нем появились поэтические нотки, ощущалось влияние прилива как ян, так и инь. Глядя на священную гору Китая, Тайшань, он произнес:

Рухнет великая гора;
Сломается прочная балка.
А мудрец увянет, как трава¹⁶.

В конфуцианских храмах всего мира ежедневно совершают жертвоприношения в память о Конфуции, но чтят его не как святого и не как чудотворца. Некоторые даосисты поклоняются ему как божеству, но конфуцианцы не обожествляют его. Подобно тому, как приверженцы

т*ensored*авады чтят Будду как указавшего путь, а не божество, так и конфуцианцы поклоняются Конфуцию как великому нравственному учителю. Они даже спорят, удалось ли ему достичь состояния мудрости (сам он никогда не претендовал на титул мудреца). Но все соглашается с тем, что Конфуций был образцовым учеником и наставником, обратившим взоры в прошлое, особенно на мудрого правителя древности Чжоу-гуна, у которого он учился формированию характера и обеспечению мира и спокойствия. В извечном смирении Конфуций утверждал, что всего-навсего добросовестно передает ученикам наставления великих мыслителей. «Я передавал то, чему учили меня самого, ничего не прибавляя от себя», – говорил Конфуций¹⁷. В некотором смысле роль, которую он играет в конфуцианстве, подобна роли Мухаммада, передавшего Коран мусульманам, и роли Моисея, передавшего закон израильтянам, нежели роли основателей религиозных учений, таких, как Иисус или Будда, озарения которых легли в основу соответствующих писаний.

Но вместе с тем Конфуций был и преобразователем, который помог направить развитие древнекитайской культуры, чтимой им, по пути от иерархии рождения к иерархии заслуг. Он принимал учеников, которые не могли платить ему ничем, кроме вяленого мяса и благодарности. Самый выдающийся из его учеников был простолюдином. Конфуций утверждал, что не только потомки знатных родов, но и каждый человек способен взрастить в себе добродетели и стать мудрецом. Поэтому Конфуций был не только «передатчиком», как Моисей и Мухаммад, но и «преобразователем», подобно Иисусу и Будде.

Человечность и приличия

Так какие же учения передавал и преобразовывал Конфуций? Как сочетал древнее и новое, отзываясь на испытания периода, когда, как гласит «Ши-Цзин», «беспорядкам не было конца»?¹⁸

Для того чтобы ответить на эти вопросы, начать по примеру Конфуция надлежит с обучения. Конфуций считал изучение «Пятикнижия» обязательным. Но затем изученное требовалось привести в движение, превратить из мысли в действие. Цель обучения – добродетель и приличие, задача в том, чтобы стать «цзюньцзы», примером для подражания, обладающим добродетелями, знающим свои социальные роли, исполняющим обряды и в целом следующим по Небесному пути. Если тенденция сводить христианство к его этическим наставлениям – современное изобретение, то в конфуцианстве этика всегда занимала центральное место, а в центре конфуцианской этики располагается добродетель «жэнь», с которой в большей мере, чем с каким-либо другим качеством, ассоциируется образцовый человек. Более сотни раз упомянутый в «Лунь юй» термин «жэнь» переводили как гуманность, доброта, благожелательность, альтруизм, любовь и сострадание, но, вероятно, наилучшим образом его смысл передан словом «человечность»¹⁹. По-китайски он записывается иероглифом, состоящим из символов «человек» и «два», следовательно, «жэнь» – правильные отношения между людьми. До Конфуция было принято считать, что лишь мудрые правители и прочие представители элиты могут обладать этой добродетелью. Но Конфуций считал ее достижимой для всех людей, а также последней надеждой на гармонию в обществе и политический порядок. Добродетель, утверждал он, – фундамент цивилизации, а фундаментом добродетели служит «жэнь».

Один из главных соперников Конфуция, Мо-цзы, высказывал мнение, которого придерживались моисты, о том, что людям надлежит проявлять человечность по отношению ко всем окружающим независимо от отношений с ними. Иными словами, он предвосхитил сделанный Иисусом акцент на «агапэ», любви к ближнему, не делающей различий между другом и врагом, но одинаковой для всех. Однако Конфуций, обеспокоенный «семейными ценностями» гораздо больше, чем Иисус, говорил, что «жэнь» следует культивировать в первую очередь внутри семьи.

Почтительное отношение к родителям играет немаловажную роль в иудаизме, но еще более

значительна роль, отведенная почтению к родителям, в конфуцианстве. В первых же строках «Лунь юй» почтительность к родителям названа «основой жэнь»²⁰. Из пяти взаимоотношений все мы в первую очередь осваиваем (или терпим неудачу при попытке освоить) отношения между родителями и детьми. Именно в них мы делаем первые робкие шаги от эгоцентризма к нравственному совершенству. В семье мы учимся быть людьми, ведущими и ведомыми. Если в семье царит порядок, отношения людей в ней гармоничны, а если гармоничны отношения между людьми, то гармоничным будет и общество.

Когда Барак Обама подарил королеве Елизавете II медиаплеер iPod, он продемонстрировал полное отсутствие представлений о «ли»

Но каким образом культивировать в себе человечность? Как перенести в мир уроки эмпатии и сочувствия, усвоенные в семье? Если коротко, то с помощью «ли». В доконфуцианские времена слово «ли» буквально означало «приводить в порядок» и применялось довольно узко, почти исключительно к церемониям и обрядам. Но благодаря Конфуцию и его последователям это слово стало многозначным, относящимся как к этикету, так и к обычаям, манерам, церемониям, вежливости, благопристойности и приличиям.

«Ли» играет в конфуцианстве настолько важную роль, что китайцы иногда называют само конфуцианство «лицзяо», или «религия ли». Сегодня под «ли» подразумевается совершение правильных действий правильным образом в любых обстоятельствах, или, короче, в соответствии с Небесным путем. Наряду с «жэнь», «ли» является одной из ключевых концепций конфуцианской мысли, поскольку и «жэнь», и «ли» вносят свой вклад в самосовершенствование и гармонию в обществе. Но если «жэнь» свойственны обращенность внутрь и субъективность, то «ли» – обращенность наружу и объективность: это «жэнь» в практическом применении.

Чрезвычайно широкое понятие «ли» относится и к ритуалам, например свадебному, и к ритуализированному поведению, то есть к манерам, этикету, даже к языку жестов. Во время встречи с ее величеством королевой Елизаветой II в Букингемском дворце через несколько недель после инаугурации 2009 года президент США Барак Обама подарил королеве iPod – эта широко раскритикованная оплошность продемонстрировала полное отсутствие представлений о «ли». «Ли» также определяет правильное поведение по отношению к родителям: «При жизни родителей служить им, следуя ритуалу. Когда они умрут, похоронить их в соответствии с ритуалом»²¹. Эти правила также распространяются на явно приземленные вопросы о том, как надлежит смотреть, слушать, говорить и двигаться – «не смотреть, если это не предписано правилами («ли»), не слушать, если это не предписано правилами, не говорить, если это не предписано правилами, не двигаться, если это не предписано правилами»²². «Ли» предписывает тактично осведомляться о здоровье своих родителей. Согласно «ли», надлежит держаться прямо, стремиться к богатству, не нарушая правил. Ждать, когда учитель выскажется первым. Оказывать радушный прием гостю и умирять гордыню.

Согласно учению о Середине, «ли» – это умение избегать крайностей и в мыслях, и в поступках, умеренность в удовольствиях, и в целом движение по сбалансированному и гармоничному Небесному пути. Это склонность больше слушать, чем говорить (китайский иероглиф «мудрец» – это большое ухо и маленький рот). Это умение медленно есть, наливать чай так, как полагается, прихлебывать суп бесшумно. Знание, как следует одеваться на свадьбу или на похороны, – это тоже «ли». И умение быть внимательным к окружающим – не включать свой бумбокс на полную громкость в подземке, не проходить в зал кинотеатра в обход очереди, – тоже «ли». Словом, «ли» – это проявление почтительности во всех ситуациях и отношение к заведомо обычному общению, как к священным церемониям²³.

Подобно мусульманам, которые считают жизнь Мухаммада примером того, как надо жить, конфуцианцы выбирают Конфуция образцом для подражания. Читая «Лунь юй», конфуцианцы

обращают внимание не только на слова, но и на поступки Конфуция – на то, как он «вручал подарки, учил, ел, посещал храм, как совершал самые обычные повседневные действия»²⁴. Все это помогает возвращать в нас человечность и в то же время действует подобно социальному клею, создающему общество и поддерживающему порядок в нем. Именно «ли» превращает заурядного человека в совершенного. Именно благодаря «ли» жизнь в обществе протекает гладко, между Небом и человечеством воцаряется гармония.

Между конфуцианцами идет давний, непрекращающийся и относящийся к категории «курица или яйцо?» спор о том, что считать основой основ – «жэнь» или «ли». «Ли» вызывает «жэнь»? Или «жэнь» порождает «ли»? Согласно широко распространенному мнению, обе эти концепции занимают центральное место в конфуцианской традиции, следовательно, разумнее всего считать их неразрывно связанными, двумя сторонами одной и той же медали. «Ли» – это проявление «жэнь» в мире. Но ритуал и приличия в свою очередь придают нам человечность. Вместе «ли» и «жэнь» создают гармонию в отдельно взятом человеке, обществе и космосе.

И умение быть внимательным к окружающим – не включать свой бумбокс на полную громкость в подземке, не проходить в зал кинотеатра в обход очереди, – тоже «ли»

Конфуций выглядит высоконравственной личностью, моралистом, и он действительно был таковым. Его всецело занимал вопрос о том, как следует жить. Он верил, что человеку от природы присуща нравственность, значит, стать нравственным – это стать самим собой. Однако и мистика была не чужда Конфуцию. Подобно Сократу, он обладал достаточным интеллектом и смирением, чтобы осознавать пределы собственной мудрости. Однажды Конфуций дал такое определение знанию: «Зная что-либо, считай, что знаешь; не зная, считай, что не знаешь»²⁵. По меньшей мере в одном случае он отдал дань уважения молчанию. После того, как Конфуций признался, что предпочитает молчание разговорам, встревоженный ученик спросил, что же он и его товарищи, другие ученики, будут передавать. Отказавшись от своего намерения больше не говорить, Конфуций ответил: «Разве Небо говорит? А четыре времени года идут, и вещи рождаются. Разве Небо говорит?»²⁶.

Мэн-цзы И Сюнь-цзы

После смерти Конфуция в его учении преобладали голоса двух великих мыслителей и соперников, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, сыгравших в своей традиции те же роли, которые несколько столетий спустя играли в иудаизме два раввина-спорщика Гиллель и Шаммай. Хотя Мэн-цзы часто называют идеалистом, а Сюнь-цзы – реалистом, эта оценка уводит от вопроса, над которым ломали голову оба: действительно ли

человек добр по своей сути? Этот вопрос имел значение потому, что все конфуцианство строилось на предположении, что человек способен совершенствоваться; гармония в обществе и политический порядок оказались бы недостижимыми, если бы выяснилось, что люди не в состоянии меняться к лучшему. Так способны они на это или нет? И если да, то как? Мэн-цзы (371/2 год – около 289 года до н. э.) известен как сторонник взглядов об изначальной доброте человека. Мы творим добро потому, что созданы такими. А когда мы творим зло, то причина тому – воспитание, помешавшее нам стремиться к добру, а вовсе не природа. Разве найдется человек, вопрошал Мэн-цзы, который, услышав, как ребенок плачет на краю колодца, не попытается помешать его падению? Каждому из нас присуще сострадание, порождающее доброжелательность; чувство стыда, из которого вырастает верность долгу; представление о вежливости, которое порождает приличия, а также ощущение, что правильно, а что нет, дающее рождение мудрости. Чтобы стать человеком, нам вовсе незачем стремиться к чему-то внешнему, находящемуся за пределами нас самих. Семена человечности находятся в нас.

Отвергая взгляды Мэн-цзы как проявления наивно-оптимистичного отношения к человеческой природе, мыслитель III века до н. э. Сюнь-цзы утверждал, что люди по своей сути порочны – «алчные, жадные, эгоистичные твари»²⁷. В «Лунь юй» Конфуций высказывал

мнение, что управление с помощью стыда эффективнее управления с помощью наказаний: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится»²⁸. Сюнь-цзы не соглашался с ним. В мире алчности, зависти и ненависти следует выбивать из людей порочность. Образование не совершенствует нашу природу, а меняет ее. Только строгие законы и суровые наказания могут научить людей усмирять собственные страсти ради общественного (и своего) блага. Если Мэн-цзы обращался к осторожным ботаническим метафорам, говорил о том, как с помощью образования мы взращиваем в себе уже имеющиеся семена человечности, то Сюнь-цзы прибегал к более жестким и резким метафорам, позаимствованным в мастерской – металл куют, превращая в меч, дерево гнут с помощью пара, делая из него лук, – и таким образом объяснял, как из лишнего добродетелей существа может возникнуть пример для подражания – цзюньцзы.

Неоконфуцианство, новое конфуцианство и бостонское конфуцианство

После Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, большой тройки первой волны конфуцианства, его влияние нарастало и вновь снижалось, как буй с колоколом на волнах Желтого моря. Конфуцию при жизни так и не удалось приобрести видных друзей-политиков и оказать влияние на облеченных властью людей, а Мэн-цзы и Сюнь-цзы были персонами нон грата при недолговечной династии Цинь. Первый император Китая, безжалостный макиавеллист, одержимый законностью, а точнее – наказаниями и властью, слышать не желал о принципе Конфуция, согласно которому правители относятся к подданным, как любящие отцы – к почтительным сыновьям. И он приказал сжечь конфуцианские книги и казнить ученых-конфуцианцев. Но при династии Хань конфуцианство получило такую же поддержку, как христианство при Константине, и в 136 году до н. э. возвысилось, превратилось из преследуемого движения в официально принятое государством, стало господствующим интеллектуальным импульсом в Китае. При династии Хань «Пятикнижие» объявили обязательным для изучения, образование в его конфуцианском понимании стало пропуском в обширный чиновничий аппарат Китая.

Конфуцианство отчасти сдало позиции даосизму и буддизму при династии Тан (618–907 годы н. э.), но возродилось при династии Сун (960–1279 годы н. э.), когда под названием «Учение о принципе» (для жителей Запада – неоконфуцианство) оно вновь стало преобладающим интеллектуальным импульсом в Китае.

Дополнение «нео-» конфуцианство получило благодаря двум основным обстоятельствам. Первым стала готовность неоконфуцианцев без зазрения совести заимствовать идеи у буддистов и даосистов. Точно так же, как мусульмане отвергали аскетизм христианских монахов, неоконфуцианцы противились аскетическим побуждениям буддийского и дао-систского монашества. Вместе с тем неоконфуцианцы заимствовали из «трех учений» различные духовные практики, в том числе медитативное «безмолвное восседание». В понимании неоконфуцианцев культивирование почтительности было неразрывно связано со стремлением к мудрости при получении конфуцианского образования, которое к тому времени включало обширный набор умственных, физических и духовных практик – «чтение книг, безмолвное восседание, отправление обрядов, физические упражнения, каллиграфия, арифметика, эмпирическое наблюдение»²⁹.

Вторым ключевым обстоятельством стало преобразование конфуцианского канона. Под руководством Чжу Си (1130–1200), наиболее выдающегося конфуцианского мыслителя времен династии Сун, отправной точкой для обучения стало уже не классическое «Пятикнижие», а «Четверокнижие». С XIV по XX век «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Великое учение» («Да сюэ») и «Учение о середине» («Чжун юн») составляли основу для экзаменов на звание чиновника в Китае. Общим следствием этой переориентации стало большее внимание, уделяемое

метафизическим и духовным вопросам того рода, от которых отмахивался Конфуций, но которые были хлебом насущным (или, в данном случае, рисом) для буддистов и даосистов.

Вместе с тем неоконфуцианцев отличал от буддистов и даосистов акцент на этической и исторической сторонах учения, а также приверженность идеям разума и гуманизма. Если даосистов духовность уводила от мира, то все ведущие мыслители в период становления неоконфуцианства были политическими деятелями.

Кое-кто видит прообраз философии американского прагматизма в высказываниях еще одного выдающегося неоконфуцианца, Ван Ян-мина (Ван Шоужэня, 1472–1529). Прежде конфуцианцы творчески сочетали сакральное и мирское, Небо и человечество. Ван Янмин сделал то же самое для мысли и действия. Нельзя по-настоящему познать что-либо без действия в соответствии с этим познанием, и нельзя сделать что-либо, пока не приобретешь познаний, необходимых для этого дела, утверждал он. «Знание – начало действия, а действие – завершение знания»³⁰.

На протяжении большей части XX века конфуцианство оставалось забытым. Многовековая традиция конфуцианских экзаменов на звание чиновника была упразднена в 1905 году, официальные жертвоприношения в память о Конфуции прекратились в 1928 году. В первые годы после основания Китайской Народной Республики в 1949 году кое-кто еще поговаривал об интеграции коммунизма и конфуцианства. Но в разгар политической драмы «культурной революции» Конфуций получил клеймо отрицательного персонажа. В ходе антиконфуцианской кампании 70-х годов XX века нападкам подверглись «четыре пережитка» – конфуцианская культура, идеология, обычаи и привычки, их вытеснили «четыре новшества» (пролетарская культура, идеология, обычаи и привычки). Руководители коммунистической партии осуждали Конфуция как «врага номер один» и обвиняли конфуцианство во всевозможных тяжких преступлениях против новой марксистско-ленинской идеологии председателя Мао³¹. Следуя по стопам антиконфуцианской династии Цинь двухтысячелетней давности, хунвэйбины («красные охранники») собирали и сжигали конфуцианские книги, разбили статую Конфуция в храме его родного города Цюйфу. То, что некогда было сердцем и душой китайской цивилизации, коммунисты заклеили как феодальный вызов, брошенный прогрессу, чуждые современности суеверия, орудие реакционных сил, сексизма и классового гнета.

Сегодня над Китаем вновь возшла звезда конфуцианства. Учебные конфуцианские курсы появились в университетах всей страны. Конфуция цитируют главы коммунистической партии, не в последнюю очередь Председатель КНР Ху Цзиньтао, в основе лозунга которого, «к построению гармоничного общества», лежит высказывание Конфуция («неизменная цель – гармония»³²). Книга «Конфуций от всей души», нечто вроде «бальзама на сердце конфуцианца», написанная преподавательницей факультета СМИ (и любимицей СМИ) Юй Дань, была распродана тиражом более десяти миллионов экземпляров³³. Проконфуцианский импульс в современном Китае настолько силен, что даже высказываются предположения, что конфуцианство вскоре вытеснит марксизм-ленинизм с пьедестала официальной государственной идеологии. Безусловно, до превращения китайской коммунистической партии в китайскую конфуцианскую еще далеко, но миллионы студентов во всем Китае сегодня изучают классические труды Конфуция и Мэн-цзы наряду с сочинениями Маркса и Мао, а иногда и вместо последних.

Это популярное возрождение сопровождалось еще одним, более философским, получившим название нового конфуцианства. Некоторые наблюдатели утверждают, что это новое явление – третья волна конфуцианства, в отличие от первой волны первого тысячелетия и второй волны второго тысячелетия достигающая пика не только в Китае, но и во всем мире. Взяв на прицел стереотипные представления о конфуцианстве как о чем-то закостеневшем и окаменелом, новые конфуцианцы заявили, что если Конфуций преобразил унаследованные им традиции, то их

право и долг – преобразить само конфуцианство. По мнению моего коллеги из Бостонского университета, Джона Бер-тронга, новые конфуцианцы пытаются «хранить верность сути конфуцианских учений, но излагать их в современных, всеобщих терминах, в рамках диалога мировых культур»³⁴. Точнее говоря, новые конфуцианцы стремятся применить древнюю мудрость своих традиций к таким проблемам современности, как наука, либерализм, демократия и права человека, а попутно избавить эти традиции от сексизма и патриархальности. Новое конфуцианство, популярное в Китае, Тайване, Гонконге и США, утверждает: если конфуцианство может многому поучиться у Запада (в том числе западной философии и компаративной религии), то и Западу есть чему поучиться у конфуцианства. В непрекращающемся диалоге с западными философами и богословами новые конфуцианцы охотно превозносят идеалы свободы, равенства и братства, но настаивают на том, что их следует дополнить идеалами общности.

Миллионы студентов во всем Китае сегодня изучают классические труды Конфуция и Мэн-цзы наряду с сочинениями Маркса и Мао, а иногда и вместо последних

Кроме того, новые конфуцианцы также пытаются вынашивать идею истинно конфуцианского феминизма. В таких книгах, как «Мудрец и второй пол» Чэнъян Ли, они называют матерей Конфуция и Мэн-цзы источниками их вдохновения и строят собственные этические учения вокруг идеи равноправных взаимоотношений друзей, а не иерархических отношений правителя и подданного³⁵. Кроме того, новые конфуцианцы отмечают: если Платон и Аристотель спорили, является ли женщина человеком в полной мере, то ранние конфуцианцы всегда признавали, что женщина способна стать не только «цзюньцзы», но и мудрецом. Вероятно, главный источник конфуцианского феминизма – древнекитайская космология инь и ян, согласно которой женское и мужское начала взаимно дополняют друг друга и являются взаимопроникающими.

Одно из проявлений нового конфуцианства получило название «бостонского конфуцианства»; его наиболее видные сторонники – Ту Вэймин из Гарварда и Роберт Невилл и Джон Бертронг из Бостонского университета. Иронически подтверждая конфуцианскую (и фигурирующую в Еврейской Библии) мысль о том, что ничто не ново под солнцем, Невилл и Ту во многом воспроизводят спор Мэн-цзы и Сюнь-цзы. Невилл, священник Объединенной методистской церкви, называющий себя христианином-конфуцианцем, занимал пост декана школы богословия при Бостонском университете и служил в нем капелланом. В соответствии со своим христианским наследием, он эхом повторяет и представления Сюнь-цзы о греховности человека, и его же взгляды на ключевую роль «ли» в исправлении этих порочных наклонностей. В отличие от Невилла, Ту следует Мэн-цзы в вопросах о доброте, присущей человеку от природы. И если Невилл прослеживает корни конфуцианства до ключевого для Сюнь-цзы слова «ли», то ключевое слово для Ту, который, подобно Мэн-цзы, акцентирует внимание скорее на внутренней культивации, чем на ритуале, – это слово «жэнь». Но у этих двоих есть и нечто общее, а именно – убежденность в том, что конфуцианству незачем существовать исключительно в Китае или даже в Азии. Конфуцианство уже успешно эмигрировало из Китая в Японию, в Корею и Вьетнам. Так почему бы ему не обосноваться и в Бостоне?

Тигры Тайшаня

Признаюсь, я никогда не был большим поклонником конфуцианства, которое, впрочем, с давних пор интриговало и в то же время ужасало меня. Как большинство американцев, я ценю личную свободу и восстаю против риторики долга и обязательств, особенно когда эта риторика не звучит во мне, а исходит снаружи. Я не пользуюсь ярлыками – ни воображаемыми, в своей голове, ни в качестве наклеек для бампера, а если бы и решил воспользоваться, то, скорее всего, выбрал бы ярлык, напоминающий мне о необходимости скорее ставить авторитеты под сомнение, чем чтить их. Своих студентов, в том числе и младшекурсников, я прошу обращаться ко мне по имени.

В своих принципах я не одинок. США возникли в результате восстания против авторитетов, европейцы и американцы в равной мере подозрительно относятся к преподносимым истинам. Нас побуждают мыслить нестандартно, восхвалять «отщепенцев», маршировать под гимны неконформизму Генри Дэвида Торо. Когда речь заходит о свадьбе или смерти, мы отвергаем типовые церемонии, которыми довольствовались наши дедушки и бабушки, сами пишем тексты клятв и просим развеять наш прах над любимым гольф-клубом или бейсбольной площадкой. Что может быть банальнее для бит-поколений, выросших на идеалах хиппи и «Дао дэ цзин», чем чопорная церемонность конфуцианства?

Поэтому неудивительно, что мы находим столь притягательными рассказы Лу Синя (1881–1936), – критика конфуцианства, который прославился как отец современной китайской литературы. Захваленный председателем Мао «главнокомандующий китайской культурной революции» Лу Синь предпочитал приземленный и не блещущий чистотой просторечный китайский язык возвышенному литературному языку аристократии и, не стесняясь в выражениях, осуждал «людоедские» предрассудки конфуцианской культуры как насилие над личной свободой, продолжающееся долгие тысячелетия³⁶. С его точки зрения, конфуцианство – несправедливость, угнетение, конформизм, замаскированные под нравственность.

Хотя я не коммунист и никогда им не был (если не считать той недели в колледже, когда на меня подействовали чары «Капитала» Маркса), я согласен с Лу Синем в том, что так называемые тройные узы в конфуцианстве (власть правителя над подданным, отца над сыном, мужа над женой) носят авторитарный и сексистский характер. Да, подданным, сыновьям и женам объясняли, что они вправе и даже обязаны поправлять своих правителей, отцов и мужей, если те переходят границы добродетели, но часто ли это происходило в действительности? В китайский иероглиф «жена» входит изображение метлы, конфуцианство не предпринимало никаких попыток опровергнуть расхожую мудрость, согласно которой девушки – не более чем потенциальная домашняя прислуга. Многие сторонники нового конфуцианства делают акцент скорее на взаимности, чем на иерархичности взаимоотношений между мужчиной и женщиной, конфуцианство роднит с феминизмом внимание, уделяемое процветанию человека здесь и сейчас. Но следует признать, что скорректировать эту древнюю традицию в соответствии с принципами феминизма чрезвычайно трудно.

Кроме того, я разделяю подозрительное отношение Лу Синя к механизмам долга – не потому, что я не способен испытывать чувство долга и выполнять обязательства, а потому, что мне по опыту известно, как обязательства способны довести человека до точки, когда он становится неузнаваемым для себя и окружающих. Меня приводят в восторг обряды, связанные с кардинальными переменами, – Холи в Индии, Марди-Гра в Новом Орлеане, Пурим в Израиле, – благодаря которым мир переворачивается с ног на голову. Я питаю глубокие и неизменные чувства к новоанглийскому обычаю городских собраний – обряду с переворотом, во время которого по крайней мере на одну ночь в году подданные становятся правителями, а правители подданными.

Однако должен признаться, что из всех великих духовных лидеров, которых я изучал годами, именно к Конфуцию я прикипел сильнее, чем к кому-либо другому. Индивидуализм – один из предметов гордости современной западной цивилизации, а наш культ нарциссизма – одно из ее зол. Как и Будда, Конфуций считал это оружием массового поражения, которое до неузнаваемости искажает нашу способность воспринимать мир таким, какой он есть, и попутно убивает нас лестью. Поэтому Конфуций перенаправил наше коллективное внимание с отдельно взятого человека-одиночки на человека в сообществе. Подобно буддийской медитации метта, во время которой практикующие ее «выдыхают» сострадание, направляя его на себя и окружающих, Конфуций и его последователи стремятся ввести нас в постоянно расширяющиеся круги эмпатии – да, в том числе и к самому себе, но вместе с тем – к родным, обществу, народу, человечеству и Небу. Вероятно, потому, что сам он происходил из небогатой семьи, Конфуций неоднократно повторял, что применяемое к нам мерило не имеет

никакого отношения к богатству или положению в обществе, но самое непосредственное – к достижениям и добродетелям. В политике он вовсе не был сторонником равенства. Но не был он и тираном. Обращенные к нам призывы подчиняться тем, кто знает больше, чем мы – Бертронг называет это «обучение неразумных мудрыми» – мало чем отличается от администрации «лучших и самых одаренных» президента Джона Ф.Кеннеди, поистине конфуцианского Камелота³⁷.

Меня также привлекает призыв Конфуция говорить правду обладателям власти – призыв, усиленный смелым настоянием Мэн-цзы, согласно которому подданные вправе восстать против любого правителя, который в силу недостатка добродетелей утратил «небесный мандат». Нам, жителям современного Запада, свойственно ассоциировать конфуцианство с безоговорочным подчинением властям, с голословным утверждением президента Никсона, сказавшего в интервью британскому журналисту Дэвиду Фросту, что «если так поступает президент, значит, это не противозаконно». Однако есть причина, по которой Конфуций так и не смог служить в правительстве: он утверждал, что добродетельными должны быть не только подданные, но и правители. И если подданные, по его мнению, обязаны чтить правителей и повиноваться им, то правители должны заботиться о своих подданных, как любящие отцы заботятся о сыновьях. Хорошее правительство, говорил он, зависит от доверия даже в большей степени, чем от процветания или военной мощи, и это доверие невозможно заслужить или сохранить ничем, кроме покрова добродетели.

«Запомните это, дети мои! Гнет властей страшнее тигра»

Поскольку кровопролитные причины на Ближнем Востоке по-прежнему влекут за собой кровопролитные следствия, невольно вспоминается упрек Конфуция, обращенный к реалистам, стремящимся добиться гармонии в обществе с помощью оружия. Сила, направленная сверху, утверждал он, только вызовет недовольство внизу. Возможно ли более убедительное подтверждение этой гипотезы, чем толпы разгневанных исламистов, каждый день выстраивающихся в очереди, чтобы стать смертниками и взорвать себя в Ираке и Афганистане?

Одна из самых известных историй из жизни Конфуция рассказывает о том, как однажды, проезжая мимо горы Тайшань в провинции Шаньдун, он повстречал убитую горем женщину. Ученику Конфуция было известно, что эта женщина, горестно склонившаяся над могилой сына, понесла не одну утрату, а сразу три. Тигр погубил отца ее мужа, ее мужа и вот теперь ее сына. Неизменно практичный Конфуций спрашивает, почему же в таком случае эта женщина не переехала в какое-нибудь более безопасное место. «Но здесь нас не угнетают власти», – отвечает женщина, чем побуждает Конфуция повернуться к ученикам и обратиться к ним со словами: «Запомните это, дети мои! Гнет властей страшнее тигра»³⁸.

Как гражданин страны, одержимость которой правилами неуклонно растет, я нахожу этическое учение Конфуция о добродетели жизнеутверждающим. Слишком часто мы пытаемся загнать круглые колышки общих правил в квадратные отверстия конкретных обстоятельств. И хотя придерживаться шаблонных представлений о конфуцианцах как о слепых последователях непреложных правил этикета и приличий очень просто, на самом деле конфуцианцы воспринимали этику скорее как искусство, чем как науку, скорее как образ жизни, нежели свод раз и навсегда установленных правил. Если этика на основе правил претендует на звание всеобщей и абстрактной, то конфуцианская этика признана ситуационной и конкретной. Как быть, если видишь, как родственника твоего супруга, того самого родственника, прикасаться к которому тебе запрещает свод правил приличия, уносит течение, и он вот-вот утонет? Нарушить правила и спасти жизнь, заявляет Мэн-цзы. Добродетельным и благородным в любой ситуации будет поступок, который совершил бы в этой ситуации тот, кто наделен человечностью. Цель конфуцианской этики – стать именно таким человеком.

Во время одного недавнего уик-энда, на который пришлось выпускные празднества, мы с новоиспеченным доктором наук разговорились на церемонии «покрывания головы», во время которой научные руководители поздравляют своих учеников с присвоением им докторской степени. В ожидании, когда на возвышение вынесут наши средневековые регалии, мы обсуждали церемонию сквозь призму «ли», в частности, пытались разобраться, кому и когда следует пожимать руку. В итоге я не мог не засмеяться, когда студентка, диссертация которой была посвящена конфуцианству, все перепутала, совершила неуместный поворот на 360 градусов, чтобы пожать руку заместителю декана – чего за весь день больше никто не сделал, – и тем самым сбила весь порядок церемонии. Позднее я решил поддразнить ее этим случаем. «Вот бы не подумал, что ученый, обладающий столь глубокими познаниями в конфуцианстве, как вы, способен запутаться в церемониях», – сказал я. «Да, но когда так поступает мудрец, – с тонкой улыбкой ответила она, – это уже не путаница».

И наконец, признаюсь, что Конфуций – мой профессиональный кумир. Почти всю свою взрослую жизнь я провел в академических кругах – либо как студент, либо в роли преподавателя. Разве могу я не преклоняться перед человеком, первые строки «Лунь юй» которого говорят об учебе как наслаждении, чей день рождения празднуется на Тайване как День учителя, чья вера в силу образования так глубока, что с его помощью вокруг этой веры была построена целая цивилизация?

В США ученые питают тайную романтическую привязанность к Франции, куда интеллектуалов ухитряются заманить солидными зарплатами и симпатичными девушками (или парнями). Но Конфуций перещеголял даже французов, так как поистине жил разумом (и сердцем). Чтобы возвысить профессию учителя, он сделал больше, чем кто-либо другой на любом континенте и в любую эпоху. Конфуций верил в то, во что должен верить каждый хороший учитель: в каждом из нас заложены семена изменений к лучшему и способности к совершенствованию, но эти семена требуют усердного ухода, без которого они не принесут плодов. Для Конфуция «жэнь» и «ли» были противоядиями от хаоса и путаницы. Но единственным способом их применения он считал образование.

Конфуция справедливо называют консерватором, однако разновидность критического мышления, с которым он ассоциируется, свойственна либеральному уму. Да, за вдохновением он обращался к прошлому. Но как говорил он сам, на старое он смотрел для того, чтобы понять, что есть новое³⁹. Каждый вопрос он стремился рассмотреть всесторонне, в том числе сквозь вечно меняющуюся призму новизны. «Благородный ум способен рассматривать вопрос со всех сторон, не проявляя предубежденности», – говорил Конфуций⁴⁰.

Для Конфуция «жэнь» и «ли» были противоядиями от хаоса и путаницы. Но единственным способом их применения он считал образование

Но при всех своих достижениях в сфере преподавания и обучения Конфуций так и не утратил интеллектуального смирения. На божественность он никогда не претендовал. Он никогда не называл себя мудрецом. Никогда не говорил даже, что он «цзюньцзы». Отвечая на вопрос, достиг ли он уровня «цзюньцзы», он лишь перечислял пути, по которым не дошел до цели:

«Есть четыре задачи на пути благородного мужа, ни одну из которых я не сумел осуществить. Такое же служение своему отцу, какого я ждал бы от собственного сына, осталось для меня недостижимым.

Служить моему правителю так же, как я ждал бы, чтобы мои министры служили мне, я тоже не сумел. Мне не удалось сослужить такой же службы своему старшему брату, какой ждал бы от него. И первым проявить к друзьям такое же отношение, на какое я рассчитывал бы от них, я не смог»⁴¹.

Следовательно, Конфуций – не образец человека, которому удалась полная самореализация, а того, кто всю жизнь стремился стать более человеческим, – человека, которого мы можем не просто чтить, а взять как пример для подражания.

Стать человеком

С каждым веком конфуцианство становилось все более религиозным, особенно в своем взаимодействии с буддизмом и даосизмом. Вместе с тем оно оставалось на удивление приземленным. Поэтому оно представляет собой не только одну из самых влиятельных мировых религий, но и наименее религиозную из них. Или же нет? Вероятно, последний вывод, который следует из нашего разговора о Конфуции и о тех, кто чтит его и толкует его слова, таков: существуют разные способы проявления религиозности.

Монотеисты с Запада убеждают нас, что религия – игра с нулевой суммой. Мы должны выбрать одну из религий, и мы, естественно, предпочтем сделать выбор на основании того, что предлагают нам религии после смерти. Но Конфуций и его последователи учили в том числе и тому, что смысл религии не столько в неопределенном будущем, сколько в настоящем – «здесь и сейчас». Возможно, преуспевание человека и гармония в обществе – достаточно возвышенные цели для любой религии. Возможно, самый животрепещущий вопрос, на который должны дать ответ великие религии, – вопрос о том, как стать человеком.

Современный американский поэт-фермер Уэнделл Берри утверждал, что мы становимся людьми, если мы причастны к сообществу «возлюбленных братьев и сестер», и давал определение этой причастности, как «общему опыту и общим усилиям на общей позиции, принадлежность к которой добровольна». Американская литература, отмечал Берри, изобилует образами восприимчивых личностей, которых угнетает не в меру властное сообщество (вспомним Гестер Прин из «Алой буквы»), и, следовательно, одиночек, бегство которых от этого гнета вполне оправдано (вспомним Гека из «Приключений Гекльберри Финна»). Но лишь в обществе, продолжает Берри, можно стать человеком в полном смысле этого слова. Лишь в условиях приличий (или непристойностей) общества, его блага (и зла) мы на своем опыте постигаем «нашу предубежденность и смертность», многочисленные узы, связывающие нас с местом и прошлым, с живыми и мертвыми. Берри называет себя христианином, а не конфуцианцем, но подступает к конфуцианскому духу ближе, чем любой известный мне англоязычный автор художественной литературы. Слова «жизнь – общественный поступок» были написаны Берри. Но звучат они так, словно их «изрек Конфуций»⁴².

Глава 4

Индуизм: путь преданности

Математика божественности (с. 147) Сансара и мокша (с. 150) • Цивилизация долины Инда (с. 152) • Ведизм (с. 154) • Философский индуизм (с. 157) • Индуизм преданности (с. 163) • Трое: Вишну, Шива, Махадеви (с. 167) • Пуджа (с. 170) • Индуистское повествование «Махабхарата» (с. 173) • Индуистское повествование «Рамаяна» (с. 176) • Современный индуизм (с. 178) • Индуизм сегодня (с. 180)

Перед началом любого нового дела индуисты обращаются к Ганеше – богу с головой слона, покровителю удачи и порогов, устранителю препятствий. Индия – страна поразительного разнообразия: религиозного, культурного, регионального, социального, лингвистического; индуисты поклоняются как минимум сотням разных богов, но почти все они чтят довольного толстяка Ганешу, самого популярного в этой помешанной на божествах традиции. Верующие просят его благословения, когда входят в храм, приступают к новой работе, отправляются в поездку, открывают новое предприятие, поступают на учебу, начинают супружескую жизнь, готовятся к севу или берутся писать книгу. Индийские националисты обращались к Ганеше с просьбой устранить такое препятствие, как британцы, и в 1947 году она была услышана.

Сегодня биржевые трейдеры нараспев повторяют 108 имен Ганеши каждое утро, перед открытием Бомбейской фондовой биржи в Мумбаи, где ежегодный праздник этого бога здоровья и богатства отмечают с особым энтузиазмом.

Если вездесущность – признак божественности, тогда Ганеша – самый божественный из всех богов. От его изображений в Индии никуда не скрыться – они повсюду: на древних храмах и в голливудских фильмах, на футболках, ковриках для мышки, наручных часах, в комиксах, на открытках, ожерельях и татуировках. Почти в каждом индуистском доме есть изображение этого божества удачи с увесистым брюшком: по традиции он держит топор, чтобы сокрушать препятствия, веревку, чтобы спасти верующих от напастей, и сладкую

Индуизм – потрясающая религия грандиозных идеалов, ярких красок, проникновенных мантр, острой пищи, сложных ритуалов и невероятных преданий

лепешку, символизирующую блаженство духовного освобождения. Наряду с излишком рук (обычно их четыре) у Ганеши всего один бивень: второй он сломал, чтобы записать им, как пером, индуистский эпос «Махабхарата». Однако приверженность Ганеше не ограничена исключительно Индией или даже индуистами. Она же характерна и для буддистов, и для джайнистов и простирается далеко за пределы полуострова Индостан. Один из первых индуистских храмов в США, Шри Маха Валлабха Ганапати Девастханам в Флашинге, Нью-Йорк, посвящен Ганеше, которого также называют Ганапати. Большая картина на ткани в рамке, изображающая этого веселого бога процветания, подпоясанного змеей и восседающего на канонической мыши, украшает вход на кафедру религиоведения Бостонского университета, где я работаю, а нарисованный тушью Ганеша, пухлым животом схожий с сувенирным буддой из Чайнатауна, приветствует гостей моего коттеджа на Кейп-Коде.

Индуизм – потрясающая религия грандиозных идеалов, ярких красок, проникновенных мантр, острой пищи, сложных ритуалов и невероятных преданий. Одно из самых захватывающих сказаний повествует о том, как Ганеше досталась его голова. Как почти все прочее в Индии, эта история встречается в самом разнообразном изложении, с различным количеством подробностей, но одна из популярных версий звучит так: жила-была однажды богиня Парвати, которая страдала от одиночества, потому что ее супруг, бог Шива, уехал с компанией приятелей на очередную из своих нескончаемых охот. И Парвати сделала себе сына из глины и собственной отмершей кожи. Однажды Парвати попросила сына покараулить у дверей, чтобы никто не помешал ей купаться. Вернувшийся в этот момент Шива обнаружил, что путь в собственный дом ему преграждает незнакомый мальчишка. Так и не добившись от Ганеши разрешения войти, Шива в ярости (индуистских богов не стесняли добродетели) оторвал ему голову. Увидев сына, лежащего без чувств в луже крови, Парвати так разгневалась, что пригрозила уничтожить всю вселенную. Тогда Шива, бог-разрушитель, успешнее отнимающий жизни, нежели дарующий или поддерживающий их, призвал на помощь Брахму-создателя и Вишну-хранителя. Брахма объяснил Парвати, что ее сына можно воскресить, если наделить его головой другого существа. Тогда Вишну нашел слона и отсек ему голову, которую Шива приделал к телу мальчика, проведя таким образом первую в мире ксенотрансплантацию. Затем Шива провозгласил своего воскрешенного сына главой его небесного войска и, по требованию Парвати, объявил, что отныне все верующие должны произносить имя его сына перед любыми начинаниями, в том числе и перед поклонением божествам. Так усердного сына Парвати стали чтить как охранника порогов. Он получил имя Ганеша, состоящее из санскритских слов «гана» (войско) и «иша» (повелитель) и указывающее на положение Ганеши как командующего небесным войском Шивы.

Математика божественности

В 1858 году немецкий индолог Макс Мюллер писал, что «индуизм как религия отжил свое, ему уже немного осталось»¹. Мюллер ошибся. Возможно, древнейшая из великих религий индуизм тем не менее занимает третье место по численности приверженцев после

христианства и ислама, его исповедуют примерно 900 миллионов человек, или около 15 % населения Земли. Индуисты живут преимущественно в Индии, самой большой демократической стране мира, где к индуистам себя причисляют четыре человека из пяти. Однако еще в первом тысячелетии новой эры индуизм распространился по всей Юго-Восточной Азии. В IX веке на острове Ява в Индонезии был построен храмовый комплекс Прамбанан, посвященный Брахме, Шиве и Вишну, в XII веке в Камбодже, ныне буддийской, индуистами и для индуистов был возведен Ангкор-Ват. Современный индуизм – религия большей части населения Непала, миллионы индуистов насчитываются в Бангладеш, Индонезии, Шри-Ланке, Пакистане, Малайзии и США.

В США американцев с азиатскими корнями часто воспринимают как «образцовое меньшинство» – благодаря их успехам в учебе и в работе. Как и любой другой, этот стереотип отчасти верен и отчасти ошибочен, однако он справедлив для американских индуистов, которые ни на шаг не отстают от приверженцев Унитарной церкви и иудеев, особенно когда речь заходит о таких мерилах успеха, как уровень образования и среднедушевой доход. Индуистам принадлежит 40 % компаний в сфере высоких технологий, базирующихся в калифорнийской Кремниевой (Силиконовой) долине². На родине, в Индии, индуисты формируют значительную долю стремительно индустриализирующейся экономики, которая, как предсказывают многие, вскоре повторит успех китайской.

Трудно сказать, есть ли у всех этих индуистов что-нибудь общее, и если есть, то что, так как из всех мировых религий индуизм наименее догматичен и наиболее разнообразен. Вместо того, чтобы отгораживаться от новых веяний, индуизм неизменно впитывает их. Конечно, абсолютно однородных религий не существует. К примеру, у христиан есть феминистские богословы и мачо-фундаменталисты, строго придерживающиеся порядка литургии сторонники Англиканской церкви и говорящие языками пятидесятники. Но индуисты достигли новых высот разнообразия. У индуистов есть общее священное писание (Веды), общий сакральный символ (Ом) и общий центр (Варанаси в Северной Индии), но нет ни основателя, ни нынешнего лидера. У них отсутствует и общий Символ веры, и механизм отлучения от нее. Когда американский поэт Уолт Уитмен писал: «Я противоречу самому себе? Ну что ж, значит, противоречу», он указывал направление развития поглощающего духа индуизма. Он тоже велик и тоже содержит множества.

В монотеистических религиях Запада самое священное число – один, а индуисты поклоняются многочисленным богам с помощью разных путей (марга), практик (йога) и философских учений (дарша-на). Их божества принимают облик могущественных царей, голодающих аскетов, отважных обезьян, грациозных танцоров, синелицых флейтистов и обезличенных камней. Некоторые индуисты утверждают, что на самом деле все это проявления лишь одного бога. Другие говорят, что богов много, но верховный среди них один. Третьи считают, что богов много и все они равны. Находятся индуисты, заявляющие, что никакого бога нет и что божества – это побочные продукты нашего не в меру богатого воображения. Индуисты спорят и о том, каким образом божества присутствуют в носящих их имена мурти (изображениях). В споре, напоминающем раскол между католиками (уверенными, что хлеб и вино во время богослужения превращаются в тело и кровь Иисуса) и протестантами (считающими хлеб и вино всего лишь символами Иисуса), одни индуисты твердят, что изображениям присуща божественность, а другие – что эти изображения лишь символы, указывающие за их пределы, на божественность.

Показательно, что индуисты не могут даже прийти к согласию по вопросу о том, что именно называется их религией и является ли она религией вообще. Согласно одному из наиболее распространенных притязаний индуистов, живущих на Западе, «индуизм – образ жизни», а не религия. Многие предпочитают называть этот образ жизни не индуизмом, а «санатана дхарма» (вечная вера).

Индуисты не могут даже прийти к согласию по вопросу о том, что именно называется их религией и является ли она религией вообще

Так как индуистами обычно становятся по рождению, а не в результате обращения, индуизм, подобно джайнизму, – в той же мере обозначение народа, в какой и религия. Словом «инду» («хинду») первоначально называли место, долину древней реки Ганг, а также людей, населяющих ее. Во времена империи Великих Моголов (XVI–XIX века) этим словом стали называть всех немусульман, а в Америке еще в начале XX века всех эмигрантов из Индии – индуистов, сикхов, мусульман, – звали «индусами». В викторианскую эпоху британские ориенталисты и индийские националисты популяризировали представления об индуизме как о мировой религии, отличающейся от ислама и христианства, но само слово «индуизм» (которое писали в то время по-английски не «hinduism», а «hindooism») появилось в английском языке лишь в 90-х годах XVIII века, а его использование стало повсеместным только во второй половине XIX века³. Вот почему американскому транс-ценденталисту Ральфу Уолдо Эмерсону простительно приписывание в 1845 году известного индуистского текста «Бхагавад-гита» не той религии: он называл ее «самой знаменитой книгой буддизма»⁴.

В отсутствие облеченного властью субъекта, способного чудесным образом превратить представления о том, каким должен быть индуизм, в то, чем является индуизм на самом деле, эта религия представляет собой образ действий и мыслей индуистов, а индуисты действуют

и мыслят самыми разными способами, какие только возможны. Следовательно, индуизм не столько термин, обозначающий единую религию, сколько собирательное понятие для религиозной традиции, подарившей миру идею кармы, представления о реинкарнации и йогу. Под сакральной сенью индуизма соседствует немыслимое разнообразие религиозных убеждений и норм поведения, бытующих в невероятно сложных и противоречивых условиях Индийского субконтинента и его диаспор.

Сансара и мокша

Несмотря на то, что мнения индуистов расходятся по вопросу достижения религиозной цели, между ними наблюдается значительный консенсус по вопросам проблемы человека и ее решения. Проблему представляет собой сансара, что буквально означает блуждание или течение, а в данном контексте подразумевает замкнутый круг жизни, смерти и перерождения. Мы рождаемся и умираем, а затем вновь рождаемся и опять умираем. То же самое относится и к самому космосу, который тоже движется по бесконечному собственному циклу создания, разрушения и нового воссоздания.

Вера в реинкарнацию быстро распространяется на Западе. Каждый четвертый американец и европеец верит, что после смерти душа вселяется в другое тело⁵. Но жители Запада обычно воспринимают реинкарнацию как награду, а не наказание: а вдруг в следующей жизни удастся купить «порше», жениться на красотке или добиться шестизначной зарплаты! Однако для индуистов реинкарнация – скорее беда, чем возможность, ведь этот мир – юдоль слез, где если и можно обрести счастье, то оно будет непрочным и недолговечным. Даже небо подвержено воздействию непреложного закона сансары. Оно тоже создано и будет уничтожено, как и живущие на нем божества. Следовательно, цель индуиста – не просто спастись бегством из этого мира в какой-нибудь небесный рай, а навсегда покинуть и небеса, и землю.

Индуисты называют эту цель «мокша», буквально – «освобождение», а в данном случае – духовное освобождение, избавление души от уз сансары и связанной с ними неудовлетворенности. Это наиболее близкий индуистский аналог христианского спасения души. Но ставить знак равенства между мокшей и спасением некорректно, поскольку сама концепция спасения подразумевает спасение от греха, а индуисты не верят в грех, значит, не проявляют никакого желания спастись от него. Если от чего и надо бежать, то не от греха, а от сансары. Мокша – не спасение, а бегство⁶.

Цель индуиста – не просто спастись бегством из этого мира в какой-нибудь небесный рай, а навсегда покинуть и небеса, и землю

Индуисты понимают, что далеко не все сумеют достичь этой цели или даже стремиться к ней. Поэтому они признают существование четырех разных целей в жизни.

Первые три таковы: кама, или чувственное удовольствие (как в древнем руководстве по сексу «Камасутре»); артха, или богатство и власть; и наконец, дхарма, или долг. Но высшей целью остается мокша. Иногда мокшу называют союзом отдельно взятой души с личным божеством. Другие видят в ней более обезличенное слияние того, что Эмерсон называл «Верховной Душой», с невыразимой сущностью обезличенного божественного. Есть и те, кому мокша представляется местом. Вместо христианского рая с его улицами, вымощенными золотом, они воображают раем либо обитель Вишну, Вайкунтху, либо дом Шивы, Кайлас.

Один из самых увлекательных диалогов в индуистской традиции посвящен достижению ее религиозной цели. Каковы способы перемещения из сансары в мокшу? Ломая голову над этим вопросом, индуисты разработали три совершенно разные йоги (буквально «учение»). Первой из них, созданной жрецами и описанной в ритуальных текстах Вед, стала карма-йога, или йога деятельности, поначалу применявшаяся к ритуальным действиям и в особенности к приношению жертв на огне. Вторая йога, результат труда странствующих мудрецов, записанный в философском трактате Упанишады, – джняна-йога, или учение о мудрости. Третья, бхакти-йога, или учение о поклонении, в настоящее время является наиболее популярной формой индуизма. Она гласит, что ни жертвоприношения жрецов, ни философские познания не нужны для избавления от уз сансары. Достаточно любви, искренней преданности выбранному божеству.

Сегодня у многих жителей Запада индуизм ассоциируется с Апу, владельцем магазина «На скорую руку» (*Kwik-E-Mart*) из мультсериала «Симпсоны» – почитателем Ганеши и Шивы и, бесспорно, самым известным западному миру индуистом. Но классическим примером

все-таки остается индуистский святой или аскет, садху. В XIX веке отчеты миссионеров, судовые журналы капитанов и восточные сказки запечатали в сознании западного человека образы безумных аскетов, разгуливающих босиком по раскаленным углям, немислимым образом сгибающих свои изнуренные тела, раскачивающихся на железных крюках, впившихся в их спины. Но в 60-70-х годах эту «холопскую», по выражению одного французского миссионера, расу, перестали поносить и начали превозносить⁷. Когда контркультура променяла «материалистический Запад» на «духовный Восток», американцы и европейцы возлюбили гуру – таких, как основатель трансцендентальной медитации (ТМ) Махариши Махеш Йоги, которого многие представители поколения бэби-бума (не в последнюю очередь Beatles) считали идеальным противоядием от унылой жизни офисного трудяги в сером деловом костюме. Сегодня один из шаблонных сюжетов карикатур в журнале *New Yorker* – встреча ищущих смысл жизни гостей с Запада и отшельника-индуиста. На одной из этих карикатур истощенный гуру, обитающий на вершине горы, отвечает им вопросом на вопрос: «Если бы я знал смысл жизни, разве торчал бы я в этой пещере в одних трусах?»⁸

Этим образом индуистского святого, по-прежнему живым в фильмах и телерекламе (и подкрепленным книгами по индуизму, где акцент сделан на мистическом опыте избранных), обусловлено распространенное представление об индуизме как трансцендентном пути самоотречения, вступив на который, простые садху меняют карьеру и семью на жизнь, где есть место лишь медитации, йоге, целибату и аскетизму в целом. Именно с этого начинался индуизм более 2500 лет назад – как традиция избранных аскетов, стремящихся разрешить проблему сансары посредством мудрости. Но современный индуизм далеко не так экзотичен, это распространенная вера обычных отцов, матерей и детей, стремящихся достичь мокши посредством простой любви.

Цивилизация долины Инда

Религии нередко сравнивают с деревьями, имеющими корни, стволы и ветви. Но наиболее подходящую метафору для индуизма следует искать не в ботанике, а в геологии. Представим себе индуистские традиции как напластования горных пород, наслаивающихся одна на другую. Кое-где допотопный гранит выходит на поверхность, но в других местах эти древние глыбы погребены под застывшей лавой относительно недавних извержений.

Древнейший пласт в геологии индуизма – цивилизация долины Инда, протоиндуистская культура, где можно различить первые проблески индуизма в том виде, в каком его практикуют сегодня. Следующий пласт – ведизм, путь карма-йоги, получивший название по древнему ритуальному руководству, Ведам. За ним следует философский индуизм, путь джняна-йоги, странствующих аскетов и их писаний, Упанишад. Четвертый пласт – индуизм поклонения, бхакти-йога индуистских эпосов, определяемый преданиями путь, предназначенный не для жрецов или отшельников, а для простых мужчин и женщин, для которых индуизм – это призывание милости богов в повседневную жизнь. Современный индуизм образует последний пласт. Его приверженцы – интеллектуалы индуистского возрождения XIX века и далее, поставившие перед собой цель привести индуизм к диалогу с исламом, христианством и современным миром.

Возникновение цивилизации в долине Инда датируется еще 2500-1500 годами до н. э., следовательно, памятники ее архитектуры древнее египетских пирамид, а города появились раньше Афин и Рима. Раскопки, проводившиеся еще в 20-х годах XX века в Хараппе и Мохенджо-Даро, расположенных на территории современного Пакистана, показали, что долина Инда была густонаселенной и что ее цивилизация простиралась от Гималаев до Аравийского моря. В настоящее время нам уже известно, что эта цивилизация была урбанистической, развитой в техническом отношении и грамотной. Но поскольку ее письменность еще не расшифрована, мы ничего не знаем о религиозных верованиях и практиках этой цивилизации. В итоге неясно, в какой мере цивилизацию долины Инда можно приписывать индуизму. Кое-кто усматривает предвестие индуизма в ее искусстве и архитектуре, которые свидетельствуют о существовании ритуальных омовений и принесении в жертву животных. Может быть, фигурки пышнотелых женщин, найденные археологами, – прообразы индуистских богинь? А изображения окруженных животными мужчин в позах йоги – прообразы Шивы, которому сегодня поклоняются как аскету и покровителю животных? Возможно. Но в отсутствие расшифрованных текстов, способных объяснить, какой смысл вкладывали в эти фигуры, любые ассоциации остаются гипотетическими.

Ведизм

Второй пласт геологии индуизма, ведизм, назван по одной из древнейших в мире священных книг, Ведам (от санскритского «веда» – «знание»). Индуисты разделяют свои многочисленные писания на две категории: шрути («услышанное», или тексты, авторитетность которых имеет божественную природу) и смрити («запомненное», или тексты, авторитетность которым придана людьми). Веды отнесены к высшим шрути. Считается, что эти санскритские тексты, именуемые вечными, явлены людям провидцами риши, а затем собраны мудрецом Вьясой.

Если термин «Тора» в иудаизме относится в узком смысле к Пятикнижию Моисееву (книгам Бытие, Исход, Левит, Второзаконие и Числа), а в расширительном смысле – к Еврейской Библии в целом, то Веды в узком смысле – это собрание из четырех книг (Ригведа, Сама-веда, Яджур-веда и Атхарва-веда), а в более широком – литература шрути в общем, к которой относятся четыре перечисленные книги плюс еще три категории ведических писаний: Брахманы (книги жрецов), Араньяки (лесные книги) и Упанишады (тайные учения). Простейший способ разобраться в этих четырех категориях откровений, написанных на санскрите, – считать Веды техническим руководством, объясняющим жрецам, как надо правильно совершать ритуалы (с прилагающимися песнопениями и мантрами); Упанишады – философскими диалогами, в которых речь идет о смысле этих ритуалов и стоящей за ними

Высшей Реальности, а Брахманы и Араньяки (тексты, хронологически занимающие промежуточное положение между Ведами и Упанишадами) рассматривать как сочетание первых двух категорий⁹. Древнейшее из этих писаний – Ригведа (Ригведа), собрание 1028 гимнов, которые сочинялись веками и датированы не позднее 1200 годом до н. э. Наиболее поздние Упанишады были составлены, вероятно, в 600–300 годах до н. э., а в записанном виде появились лишь в XVII веке н. э.

Французский философ Симона Вейль некогда писала, что «первая из потребностей души, та, которая теснее прочих соприкасается с ее внешней судьбой, – порядок»¹⁰. Поэтому удивительно, что одна из самых древних религий началась с устранения проблемы беспорядка. Демоны хаоса всегда готовы к решающей битве с богами, потому извечно воцарение беспорядка в семье, обществе и космосе. Важно создать и поддерживать общественный и космический порядок, или то, что в Ведах называется «рита» (словом, схожим с английским right). Но справиться с этой задачей людям не под силу. Поэтому в ходе ритуала жрецы обращаются к богам, особенно во время жертвоприношения на огне (яджна), которому в Ведах отведено центральное место.

Большинство жителей Европы и США считают превращение хаоса в порядок политической задачей, осуществляемой нерелигиозными средствами: возможно, демократической республикой или конституционной монархией. Но на протяжении большей части истории человечества созданием и поддержанием порядка ведала религия. Конфуцианство роднит с ведизмом убежденность в том, что ритуалы – клей, который не дает распасться обществу. Но в китайском контексте ритуалы носят более светский и межличностный характер – это ритуалы между правителями и подданными, родителями и детьми. В ведизме же речь идет о сделках между людьми и богами. Жертвоприношение на огне носит характер сделки. Жрецы, как примеры для подражания в ведизме, потчуют богов животными, молоком, зерном, растениями (как и пьянящей сомой) в обмен на порядок и все, что его поддерживает, в том числе сыновей, коров, обильные урожаи и победы в войнах. Отголоски ведических жертвоприношений можно увидеть сегодня в виде жертвенного огня, который по-прежнему пылает в индуистских храмах всего мира; в виде обряда арати, во время которого верующие помахивают горящим светильником перед изображением божества; в брачных церемониях, когда клятвы произносятся перед священным огнем; в кремации, когда нечистый труп предлагается богам для очищения.

Одиозная кастовая система в индуизме также может проистекать из ведических жертвоприношений. Согласно гимну из Ригведы, Пуруша-сукта («Гимн космическому человеку»), мир появился в начале времен, когда в жертву богам был предложен «космический человек» Пуруша. Из его расчлененного тела возникли лошади, коровы и другие животные, а также сами гимны и мантры Вед. Из его мозга появилась Луна, из глаз – Солнце, дыхание стало ветром, голова – небом, ступни – землей, и так космос был приведен в порядок. Вместе с тем это изначальное жертвоприношение установило порядок в обществе. Из рта Пуруши вышла каста жрецов-брахманов (браминов), руки стали воинами (кшатриями), бедра – торговцами (вайшьями), ступни – слугами (шудрами).

В политеистическом мире Вед мы видим, что боги ассоциируются с землей, солнцем, небом, водой, ветром, бурями и прочими силами природы; боги неразрывно связаны с такими началами, как порядок и долг, с надеждами на здоровье и удачу, вдобавок есть богини ночи, рассвета, священных речей и рек. Вишну – второстепенное ведическое божество, как и горный бог Рудра, позднее преобразившийся в Шиву.

В ведизме речь идет о сделках между людьми и богами. Жертвоприношение на огне носит характер сделки

В ведизме нет единого верховного бога, а самыми могущественными среди богов считаются

Агни и Индра.

Агни – бог огня (его имени родственно английское слово ignite, «зажигать»), но в соответствии с древнеиндийским мотивом множественности, он также ассоциируется с жертвоприношением, солнцем, священной коровой и внутренним жаром в животе (тапас), к которому позднее обратятся аскеты, а здесь он имеет отношение к жертвоприношению. Поскольку ритуалы, связанные с огнем, рассматриваются как передача сообщений между землей и небесами, Агни, как и Эшу в религии йоруба, – божество-вестник, гонец. А поскольку подобные обряды проводятся не только в общественных местах, но и в домах, он считается божеством домашнего очага.

Индра, бог войны и природных явлений (особенно плохой погоды), занимает второе после Агни место по значимости в ведическом пантеоне. Словно в пику западным представлениям о том, что боги, подобно кандидаткам на титул «Мисс Америка», должны быть образцами добродетели, Индра, по мнению одного ученого, «озорник и буян с самого рождения, непочтительный сын, распутный в юности и склонный к обжорству, пьянству и похвальбам в зрелом возрасте»¹¹. Огромный, неумеренно пьющий, жестокий, сильный, как Супермен, и задиристый, как игрок НФЛ, Индра – воин, который не берет пленных, а выпив сомы, куражится и как пьяный, и как бог, становится бесстрашным и безрассудным в бою. По мере развития индуизма Индра утрачивает влияние, тем не менее фигурирует в «Бхагавад-гите», как отец воина Арджуны.

Немало споров с серьезным политическим подтекстом вызывает и вопрос о возникновении собственно индуизма на фундаменте индской цивилизации и ведизма. Известно, что санскрит, на котором написаны Веда, – индо-европейский язык, имеющий много общего с другими представителями индо-европейской семьи, в том числе с греческим, латынью, немецким, французским, испанским и английским. К примеру, санскритское слово «дэва», означающее «бог», родственно английскому «divine», латинскому «deus», греческому «теос» и даже имени верховного греческого бога Зевса, которого роднит с Индрой (и появившимся позднее буддизмом ваджраяна) пристрастие к грому и молниям. Но мы не знаем, где находятся истоки индо-европейской языковой семьи.

Зато нам известно, что дравидоязычная цивилизация долины Инда примерно в 1500 году до н. э. внезапно сменилась арийской цивилизацией, санскритом и ведизмом. Глобальные изменения климата могли сыграть свою роль в гибели цивилизации долины Инда, но согласно традиционной теории, люди, называющие себя ариями («благородными»), прошли через современный Афганистан и захватили Северную Индию. При этом другая часть арийских народов переселилась в Иран, а третья – в Европу, куда они принесли свои языки. Эта теория объясняет лингвистические параллели между санскритом, персидским и многими древними и современными европейскими языками. Кроме того, она же объясняет значение, которое придается в Ведах лошадям, отсутствием которых известна цивилизация долины Инда, но играющие чрезвычайно заметную роль в центральноазиатских культурах того времени. Однако теория «вторжения ариев», выдвинутая европейцами еще в начале XIX века, подверглась резким нападкам сторонников «Хиндутвы» («индусскости»), воспринимающих Индию скорее как «индуистское государство», а не светскую страну. Согласно предложенной последними теории, культура ариев – исконная для индийского субконтинента, а процесс перехода от цивилизации долины Инда к цивилизации ариев и от ведизма к индуизму был непрерывным. С точки зрения этой теории индуизм возник там же, где существует, а родина индо-европейской языковой семьи – не современная Турция, а Гангская равнина.

Философский индуизм

Хотя преемственность между цивилизацией долины Инда и ведизмом возможна, а между ведизмом и индуизмом несомненна, индуизм как религия сравнительно нов и отличается от предшественников по меньшей мере так же, как ислам – от христианства и иудаизма. В

философский индуизм, третий пласт генеалогии индуизма, некоторые боги перенесены из ведизма, но появилось и много новых, вдобавок боги, некогда занимавшие центральное место, стали второстепенными, и наоборот. Ритуал отступает на второй план перед философией, место религиозных образцов для подражания занимают не жрецы, а мистики. Практичный дух жизнеутверждающих Вед сменяется пристальным вниманием к загробной жизни. И самое важное, происходит сдвиг центральной проблемы религии с социального и космического порядка в гораздо более семейную и индивидуалистическую сторону: к природе и судьбе человеческой души.

Современному роману присуща одержимость личностным «я», а точнее – проблемой аутентичности. Повсюду в классических произведениях от «Дон Кихота» до «Над пропастью во ржи» герой – не тот человек, который командует огромными армиями или сосредоточивает в своих руках несметные богатства, а тот (и все чаще «та», то есть героиня), кто избегает участи обманщика и самозванца. Но героизм этой ситуации заключается в ее сложности. Современная молодежь и взрослые и в Европе, и в США изо дня в день, из года в год несут бремя ролей, возложенное на них родными, друзьями и работодателями. И задаются вопросами: но кто я на самом деле? Каково мое истинное «я»?

Датский физик Нильс Бор писал, что он «обращается к Упанишад, чтобы задавать вопросы», а Упанишад, повитухи и свидетели рождения раннего индуизма, отпрыска ведической религии, ставят эти вопросы острее, чем Дон Кихот или Холден Колфилд. Зачастую игнорируя, а иногда и критикуя одержимость Вед ритуалами, бездомные мудрецы индуизма сосредоточивают все свое внимание на философии. Блуждая по Индии, они размышляли над великими вопросами жизни и смерти, созидания и разрушения, зачастую придавая им индивидуалистический поворот. Как вышло, что я родился? Что будет, когда я умру? В каких отношениях я состою с Высшей Реальностью?

Составление Упанишад, продукта Осевого времени, началось в VI веке до н. э., в период поразительно активного религиозного творчества, подаривший миру не только индуизм, но и буддизм, джайнизм, греческую философию и иудейских пророков, Конфуция и Лао-цзы. В Упанишадах были введены такие концепции, как карма и реинкарнация, которые теперь имеют хождение не только в индуистской традиции, но и повсюду на территории распространения человеческой цивилизации. Философский индуизм также ввел в обиход различные медитации и практики йоги, предназначенные для пробуждения интуиции у практикующих, готовых удалиться от мира и вести аскетический образ жизни. Такие мистики, известные как «сторонники отречения» или «отрекшиеся» (санньясины), стали первыми примерами для подражания в индуизме. Хотя в настоящее время индуизм признает дхарму (долг), арху (власть) и каму (чувственное удовольствие) законными жизненными целями, санньясины считают мокшу *summum bonum* – высшим благом, отворачиваются от богатства, власти, секса, от всего, чем живут современные демократические государства Запада. Убежденные в том, что путь к освобождающей мудрости – исключительный путь, требующий исключительных средств, санньясины шли по нему, как люди, имевшие дом ранее, но оставившие позади супругов, детей и работу, чтобы целиком посвящать себя стремлению к мокше.

Существует еврейская традиция траура по отступникам: по ним в течение семи дней сидят шиву так, словно эти люди действительно умерли. В традициях индуизма санньясины тоже считаются умершими для общества. Их браки расторгаются на законных основаниях, они уже не откликаются на имена, полученные при рождении, свое имущество они распределяют между наследниками, отправляясь на поиски духовности. Однако от жрецов ведизма санньясинов отличает не только уход из мира дхармы, мира работы и семьи, но и отстраненность от мира кармы, мира огня и жертвоприношений. Если ведические жрецы ограничены кармой, или действием, то эти новые примеры для подражания всецело сосредоточены на джняне, или мудрости. Если ведизм представлял собой традиции жрецов,

приносящих жертвы на огне, чтобы усмирить хаос, ранний индуизм был традицией санньяси-нов, культивирующих знание, чтобы вырваться из колеса сансары.

Однако далеко не все санньясины раз и навсегда отвергали Веды. В соответствии со свойственной индуизму восприимчивостью и способностью к поглощению, они вместо этого переосмыслили ведические жертвоприношения. Сосредоточив внимание на внутреннем смысле ритуала, а не на его внешних атрибутах, они утверждали, что жертвоприношение в огне происходит не только на жертвеннике, но и внутри нас. Аскетическую строгость своего образа жизни они называли «тапас», то есть «жар», и верили, что способны нести этот священный огонь в себе повсюду, куда ни пойдут. А они много где бывали, нигде не обзаводились домом и странствовали в одиночку, задерживались в одной и той же деревне разве что на четыре месяца сезона дождей, влачили существование (с трудом) на периферии общества, спали в горных пещерах и на берегах рек, добивались лишь собственного аскетизма и стремились только к духовному освобождению.

Такие аскеты-санньясины называли себя по-разному: садху («святые люди»), шрамана («стремящиеся»), муни («безмолвные»), паривраджака («странники»), бхикшу («нищие»). Как правило, они были бездомными, практиковали celibат и питались тем, что подавали им как милостыню. Некоторые давали обет молчания. Сегодня наиболее скандальной славой пользуются нага («обнаженные»), единственным одеянием которых служит пепел с мест кремации. А самыми дерзкими считаются агхори или агхора – почитатели Шивы, про которых известно, что они едят кал, пьют мочу и собирают подаяния в чаши из человеческих черепов. Все это действовало как приманка для миссионеров и морских капитанов XIX века, которые видели в подобных практиках лишнее доказательство превосходства христианской веры над бессмысленностью индуизма. Но санньясины знали, что делали: они крушили социальные запреты, чтобы испытать мистическую реальность однозначного осознания. Если все едино, то есть ли разница между соблюдением и нарушением социальных условностей?

Все вместе эти «отрекшиеся» дали миру новое представление о человеке и новую диагностику человеческих проблем. Будучи философами, они во всем усматривали глупость и мудрость. Проблема становилась не хаосом, а сансарой. Причиной, по которой мы навлекали на себя неприятности, была авидья (невежество), значит, выпутаться из них нам должна помочь джняна (мудрость).

Мудрость начинается с того факта, что мы, люди, по сути своей духовны. В каждом из нас, как утверждают индуисты-философы, есть неизменная и вечная душа. Мы и есть эта душа. Но наши души томятся в темницах наших тел и в плену иллюзий (майя), которые непрестанно создают эти тела. Пока мы населяем обиталища из плоти и костей, мы обречены страдать. Но и смерть не приносит нам избавления, потому что после смерти мы вновь возрождаемся в других телах, и все повторяется вновь и вновь – таков скорбный цикл жизни, смерти и перерождения.

Если ведические жертвоприношения питает огонь, то цикл сансары питает карма (дословно – «действие»), слово, применяемое в целом к ритуальным действиям, а в данном случае относящееся к нравственным поступкам и последствиям этих поступков. Согласно этическим учениям монотеистических религий – иудаизма, христианства и ислама, – за хорошие и плохие поступки люди получают награду или несут наказание, которыми ведает благой и справедливый Бог. Но в индуизме последствия возникают за действиями без какого бы то ни было сверхъестественного вмешательства. Согласно закону земного притяжения то, что свалилось с дерева, упадет на землю, – так и согласно закону кармы злодеяния влекут за собой кару, а добрые поступки вознаграждаются. Закон кармы объясняет, почему люди переходят от смерти к жизни и обратно. Мы умираем с определенным сочетанием хорошей и плохой кармы – пунья (заслуги) и папа (провинности). Но если бы этим все и заканчивалось, это было бы несправедливо, потому что за хорошими поступками должна следовать награда, а за плохими

– наказание. Поэтому нам приходится заново рождаться в другом теле, и так продолжается цикл сансары. Следовательно, условия и обстоятельства, достаемые нам при рождении, никак не связаны с удачей. Это результат хороших и плохих поступков, совершенных нами в прошлой жизни. Или, как сказано в Шветашватара-упанишаде, мы «блуждаем согласно своим действиям» (5:7).

Если углубиться в суть, перейти от недостоверного к подлинному, невзирая на касту, пол, расу, этическую и национальную принадлежность, языковую группу, рост, вес, имя, дату рождения и номер, мы поймем, что и мы божественны

Конец этим блужданиям кладет мокша – освобождение от невежества, кармы и перерождения. Но как достичь этой цели? Согласно философскому индуизму, мокша приходит не извне, из ведических откровений, а изнутри, не из вторых рук и служения жрецов, а благодаря нашим собственным усилиям и опыту. Однако «отрекшиеся» вовсе не брошены на произвол судьбы. Они принимают наставления от гуру. В сущности, без этих наставлений никак не обойтись. В раннем индуизме учения передавались главным образом от гуру к ученику. Но гуру передавали не столько сами знания, сколько методы, позволяющие самостоятельно приблизиться к этим знаниям.

В настоящее время йога – популярное времяпрепровождение на Западе, миллионы занимаются ею с такими приземленными целями, как снятие стресса или избавление от лишнего веса. Но йога в ее изначальном виде, как учение, означала «сочетание», возможность «впрямь» вместе что-либо, и философы-индуисты практиковали йогу, чтобы «сочетать» с ее помощью «я» и реальность, «я» и божественное, «я» и бессмертие. Тайное знание, которое гуру шепотом передавали ученикам, сидящим возле их ног, относилось к тому, как пользоваться своим телом и дыханием, чтобы переместиться от невежества к мудрости, от иллюзий к действительности, от человеческого к божественному, из сансары в мокшу.

Примерно в то же время, когда Упанишады начали обретать форму, Сократ дал миру знаменитую аллегория пещеры: люди, находящиеся в этой пещере, видят только тени, отбрасываемые на стену перед ними, поэтому неизменно ошибаются, принимая видимость за действительность. «Отрекшиеся» в раннем индуизме сделали похожее наблюдение: мир не такой, каким мы его видим, мы не те, кем себя считаем. Из дня в день мы смотрим на себя и на мир сквозь завесу иллюзии, называемой майей. Быть мудрым – значит, поднять эту завесу, увидеть себя и мир не такими, какими они кажутся, а какие они на самом деле. И понять, что на самом деле они едины. Да, люди не боги, но внешность бывает обманчивой, что особенно справедливо в данном случае, потому что если углубиться в суть, перейти от недостоверного к подлинному, невзирая на касту, пол, расу, этическую и национальную принадлежность, языковую группу, рост, вес, имя, дату рождения и номер, мы поймем, что и мы божественны. Наше ощущение отделенности от Бога – не что иное, как тень, отбрасываемая на стену пещеры. Сакральное содержится в нас. Сущность человека не отличается от божественной сущности.

Индуисты называют эту сущность человека Атман – обычно это слово переводят как «я» или «душа». Божественную сущность они называют Брахман. А освобождающая мудрость индуиста, идущего по пути джняны, проста и вместе с тем сложна: отдельно взятая душа божественна. Сущность каждого из нас несотворима, бессмертна и вечна. Атман и Брахман – одно и то же.

Понять это – значит достичь мокши. Но одной веры в эквивалентность Атмана и Брахмана недостаточно. Эту эквивалентность надо прочувствовать. Тут не помогут никакие учения, вычитанные из книг, или знания, переданные устно. Шанкара (788–820), которого многие считают величайшим индуистским философом, подчеркивал этот момент. Ритуал не поможет перенестись в мокшу, утверждал он, и эта задача не под силу ни йоге, ни философии, ни

добросовестному труду или изучению писаний. «Если человек ужален змеей невежества, исцелить его может лишь осознание Брахмана, – писал он. – Болезнь не лечат произнесением слова «лекарство». Это лекарство следует принять. Освобождение не наступает при простом произнесении слова «Брахман». Брахман надо прочувствовать»¹².

В одной из самых известных притч, изложенных в Упанишадах, юноша по имени Шветакету вернулся домой после многолетнего изучения Вед у ног гуру. Он учился отлично, был переполнен книжной ученостью и гордился ею. Но произвести впечатление на его отца, Уддалака, оказалось не так-то просто. А ты когда-нибудь думал, спросил он Шветакету, как «услышать то, что нельзя услышать... увидеть то, что нельзя увидеть... познать то, что нельзя познать?» К таким вопросам Шветакету оказался не готов. Поэтому однажды вечером Уддалака дал сыну немного соли и велел бросить ее в сосуд с водой. А на следующее утро он попросил сына отдать ему соль обратно. Но соль давным-давно растворилась в воде. И Уддалака велел сыну попробовать воду на вкус. «Какой он?» – спросил отец. «Соленый», – ответил сын. Вот и Атман и Брахман таковы, как эта соль и эта вода, заключил отец¹³.

В этом диалоге содержится одно из самых известных изречений философского индуизма. «Тат твам аси, – говорит отец сыну. – То есть ты». Что именно означает эта простая формула – как и многое другое в индуизме, можно понимать по-разному. Ясно, что Уддалака приравнивает Атман к Брахману. Но что это значит? Кто-то считает, что Атман и Брахман идентичны – сущность человека такая же, как сущность Бога. Другие утверждают, что Брахман и Атман различны, но неразделимы. Но разногласий не вызывает значение, приписываемое получению освобождающей мудрости с помощью опыта. В этой классической притче сын не просто сидит у ног отца: он сам пробует и воду, и соль¹⁴.

Индуизм преданности

Если к этому моменту вы успели запутаться, вы не одиноки. Этот третий геологический пласт философского индуизма чрезвычайно тверд, он труден и для практики, и для понимания. Для него требуются исключительный аскетизм и столь же исключительная проницательность. Исторически сложилось так, что большинство «отрекшихся» происходили из высших каст, и почти все они были мужчинами. А как же мы, все остальные? Исполняя свой долг в нравственном и ритуальном отношении, мы можем обрести хорошую карму, в итоге когда-нибудь появившись на свет в условиях, способствующих отречению и освобождению. А пока конечная цель, мокша, останется недостижимой. Все, на что мы можем надеяться, – приблизиться к цели более благоприятного перерождения.

По мере развития индуизма обычные люди решили, что этого недостаточно. Женщины и мужчины из низших каст тоже хотели заполучить вожделенный трофей – мокшу. Им хотелось добиться его в этой жизни, при этом не расставаясь с друзьями и родными, не отказываясь от секса и успеха. Поэтому примерно во времена Иисуса развитие индуизма приняло более популярное направление, сегодня называемое бхакти-йогой, или учением о поклонении. Стремление к духовному освобождению превратилось из предельно серьезной драмы с единственным действующим лицом в увлекательный мюзикл с пестрой компанией действующих лиц – так родился индуизм преданности.

Если индуизм философов в духе джняны был изложен на санскрите в замысловатых спорах Упанишад, если его олицетворением являлись странствующие аскеты, то четвертый пласт геологии индуизма нашел отражение в написанных доступным языком песнях, стихах, пьесах, а также в танцах и усердном почитании избранного божества. Вместо того, чтобы управлять своим телом и эмоциями с помощью медитации и йоги, приверженцы индуизма преданности дали волю и телу, и чувствам. Вместо того, чтобы глумиться над телом как темницей, они восхваляли его как храм избранного ими бога. Когда речь идет об откровениях, писал североиндийский поэт XV века Кабир, санскрит подобен застоявшейся воде колодца, в то время как разговорные языки – тамильский, хинди, бенгальский и маратхи – подобны живой

воде ручья, который никогда не перестает течь.

Индуист-философ воспринимал Бога как нечто находящееся за пределами нашего понимания – Ниргуна-Брахман, Бог без свойств. Единственными словами, которые индуисты-философы соглашались ассоциировать с Богом, были сат (существование), чит (сознание) и ананда (блаженство). Но приверженец индуизма преданности радостно рассказывал, мужского или женского пола избранные им божества,

сколько у них рук – четыре или восемь, каковы они по характеру – вспыльчивы или кротки. Вдобавок он поклонялся сугубо личному божеству – Сагуна-Брахман (Богу со свойствами), причем поклонялся с упоением.

Словно иллюстрируя утверждение, что ни одна религия не в состоянии жить только философией, приверженцы индуизма преданности делали акцент на повествовательном аспекте своей традиции, ставили его выше доктринального и эмпирического аспектов. Они читали проникновенные стихи о переполняющей их любви к выбранному богу. Они пели киртаны – песни поклонения, напоминающие хвалебные песни, столь популярные сегодня в кругу евангелических христиан. Они слушали эпические повествования о богах и героях, сюжеты которых заимствовали артисты-кукольники, народные певцы, уличные поэты. Если «отрекшиеся» твердили об Атмане и Брахмане, о сансаре и мокше, эти артисты и их зрители вели речь об охоте, сражениях, любви. Предметом их экстаза был этот мир.

Экстаз поклонения в духе бхакти особенно акцентировал индуистский реформатор Чайтанья (1485–1533), песни и танцы которого, посвященные Кришне, по сей день живы благодаря Международному обществу сознания Кришны (ISKCON), члены которого считают Кришну не одним из множества богов, а верховным повелителем вселенной. Еще одной видной фигурой в индуизме бхакти был поэт XVII века, современник Мильтона Тукарам (1608–1650), который озвучил немало важных мотивов индуистской революции в короткой поэме, посвященной Нараяне (это еще одно имя Вишну). «Меня изнурил этот мир, – начинает он, – мое прошлое опутало мне руки и ноги... Боже, я бессилен прекратить скитания». Упомянув о том, какими долгими были эти скитания, он спрашивает: «Кто завершит мои страдания? Кто примет на себя мое бремя?» Конечно, ответ – Нараяна:

Твое имя перенесет меня через море этого мира,
Ты спешишь на помощь страждущим,
Теперь поспеши ко мне, Нараяна, ко мне, бедному и несчастному.
Не считайся с моими достоинствами и недостатками.
Тукарам молит тебя о милости¹⁵.

Как свидетельствуют эти стихи, пока индуизм ставил этот путь поклонения превыше пути мудрости, одной из ключевых метаморфоз процесса стал сдвиг от помощи самому себе к помощи, ожидаемой от других. Курьезное свойство раннего индуизма – незначительное участие в нем богов. Со времен Вед полуостров Индостан населяли всевозможные божества. Но философский индуизм был атеистическим в функциональном отношении: боги хоть и существовали, но в целом не имели отношения к задаче, стоящей перед человеком. Мокши следовало достичь своими силами, а не получить ее как дар свыше.

Представлений о Боге как о безличной и невыразимой силе ныне придерживаются лишь отдельные философы. Для всех прочих Бог – личность, он эмоционален и даже эротичен. Сегодня индуизм – путь преданности

Но со временем мокша стала результатом не собственных усилий, а действий иной силы. В индуизме преданности сансара остается проблемой, а мокша – решением, но теперь путь к

духовному освобождению стал быстрее и проще. Вместо того, чтобы полагаться только на себя по примеру приверженцев джняна-йоги, в мокшу можно было попасть благодаря милости и благодати избранного бога. При этом уже не требовалось отрекаться от работы, семьи и жизни в обществе, не требовалось тратить несколько жизней на стремление к мокше. Когда мудрость отступает, пропуская вперед любовь, подарком становится избавление от оков кармы, и этот подарок предназначается в равной степени для мужчин и женщин, для людей, занимающих любое положение в обществе.

Однако мокша – не единственная цель новой, уравнивающей формы индуизма. Милостью избранного божества можно заполучить не только освобождение из колеса страданий, но и счастье прямо здесь и сейчас. В высшей степени практичный и бескомпромиссно приземленный индуизм преданности обращается ко всему спектру проблем мира сего. Верующие просят избранных ими богов исцелить их от артрита, защитить урожай, направить близких на важных этапах жизни – при рождении, вступлении в брак, деторождении, смерти. Суть не в том, чтобы просто покинуть этот мир, а чтобы процветать в нем вместе со своими близкими.

Поклонение такого рода коренится в популярнейших эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна», процесс создания которых продолжался в начале новой эры, между тем бхакти-йога получила широкое распространение в Южной Индии лишь в VII веке, а в Северной Индии – в XII веке. Но едва этот подход к поклонению стал известным, он быстро затмил философский подход Упанишад и стал самым популярным в Индии путем к божественному.

В XVI–XIX веках в индийской империи Великих Моголов царил ислам, эпоха христианского правления продолжалась в XIX–XX веках, с появлением Британской Индии, но индуизм преданности пережил оба периода и вытеснил обе религии. Сегодня в Индии насчитывается несколько миллионов «отрекшихся» и почти миллиард приверженцев бхакти-йоги. Представлений о Боге как о безличной и невыразимой силе ныне придерживаются лишь отдельные философы. Для всех прочих Бог – личность, он эмоционален и даже эротичен. Сегодня индуизм – путь преданности.

Трое: Вишну, Шива, Махадеви

Хотя обычно в индуистскую троицу, тримурти, включают Брахму (создателя), Вишну (хранителя) и Шиву (разрушителя), в настоящее время Брахма занимает положение маргинального божества, о котором упоминают чаще, чем поклоняются ему. Подобно богу деистов, редко вмешивающемуся в процесс, Брахма создает мир только для того, чтобы сесть и смотреть, как разворачиваются события. Поэтому подлинная троица, или тримурти («три лика») – Шива, Вишну и Махадеви («великая богиня»), а три основные ветви индуизма в духе бхакти – вайшнавизм (или вишнуизм, поклонение Вишну), шиваизм (или шайвизм, поклонение Шиве) и шактизм (поклонение великой богине, или Шакти).

Вишну известен в первую очередь своими десятью аватарами, или воплощениями, – рыба, черепаха, вепрь, человек-лев, карлик, такими человеческими воплощениями, как Рама, Кришна, Будда, и наконец, Калки, которому еще только предстоит появиться. Подобно Кришне, Вишну является героем «Махабхараты», как Рама – героем «Рамаяны».

Кришна известен озорством (за которое его и любят). В целом добрый бог, он вместе с тем и трикстер, который не прочь сыграть удачную шутку. Парой Кришны нередко называют его возлюбленную Радху, но чаще всего вспоминают его эротические приключения с девушками-пастушками гопи. Кришна играет им на флейте, и пастушки поддаются обаянию его проказливой улыбки, длинных черных локонов, головного убора из павлиньих перьев, лotosовых глаз и темно-синего лица. (Слово «кришна» буквально означает «черный» или «темный», обычно Кришну изображают чернокожим или с темносиней кожей.) В одной классической легенде Кришна крадет одежду гопи, пока те купаются обнаженными в реке, а

потом выманивает их из воды, чтобы полюбоваться прекрасными телами. В индуистской традиции женщина имеет право предстать обнаженной только перед мужем, поэтому Кришна исправляет положение и женится на всех разом.

Почитатели Кришны, сведущего во всех шестидесяти четырех известных в Индии искусствах любви, а по некоторым сведениям, имеющего более шестнадцати тысяч жен, помнят раса-лила – историю о том, как Кришна танцевал с гопи. На санскрите слово «раса» означает чувства, а «лила» – игру, следовательно, название этого танца можно перевести как «игра чувств» или, как в некоторых случаях, «приятные забавы» Кришны. Действие происходит ночью. Услышав нежную игру Кришны на флейте, гопи ускользают из дома и танцуют всю ночь, которую Кришна своей властью продлевает на миллиарды лет. В настоящее время раса-лила исполняют повсюду в индуистском мире, наиболее известно его исполнение во Вриндаване – городе в Северной Индии, где, как принято считать, Кришна провел детские годы. Эти постановки свидетельствуют о том, что и богам не чужды развлечения. Сам космос некоторые индуисты считают «лила», или игрой богов.

Большинство индуистов в наше время испытывают неловкость при упоминании об эротизме, свойственном их традициям. Многие из моих студентов-индуистов отказываются усматривать что-либо сексуальное в лингаме Шивы, который с точки зрения человека с Запада – не что иное, как сочетание мужского и женского половых органов, фаллоса и йони. Но невозможно отрицать, что в индуизме давно культивировалась тесная связь между любовью людей и любовью между богами и людьми. Сексуально-откровенные скульптуры Каджурахо в Северной Индии и сексуально-откровенный текст «Камасутры» свидетельствуют о том, что традиционно в индуизме секс воспринимается не только как жизненный факт, но и одна из радостей жизни. Многие считают любовь Радхи к Кришне символом союза влюбленного и предмета его любви, верующего и божества. Некоторые вайшнавцы поклоняются не просто Кришне, а Радхе-Кришне, божественному союзу мужского и женского начал. Так или иначе, избранного бога принято любить со всем пылом (и по крайней мере, отчасти чувственно), который Радха и ее гопи расточали Кришне.

Шива – божественный лик, разительно отличающийся от маски Кришны с его озорной усмешкой. Дословно имя Шивы означает «дружелюбный», с недавних пор индуистам полюбились изображения Шивы в виде милого и радостного ребенка. Но традиционно он ассоциируется с неистовой стороной божественного, в тримурти он играет роль разрушителя и наследника чудовищной силы ведического бога Рудры («ревущего»), способного третьим глазом обратить в пыль что угодно или кого угодно. Сгусток противоречий Шива вспыхив и способен преданно любить, это и мужчина, и женщина. Иногда именуемый «эротичным аскетом» Шива и одиночка-йогин с Гималаев, закутанный в тигровую шкуру и осыпанный пеплом, и необузданный любовник, который однажды установил рекорд продолжительности секса, занимаясь им со своей женой Парвати на протяжении тысячи лет¹⁶.

На Западе знают изображения Шивы в виде многорукого танцора Натараджи, отплясывающего в колесе сансары с барабаном сотворения и уничтожающим огнем. На Бали, где Шива пользуется особой популярностью, его помещают в центр пяти направлений, где он примиряет противоположности и поддерживает равновесие, столь высоко ценимое в балийской культуре. Особые узы связывают Шиву с Варанаси, религиозным центром Северной Индии, знаменитым своими гхатами – ритуальными ступенями вдоль Ганга, предназначенными для омовения аскетов и кремации. Здесь еще одно преимущество индуизма преданности достигает пика, так как считается, что всякий, кто умирает в городе Шивы, попадает в мокшу. В момент смерти Шива шепчет умирающим на ухо мантру перехода, и они вырываются из бесконечной цепи перерождений.

Шакти – это женская энергия, вселяющая жизнь во все божественное, индуистский аналог концепции аше в религии йоруба, сила, благодаря действию которой происходят события.

Кроме того, Шак-ти – это имя Махадеви, или «великой богини». Она принимает немало разных обликов, которые иногда делят на благоприятные и вселяющие ужас, на сдержанные и неистовые.

К сдержанным относятся более кроткие воплощения Махадеви как спутницы того или иного бога: спутница Шивы Парвати, подруга

Кришны Радха, супруга Рамы Сита. Лакшми, еще одна сдержанная богиня (ее часто называют парой Вишну), пользуется особой популярностью. Как и Ганеша, она ассоциируется с процветанием и удачей, ее изображениями украшены стены во многих домах и офисах. Неистовыми считаются более независимые и свирепые воплощения Махадеви: неподражаемая Кали, жаждущая крови богиня мест кремации и поля боя, в ожерелье из черепов, и вооруженная до зубов Дурга, восседающая на тигре или льве и яростно бросающаяся в бой за правое дело. Непобедимая Дурга возникает из объединенной силы других богов, чтобы уничтожить быкоподобного демона хаоса, с которым боги не могли справиться сами. После девяти ночей кровопролития и резни Дурга спасает мир от ужасов хаоса, расправляясь с ним.

Тантрическая традиция, соматическая философия и совокупность ритуалов (в том числе сексуальных), которые со времен распространения в Индии британского ханжества главным образом нагоняли смущение на обычных индуистов, связаны, как правило, с поклонением богине Шакти. В них космос рассматривается как место созидательной игры Шивы и Шакти, а разнообразные методы и средства (мантры, мандалы, стратегии медитации и визуализации, сексуальные обряды, как реальные, так и вымышленные) применяются для стремления к духовному освобождению и достижению власти в этом мире. Сегодня эта традиция пользуется огромным влиянием не только в Индии, но и в Тибете, Непале, повсюду в Восточной и Юго-Восточной Азии. Некоторые ученые-ревизионисты считают ее главным ключом к разгадке тайн индуистской традиции¹⁷.

Пуджа

Сегодня индуизм широко известен на Западе, но причина тому – не Вишну, Шива и Махадеви, а йога, занятия которой предлагают чуть ли не на каждом углу в больших городах от Сан-Франциско до Парижа и Берлина. В сущности, почти все, что большинству американцев и европейцев известно об индуизме, они услышали от своего учителя йоги, почерпнули из его спонтанных рассказов о карме и реинкарнации, Атмане и Брахмане. Однако почти никто из моих студентов-индуистов не занимается йогой. Чем же они занимаются? Совершают паломничества к священным городам, рекам и горам, а также по местам, которые ассоциируются с wybranymi ими богами. Как и подобает преданным индуистам, они отмечают праздники, которые так же разнообразны, как и сами индуистские божества – среди них есть и местные, и общие индуистские. Крупнейшие из них – Дивали, праздник огней и света, и Холи, весенний праздник обновления, во время которого люди всех возрастов и положений обливают друг друга водой и обсыпают разноцветными порошками. «Моя карма превыше моей догмы», – гласит надпись на наклейке для бампера, из категории «нерелигиозных, но духовных». Индуисты выражают ту же мысль иначе, однако в индуизме исполнение своего долга предшествует знанию догм, а правильному ритуалу (ортопраксии) придается большее значение, чем правильному учению (ортодоксии).

Сегодня индуизм широко известен на Западе, но причина тому – не Вишну, Шива и Махадеви, а йога, занятия которой предлагают чуть ли не на каждом углу в больших городах от Сан-Франциско до Парижа и Берлина

Центральное место среди ритуалов, которых придерживаются мои студенты-индуисты, а также преданные индуисты всего мира, занимает пуджа. Подобно ведическому жертвоприношению, пуджа предусматривает приношение пищи. В ведические времена в жертву приносили животных, но ныне богам обычно предлагается вегетарианская еда. Если

этот обряд проводится в храме, в нем участвует священник. Но приношения могут делать и обычные люди у домашнего алтаря, ставя зажженные масляные светильники и благовонные курения перед изображением божества.

На Бали подготовка таких приношений возведена в ранг искусства: «кананг сари», как их называют, можно увидеть практически повсюду – от вестибюлей отелей и магазинов до такси и даже моторикш. Основа этих элегантных подношений – четырехугольные корзиночки из пальмовых листьев, украшенные цветами, рисом, ломтиками банана или сахарного тростника. Их помещают в тщательно выбранном месте, с учетом пяти священных направлений (севера, востока, юга, запада и центра), над ними зажигают благовонные курения, подношения сбрызгивают святой водой. Все это – подарок, свободное изъяснение любви конкретному божеству. Вместе с

тем это обмен. Люди, приносящие все это в храм, уносят с собой домой прасад – рис, фрукты, сладости и цветы, предложенные богам другими людьми, а потом возвращенные богами поклоняющимся (без учета их касты). Преданные верующие также рассчитывают получить взамен поощрение. «Любой человек, независимо от его положения в обществе, может предложить Господу хотя бы листок, цветок, немного фруктов или воды, что доступно в любой части мира, и Господь примет это подношение, если оно будет сделано с любовью, – говорит Кришна в «Бхагавад-гите». – Делай приношением мне то, что делаешь, ешь, приносишь, отдаешь или умерщвляешь, и я разорву узы кармы».

Как правило, религиозные ритуалы воздействуют на разные чувства – звон колоколов и запахи греческой православной службы, вкус сикхской трапезы лангар. Индуизм воздействует на органы чувств с утонченностью матча борцов-профессионалов. Воздух наполняет аромат благовоний. Невесты щеголяют в ярко-алых сари. Изображения богов поражают буйством чистых красок. Поклоняющиеся сопровождают звоном вход в храм и выход из него, этот звон вплетается в какофонию священных мантр и нерелигиозную болтовню. В балийском индуизме каждое высшее божество ассоциируется с определенной стороной света и цветом: Вишну – с севером и черным цветом; Ишвара (это еще одно имя Шивы, но на Бали его чтут как отдельное божество) – с востоком и белым цветом; Брахма – с югом и красным цветом; Махадеви – с западом и желтым цветом; многоцветный Шива царит в центре. Если поставить перед собой задачу назвать религию, эстетика которой максимально далека от квакерской простоты, это будет индуизм.

Но в первую очередь индуистское поклонение воздействует на зрение. Если протестанты посещают церковь, чтобы послушать чтение отрывков из Евангелия и проповеди, то индуисты идут в храм, чтобы других посмотреть и себя показать: они взирают на любимые божества, а те благосклонно смотрят на почитателей. К этому кульминационному моменту пуджи верующие приближаются, обходя вокруг храма и вокруг изображения своего божества. Только после этого начинается даршан – интимное лицезрение божества, взгляд ему прямо в глаза. «Когда индуисты идут в храм, они не говорят, что идут на службу или поклоняться богам, а скорее «я иду на даршан», – пишет об этом «религиозном лицезрении» профессор Гарварда Дайана Экк. И она, и другие специалисты не без оснований называют даршан «центральным элементом индуистского поклонения»¹⁸.

Индуистское повествование «Махабхарата»

Индуизм поклонения – это не только ритуал, но и предания. Как в иудаизме предание и закон – две стороны одной медали, так и в индуизме предание и ритуал неразрывно связаны. На пасху иудеи слушают рассказ об Исходе и инсценируют его; в индуистской традиции Врат Катха верующие слушают предание о посте, а затем сами дают обет поститься.

Два главных кладезя индуистских преданий – «Махабхарата» и «Рамаяна». Строго говоря, оба эпоса относятся к категории смрити, следовательно, должны занимать второстепенное

положение (по сравнению с шрути), на самом же деле они оказывают на преданных индуистов значительно большее влияние, чем Веды. В давние времена эти предания, действие которых происходит в мифические времена, передавали устно родители, гуру, танцовщики, певцы и кукловоды. В наше время молодежь узнает о них из комиксов, телепередач или интернета. В конце 80-х годов, когда я жил в Индии, почти все, кто имел доступ к телевизору, каждый день словно приклеивались к нему и смотрели, не отрываясь, роскошно поставленный сериал на хинди, в котором сюжет «Махабхараты» излагался более чем в 94 сериях.

Библию называют «величайшей из когда-либо рассказанных историй», однако «Махабхарата», что означает «Великое сказание о потомках Бхараты», не менее драматична и гораздо более длинна. По сравнению с ее сотней тысяч стихов и приблизительно 1,8 миллионами слов карликами выглядят и Библия, и «Илиада» с «Одиссеей», вместе взятые. Однако «Махабхарата» примечательна и своей живучестью. Составленная между 400 годом до н. э. и 400 годом н. э., она оставалась популярным развлечением почти два тысячелетия. Рельефными сценами из «Махабхараты» в XII веке был украшен Ангкор-Ват в Камбодже, а в 1985 году режиссер Королевской Шекспировской труппы Питер Брук поставил девятичасовую сценическую версию, которая четыре года гастролировала по миру, собирая восторженные рецензии, прежде чем в 1989 году обрела вторую жизнь в виде шестичасового телесериала.

Лейтмотив «Махабхараты» – долг, а причина притягательности – драма. В ней шекспировские пьесы сочетаются с американскими мыльными операми, героизм и праведность – с предательством, распутством, убийством, прелюбодеянием, жаждой крови и плоти, и все это в условиях, в которых по одной и той же Земле ходят и люди, и боги.

«Махабхарата» рассказывает историю семейной вражды, по сравнению с которой «Вестсайдская история» и «Ромео и Джульетта» выглядят детскими играми. Одна сторона в этой вражде – добродетельные

По сравнению с сотней тысяч стихов и приблизительно 1,8 миллионами слов Махабхараты карликами выглядят и Библия, и «Илиада» с «Одиссеей», вместе взятые

сыновья царя Панду, Пандавы, другая сторона – злодеи, сыновья слепого царя Дхритараштры, Кауравы. Оба клана – потомки легендарного царя Бхараты, именем которого сегодня называется на хинди сама Индия. Началом этого эпоса становятся выигрыш, проигрыш и раздел царства, а первым значительным событием сюжета – выигрыш этого царства в кости Кауравами. В итоге Пандавы обречены на скитания, но согласно договоренности, через тринадцать лет они вправе вернуться и потребовать у родственников обратно свое царство. Однако по прошествии этого времени нечестные Кауравы берут свои слова обратно. Вспыхивает сражение, по сравнению с которым меркнут гонки колесниц из «Бен-Гура». Является *deus ex machina* в облике Кришны, который встает на сторону праведных Пандавов, и те после восемнадцати дней кровопролития одерживают блистательную победу.

Один из самых любимых сегодня фрагментов «Махабхараты» – «Бхагавад-гита» («Божественная песнь»), диалог об этике войны, который с XIX века играет роль индуистского аналога Нового Завета, индуистского священного писания *par excellence*. Центр проблематики «Гиты», как ее называют в обиходе, – дхарма, слово, которое с санскрита переводят как «долг», «закон», «справедливость», «истина», «порядок», «праведность», «добродетельность», «нравственность» и даже «религия». Корень слова «дхарма» – «дхар», означающий опору или поддержку, следовательно, дхарма – все, на что опирается космический порядок, поддерживая то, что правильно.

Действие «Гиты» относится к моментам перед самым началом кровопролития в «Махабхарате». Арджуна из клана Пандавов направляется к полю боя, как вдруг чувствует муки совести. Традиции касты предписывают Арджуне сражаться – ведь он кшатрий, то есть

воин. Но семейные этические нормы запрещают ему убивать родственников, а он знает, что, вступив в бой, будет убивать их десятками. Как быть индуисту, который верен долгу?

В «Гите» Арджуна беседует со своим колесничим, который оказывается сменившим облик Кришной. В ходе этого разговора начинается трение двух гигантских тектонических плит индуистской истории друг о друга. Кришна предлагает новый креативный синтез семейных традиций поклонения и философских традиций «отрекшихся» – синтез, который с того момента обуславливал облик популярного индуизма. Следуй дхарме и сражайся, говорит он Арджуне, но избегай привязанности к плодам своих поступков. Откажись от каких бы то ни было притязаний на награду. Не страшись наказания. Посвящай Богу и свои поступки, и последствия этих поступков. И помни: даже свирепейший из воинов не в силах перебить всех, потому что мы – не бранные тела, а бессмертные души.

По мере продолжения диалога Кришна впервые излагает три индуистских пути в мокшу. Вдобавок к карма-йоге ритуалов и этических поступков (религия жертвоприношений в ведизме) и джняна-йоге аскетизма и отречения (философская религия раннего индуизма) есть и третий путь: бхакти-йога любви и милосердия (религия преданности популярного индуизма). Теперь можно достичь религиозной цели, мокши, при помощи других сил, а не только собственными стараниями, можно вверить плоды своих поступков милости Божией. «Как бы ни обращались ко мне люди, – объясняет Кришна Арджуне, – я неизменно благоволю им».

Способов читать «Гиту» существует столько же, сколько и способов читать Евангелие от Марка или Книгу Иова. Большинство индуистов воспринимают ее как своего рода духовную аллегорию. Подобно мусульманам, которые считают, что под джихадом подразумевается не внешняя борьба против врагов из плоти и крови, а внутреннее противостояние духа искушениям, большинство индуистов относятся к урокам «Гиты» как к духовным, а не военным или даже нравственным: истинная борьба ведется не за царства и богатства, а за освобождение души. Протестанты эпохи Реформации выступали в защиту «священничества всех верующих». По их мнению, священником является каждый. В «Гите» тоже размыта граница между почитателями семейных традиций и отрекшимися от семьи. Предположительно все мы можем быть «отрекшимися» того или иного рода – даже женщины, слуги и парии. Уже нет необходимости выбирать между исполнением долга и стремлением к духовному освобождению. Теперь возможно и то, и другое.

Индуистское повествование «Рамаяна»

Почти такой же популярностью, как «Махабхарата», пользуется «Рамаяна» («история Рамы» или «путешествие Рамы»). В ней центральные темы носят более личный характер: это уже не война, героизм и преданность кастовой этике, а любовь, влечение и преданность этике супружества. «Рамаяна», которая появилась в своем нынешнем виде, вероятно, между 200 годом до н. э. и 200 годом н. э., состоит из семи книг и двадцати четырех тысяч стихов; в целом она гораздо короче «Махабхараты», но вдвое длиннее Нового Завета.

В этом писании говорится о демоне, похищении, злоключениях доблестного Рамы, царского сына, и его верной жены Ситы. Действие «Рамаяны» начинается с того момента, как накануне восшествия на престол отец изгоняет Раму на четырнадцать лет в леса. Там Ситу, которая настояла на своем желании сопровождать мужа, похитил десятиглавый царь демонов-ракшасов Равана и унес в свое логово Ланка (ныне Шри-Ланка), откуда Ситу удалось спасти только благодаря хитрости обезьяноподобного божества Ханумана (который построил мост между Индией и Шри-Ланкой), помощи брата Рамы Лакшманы и храбрости самого Рамы, победившего Равану в бою. Но на этом история не заканчивается: едва освободив Ситу, Рама прогоняет ее, заподозрив в неверности. Сита бросается в погребальный костер, но как библейская неопалимая купина, не сгорает, так как бог огня Агни знает, что она невиновна. Рама и Сита мирятся и вместе возвращаются в Айодхью, где царствует Рама. Но и это еще не конец истории, потому что стоит Сите забеременеть, как Рама, страдающий, по-видимому,

патологической подозрительностью, вновь сомневается в ее верности и опасается, что будущее потомство Ситы не от него. И он опять прогоняет Ситу, и она рождает мальчиков-близнецов в убежище у поэта и провидца Вальмики, которому по традиции приписывают авторство «Рамаяны». Близнецы немного подросли, и все увидели, что оба они – вылитый Рама, поэтому ни в чем не повинную Ситу вновь призывают домой. Но на этот раз Сита отказывается вернуться, уходит в землю и исчезает. А Рама передает царскую власть на земле сыновьям и занимает по праву полагающееся ему место в космосе как седьмое воплощение Вишну.

Поскольку «Рамаяну» чтят не только индуисты, но и джайнисты, буддисты и даже мусульмане, она стоит в одном ряду с Библией, Кораном и «Лунь юй» Конфуция, как одна из четырех книг, оказавших наиболее заметное влияние на человечество

Поскольку «Рамаяну» чтят не только индуисты, но и джайнисты, буддисты и даже мусульмане, она стоит в одном ряду с Библией, Кораном и «Лунь юй» Конфуция, как одна из четырех книг, оказавших наиболее заметное влияние на человечество. Изначально «Рамаяну» рассказывали на санскрите, но с течением веков пересказали на множество языков и с самых разных точек зрения. Так, «Ситаяна» повествует о тех же событиях от лица Ситы, а «Сита поет блюз», комический полнометражный мультфильм с джазовой музыкой 20-х годов XX века, рекламируется как «величайшая история разрыва»¹⁹. Дивали, общендийский праздник света, отмечает возвращение Рамы на престол правителя Айодхьи. Одно из самых грандиозных представлений в Индии – «Рам Лила», ежегодная постановка по «Рамаяне», которую показывают на протяжении целой недели в Рамнагаре («городе Рамы») – городе, находящемся напротив Варанаси, только на другом берегу реки. Как и Махабхарата, эта история сама напрашивается на аллегорическое толкование.

Многие индуисты считают, что Сита – душа, плененная в теле (Равана), которую способен спасти лишь Бог (Рама).

В 1987–1988 годах в Индии был снят сериал на хинди «Рамаяна», состоящий из 78 серий, «рамаэномания» поразила сотни миллионов зрителей. Этот успех привел к появлению римейка, тоже на хинди, в 2008–2009 годах. Менее продолжительная и более сконцентрированная англоязычная версия этого «духовного романа», разрекламированная как нечто среднее между «Одиссеей», «Ромео и Джульеттой» и «Звездными войнами», в 2001 году была показана на сцене Национального театра в Лондоне²⁰. В 2006 году издательство *Virgin Comics* выпустило дебютную книгу серии «Рамаяна 3392 года н. э.», рекламируя ее как «возрождение величайшей из легенд, саги о долге, доблести, верности, мести и покаянии».

На примере «Махабхараты», «Рамаяны», а также их современных пересказов мы видим озорство Кришны и смелость Рамы, но вместе с тем видим в действии индуистскую восприимчивость, видим предпочтение преданий догмам, пристрастие к тайнам и парадоксам, отвращение к строгим рамкам и установленным ограничениям. По крайней мере, на тех, кто вырос под влиянием западных монотеистических религий, производит неизгладимое впечатление проницаемость границ между мирами животных, людей и богов, характерная для этих преданий. Нередко отмечается, что индуизм обожествляет людей, но как свидетельствуют эти эпосы, он также очеловечивает богов. В индуистских храмах и писаниях мы оказываемся бесконечно далеко от трансцендентного Бога иудаизма, христианства и ислама, возможно, имеющего желания, но чуждого потребностей. Индуистские божества больше похожи на нас. В этой традиции человеку нужны боги, а боги нуждаются в человеке.

Современный индуизм

Последний пласт геологии индуизма зарождается как реакция на британскую и американскую критику индуизма как идолопоклоннической и политеистической религии, по словам Марка Твена – «обширного музея идолов, всех до единого изувеченных и безобразных»²¹. Прибытие

британцев в Индию при посредничестве Ост-Индской компании состоялось в 1757 году. В Индии они провели почти два столетия, пока в 1947 году индийцы не отвоевали независимость. В современном индуизме отмечается отклонение пути бхакти в направлении западных монотеистических религий, особенно тяготение к англо-американскому протестантизму. Кроме того, индуизм вступил в диалог с Просвещением – с наукой и разумом, свободой и равенством. Акцентируясь скорее на Упанишадах, чем на эпосах, это течение уделяло внимание в первую очередь этическим и доктринальным аспектам религии, ставя их превыше ритуальных и повествовательных. В полном соответствии с викторианскими обычаями и средствами оно оттеснило на дальний план индуистский эротизм, практически искоренило тантрические традиции и породило поколения индуистов (в том числе и моих студентов), которые не усматривают ничего сексуального в фаллосе и йони лингама Шивы. Вдобавок современный индуизм стремится подорвать позиции христианских миссий, объявляя самого себя мировой религией, равной христианству (или превосходящей его). Прозванное «индийским ренессансом» это движение пережило два значительных импульса, оставивших заметный след в современной индийской религии и политике.

Первый импульс подчеркивал единство всех религий. Его ключевой фигурой был Рам Мохан Рой (1772–1833), брамин из Бенгалии, который благодаря учебе в мусульманском университете и работе в Ост-Индской компании познакомился с суфизмом, унитаризмом и деизмом. Под эгидой общества «Брахмо-Самадж», которое Рой основал в Калькутте в 1828 году, он выступил с отрицанием политеизма в духе бхакти, заявив, что тот противоречит здравому смыслу, а также назвав пуджу «идолопоклонством». Есть только один Бог, утверждал он, и этот Бог недоступен описанию. Следовательно, ни одна религия не обладает монополией на религиозную истину. Все религии – ущербные старания человека уловить суть ускользающего божественного. В сфере этики Рой и «Брахмо-Самадж» выступали против кастовости, браков, заключенных в детстве, и сожжения вдов. Они даже отвергали карму и реинкарнацию, как идеи, оскорбительные для здравого рассудка и препятствующие реформам в обществе.

Еще одним современным индуистским мультикультуралистом был Рамакришна (1836–1886), который перешел в вопросах единства религий от теории к практике. Как и Рой, Рамакришна был брамином из Бенгалии, но его привлекала не общественная этика, а мистицизм. Свою духовную жизнь Рамакришна начал как приверженец Кали. Позднее ему являлись Кришна и Иисус, он практиковал собственные разновидности христианства и ислама. Если Роя убеждал в единстве всех религий разум, то Рамакришну привел к тем же выводам собственный опыт. Рамакришна понял, что все религии – это разные пути на одну и ту же гору, потому что сам ходил этими тропами и своими глазами видел, что на вершине они сходятся.

Самый известный из учеников Рамакришны, Свами Вивекананда (1863–1902), приехал в США как представитель Всемирного парламента религий, работа которого проводилась в Чикаго в 1893 году. Там он выступал против христианских миссий и за единство религий, демонстрируя сочетание образованности и чувства юмора (не говоря уже об элегантном ирландском акценте, приобретенном в школе при миссии), которое приятно удивило американскую аудиторию. Вивекананда говорил об индуизме как о мировой религии, заслуживающей столь же почтительного отношения, как иудаизм и христианство. В 1894 году в Нью-Йорке он основал Общество веданты, которое в начале XX века было крупнейшей и наиболее влиятельной индуистской организацией США.

На всех этих людей оказала влияние индуистская философия адвайта-веданта, акцент которой на превосходство единого над многим побудил их, во-первых, объединить многочисленных богов индуизма в лице одного Брахмы, а во-вторых, составить из многочисленных религий мира единую религию. Сегодня их влияние прослеживается в посвященных религии бестселлерах Хьюстона Смита и Карен Армстронг.

Второй импульс «индийского ренессанса» помог совершенно по-новому взглянуть на религиозный характер Индии. Его ключевой фигурой стал Даянанда Сарасвати (1824–1883), родившийся в семье браминов в Гуджарате и воспитанный в традициях шиваизма. Скептическое отношение к пристойности поклонения лингаму Шивы побудило его сначала вести жизнь садху, а затем стать индуистским реформатором – «индийским Мартином Лютером»²². В 1875 году в Бомбее он основал общество «Арья-Самадж» и вместе с Роем и Рамакришной встал на защиту монотеизма. Но от соратников Сарасвати отличал акцент, сделанный на очищении индуизма и возвращении к Ведам. Он отвергал эпосы как вымысел, высмеивал общепринятые практики пуджи и паломничества как суеверия. Сегодня влияние Сарасвати играет важную роль ввиду его агрессивного национализма. Если Рой и Рамакришна выступали за единство всех религий, вдобавок делали это на английском языке, Сарасвати подвергал нападкам христианство и ислам и выдвигал на роль национального языка хинди.

Индуизм сегодня

Во время моей учебы в колледже и в аспирантуре преподаватели объясняли нам, что индуизм – толерантная вера, скорее впитывающая иностранное религиозное влияние, чем стремящаяся искоренить его. Мне говорили, что эта традиция дала миру афоризм «истина едина, различаются лишь названия, данные ей мудрецами». Одним из самых наглядных примеров этого явления был Мохандас Ганди (1869–1948), который в духе Роя, Рамакришны и Вивекананды трудился на благо не только независимости Индии, но и многоконфессиональности Индии индуистов, мусульман, христиан и многих других.

Но наряду с мультикультуралистами в индуизме есть свои воинствующие приверженцы, наследники не Ганди, а Сарасвати. Критики именуют их фундаменталистами, а индийская молодежь – «фундо». Сами они называют себя защитниками Хиндутвы («индусскости») и видят Индию не многоконфессиональной страной, а индуистским государством, которым управляют на хинди, в соответствии с индуистскими верованиями и традициями.

Уличая во лжи американского трансценденталиста Генри Дэвида Торо, утверждавшего, что в индуизме «нет и тени сектантства», эти индуистские националисты являются сектантами до мозга костей. Подобно американской и преимущественно протестантской организации *Moral Majority* («Нравственное большинство»), ищущей общий язык с католиками и иудеями, сторонники Хиндутвы называют себя представителями не только индуистов, но и джайнистов, сикхов и буддистов. Однако не вызывает сомнения их оппозиция и светским ценностям партии индийского конгресса, и исламским ценностям мусульманского меньшинства, которые с точки зрения Хиндутвы являются незаконными наследниками чужеземных завоевателей священной земли индуистов.

Политический индуизм такого правого толка восходит ко временам Сарасвати и «Арья-Самадж», но заметной силой в индийской политике он стал лишь в 80-е годы XX века. Сегодня этот союз национализма и фундаментализма, зачастую выступающий под флагом Рамы и в ущерб мусульманам, христианам, равно как и секуляристам, представлен такими группами, как RSS, или «Раштрия сваямсевак сангх» (основан в 1925 году), VHP, или «Вишва хинду паришад» (основан в 1964 году), и BJP, или «Бхаратия джаната парти» (основан в 1980 году). BJP возглавляла правительство Индии на рубеже XXI века и остается ведущей силой в индийской политике как на общенациональном уровне, так и на уровне штатов.

Индуистский национализм создавался не для экспорта, однако он обрел плацдарм в Европе и США, особенно в некоторых американских землячествах студенческой индуистской ассоциации. Более воинственная форма этой традиции также прижилась в Шри-Ланке, где тамилы-индуисты десятилетиями ведут гражданскую войну с участием террористов-смертников. Эта война, раздирающая народ острова на протяжении более чем четверти века, началась в 1983 году. Но большинство индуистов диаспоры, тяготеющих к мультикультурному импульсу современного индуизма, в настоящее время ассоциируется с

первую очередь с Ганди. Если по примеру социолога и религиоведа Према Куриэна разделить современных индуистов на «воинствующих националистов» и «благовоспитанных мультикультуралистов», то почти все мои студенты из Бостонского университета попадут в лагерь последних²³.

Индуисты утвердились в диаспоре благодаря таким организациям, как Общество веданты Вивекананды и Товарищество самопознания Свами Йогананды, чья «Автобиография йога» (1946) в 60-х годах XX века стала контркультурным хитом. Эту религию заметили на Западе в первую очередь благодаря харизматичным гуру, стекавшимся в Европу и США в 60-70-х годах XX века. Сегодня ей принадлежат центры изучения йоги повсюду в странах Запада. Тем не менее сердце и душа западного индуизма обретаются в храмах Вишну, Шивы, великой богини и Ганеши, – храмах, которые в настоящее время присутствуют на панорамах почти всех крупных европейских и американских городов. В этих храмах древние верования и обычаи Индии продолжают пробиваться сквозь напластования, которые мы называем индуизмом, их приверженцы по-прежнему обращаются к избранным богам с просьбой даровать им счастье в этой жизни, а после ее завершения спасти их из колеса сансары.

Глава 5

Буддизм: путь пробуждения

*Из Азии в Америку (с. 189) От страданий к нирване (с. 192) • Будда, дхарма, сангха (с. 195) • Ни души, ни личности (с. 199) • Т*ensored*авада и махаяна (с. 201) • Дзэн и другие способы войти в транс (с. 205) • Пустота (с. 207) • Молния и алмаз (с. 210) • За пределами буддизма (с. 213)*

Буддизм начинается с волшебной сказки. Но в отличие от «Золушки» или «Рокки», это отнюдь не фантазии какого-нибудь неудачника о том, как сказочным героям, не имеющим ничего, вдруг достается целый мир. В буддийской сказке происходит обратное: герой, у которого есть все, решает отказаться от всего, что имеет.

Эта история начинается с принца, который живет во дворце, смутно ощущая в происходящем некую неправильность. Принца зовут Сиддхартха Гаутама (Готама), в дальнейшем он приобретет известность как Шакьямуни («мудрец из рода Шакьев»). Время действия – VI век до н. э., Осевое время Конфуция в Китае, Кира II в Персии, Пифагора в Греции. Место действия – роща Лумбини, Вифлеем буддизма в предгорьях Гималаев, на территории современного Южного Непала.

Мать принца умерла, пока он делал свои первые вздохи, поэтому он с момента рождения познал страдание, но его отец позаботился о том, чтобы принц был совершенно доволен жизнью во дворце. Вскоре после рождения Сиддхартхи некий провидец напророчил, что принц прославится либо в политике, либо в религии. Его отец был не только религиозным, но и практичным человеком. Вознамерившись вырастить скорее Наполеона, чем мать Терезу, он сделал все возможное, чтобы оградить сына от любых источников волнений и тревог, и тем самым уберечь его от странствий.

Итак, юный избалованный принц наслаждается жизнью, в которой, по-видимому, не испытывает недостатка в икре и шампанском. Подобно Мухаммаду и Конфуцию, еще в младенчестве он лишается одного из родителей, зато у него есть прекрасный дворец, красавица-жена и прелестный сын. Но несмотря на всю эту красоту, вопросы возникают сами собой. Принц гадает, как он сюда попал. Потом смотрит на дороги, расходящиеся от дворца во все стороны, и наконец впервые разрешает себе задуматься о том, куда они ведут.

Четыре встречи Сиддхартхи стали причиной важнейшего кризиса среднего возраста в мировой истории

Будущий Светоч Азии сообщает отцу, что хочет увидеть настоящий мир. Отец нехотя соглашается устроить ему поездку за пределами дворца, в окружении стен которого жизнь так беззаботна. К этой поездке отец принца готовится так тщательно, как городские власти – к поездке премьер-министра по Парижу. С Елисейских полей прогоняют бездомных, бродячих артистов и прочий сброд. Однако в поездке будущий Будда вдруг видит больного. «Что это?» – спрашивает он колесничего – ведь на протяжении всей жизни его ограждали от болезней. И колесничий отвечает: «Болезнь. Каждый человек может заболеть. И ты, и я. От болезней никому нет спасения». Во время второй поездки, подготовленной отцом еще тщательнее прежней, Сиддхартха видит старика. «Что это?» – спрашивает он колесничего, потому что его всю жизнь ограждали от вида старости. И колесничий объясняет: «Это старость. Все люди стареют. И ты стареешь, и я. От старости никому нет спасения». Во время третьей поездки Сиддхартха видит труп. «Что это?» – спрашивает он колесничего, потому что за всю свою жизнь еще ни разу не сталкивался со смертью. И слышит в ответ: «Это смерть. Все люди умирают. И ты умрешь, и я. От смерти никому нет спасения». Во время четвертой и последней поездки Сиддхартха видит странствующего аскета. «Что это?» – спрашивает он колесничего, ведь в своей жизни он встречался только с красивыми, богатыми и могущественными людьми, аскетов же никогда не видел. Колесничий отвечает: «Это санньясин, странствующий аскет, который оставил жену, родных, работу и дом и отправился на поиски духовного освобождения».

Эти четыре встречи стали причиной важнейшего кризиса среднего возраста в мировой истории. Разглядывая свою жизнь сквозь призму страданий больного, старости и смерти, Сиддхартха решает, что человеческое существование не должно исчерпываться выгодой, властью, наслаждениями и авторитетом. И он в возрасте двадцати девяти лет клянется «уйти из дома к бездомным»¹. На следующий день происходит событие, получившее название «Великого Отправления» (во всем мире его инсценируют при посвящении в монахи): Сиддхартха уступает своим духовным стремлениям, позволяет им пересилить в нем сыновнюю почтительность и чувство долга. Он прощается с отцом, женой и сыном, в последний раз выходит из дворца, верхом доезжает до границы своих прежних обширных владений, бреет голову, снимает роскошную одежду и предается жизни странствующего аскета.

В религиях Запада скитания обычно выступают в роли кары. Это замена порки за съеденное яблоко или убийство родного брата. Но для Сиддхартхи скитания стали шансом. За долгие годы он исходил всю Северную Индию, учился у разных йогов, экспериментировал с аскезами разного рода и всевозможными способами искал решение проблемы человеческих страданий. Он исхудал, от него остались лишь кожа да кости – никакого сходства с тучными пластмассовыми «буддами», каких полно в любом Чайнатауне, – он приобрел известность как аскет, но это лишь ослабило его способность сосредоточиваться на духовной цели. Чем строже он относился к собственному телу, чем чаще и отчаяннее оно требовало пищи и сна. И он оставил учителей и товарищей, и решил идти дальше в одиночку. Высмотрев «срединный путь» между гедонизмом и аскетизмом, он поклялся есть и спать лишь столько, чтобы разрешить проблему страдания.

В возрасте тридцати пяти лет, через шесть лет после отречения от мирской жизни, он сидел, скрестив ноги, под деревом Бодхи в Северной Индии, поклявшись не вставать, пока не узнает тайну наших вечных скитаний от одного рождения к другому. Почуввав неладное, бог смерти и демон чувственных удовольствий Мара отвлекал его способами, которых хватило бы на целый Бангкок, но будущего Будды эти мелочи не волновали. По прошествии сорока девяти дней на него снизошло озарение. В этот момент, один из самых великих в мировой истории, он понял, что все сущее скоротечно и пребывает в состоянии непрестанных изменений. Он понял: мы страдаем, потому что хотим, чтобы мир был другим. И вдруг он заметил, что во время этих озарений улетучились и его страдания. С тех пор он назывался Буддой – как и слово

«Христос», это не имя собственное, а скорее титул.

Только в данном случае этот титул означает не «мессия», а «Пробудившийся».

После Великого Пробуждения с Буддой произошел кризис сознания. Он понимал: Пробуждения он достиг в одиночку, своими силами, благодаря себе одному, посредством своего опыта. И видел, что никаких слов не хватит, чтобы выразить все это. Как же ему учить

Вот простая и понятная формула буддизма: жизнь полна страданий, но у страданий есть причина, значит, ее можно устранить, и путь к этому устранению страданий – великий Восьмеричный Путь

других тому же, чему научился он? Ведь любые его наставления поймут неверно. Как говорить, не нарушив тишины, из которой явилось пробуждение? И тогда новоиспеченный Будда полностью отрешился от мира речей и общества. Он вернулся к жизни странника и целыми днями бродил в молчании. Наконец он все же решил попытаться помочь другим увидеть то, что видел он, испытать то, что испытал он сам, чтобы и они преодолели «скорбную, высокую, словно горы, преграду старости, рождения, болезней и смерти»².

В Оленьей роще Сарнатха, на окраине Варанаси в Северной Индии, Будда разыскал пятерых товарищей, которые отвернулись от него, когда он решил избрать «срединный путь». «Поворачивая колесо дхармы», он прочел им свою первую проповедь: курс «Буддизм для начинающих». Основу этой проповеди составили Четыре Благородные Истины, сжато представляющие проблему, решение и методы буддизма в виде простой и понятной формулы: жизнь полна страданий, но у страданий есть причина, значит, ее можно устранить, и путь к этому устранению страданий – великий Восьмеричный Путь. Неизвестно, что способствовало обращению пятерых слушателей – личность Будды или его слова. Но после того, как Будда произнес перед ними эту первую в своем роде проповедь, все пятеро решили присоединиться к его сангхе, или общине, и так началось буддийское служение.

Следующие сорок пять лет Будда странствовал по Индийскому субконтиненту, вращая колесо дхармы и собирая пеструю толпу странствующих нищих, монахов и монахинь. Все вместе они стали подтверждением идеи, названной самой опасной в истории, – что люди способны своими силами решить человеческую проблему, не прибегая к Богу или божественному откровению³. В этом отношении буддизм, наиболее психологическая из великих религий, стоит в одном ряду с платонизмом, джайнизмом, конфуцианством и даосизмом как одно из великих новшеств Осевого времени.

Одна из отличительных особенностей буддийской традиции – акцент, сделанный не на вере, а на опыте. В буддизме не существовало ни Символа веры, ни катехизиса, пока в конце XIX века американец Генри Стил Олкотт, перешедший в буддизм, не решил, что всякой уважающей себя религии необходимо и то, и другое. Это сравнительное безразличие к доктринальному аспекту религии коренится в широко известном отказе Будды строить догадки и теоретизировать. Подобно его современнику Конфуцию, который стал вдохновителем новой религии, не рассчитывая ни на Бога, ни на сверхъестественные силы, Будда был практиком. Свое учение он сравнивал с плотом, говоря, что «оно годится для переправы», и вечно пропускал тщательно отобранные слова сквозь сито пользы⁴.

Согласно преданию, последние слова Будды были такими: «Будьте светильниками самим себе, с усердием стремитесь к своему освобождению»

Одна из самых известных историй из жизни Будды повествует о человеке, который засыпал его всевозможными метафизическими загадками. Вечен ли этот мир? Тело и душа – одно и то же? На все его вопросы Будда отвечал собственными. Если тебя ранили отравленной стрелой, станешь ли ты тратить время и силы, расспрашивая, кто стрелял, какого он роста, каков он с

виду? Или просто вытащишь стрелу? Буддизм – это извлечение стрелы страданий, добавлял он. Единственный итог любых рассуждений – больше боли и яда под кожей.

В возрасте восьмидесяти лет принц, достигший пробуждения, съел тухлый кусок мяса, положенный в его миску нищего, и умер от пищевого отравления в Кушинагаре, неподалеку от дома у непальской границы, где прошло его детство. Прежде чем перейти в паринирвану («окончательную нирвану»), он попросил своих последователей не скорбеть о нем. Всему присуща быстротечность (аникка), сказал он. Всему, что рождается, суждено прийти в упадок и умереть. Согласно преданию, его последние слова были такими: «Будьте светильниками самим себе, с усердием стремитесь к своему освобождению». Последователи кремировали его тело, останки начали чтить как святыни.

С тех пор буддийские паломники обходят четыре священных места, сыгравших важную роль в жизни Будды: рошу Лумбини, где он родился; дерево Бодхи, где он достиг просветления; Сарнатх, где он произнес свою первую проповедь, и Кушинагар, где он умер. В пути они молят Будду не только о нирване, но и о помощи в трудностях повседневной жизни, а также развлекают друг друга чудесными легендами о прошлых жизнях Будды. Раньше такие паломничества совершали пешком, ночуя под открытым небом или на полу в монастырях (или где придется), но теперь допускается ездить поездом, в вагонах первого класса, путешествовать в автобусах с кондиционерами, пользоваться комфортом роскошных отелей.

Когда я был молод, я сам совершил бюджетный вариант такого паломничества; особое впечатление на меня произвел Сарнатх. Одно из достоинств Индии в том, что это страна гиперстимуляции. Если, как сказано в Еврейской Библии, «премудрость возглашает на улице» (Притч 1:20), то в Мумбаи или в Калькутте ее не услышать: какофония звуков, которые издают автомобили, мотоциклы, моторикши, автобусы и велосипедные звонки, во многих индийских городах достигает громкости, сравнимой с децибелами реактивного лайнера на взлетной полосе. Но избыточной стимуляции подвергается не только слух. Индийские религиозные изображения – это буйство красок. А улицы больших индийских городов забиты толпами настолько, что почти непроходимы. Во время моего путешествия приезд в Сарнатх стал желанной передышкой после этой пышной, цветистой, шумной суеты. Если многие священные места мира уже захватило ревнивое божество консьюмеризма, то Сарнатх пока не перекоен в угоду туристам. Архитектура его ступ, к счастью, скромна и напоминает погребальные курганы коренных американцев, рассеянные по Югу и Среднему Западу Америки. Для меня приезд в Сарнатх стал мистической, блаженнотихой, уместной данью, воздаваемой пути к пробуждению.

Из Азии в Америку

После смерти Будды, который, как принято считать, жил в 563–483 годах до н. э., но мог жить и почти столетие спустя, буддизм превратился в движение в буквальном смысле слова: толпы странствующих монахов и монахинь подражали образу жизни Будды, который «не хранил верности местам», и зависели лишь от благожелательности последователей-мирян, от их желания делиться едой в надежде на улучшение кармы и более благоприятное перерождение. Но постепенно все больше и больше этих «отрекшихся» оседало у многочисленных богатых и влиятельных покровителей. Вот почему буддизм стал первой из религий, в которой развился институт монашества.

Буддизм стал первой из религий, в которой развился институт монашества

Когда волшебная сказка о Будде уступила место потребностям истории, буддизм распространился почти по всему полуострову Индостан, отчасти благодаря революционному отрицанию кастовой системы и равнодушию к священным писаниям, церемониям, статусу высшей касты браминов. Буддизм двигался на север и восток, в Центральную Азию, по Великому шелковому пути в Китай, оттуда – в Корею и Японию. Под парусами он отплыл на

юг, в Шри-Ланку и Мьянму, а оттуда добрался до архипелагов Юго-Восточной Азии. Ему удалось даже подняться в горы и попасть на высокогорные плато Тибета. Буддизм распространялся не потому, что располагал новой священной книгой, подобно исламу, или новым богом, подобно христианству. Первые буддисты отказывали Будде в божественности и не считали его слова откровением. Буддизм распространялся потому, что обладал своим повествованием, впечатляющим новым повествованием о том, кто, пробудившись, разрешил проблему человеческих страданий и обрел спокойствие среди бури.

У себя на родине, в Индии, буддизм пережил свой «константинов момент», когда великий император Ашока (304–232 годы до н. э.), потрясенный кровопролитным сражением, в котором одержал победу ценой тысячи тысяч жизней, обратился в буддизм и принялся возводить повсюду на полуострове памятники состраданию, религиозной терпимости, отказу от насилия. Но Индия, помешанная на богах, была не из тех, кто способен разом забыть о них. Поэтому к XIII веку буддизм на своей родине практически умер, пал жертвой популярности индуизма бхакти и эффектного появления ислама.

Буддизм хорошо совместим с наукой, особенно с современной психологией и квантовой механикой

В XIX веке буддизм отправился завоевывать Запад книгами, артефактами, приверженцами: переводами буддийских священных писаний на европейские языки; предметами искусства, собранными теми, кому импонировал буддизм, – их демонстрировали, к примеру, в Музее искусств Бостона; обращенными, например, русской основательницей Теософского общества Еленой Блаватской; эмигрантами, особенно из Китая и Японии, переселявшимися в Европу и Северную Америку.

Сегодня примерно 445 миллионов человек, или 7 % населения земли, исповедуют буддизм, следовательно, буддизм занимает среди мировых религий четвертое место по численности приверженцев, уступая только христианству, исламу и индуизму. Большая часть буддистов мира сосредоточена в Юго-Восточной Азии, они лишь минимально представлены в Африке и Латинской Америке. В Китае, по самым скромным подсчетам, 175 миллионов буддистов, буддисты составляют большинство в Таиланде, Камбодже, Мьянме, Шри-Ланке, Бутане, Японии и Лаосе. Что касается буддийских монахов, их количество с трудом поддается подсчетам. Когда в 1950 году Китай вторгся в Тибет, там могло быть до миллиона монахов, но сегодня наиболее многочисленные монашеские общины находятся в Таиланде и на Тайване.

Однако буддизм мало-помалу выходит из моды. На ее пике к этой традиции принадлежала чуть ли не треть населения планеты, но XX век больно ударил по буддизму. Удар коммунистов, пришедших к власти в Китае и Северной Корее, а также евангелического и пятидесятнического христианства в Южной Корее был особенно силен. Тем не менее буддизм продолжает стремительно расти в Австралии, Новой Зеландии и США благодаря непрекращающейся эмиграции из азиатских стран, а также благодаря притягательности духовной традиции, не сводящейся к сделкам с Богом, и явной совместимости буддизма с наукой, особенно с современной психологией и квантовой механикой. Кроме того, буддизму идет на пользу популярность любимого многими лидера тибетских буддистов и лауреата Нобелевской премии мира

Далай-ламы, а также ряда снятых в 90-е годы XX века фильмов с тибетскими мотивами, в том числе «Семь лет в Тибете» с Брэдом Питтом в главной роли и «Маленький Будда» с Киану Ривзом⁵.

Из всех азиатских религий именно буддизм оказал наиболее заметное влияние на европейскую и американскую поп-культуру. Его верования и обычаи попали в телесериал «Симпсоны», фильм «Матрица», бестселлер тренера НБА Фила Джексона «Священный баскетбол» (*Sacred*

Hoops, 1996), а также в слова песен хип-хоп-группы *Beastie Boys* («Обет бодхисаттвы»). Буддизм давно привлекал внимание интеллектуалов с Запада. Немецкий философ Фридрих Ницше называл буддизм «в сотни раз более реалистичным, чем христианство», американский кумир бит-поколения Джек Керуак посвятил свой роман «Бродяги Дхармы» (1958) буддийским мотивам, а заодно и способствовал «рюкзачной революции» 1960-х годов⁶.

Крупнейшее из трех основных направлений буддизма – махаяна («Великая колесница»), преобладающее во Вьетнаме и таких восточноазиатских странах, как Китай, Япония и Корея. Самое древнее направление – т*ensored*авада («Учение старейших»), популярное в Южной и Юго-Восточной Азии – в Таиланде, Мьянме, Шри-Ланке и Камбодже. Тибет – родина высокогорной ваджраяны («Алмазной колесницы»), распространенной также в Монголии, Бутане, Непале, России, отдельных районах Китая и Японии, а также в Индии, где Далай-лама поселился в изгнании, вынужденный бежать из родных мест в 1959 году.

Несмотря на то, что на Западе буддизм широко ассоциируется с медитацией, большинство буддистов не медитирует. Их религиозность выражается главным образом поклонением в духе бхакти разным буддам и другим сверхъестественным фигурам. Своим буддам они поклоняются в храмах, молятся им дома, совершают паломничества в священные города, связанные с их стремлениями. Буддизм играет ведущую роль в погребальных ритуалах почти любого общества, где он достаточно распространен. Так как буддийская традиция ассоциируется с перерождениями, семьи обращаются к буддийским монахам, когда речь идет о смерти, похоронах, поминовении.

В ряду великих религий буддизм движется по среднему пути во всем, что касается современного влияния, слегка отстает от индуизма, гордого тем, что у него больше приверженцев, и опережает иудаизм, который исповедует всего один человек на каждые тридцать буддистов во всем мире.

От страданий к нирване

Как и индуисты, буддисты прослеживают человеческие беды до питаемого кармой цикла жизни, смерти и перерождения – колеса сансары. Но буддисты доступнее объясняют, почему нежелательно переходить от перерождения к перерождению. Так не годится, говорят они, потому что жизнь полна страданий. Следовательно, проблема, которую буддизм стремится преодолеть, – страдание, которое буддисты называют дуккха. А цель – нирвана, буквально «тушение» или «задувание» (как свечек на торте в день рождения), только в данном случае тушить следует страдания⁷.

Для достижения этой цели буддисты применяют разнообразные методы. Одни предаются песнопениям. Другие просто сидят. Третьи представляют свой путь по мандалам, священным картам космоса. Четвертые ломают головы над замысловатыми, вводящими в ступор коанами в попытке раззадорить и шокировать собственный разум, а то, что от него останется, привести к несомненному пробуждению. Но наиболее известна буддийская практика медитации, хотя она и не является распространенным видом деятельности в кругу мирян. Один мой знакомый бирманец, занимающийся медитацией не один десяток лет, однажды назвал свои занятия не чем иным как «возможностью побездельничать». Однако в нашей культуре, которой свойственна целеустремленность, ничегонеделание может оказаться тяжким трудом.

Простейшая из всех разновидностей буддийской медитации – наблюдение за дыханием. Я занимаюсь ею вместе со студентами в рамках вводного курса в религиоведение, каждый может опробовать эту медитацию в домашних условиях. Найдите удобное место, чтобы сесть, а затем начните следить за своим дыханием: за выдохами, за вдохами, за мимолетными паузами, за тем, как поток дыхания усиливается и идет на убыль. Возможно, вы заметите, что дыхание постоянно меняется, что завершение одного выдоха дает начало новому вдоху, а завершение этого вдоха порождает новый выдох. И кроме того, вы поймете, что организм дышит сам,

дыханием вы не управляете⁸.

Еще одна популярная буддийская практика – випассана (випашь-яна), название которой переводят как «медитация прозрения» или «вдумчивости». В этом случае следить надо не за дыханием, а за своими ощущениями, мыслями, чувствами. Если вам скучно, осознайте, что вы скучаете. Если у вас болит спина, понаблюдайте за болями в

спине. Цель випассаны – просто вдумчивое отношение к тому, что есть, наблюдение за тем, как возникают и исчезают обстоятельства, и постепенный приход к пониманию, что, как выразился немецкий поэт Райнер Мария Рильке, «нет завершенности в чувствах», а также в мыслях и в ощущениях⁹.

Метта – бескорыстная любовь к себе, к своему другу, к человеку, который вам безразличен, и наконец, к врагу; ко всем им надо относиться так, словно они в равной мере нуждаются в любящей доброте и заслуживают ее

Метта – еще одна разновидность буддийской медитации. Слово «метта» нередко переводят как «любящая доброта», но вместе с тем оно означает бескорыстную любовь, любовь без привязанности или надежды на взаимность. Пользуясь этой техникой, сначала мы учимся проявлять метта к себе. Затем – возвращать в себе бескорыстную любовь к другу.

После этого – к человеку, к которому просто испытываем симпатию, потом – к тому, кто вызывает у нас равнодушие, и наконец, к тому, кто нам неприятен и даже ненавистен. Следующая стадия – бескорыстная любовь к себе, к своему другу, к человеку, который вам безразличен, и наконец, к врагу; ко всем им надо относиться так, словно они в равной мере нуждаются в любящей доброте и заслуживают ее. В конце концов ощущение метта мы учимся распространять на все, что есть в этом мире и за его пределами: «Да будет благословенно все сущее»¹⁰.

Несмотря на различие этих методик, буддистов объединяет ряд общих убеждений. Одни буддисты глубоко задумываются о вопросах перерождения и жизни после смерти, но большинство по примеру конфуцианцев и иудеев сосредоточивают внимание на том, что происходит здесь и сейчас. Для них проблема – страдание, а ее решение – нирвана. Источником страданий они считают «невежественную алчность», нашу склонность ошибочно считать преходящее неизменным, а потом в отчаянии цепляться за то, что, по нашему мнению, не должно меняться¹¹. Или, как выражается один дзэн-мастер, «страдание возникает из стремления к тому, что отлично от имеющегося»¹². Это ошеломляющий отход от учений Платона и Упанишад, обещающих счастье тем, кто найдет и будет придерживаться неизменного и вечного.

Но вероятно, самое удивительное в буддизме, а также его величайший вклад в беседу великих религий – его учение о том, что предмет нашей особой уверенности, наше «я», – на самом деле плод воображения. Декарт сказал: «Я мыслю, следовательно, существую». Буддисты утверждают: если вдуматься, поймешь, что тебя нет. По мнению буддистов, нашего «я» (как в декартовом, так и в другом понимании) в действительности не существует.

Самое удивительное в буддизме, а также его величайший вклад в беседу великих религий – его учение о том, что предмет нашей особой уверенности, наше «я», – на самом деле плод воображения

Воспринимая эти слова как философское предположение, правильность которого еще надо доказать (или опровергнуть), вы поступите не так, как подобает буддисту, поскольку буддисты со времен основания их религии утверждают: их учения верны лишь до тех пор, пока они полезны. Иначе говоря, суть буддийских учений в том, чтобы смягчить и устранить страдания. Поэтому уместно сравнить эти учения с транспортными средствами, к примеру, с паромом

или плотами, предназначенными, чтобы доставить нас с острова страданий к далеким берегам нирваны. Если свою задачу они не выполняют, значит, они бесполезны, от них следует просто избавиться, какими бы «истинными» они ни оставались теоретически. Ввиду склонности рассматривать человеческую проблему сквозь призму индивидуальности, а также ставить перед собой цель разрешить эту проблему, удалившись от общества, буддизм с давних пор расценивался социологами как пессимистичная, аполитичная, социально апатичная и этически инертная религия – вероятно, наиболее наглядная иллюстрация к тезису Карла Маркса о религии как «опиуме для народа». В такой характеристике есть и свои плюсы. Буддисты традиционно уделяли личности больше внимания, чем обществу. Я страдаю из-за своих собственных представлений о мире, а не потому, что некие политические или экономические структуры угнетают или разоряют меня. По крайней мере, до XX века буддисты были революционерами лишь в сфере личного разума.

Но нынешнее поколение буддистов отреагировало на подобную критику «вовлеченным буддизмом» – этот термин пустил в обращение вьетнамский дзэн-буддийский монах Тхит Нят Хань (г. р. 1926), обозначая им стремление применить буддийский принцип сострадания к таким социально-экономическим проблемам, как бедность, войны, несправедливость, дискриминация, ухудшение состояния окружающей среды. «Вовлеченные буддисты» во Франции и США, Индии и Вьетнаме общими усилиями пытаются воздействовать на социальные корни страданий. После 11 сентября одной из групп, громче прочих осуждающей дискриминацию арабов и мусульман, стали американские буддисты японского происхождения, которые, припомнив, как во время Второй мировой войны почти все буддисты в Америке были переселены в лагеря для интернированных, стремились удостовериться, что с американскими мусульманами ничего подобного не произойдет. Эти «вовлеченные буддисты» утверждают, что буддийская традиция никоим образом не относится исключительно к личному духовному росту.

Будда, дхарма, сангха

Подобно христианству и исламу, буддизм – миссионерская религия. Обратиться в буддизм легко. Для этого достаточно лишь произнести «три драгоценности» (триратна) буддизма:

Я ищу прибежища в Будде.
Я ищу прибежища в дхарме.
Я ищу прибежища в сангхе.

Слово «сангха» означает «община». В раннем буддизме ее составляли только монахи и монахини, придерживающиеся целибата. Миряне существовали на периферии таких общин, главным образом снабжая монахов едой и одеждой, а взамен рассчитывая на улучшение кармы. Но неотъемлемой частью сангхи миряне не являлись. Вместо того, чтобы стремиться к высшей цели, нирване, они надеялись лишь на достижение промежуточной цели, более благоприятного перерождения. Но с недавних пор понятие сангхи начали трактовать шире, включая в него не только монахов. Если сегодня подруга-буддистка говорит вам, что собирается в сангху, то это означает, что у нее намечена встреча с друзьями-буддистами. Сообщество Кейп-Сангха неподалеку от моего дома на Кейп-Коде целиком состоит из буддистов-мирян.

В древнейших формах буддизма Будда – всего лишь человек. Как неисчерпаемый кладезь достоинств, он мог творить чудеса ясновидения и ясновыслушания, умел даже летать, но не претендовал на титул бога или спасителя. Он просто искал путь, пережил то, что Керуак называл «Великим Пробуждением от сна существования», и жил (по крайней мере, некоторое время), чтобы рассказывать об этом¹³. Следовательно, он мог продемонстрировать нам только одно: как быть человеком.

Чтобы обратиться в буддизм, достаточно лишь произнести «три драгоценности» (триратна) буддизма

Если другие религиозные общины всеми силами старались укрепить авторитет своих основателей, то ранние буддисты принижали авторитет Будды. Их Будда учил слушателей не поддаваться соблазну, не верить авторитетности какого бы то ни было текста, традиции, наставника (в том числе и его самого), а самостоятельно выяснять, как следует вести по-настоящему человеческую жизнь. Кроме того, их Будда не пожелал назвать преемника. Он говорил, что после его смерти главными станут учения. Поэтому буддийского папы не было и никогда не будет.

Вторая из «трех драгоценностей», дхарма, требует более продолжительных объяснений. В индуизме слово «дхарма» означает «долг». В буддизме же оно относится преимущественно к учению (как в «разговоре о дхарме»). Но слово «дхарма» также переводится и как «то, что есть на самом деле», поскольку высшая цель буддийских учений – «познать истинную природу вещей»¹⁴.

Разумеется, буддийские учения разнообразны, но чаще всего они начинаются с Четырех Благородных Истин и Благородного Восьмеричного пути. Несмотря на то, что их принято считать элементарной доктринальной сущностью буддийских учений, на самом деле Четыре Благородные Истины отнюдь не примитивны. Мало того: попытки разъяснить их всякий раз становятся для меня как преподавателя нешуточным испытанием.

Четыре Благородные Истины указывают, что человеческое существование характеризуется дуккха, или страданием. По данным проекта изучения европейских ценностей (*European Values Survey*), вера в реинкарнацию быстро распространяется в странах Запада: в Великобритании 29 % взрослого населения верит в реинкарнацию, как и 19 % в западных районах Германии, 21 % – во Франции и 32 % – в России¹⁵. Многие жители Запада сегодня охотно признают реинкарнацию как возможность испытать в следующей жизни то, что им не удалось пережить в нынешней. Но для буддистов реинкарнация в буквальном смысле слова обуза, колесо, движение которого вызывает лишь трение и досаду. Да, мы бываем счастливы. Нам удастся даже испытать восторг. На нашем пути встречается радость. Но все мы, какими бы богатыми, бедными, влиятельными или бессильными ни были, рано или поздно начинаем болеть, стареть и в конце концов умрем. Потому что в мире нет ничего вечного, ничто не в силах постоянно приносить нам удовлетворение. Потому что все меняется и проходит, и все, что дорого нам, мы когда-нибудь потеряем. Наше счастье мимолетно, в его глубине часто скрыта неизмеримая печаль, которую португальцы называют *saudade*.

Вторая Благородная Истина звучит не так безнадежно: у страдания есть причина. Все в этом мире взаимосвязано, соединено цепью причин и следствий, значит, страдание должно откуда-то браться. Буддисты различают 12 звеньев в этой цепи «зависимого происхождения» (пратитья-самутпада), а ключевыми из них считают неведение, жажду и привязанность. Мы страдаем потому, что закрываем глаза на то, как действительно устроен мир. Мы притворяемся независимыми, тогда как на самом деле мы взаимозависимы. Мы делаем вид, будто бы изменяющееся в действительности остается неизменным. И отчаянно жаждем, чтобы мир и люди, которые его населяют, были такими, какими они нам представляются. Поэтому мы страдаем, когда у наших супругов появляются новые увлечения, когда наше любимое (вдобавок идеальное в своем прежнем виде) старомодное кафе-мороженое обзаводится нелепым сайтом в интернете и дурацким новым логотипом, когда в новехонький «форд-тандерберд», на котором вы с гордостью едете домой от дилера, попадает камнем шестилетний мальчишка, в будущем – автор этой книги (случай подлинный). Мы страдаем потому, что в отчаянии цепляемся за людей, места, вещи, словно они могут избавить нас от мучений. Мы страдаем потому, что упрямо храним верность убеждениям и суждениям, не в последнюю очередь вере в богов и мнению о том, что конкретный друг или враг нравственно

несостоятелен. Сегодня слова «ты так изменился» служат объяснением, которое один человек из пары дает другому, покидая его. В буддизме «ты изменился» – описание событий, происходящих ежеминутно и ежедневно.

Третья Благородная Истина указывает, что поскольку у страдания есть причина, ее можно устранить. Если мы поймем, как на самом деле устроен мир со всеми его течениями, и перестанем цепляться за то, чему природа предписывает утекать сквозь наши пальцы, тогда мы сумеем достичь нирваны. Но что это за «угасание»? Нирвану часто описывают в негативном ключе, как искоренение жажды, привязанности, страдания, алчности, ненависти, иллюзий и перерождений. В более позитивных разъяснениях ее называют блаженством, хотя это блаженство не поддается описанию, и покою, хотя этот покой непостижим для нас. Но нирвана – это не конкретное место, куда попадаешь после смерти. Ее можно достичь при жизни.

Буддизм – традиция, руководствующаяся принципом «иди и смотри». Его приверженцы не столько верующие, сколько практикующие

Согласно Четвертой Благородной Истине, существует путь, цель которого – нирвана. Подобно конфуцианскому учению о Середине, этот срединный путь проходит между такими крайностями, как сибаритство и умерщвление плоти. Также известный как Восьмеричный путь, он состоит из «правильного воззрения, правильного намерения, правильной речи, правильного поведения, правильного образа жизни, правильного усилия, правильного памятования, правильного сосредоточения»¹⁶. Поскольку у этого пути есть этический, эмпирический и доктринальный аспекты, по традиции его делят на три части: нравственность (правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни), духовная дисциплина (правильное усилие, правильное памятование, правильное сосредоточение) и мудрость (правильное воззрение и правильное намерение). Словом, будь добрым, будь мудрым, будь внимательным.

Хотя все Четыре Благородные Истины изложены как учения, в соответствии с традицией правильнее было бы называть их высказываниями, так как догмой ни одно из них не является. Буддизм – традиция, руководствующаяся принципом «иди и смотри». Его приверженцы не столько верующие, сколько практикующие. Дхарма – не божественное откровение. От нас вовсе не требуется принимать ее на веру. Нас побуждают экспериментировать с ее учениями, лично убедиться, что высказывания Будды в точности описывают этот мир, и, что еще важнее, выяснить, действительно ли практика буддизма уменьшает наши страдания.

Ни души, ни личности

Из всех высказываний Будды одно звучит особенно обидно: у нас нет души. Мормоны говорят, что наши души существовали еще до нашего рождения, почти все религии обещают нам сохранение души после смерти. А по мнению буддистов, индуисты заблуждаются, помещая сущность человека в Атман, так как Атмана не существует. Это основополагающее буддийское учение называется анатта (на буддийском языке пали) или анатман (на санскрите), что в обоих случаях означает «нет души». Но самое обидное еще впереди: по мнению буддистов, личности у нас тоже нет. То, что мы привыкли именовать «я» или «ты», как некую неизменную сущность, на самом деле не более чем условное имя, присвоенное постоянно меняющейся комбинации отдельных фрагментов, названных пятью скандхами. Вместе взятые, эти пять «показателей» – форма, ощущения, восприятие, мышление и сознание – образуют иллюзию «я» или «меня». Но кроме этой иллюзии, никакого «я» нет.

По мнению буддистов, у нас нет ни души, ни личности

Один из основных текстов, имеющих отношение к этому трудному учению, – диалог между буддийским мудрецом Нагасеной и царем Милиндой (Менандром). Подобно всем нам, царь не

видел причин сомневаться в столь очевидной вещи, как его собственное существование, но Нагасену видимость не обманывала. В своих доводах в пользу анатта он упомянул царскую колесницу, в существовании которой царь тоже несколько не сомневался. Тогда Нагасена спросил: «Эта ось и есть колесница?» – «Нет». – «А эти колеса?» – «Нет». —

«А эта рама?» – «Нет». Значит, колесница, указал Нагасена, – совокупность, состоящая из различных предметов, точно так же, как современный автомобиль – совокупность его рамы, колес и осей. Слова «колесница» и «автомобиль» – условные обозначения, общепринятые названия для совокупностей различных деталей. Так и «я» – условное обозначение для того, что состоит из волос, головы, рук, мыслей и чувств. А за пределами этих условностей никакого «я» не найти. Это «я» – обман, его память – фикция.

Возможно, эти слова прозвучали излишне философски, и, пожалуй, абсурдно, словно мы вдруг очутились на семинаре по метафизике, в окружении взбудораженных аспирантов, перепивших кофе. Какое нам дело до этой белиберды? Разве дхарме не полагается быть полезной? Приносит ли практическую пользу отрицание того, что неоспоримо, как мое «я»? Да, говорят буддисты. Ложная вера в то, что «я» – это некая вечная, неизменная и независимая сущность, порождает всевозможные неизъяснимые страдания. Она пробуждает эго, затем передает ему бразды правления, и мы влачим каждодневное существование под бременем мыслей о своем «я», о «себе», лишь бы утолить чудовищные аппетиты своего эго.

Несколько лет назад один научный журнал посвятил моей книге целый номер. Я был польщен, но когда получил этот номер, понял, что у меня нет ни малейшего желания читать его. О своем равнодушии я сообщил одной подруге по электронной почте, и ее реакция удивила меня. «Ничего странного! – ответила она. – Твое эго твердит только одно – «ты гений» и «ты ничтожество», и так раз за разом, наматывая взаимосвязанные и бесконечные петли... Критика в любом виде – вариант слов «ты ничтожество», похвала в любом виде – еще один вариант того же сообщения, так как слова «ты гений» подразумевают, что ты был бы ничтожеством, если бы не твоя гениальность». Однако эго не просто втолковывает бейсболистам, что они мазила, а профессорам – что они тупицы. Оно непрестанно возвещает о своем существовании – деятельности, для которой в случае действительного существования не потребовалось бы таких затрат энергии.

Конфуцианство дает отпор всем этим «я, мне, мое», отрицая независимость личности. Мы не обособленные частицы, заявляют конфуцианцы; мы – паутина взаимозависимых социальных отношений. Буддизм заходит еще дальше в отрицании наличия хоть сколько-нибудь реального «я». Положите конец невежеству, привязанностям и страданиям, изблотив ложное «я», призывает он. Или, как выразился поэт,

В поступках
не опирайся
на эго.
Этот липкий
мышиный капканчик
начинается
с колеса,
которое катает нас
по кругу.
Сойди¹⁷.

*T*censored*avaḍa и махаяна*

Есть некоторое сомнение в том, можно ли считать буддизм религией, но как и в случае с конфуцианством, это скорее вопрос наших представлений о религии, чем особенностей

буддизма. Те, кто усматривает в конфуцианстве недостатки «на божественном фронте», пытаются вместо религии свести его к этике. Когда речь идет о буддизме, возникает соблазн свести его к психологии или к психотерапии.

В ранних формах буддизма не говорится о Боге и не делается акцент на сверхъестественное. Будда считается человеком. Так что если считать религией «веру в духовные сущности», как гласит классическое определение британского антрополога Э.Б.Тайлора, буддизм не относится к семейству религий¹⁸. С точки зрения буддиста буддизм не был бы таковым, если бы оставался одним и тем же. Он и не остается. Детище Индии, буддизм унаследовал свойственную индуизму абсорбирующую способность. В Индии он впитал большинство типичных атрибутов родственной ему религии, не в последнюю очередь замысловатый устроенный пантеон будд и других духовных сущностей со всеми сверхъестественными силами Кали и Шивы. В Тибете позаимствовал некоторые шаманские обряды местной религии бон, в Китае – естественность, спонтанность и простоту даосизма.

Поначалу предпринимались усилия, чтобы придать традиции определенность, сделать ее неизменной, точно высеченной из камня. На Первом буддийском «соборе», проведенном после смерти Будды в V веке до н. э., его последователи договорились считать каноническими учения Будды, известные как Трипитака, или «три корзины». На Втором буддийском «соборе» почти столетие спустя между буддистами произошел раскол по целому ряду вопросов, в том числе толкованию и соблюдению строгих правил монашеской жизни. Это была буддийская реформация, так как она проложила путь ошеломляющему разнообразию, которое характеризует современный буддизм (и протестантизм). Такое разнообразие присуще любой религии, которая ставит вопрос «истинно ли это?» в подчинение вопросу «действует ли это?» Когда появляются новые учения и писания, а их данная традиция выдавала с головокружительной скоростью, буддисты, вместо того чтобы отвергать их как незаконнорожденных детей, принимали их, как давно потерянных и вновь обретенных родных (при условии прохождения теста на пригодность для избавления от страданий).

Начало нашей эры стало периодом поразительной религиозной активности и увидело рождение христианства, раввинского иудаизма и индуизма в духе бхакти. Кроме того, тот же период дал миру бхакти-буддизм, известный ныне как махаяна. «Маха» означает «великий», «яна» – «колесница», следовательно, «махаяна» – «великая колесница», самое популярное в наше время направление буддизма. Но поначалу его название было скорее похвалой, чем демографической особенностью. «Я величайший», – похвалялся чемпион по боксу в тяжелом весе Мухаммед Али. Приверженцы махаяны утверждали то же самое. Мухаммед Али дразнил Джо Фрейзера, а сторонники махаяны – своих противников, приверженцев хинаяны, или «малой колесницы». Однако противники не соглашались с ними, и до наших дней дожила тхе-равада («учение старейших»).

Сторонники махаяны утверждали, что они во многом превосходят приверженцев т*ensored*авады и тому подобных школ, ссылаясь в первую очередь на свое стремление к эгалитарности. Т*ensored*авада – монашеская традиция. Для ее приверженцев единственным способом достичь нирваны было отдалиться от родных, привычной работы, отказаться от секса и денег, вести аскетическую жизнь монаха или монахини. По этой причине т*ensored*аваду иногда называют «монашеским буддизмом»¹⁹. У махаяны тоже есть монашество, но ее приверженцы могли выбирать, отречься им от мира или нет. Обычные мужья и жены, подчиненные и начальство выражали свою преданность новым буддам, посещая новые ступы и читая новые писания. И хотя многие из этих мирян довольствовались малой целью, более благоприятным перерождением, некоторые даже начинали рассчитывать на высшую цель – на нирвану, не отказываясь ни от любви, ни от преуспевания в мире.

Махаянисты обрушивались на т*ensored*авадистов с нападками по многим причинам, но самым мощным ударом стало обвинение предшественников в эгоизме. Т*ensored*авада – это

в первую очередь личностное просветление, утверждали махаянисты. Пример для подражания в т*ensored*аваде – архат, единственное отличие которого от других людей – мудрость (праджня). И махаянисты критиковали этого архата за самодовольство, своекорыстие и эгоцентризм. Какое право он имел стремиться к духовному самосовершенствованию, когда близкие, которых он оставил, так страдают?

В новых писаниях, которые сами махаянисты приписывали Будде, а их противники называли подделками, махаянисты представили новый пример для подражания – бодхисаттву. Буквально это слово означает «стремящийся к пробуждению», но главная добродетель этого кумира махаяны – сострадание (каруна). Вместо того, чтобы эгоистично сосредоточить усилия на достижении нирваны для себя, бодхисаттва обращает свой обширный кладезь достоинств на пользу другим. «Все страдания в этом мире исходят от стремления к счастью для себя, – писал индийский поэт философ VIII века Шантидева в «Пути бодхисаттвы». – Все счастье в этом мире исходит от стремления к счастью для других»²⁰.

Как и приверженцы джняна-йоги в индуизме, архаты в т*ensored*аваде придерживались принципа помощи самому себе. Они считали, что единственный способ достичь религиозной цели – сделать это своими силами. Все это невероятно усложняло приближение к нирване. В Индии простейший путь бхакти-йоги развился в индуизме в то же время, когда впервые сформировался путь махаяны. В начале нашей эры индуист мог попасть в мокшу не только ценой собственных усилий: если он был предан выбранному божеству, всю тяжелую работу выполняло оно. То же самое справедливо и для махаяны. С появлением бодхисаттв, действующих подобно индуистским божествам, стало возможным достигать нирваны при помощи извне, а не только полагаясь на свои силы: те же результаты давала преданность бодхисаттве, наделенному способностью избавлять от страданий. Поскольку путь в нирвану существенно упростился, миряне стали полноправными членами буддийской общины.

Бодхисаттву обычно изображают тем, кто переживает кризис совести, стоя на пороге нирваны. «Разве я могу войти в нирвану, когда так много других существ страдает?» – вопрошает он. И дает ответ, полный сострадания: «Нет, не могу». И вместо того, чтобы отвергнуть мир, бодхисаттва возвращается в него, пообещав повременить с окончательным переходом в нирвану из сострадания к другим. Это обещание принимает форму клятвы или обета бодхисаттвы. В писаниях приводятся различные варианты текста клятвы, но в ней неизменно содержится здоровая доза мании величия:

Какими бы многочисленными ни были разумные существа,
я клянусь спасти их;
Какими бы неиссякающими ни были страсти, я клянусь искоренить их;
Какими бы необъятными ни были дхармы, я клянусь изучить их;
Какой бы несравненной ни была истина Будды, я клянусь постичь ее²¹.

В попытках объяснить студентам психологию бодхисаттвы, я описываю его как того, кто стоит на крыльце нирваны, придерживает за ручку приоткрытую дверь и машет рукой тем, кто опередил его, отказываясь войти, пока не пропустит вперед себя всех остальных. Вводя время и пространство в ситуацию, выходящую за рамки того и другого, этот образ может вызвать в воображении бесполезное зрелище массового затора и давки в буддийском аналоге райских врат. Однако оно подчеркивает масштабы сострадания, терпения и решимости бодхисаттвы.

Помимо бодхисаттв, махаянисты дали миру совершенно новые представления о Будде. Если т*ensored*авадисты видели в Будде указующего путь человека, то сторонники махаяны воспринимали его как вечного и всеведущего, как сверхъестественное существо, способное откликаться на молитвы и вознаграждать за преданность. Более того, махаянисты упоминают не только об одном Будде, а о множестве будд, о целом обширном пантеоне будд-чудотворцев,

круглосуточно готовых осыпать благами ревностных приверженцев. В конце концов махаянисты решили, что пытаться стать архатом – значит, чрезмерно занижать планку. Не лучше ли сразу метить в будды?

Наличие достохвальных будд и бодхисаттв изменило ситуацию для мирян, стремящихся либо к промежуточной цели (благоприятному перерождению), либо к высшей цели (нирване). Согласно т*сensored*аваде, миряне удостоивались награды от монахов в обмен на еду и одежду. И если заслужить более благоприятное перерождение, эта награда еще могла помочь, но к нирване не приводила. Согласно махаяне, миряне удостоивались награды от будд и бодхисаттв в обмен на преданность, и эта награда могла как обеспечить более благоприятное перерождение, так и привести напрямую в нирвану.

Разумеется, невозможно свести многочисленные различия между т*сensored*авадой и махаяной всего лишь к одному пункту, но суть в следующем: приверженцы т*сensored*авады считали, что мы пробуждаемся сами, а сторонники махаяны – что это пробуждение наступает при наших взаимоотношениях с окружающими. Или, по формулировке психоаналитика и буддиста Марка Эпстайна, «нам нужны партнеры, чтобы осознать, кто мы такие»²².

Дзэн и другие способы войти в транс

С появлением махаяны буддизм, несомненно, вошел в семейство религий, так как его обширный и продолжающий расти пантеон бодхисаттв и будд предлагал приверженцам всю благодать и чудеса, на которые способны боги других религий. Точно так же, как бхакти-индуист мог достичь мокши благодаря милости Шивы или Кришны, махаянист мог заслужить нирвану благодаря милости выбранного будды или бодхисаттвы. У многих из этих сверхъестественных существ в настоящее время насчитывается не меньше почитателей, чем у святого Иуды Фаддея или Девы Марии. Самый популярный бодхисаттва Авалокитешвара олицетворяет сострадание и, подобно Кришне, неоднократно является на землю, чтобы спасать людей от опасностей. В Тибете он известен как Ченрезиг, а в Восточной Азии он меняет пол и превращается во всемилостивую Гуаньинь (в Китае) и Каннон (в Японии).

Наиболее популярный будда после Гаутамы – будда безграничного света, Амидаба на санскрите и Амида на японском, создающий из своих неизмеримых запасов хорошей кармы небесное обиталище блаженства, Чистую Землю, по сравнению с которой христианское Царство Небесное и мусульманский рай мало чем отличаются от Диснейленда к моменту закрытия. В Японии этого будду популяризировал Хонэн (1133–1212), основатель школы Дзёдо-сю (Чистая Земля), который обещал, что повторения нараспев имени будды Амида – «Наму Амида-буцу» – достаточно, чтобы претендовать на билет в «западный рай» или «Чистую Землю», где гарантирована нирвана. Больше ничего не требуется. Ни медитации, ни аскетизма, ни учебы. Достаточно только демонстрировать свою преданность, повторяя нараспев эти три слова, а остальным займется будда Амида.

Наглядным примером этого бхакти-пути веры, благодати и преданности спустя несколько лет стал Синран (1173–1263) и его школа Дзёдо-синсю (Истинная Чистая Земля). Японский реформатор Синран утверждал, что незачем повторять имя будды Амида постоянно, как делали многие последователи Хонэна. Требуется лишь один искренний призыв. Сегодня эта традиция – одна из самых популярных школ буддизма в Японии, обосновавшаяся также в США в виде американских буддийских церквей.

Еще одного реформатора-махаяниста из средневековой Японии, Нитирэна (1222–1281/2), отличало скорее писание, которое он читал, чем будда, которому он поклонялся. Подобно Хонэну и Синрану, песнопения он предпочитал медитации, но повторял нараспев Лотосовую сутру «Наму мёхо рэнгэ кё» («хвала чудесному учению Великого Лотоса»). Результатом реформ Нитирэна стали различные школы Лотосовой сутры, наиболее известная из которых – Общество Сока Гаккай (SGI), организация, построенная на силе позитивного мышления и

распространившаяся из Японии в Бразилию, Сингапур и США, где она стала наиболее разнообразной в расовом и этническом отношении из всех американских буддийских организаций.

Если многие школы махаяны, по примеру школ Нитирэна, были организованы вокруг какого-либо писания, то одна из них поступила наоборот. Популяризованный Джеком Керуаком и другими писателями-битниками в 50-х годах XX века (хотя сам Керуак в действительности принадлежал к школе Йогачары – «только сознание») дзэн-буддизм получил свое название от санскритского слова «дхьяна», которое в китайском языке преобразовалось в «чань», а в японском – в «дзэн». Все эти слова означают «медитация», значит, дзэн – школа медитации. Однако наиболее известны две характерные практики дзэн-буддизма. Первая, разработанная школой дзэн-буддизма Сото-сю, – сикантадза. Во время этой обманчиво трудной практики надо просто сидеть. И не пытаться ни следить за своим дыханием, ни проникнуть в суть действительности. Просто сидеть некоторое время, ни о чем не думая. («Ты не думаешь, что я не думаю?» – гласит подпись под карикатурой в *New Yorker*, на которой два дзэн-буддиста сидят в позе лотоса²³).

Вторая дзэн-практика, сложившаяся в школе Риндзай-сю, – коан. Учитель, или дзэн-мастер, задает ученику вопрос-загадку: «Как звучит хлопок одной ладонью?» Или: «Каким было твое лицо до того, как родились твои мать и отец?» Или (мой фаворит): «Что сказал бы Будда, если бы его никто не услышал и некого было бы наставлять?» Ученик пытается дать оригинальный, импровизированный и спонтанный ответ.

Дзэн-буддизм вырос из взаимодействия буддизма с конфуцианством и даосизмом во времена династии Тан, в Китае VIII века. Однако приверженцы этой традиции возводят ее к самому Будде. Они часто повторяют притчу о том, как монахи собрались, с нетерпением ожидая, когда Будда произнесет речь. Но прибывший Будда не проронил ни слова. Он вертел в руке цветок, улыбался, но молчал. Все были озадачены. Точнее, все, кроме одного монаха, который улыбнулся в ответ, а Будда объявил, что этот монах постиг смысл его наставления: прямое, обыкновенное учение передается и без слов.

«Что сказал бы Будда, если бы его никто не услышал и некого было бы наставлять?»

Стремление приверженцев дзэн-буддизма к сатори (этим словом они обозначают моменты пробуждения, привносящие в повседневную жизнь спонтанность и открытость) завораживает меня частотой, с которой эти моменты возникают при срабатывании интуиции. В настоящее время собрано уже немало убедительных свидетельств тому, что открытия, прорывы разного рода, моменты озарения как для ученых, так и для писателей, когда впору кричать «эврика!», зачастую случаются лишь после того, как рациональный разум заходит в тупик и упирается в каменную стену. Когда же мы просто выходим прогуляться, ведем машину или даже просыпаемся с намерением подремать еще, решение вдруг, в обход обычных путей разума, возникает в голове уже полностью оформленным. По-видимому, требуется утомить левое полушарие мозга до такой степени, чтобы его функции взяло на себя правое полушарие. Или же, пользуясь языком, привычным для буддистов, нельзя прийти к однозначности посредством дуалистичного разума. Нельзя обдумать свой путь в нирвану: он возникает, когда мы покидаем пределы своего разума.

Пустота

Еще одним значительным этапом в развитии махаяны стало учение о шуньяте, или пустоте. Если т*ensored*авада утверждала, что «я» на самом деле состоит из пяти скандх, следовательно, является иллюзией и вымыслом, сторонники махаяны развили этот довод, заявив, что все, в том числе и пять скандх, – на самом деле пустота.

Имея двадцатилетний опыт преподавания религиоведения, я могу с уверенностью утверждать:

объяснить суть этого учения почти так же трудно, как растолковать учение об отсутствии «я». Большинство

людей предпочитает жить в физической вселенной Исаака Ньютона и не задумываться об озадачивающих истинах теории относительности Эйнштейна, и вместе с тем преспокойно мириться с существованием в том виде, каким оно кажется, не беспокоясь о том, что же оно представляет собой на самом деле. Но даже тем из нас, кто хочет видеть действительность, а не ее тень, с трудом даются попытки уложить в голове парадокс пустоты. Мало того: великий индийский философ-буддист II–III веков Нагарджуна предупреждал, что искажение этого учения опасно для здоровья. «Превратно понятая шуньята, – писал он, – подобна змее, схваченной за голову»²⁴. Такому предостережению стоит внять и быть начеку.

Учение о шуньяте представляет собой примерно следующее: поскольку все сущее – огромная цепь причинно-следственной связи, нет ничего независимого, ничто не существует само по себе. Нет огня без топлива, а такое топливо, как дрова или природный газ, нельзя даже считать «топливом» без представления об «огне». Коттедж на Кейп-Коде, где я живу, может показаться совершенно реальным и существенным «предметом», но его (наряду с другими пустыми предметами) вызвали к жизни плотники, кровельщики, черепица, гвозди (и все они сами по себе – пустота), а когда-нибудь под действием ветра и дождя (не считая многого другого) коттедж разрушится. То же самое можно сказать о наших мнениях и убеждениях, которые возникают и пропадают в связи с великой цепью причинно-следственной связи. Да, есть вещи, которые выглядят постоянными и неизменными. Но даже если нам не хочется признавать это, на самом деле никакого постоянства нет, все вокруг непрестанно меняется. Да, предметы выглядят как вещи в себе – эта чашка, эта тарелка, та вилка. Но все они сделаны из чего-то другого и всегда находятся в процессе превращения во что-то иное, отличающееся от того, чем они кажутся сейчас. До того, как стать вилок, вилка была листом нержавеющей стали, до того, как лист стал листом, он был железом, хромом и другими металлами, руды которых скрывались глубоко под землей (хотя, разумеется, соседние камни этого не сознавали). И даже эта вилка в моей руке является вилок только для англоязычных читателей. Там, где едят палочками, а не западными приборами, это всего лишь штуковина странной формы. «Форма есть пустота, – гласит «Сутра сердца», – и пустота есть форма»²⁵.

На протяжении жизни нескольких поколений шуньяту считали на Западе пессимистическим и нигилистическим учением, вероятно, потому, что этот термин обычно ошибочно переводили как «ничто». Однако «пустота есть открытость», как указывает американский учитель тибетского буддизма Пема Чёдрён²⁶. Шуньяту следует понимать в первую очередь как учение о свободе, берущей начало в опыте:

Пока мы не познаем ее,
Пустота выглядит такой
Пустой.
А когда познаем,
Все в сравнении с ней становится пустым²⁷.

Для того чтобы сделать это непростое учение чуть более понятным, махаянисты говорят о двух истинах: условной, с маленькой буквы, и Абсолютной Истине с заглавных букв. С точки зрения Абсолютной Истины, все есть пустота. В итоге, нет никакой разницы между вами и вашим лучшим другом: вы оба кардинальным образом взаимозависимы, оба постоянно меняетесь, оба непостоянны. Значит, неизменной сущности нет ни в вас, ни во мне, как нет ее в колеснице, автомобиле, доме или вилке. Однако принято говорить о себе и этих предметах так, словно они действительно объекты, словно мы и они независимы, неизменны и постоянны, как мы говорим об объектах, движущихся в пространстве и времени и подчиняющихся законам Ньютона, хотя мы и знаем, что их вытеснила теория Эйнштейна и

что многие так называемые объекты правильнее было бы называть волнами. Мы считаем так потому, что в большинстве случаев полезно пользоваться условными обозначениями. Колесницы не существует, говорит Нагарджуна, но это не значит, что нельзя сесть в нее и прокатиться.

Самый удивительный скрытый смысл пустоты заключается в том, что все мы уже будды. Это наш двойственный, дуалистический разум видит состояние будды как нечто, отличающееся от нас. Обратившись к однозначному осознанию, мы поймем, что были буддой с самого рождения. Может показаться, что мы склоняемся в сторону самообожествления, или, как называют это являющие индуисты, к «богоосуществлению». Но если прав тибетский буддийский лама Согьял Ринпоче, суть шуньяты не в том, чтобы выйти за пределы нашей человеческой природы, а в том, чтобы полнее населить ее. «В действительности вы не станете буддой, – пишет он, – просто постепенно перестанете поддаваться заблуждению. Быть буддой не значит превратиться во всемогущего духовного супермена: это значит наконец-то стать истинным человеком»²⁸.

Одно из чудес древнего мира (и главная достопримечательность Индонезии) – храмовый комплекс махаяны Боробудур на острове Ява, построенный в IX веке. Сверху видно, что комплекс имеет форму мандалы – карты космоса и в то же время карты человеческого разума. Ежедневно верующие обходят его и взбираются на него, символически проходят сквозь мир алчности, мир форм и наконец попадают в мир отсутствия форм. Тем временем туристы непрерывно щелкают затворами фотоаппаратов, а индонезийские школьники демонстрируют иностранцам знание ломаного английского.

Несмотря на многочисленные отвлекающие моменты, зрелища этого удивительного храма почти достаточно, чтобы разом превратиться в будду. Совершая восхождение на шесть прямоугольных ярусов и три

Одно из чудес древнего мира – храмовый комплекс махаяны Боробудур на острове Ява, построенный в IX веке. Сверху видно, что комплекс имеет форму мандалы – карты космоса и в то же время карты человеческого разума

круговых яруса этого массивного памятника из вулканического камня, мы видим, как тысячи высеченных на нем барельефов рассказывают о жизни Будды и иллюстрируют кармический закон причины и следствия. Вершина комплекса – семьдесят две ступы. Как правило, в них помещены какие-нибудь святыни, и если присмотреться, можно увидеть внутри каждой каменную статую сидящего Будды. Но высочайшая точка этого памятника и его центр – пустая ступа: прекрасное напоминание о пустом троне для божества, вездесущего на Бали, и, конечно, о самом учении о пустоте буддизма махаяна.

Молния и алмаз

Буддизм ваджраяна, самый малочисленный из трех направлений буддизма, часто называют тибетским, поскольку он хоть и процветает повсюду, но наиболее зримым это процветание выглядит в Тибете.

Ваджраяна развилась на основе махаяны в Индии VI века и перебралась в Тибет двумя большими волнами: в VIII и XI веках. На новом месте ваджраяна породила великую цивилизацию, в которой творчески сочеталось монашество в духе т*ensored*авады, изучение и осмысление текстов махаяны, магические и ритуальные традиции тантры и шаманские верования и обряды местной религии бон. Ваджраяна веками процветала в Тибете, пока в 1950 году туда не вторглись китайцы, вынудив четырнадцатого Далай-ламу и его «буддократическое» правительство отправиться в изгнание, в Индию²⁹.

Известность буддизма ваджраяна на Западе значительно превосходит численность его

приверженцев – благодаря книгам и фильмам, в которых Тибет воспевается как почти недостижимая Шангри-ла, благодаря неизменной фирменной улыбке Далай-ламы и повсеместной симпатии к тибетцам, страдающим под китайским гнетом. Тибетских буддийских монахов знают повсюду в Европе и Северной Америке, славу им обеспечили в том числе искусно выложенные из разноцветного песка мандалы с изображениями будд всех девяти направлений (севера, северо-востока, востока, юго-востока, юга, юго-запада, запада, северо-запада и центра). Выкладывание этих песчаных мандал порой занимает много дней, но вскоре после завершения их позволяют разметать ветру или топят в реках, наглядно демонстрируя истинность буддийского учения о бренности.

Подобно сторонникам махаяны, буддистам ваджраяны не чужда гордость своей традицией, они не упускают случая похвалиться ею. Роберт Термен, первый человек с Запада, ставший тибетским монахом, а ныне – преподаватель буддизма в Колумбийском университете, утверждает, что эта традиция творчески сочетает все достоинства монашества т*ensored*авады и мессианства махаяны³⁰. Но похвальба заключена и в названии: слово «ваджра» означает «вспышка молнии» и «алмаз», следовательно, ваджраяна – это огненная или алмазная колесница. Наделенная сконцентрированной силой удара молнии, она представляет собой возможность достичь состояния будды с поразительной быстротой – за одну жизнь. Поскольку она способна резать, как алмаз, то может рассечь гордиев узел дуалистического мышления и превратить его в недуалистическое осознание пустоты.

Эта третья колесница буддизма также отзывается на множество других имен: мантраяна – из-за применения мантр, или священных песнопений; ламаизм – из-за почитания ламы (то есть гуру или учителя); эзотерический буддизм – потому что многие ее практики передаются тайно от ламы к ученикам; тантрический буддизм – поскольку ряд ее практик проистекает из тантры. Одна из таких практик – приобщение к «пяти запретным вещам»: мясу, рыбе, спиртному, сексу и мистическим жестам, которые называются «мудры»: эта деятельность предназначена для того, чтобы пробиться сквозь заслон разума к однозначности пустоты. Приверженцы ваджраяны говорят: точно так же, как Чакрасамвара, бодхисаттва сострадания, и его пара, Ваджраварахи, сливаются в сексе, в конечном счете нет разницы между мясоедением и вегетарианством, между мной и вами, и даже между нирваной и сансарой.

Наиболее известный на Западе текст ваджраяны – «Тибетская книга мертвых», которую превозносят как научную, духовную, психологическую и гуманистическую ценность³¹. Это руководство по погребению, одно из названий которого означает «Освобождение в промежуточном состоянии посредством слушания», направляет сознание умершего в промежуточном состоянии (бардо) между смертью и перерождением – в период, который, как считают приверженцы ваджраяны, имеет продолжительность до сорока девяти дней. Слова «Книги мертвых» произносят нараспев, в идеале – лама, над телом умирающего и над умершим.

Описание загробного путешествия в этом тексте начинается с пугающего белого сияния – Предвечного Света. Сохраняя спокойствие, говорят умершему. Не бойся. Воспринимай Предвечный Свет (некоторые сравнивают его со светом, о котором сообщают люди, пережившие клиническую смерть) как проекцию твоего теперешнего сознания. Если сможешь, считай себя и этот свет единым целым, тогда ты станешь свободным и не родишься вновь. Но это случается очень редко. Поэтому большинство умерших переходят к следующему этапу – видят шествие безобразных и гневных будд, а потом – прекрасных и доброжелательных будд. На этот раз умершему советуют не отвращаться от этих образов, но и не тянуться к ним. Ему говорят: не бойся их и не испытывай к ним приязни, не беги ни к ним, ни от них. Просто пойми, что каждый из них – отображение твоего сознания. Если сможешь, если осознаешь пустоту различий между собой и этими буддами, то станешь свободным и больше не родишься. Но и это случается редко. Подавляющее большинство умерших доходят до последней стадии, которая определяет, когда и где они родятся вновь. На этом этапе они

видят, как животные и люди предаются похоти, и в зависимости от хорошей и плохой кармы, накопленной в предыдущих жизнях, попадают в ту сцену, которую видят, и вновь рождаются во время нее³².

За пределами буддизма

Быстрые и простые решения – проблема любой мировой религии. Действительно ли можно постичь суть ислама, исполняя предписания пяти его столпов? Или суть христианства, произнеся «аминь» в конце «Символа веры»? В буддизме такие решения выглядят особенно сомнительно. Да, буддисты с давних времен ищут пути, приводящие напрямик в нирвану. И ритуалы всегда играли важную роль в этой традиции. Но буддизм – это опыт в гораздо большей мере, чем вера. А мистический опыт этой традиции далек не только от обрядов и Символов веры, но и от самого языка.

На протяжении жизни нескольких поколений на Западе учение о пустоте ошибочно считали пессимистическим и нигилистическим. Но на самом деле это учение о свободе. Есть причины, по которым Будду часто называют и изображают смеющимся и по которым Далай-ламу трудно представить без его характерной улыбки. Одна из этих причин заключается в том, что шуньята предлагает избавление от страданий. Вторая – в том, что благодаря пустоте, мы обретаем свободу, перестаем быть рабами людей, суждений, предметов и идей, в том числе личности Будды и институтов буддизма.

Один известный и многими любимый коан гласит: «Если видишь Будду, убей Будду». Есть и другое высказывание дзэн-буддизма: «Будда есть для тех, кто не знает, каков он на самом деле. Будды нет для тех, кто знает, каков он на самом деле»³³. Каждое из них на свой лад не советует привязываться к Будде, цепляться за него. Почему привязанность к Будде должна причинять нам меньше страданий, чем привязанность к Богу, к самому себе, к близкому человеку, политической партии, идеологии или стране? Вместе с тем у этих высказываний есть и более широкий смысл: все, что приходит к нам из вторых рук, не имеет равным счетом никакой ценности; доверяйте лишь тому, что испытали сами и на своем опыте убедились в истинности испытанного.

Подобно «хмельным» суфиям, которые потешались над пятью столпами, как неверными младенческими шажками по пути к зрелости ислама, буддисты, постигнувшие тайну пустоты, признают, что в итоге любой дуализм – плод заурядного разума, который «понимает» двоичность, как компьютер – бинарный код. Нам надлежит «устранить из дуализма субъект и объект» и «забыть оба», так как нет существенных различий между мирским и монашеским, мужским и женским, освобождающим бодхисаттвой и освобожденным человеком³⁴.

Благодаря пустоте, мы обретаем свободу, перестаем быть рабами людей, суждений, предметов и идей

Но пустота не просто помогает прокладывать прямые пути в дуалистичном разуме. Она отключает в нас склонность судить других. Когда обладатель обычного разума видит, как кто-то поступает отличным от него самого образом, он выносит суждение. Когда он видит, что кто-то мыслит иначе, чем он, то опять-таки судит. Когда он видит, как кто-то поклоняется иным, а не его божествам, то судит вновь. Согласно шуньяте, в этой какофонии суждений все порождено ложным дуализмом правильного и ошибочного, истинного и ложного, хорошего и плохого.

Даже основополагающий буддийский дуализм – сансара как проблема и нирвана как решение – является, согласно этой традиции, в конечном счете несуществующим. Четыре Благородные Истины и Благородный Восьмеричный путь – тоже пустота, как и состояние будды. Как сказано в «Сутре сердца», «нет ни невежества, ни искоренения невежества»³⁵. И, как писал мастер парадоксов махаяны Нагарджуна, «Будда никогда и никому не разъяснял никаких

учений»³⁶. Следовательно, нам надлежит отказаться от привязанности к любым учениям и практикам. Да, и помните: согласно учению о шуньята шуньята («пустоте пустоты»), пустота тоже пуста.

Во всем этом можно усмотреть не только пессимизм и нигилизм, но и абсурдность. Если нет ни проблемы, ни решения, в чем суть? Значит, буддизм – просто-напросто большая шутка?

Сказать, что между сансарой и нирваной нет различий, – не значит сказать, что нирвана невозможна. Это означает, что нирвана неизбежна. По сути дела, она уже здесь. Чтобы ощутить ее блаженство, от нас требуется всего лишь перейти от замкнутого, дуалистичного разума к открытому сердцу пустоты. Сансара и есть нирвана, если просто принять положение вещей таким, какое оно есть. Сказать, что между

Буддой и псом нет никакой разницы, – не значит сказать, что Будда способен только приножиться и вилять хвостом. Это значит, что если мы видим мир таким, какой он есть, даже пес, сорвавшийся с поводка, способен привести нас к блаженству, превосходящему всякое блаженство. Словом, опыт постижения пустоты учит, что некуда стремиться и нечего желать. Вот и все. Или, пользуясь высказыванием Джона Апдайка, буддизм служит для того, чтобы «воздать обыденному его прекрасное должное»³⁷.

Если нет ни проблемы, ни решения, в чем суть? Значит, буддизм – просто-напросто большая шутка?

Иначе говоря, все написанное в этой главе скорее относится к сфере условных истин, нежели является Абсолютной Истиной.

Предания о Великом Отправлении и Великом Пробуждении Будды полезны, но в конечном счете буддизм – это опыт в большей степени, чем повествование. Толкование Четырех Благородных Истин и Восьмеричного пути не лишено пользы. Описания проблемы и решения страдания и сансары, а также архаты, бодхи-саттвы и ламы как примеры для подражания тоже могут принести пользу, но сами по себе в прекрасное далеко вас не доставят. Значит, буддизм – скорее опыт, чем учение. В нем изначальные истины содержатся за пределами слов, в улыбке Будды и в его безмолвии.

Глава 6

Религии йоруба: путь связи

Ориша (с. 219) Олодумаре (с. 224) •Эшу (с. 225) •Орунмила (с. 226) •Ошун (с. 227) •Обатала (с. 228) •Огун (с. 229) •Шанго, Ойя, Шопона, Йемойя и Осань-ин (с. 230) •Аше (с. 231) •Глобальная религия (с. 232) 100 миллионов? (с. 236) •Май Стелла, Ойотунджи и африканизация (с. 239) •Деси Арнас и DC Comics (с. 241) •Растяжимость (с. 243) •Гадание ифа (с. 246) •Владение духом (и телом) (с. 248) •Метаморфозы Нового Света (с. 250) •Процветание (с. 252)

На вводном занятии в курс религиоведения я предлагаю студентам изобрести свои религии. Студенты разбиваются на группы и принимают фантазировать, а потом излагают суть своих религиозных фантазий в интернете и в учебной аудитории. После того, как каждая группа получает шанс обратить остальных в изобретенную веру, все голосуют (бросая ненастоящие деньги в импровизированные блюда для сбора пожертвований) за ту новоявленную религию, которая им особенно понравилась. Все эти годы мои студенты приступали к выполнению задания, демонстрируя интеллект, чувство юмора и творческие способности. Одна группа изобрела в™Сизм – религию, вдохновленную ритмами рэпера Тупака Шакура и непроницаемостью исполнителя, ранее известного как «исполнитель, ранее известный как Принц», обещавшего посмертное «афтепати» для тех, кто внял его призыву «чтить ритм». Другая попыталась обратить нас в веру Конгрегации мудрости, сторонники которой чтят

виртуоза телеигры «Jeopardy!» Кена Дженнингса как своего святого-покровителя. Целью таких религий, как соннизм и ХРР, оказалось не спасение души, а крепкий ночной сон¹.

Многие религиозные изобретения моих студентов были на редкость удачными и глубокими, но больше всех мне запомнился консектатионизм (от латинского «стремление» или «поиски»). Цель этой вымышленной религии – найти свое предназначение, или «лекс», и следовать ему. Этические нормы – воплощение простоты: следуй своему лексу и не мешай другим следовать своим лексам. Во время презентации в классе, построенной по образцу инсценировок в евангелических библейских лагерях, консектатионисты представили зрителям свидетельства «знака заключенного завета» в духе ривайвелистских: момента, когда небо разверзлось, и каждый обрел собственный лекс. Студенты объясняли, что во многом наши горести и страдания проистекают из попыток проживать не собственную, а чью-то чужую жизнь. Значит, каждый должен найти свое предназначение и со страстью и решимостью исполнять его.

Консектатионизм – выдумка, а религия Западной Африки и диаспор йоруба – освященная веками глобальная традиция. Но суть консектатионизма на удивление близка к сути религии народа йоруба. В последней у каждого человека тоже есть предназначение, которое люди почему-то забывают. До перерождения (йоруба верят в реинкарнацию) одна из наших душ (душ у нас две или более – в зависимости от того, кто ведет подсчет) предстает перед верховным богом Олодумаре, чтобы получить новое дыхание. После этого Олодумаре дает нам возможность самим выбрать свою судьбу, в том числе и день, когда мы вернемся на небеса, нашу личность, род деятельности, собственную долю удач и неудач. Но вместе с рождением приходит и забвение. И мы блуждаем по жизни, не зная своего истинного предназначения, отвлекаемся на стремления в любви и работе, навязанные нам родителями, друзьями, коллегами и супругами. Средство от этой забывчивости – воспоминание: надо вернуть себе судьбу, чтобы делать для себя, близких и мира то, для чего мы созданы.

К счастью, с этой задачей нам незачем справляться в одиночку. Целый пантеон сверхъестественных существ, которые называются ориша (ориса – в Бразилии, орича – на Кубе), способен и готов помочь нам жить в гармонии с судьбой². Есть различные способы гадания и поклонения, благодаря которым мудрость ориша вливается в уши приверженцев. Есть и специально обученные жрецы и прорицатели, которых называют бабалаво (если они мужчины) или иялаво (если они женщины). Эти люди посредством гадания ифа, самого древнего и почитаемого из всех, могут помочь нам вновь узнать свою судьбу, защитить ее жертвоприношением и исполнить, действуя в этом мире. Одна из первых обязанностей родителей – показать ребенка прорицателю, чтобы тот прочитал и распознал его судьбу.

Несмотря на то, что слово «бабалаво» означает «отец тайн», а «ияла-во» – «мать тайн», сами прорицатели не распространяют никакой тайной мудрости. Они умеют бросать шестнадцать пальмовых орешков или гадательные четки из восьми полупустых скорлупок, чтобы приступить к консультированию клиента. Они знают наизусть не меньше тысячи стихов ифа – по четыре для каждой из 256 возможных комбинаций (16x16), которые выпадают при бросании пальмовых орешков или гадательных четок. Они нараспев произносят стихи оду, ассоциирующие с каждой комбинацией, в том числе строки, в которых говорится о предписанном жертвоприношении. Но эти люди не просто оракулы, а скорее посредники между их клиентами и ориша. Проще всего понять, что происходит при посещении прорицателя, – считать, что последний направляет мудрость ориша к человеку, но это не совсем так, поскольку с точки зрения йоруба, как и древних греков, мудрость – это воспоминание того, что уже заложено в нас.

Для того чтобы постичь смысл гадания ифа, важно обратить внимание на активность клиента и пассивность бабалаво. Во-первых, клиент даже не объясняет бабалаво, зачем пришел. К примеру, у посетительницы могут быть нелады с другом, с мужем или с обоими. Возможно,

она больна или пытается решить, искать ли ей новую работу или переезжать в другой город. Или же она мечтает о процветании или беременности, а может, борется с депрессией и одиночеством. Так или иначе, проблема клиентки – загадка для прорицателя. Во-вторых, именно клиент, а не бабалаво, решает, какие притчи (как правило, не меньше четырех на каждую комбинацию) соответствуют его конфликту. Сам же бабалаво «выставляет на стол» (точнее, на пол, так как процесс происходит там, где и бабалаво, и его клиент могут почувствовать связь с землей) поразительную память на стихи, связанные с каждой из 256 комбинаций, а также умение нараспев произносить строки, выбранные его клиентом. Но выбирает их именно клиент.

Следует также подчеркнуть, что йоруба твердо верят в способности человека. Согласно традиции йоруба, у каждого человека есть физическое тело – ара. Кроме того, у него есть как минимум две души: одна, эми, ассоциируется с дыханием, другая, ори, – с судьбой. Слово «ори» буквально означает «голова», но в данном контексте указывает на духовный центр, выбирающий свою судьбу. Ори в каждом из нас оживлен той же сакральной силой аше (аше на Кубе и асе в Бразилии), которая оживляет ориша. Следовательно, куда бы и что ни направлялось при гадании ифа, этот процесс происходит между нами и ориша. Он также происходит между той частью нас, которая помнит, и другой, которая забывает, иначе говоря, между нашим более божественным и нашим более человеческим «я». Значит, отнюдь не требуя от нас подобострастия, бабалаво помогает нам обратиться к нашему собственному «я» и узнать судьбу, которую мы сами выбрали еще до того, как началась наша жизнь.

Перед началом чтения бабалаво касается пальмовыми орешками ори его клиента. «Ты знаешь тайну», – говорит он вопрошающему. Потом он касается пальмовыми орешками особого подноса для гадания, на котором изображен ориша-вестник Эшу. «Ты знаешь тайну», – говорит бабалаво, обращаясь к Орунмила (или Ифе), ориша мудрости. Наконец бабалаво добавляет: «Я не знаю ничего». Гадание ифа действует не потому, что бабалаво – сверхчеловек, а потому, что ори и есть внутреннее божество. Как гласит пословица йоруба, «голова [ори] – самая могущественная ориша»³.

Ориша

Религия йоруба меняется во времени и пространстве: к ней относятся и традиционные верования Западной Африки, и современные религиозные традиции кандомбле в Бразилии и сантерия на Кубе, происходящие от религии йоруба. Уже приведено немало веских доводов в пользу того, чтобы считать эти адаптированные традиции обособленными религиями – «ризомами» религии йоруба, которые хоть и растут из корней, но на новой почве и в новом климате породили совершенно иные растения⁴. Тем не менее приверженцы этих традиций довольно тесно связаны друг с другом – в сущности, теснее, чем мормоны, протестанты и католики, – потому их обычно рассматривают всех вместе. Все они, как приверженцы йоруба, считают, что проблема человека – отсутствие связи, а решение этой проблемы – восстановление связи с нашей судьбой, друг с другом, с сакральной силой. Этого можно достичь с помощью гадания, жертвоприношений, вселения духа в тело: все вместе эти методы позволяют процветать личности и обществу.

Космос йоруба заполнен сакральной силой. В нем обитают злые духи аджогун, способные превратить в ад жизнь того, кто рассердит их. Есть и духи предков, эгунгун, которые могут являться на праздники и танцевать и, подобно аджогун, наделены силой аше. Но особенно много аше вмещают ориша. В этой традиции коммуникации и обмена между людьми и божествами приверженцы общаются с ориша при помощи различных видов гадания и кормят ориша, принося им жертвы. В ответ ориша выслушивают их, а затем исполняют просьбы.

Выделяют как минимум три типа ориша, имеющих немало общих свойств: среди них есть и явные божества, и существа, которые правильнее было бы назвать сверхлюдьми. Во-первых, есть ориша, которые находились рядом с Олодумаре в момент сотворения: Обатала, Эшу,

Орунмила. Во-вторых, известны олицетворения сил природы – море Йемоджа и река Ошун, – которые, вопреки сценарию христианского вочеловечения, стали божествами не когда получили человеческое тело, а исчезнув в реке или в холме. Ориша третьего типа – обожествленные предки, некогда ходившие по земле, как простые смертные; к ним относится древний правитель йоруба Одудува. Но перечисленные категории не являются полностью обособленными. Шанго, бог грома и молнии, также считается бывшим правителем великого государства йоруба Ойо.

Одна из наиболее интригующих особенностей ориша – неизменная «человечность» их действий. У них есть характер и предпочтения, в том числе свои пристрастия в еде, напитках и музыке. Подобно индуистским богам, они заключают браки. В отличие от индуистских богов, вдобавок и разводятся. Они подвержены страстям в гораздо большей мере, чем одомашненные боги западных монотеистических религий, в которых божественный темперамент выглядит почти скандинавским в сравнении с темпераментом ориша.

Разрывы между сакральным и приземленным, между духом и материей, между сверхъестественным и обыденным в культуре йоруба в лучшем случае достигают размеров тонкой, как волосок, линии. Разница между божественным и человеческим размыва, поскольку люди несут в себе удивительную силу аше, а ориша ни в коей мере не чужды человеческие эмоции вплоть до самых примитивных. Многие ориша сведущи и в созидании, и в разрушении. Так, грозное и грозное божество Ойя дарует и обильный полив посевов, и опустошительные наводнения. Порой ориша сравнивают с греческими богами, слабости и ошибки которых общеизвестны, но это сравнение не совсем уместно, так как ориша несут наказания за свои проступки, а Зевс и его друзья чаще всего остаются безнаказанными. Более того, большинство ориша живут в земле, а не на вершинах гор и не в небе (примечательные исключения – Шанго и Олодумаре).

Итак, религия йоруба основана на взаимности, это система коммуникации и обмена между людьми и божествами, посредниками в которой выступают силы обширного пантеона (в том числе немало бывших людей), стоящие одной ногой в привычном нам мире, а другой – в мире сверхъестественного. Здесь обе стороны говорят и обе слушают. Как в индуизме, обе стороны отдают и обе получают. Если бы не силы, которые вселяют в них ориша, люди давно вымерли бы. Но и ориша вряд ли сумели бы выжить, если бы люди не кормили их. Как гласит пословица йоруба, «если бы не было людей, не было бы и богов»⁵.

Поскольку для йоруба характерна традиция устной передачи преданий, казалось бы, поклонение ориша должно породить обширную иконографию. Но нет: как правило, в святилищах ориша символизируют скорее природные, чем рукотворные объекты, – камни и растения, а не картины и статуи. В Новом Свете ориша традиционно поклонялись, пользуясь изображениями католических святых, с которыми отождествляли ориша. Лишь в последние десятилетия появились и начали распространяться изображения собственно ориша. Дело в том, что к божественному приверженцы йоруба приближались главным образом благодаря преданиям. И если, как утверждает Режи Дебре, «отсутствие легенды есть отсутствие достоинства», тогда достоинства приверженцам йоруба не занимать⁶.

Предания йоруба содержатся в огромном собрании текстов гадания ифа, которые бабалаво знают наизусть и читают нараспев. В этих стихах ориша предстают как «одни из нас», а не сакральные сущности, в смысле «стоящие особняком». Вдобавок к широкому спектру человеческих эмоций они демонстрируют полный набор добродетелей и пороков. Подобно индуистским богам, они не предстают перед нами как воплощение добра или зла в чистом виде. Они могут быть великодушными и мелочными, милосердными и мстительными. Могут исцелять, а могут и причинять вред. Тем самым они ставят перед нами задачу не искоренить зло, а уравновесить его добром и не только в окружающем мире, но и внутри нас (где добро и зло сосуществуют). Эта сложность издавна тревожила христиан, равно как мусульман и

религиоведов; все они слишком часто упускали из виду уроки, таящиеся под нравственными промахами ориша, как если бы, посмотрев спектакль из двух пьес, «Король Лир» и «Отелло», не нашли бы, что сказать, кроме как отметить, что Эдмонд и Яго – не джентльмены. Разумеется, приверженцы йоруба без труда обнаруживают эти уроки, как и зрители Шекспира видят запутанность человеческой жизни, инсценированную на елизаветинской сцене. Однако тот факт, что божества оступаются и поддаются волнению, – одно из достоинств религии йоруба. По мнению искусствоведа Роберта Фэрриса Томпсона, собрание преданий йоруба – это «безграничная панорама ярких нравственных образов»⁷.

Аше – ключевая концепция мышления йоруба, ее основное значение – внушающая благоговейный трепет сила, благодаря которой происходят события. Но в ней скрыта не менее удивительная способность вызывать изменения. Поэтому замечать, как меняются ориша – видеть, что они, пользуясь выражением Карен Маккарти Браун, «больше жизни, но не что иное как сама жизнь», – не значит найти в них изъян⁸. Это похвала в их адрес – за приближение к человеческому состоянию, за отказ ставить себя выше нас, всех остальных. В конце концов, про библейского Бога лишь говорят, что он благ. Однако он творит зло или допускает его, что ничем не лучше для всемогущего, а верующим предоставляет поспешно искать оправдания Божиим действиям или бездействию. В религии йоруба нет необходимости в такой теологической акробатике.

Путешествуя по Бали, я поражался тому, как широко балийские индуисты использовали разностороннюю систему соответствия божествам сторон света, цветов, частей тела, пищи. Система соответствий в поклонении ориша еще масштабнее. По крайней мере в Новом Свете ориша, ассоциации которых с католическими святыми общеизвестны, также ассоциируются с цифрами, цветами, эмблемами, добродетелями, травами, одеждой, украшениями, темпераментом, видами рельефа, водоемами, частями тела, днями недели, видами деятельности, силами природы, барабанным боем, песнями, танцевальными па, пищей, которую ориша не едят, и пищей, без которой они не могут обойтись. Приведем всего один пример: кубинские почитатели Ошун поклоняются ей не только как покровительнице Кубы – с ней ассоциируют любовь, реки, золото, плодородие, нижнюю часть живота, обольщение, веера, морские раковины, медь, желтый цвет, число пять и тыквы.

Итак, религия йоруба – не просто система коммуникации и обмена между сферами божественного и человеческого. Это еще и карта каждой горы и долины человеческого опыта, система знамений и чудес, благодаря которой можно извлечь смысл из никак не связанных между собой мелочей. Один приверженец религии кандомбле из Бразилии воспринимал телесериал «Остров Джиллигана» (*Gilligans Island*) сквозь призму образов двух богинь, Осум (Ошун) и Ианса (Ойя). Для сторонников кандомбле эти две богини олицетворяют диаметрально противоположные фемининные силы: «холодная» кокетка Осум и «горячая» бомба Ианса. С точки зрения этого верующего (и страстного телепоклонника), Осум – это звезда Джинджер, а Ианса – простушка Мэри-Энн⁹. Суммарный эффект этой совокупности соответствий – потенциальная сакральность всех, всего и повсюду. Каждый момент представляется возможность установить связь с ориша, а благодаря им – и со своей судьбой и гармонией, которую приносит осуществление своего предназначения.

Приверженцы религии йоруба расходятся во мнении о том, сколько всего существует ориша. Одна из причин, по которой ориша с трудом поддаются подсчету, заключается в том, что они, как индуистские божества, повсюду отзываются на разные имена, поэтому неясно, то ли мы имеем дело с новым ориша, то ли уже встречались с ним, только называли иначе. Принято считать, что ориша или 401, или 601, а дополнительная единица указывает на то, что в культуре йоруба за столом всегда есть место для еще одного человека. Но в одном тексте сказано о 3200 ориша, а другие утверждают, что божество на самом деле только одно, а «низшие» божества, которые мы называем ориша, – на самом деле проявления верховного бога Олодумаре¹⁰.

Подсчитать ориша в Новом Свете проще, чем в Западной Африке, так как в пути через Атлантический океан многие ориша бесследно исчезли. Большинство приверженцев йоруба в Бразилии и на Кубе признают существование лишь одного или двух десятков ориша. Некоторые сокращают этот пантеон до «семи сил» (как правило, четырех мужчин и трех женщин), что обнадеживает, пока не поймешь, что, как и десять заповедей, эти *siete potencias* («семь сил») варьируются в зависимости от того, кто ссылается на них¹¹.

Ориша можно разделить на мужские и женские, небесные и земные, горячие и холодные, лесные и городские. Но приверженцы йоруба, явно предпочитающие поступки вере, обычно не беспокоятся о подобных различиях. Не волнует их и загробная жизнь. Что на самом деле важно, так это добиться заступничества ориша в таких земных вопросах, как любовь, удача и работа. А для этого надо поближе познакомиться с ориша, узнать, что они едят, как одеваются, как поют и танцуют.

Олодумаре

Верховное божество почитателей ориша – Олодумаре, также известный под именем Олорун («хозяин небес»), который правит миром, находясь высоко в небе. Как бог деистов, Олодумаре далек и отчужден, обратиться к нему так же трудно, как к строгому и неприветливому прадеду. В отличие от бога деистов, Олорун не создавал мир – эту работу он поручил другим.

Хотя верующие порой возносят ему молитвы, они не поклоняются Олодумаре напрямую. У него нет храмов, нет определенных ритуалов, нет жрецов. В его честь не проводят религиозные празднества. Хотя все принесенное в жертву в каком-то смысле проходит через Олоду-маре, никто не проводит ритуал жертвоприношения специально для него. Как и абстрактного индуистского бога-творца Брахму, Олодумаре скорее уважают, чем чтят. Когда речь заходит о повседневных заботах, занимающих центральное место в религии йоруба, ее приверженцы обращаются за помощью к «малым» божествам. На них и сосредоточено поклонение в религии йоруба.

Спорным представляется вопрос о том, присутствовал ли Олоду-маре при возникновении религии йоруба, или же он сравнительно недавнее изобретение, следствие того же монотеистического императива, который побудил индуистских интеллектуалов в годы британского правления сократить индуистский пантеон до единственного божества. Разногласия вызывает и другой вопрос: являются ли ориша эманациями Олодумаре или же он полностью отделен от них. Параллельно возникает и разговор о том, берут ли ориша на себя нелегкую задачу, когда речь заходит об ответе на молитвы, или же благодеяния исходят от самого Олодумаре (а ориша выступают в роли посредников). Независимо от нюансов взаимоотношений между небесным богом и «низшими божествами», сегодня приверженцы религии йоруба называют Олодумаре главным источником силы – «высшей квинтэссенцией аше» – в религиозной традиции, в которой сила занимает главное место¹².

Эшу

Из всех ориша наиболее важную роль играют Эшу и Орунмила. В этой религии коммуникации и связи между орун и аше (небом и землей) Орунмила – предсказатель, доставляющий вести с небес людям, а Эшу – вестник, который доставляет (или отказывается доставлять) жертвы с земли ориша и другим духовным сущностям. Без Эшу диалог небес и земли прекратился бы, человеческая жизнь превратилась бы в хаос. Хотя у Эшу нет жрецов, его изображения можно найти почти в каждом доме йоруба, в любом святилище ему отведен уголок, пусть даже небольшой. Дело в том, что к каждой жертве положено прилагать то, что игроки называют «лопаточкой крупье» для Эшу, «подмазывать» его. Если не дать ему пальмового масла или табака (и то и другое он особенно любит) в начале жертвоприношения, у него не будет ни сил, ни желания, чтобы выполнить просьбу. Поэтому Эшу также называют Элегбара (Элебара, Элегба или Легба), что означает «хозяин силы» (силы аше).

Перекрестки – место встречи естественного и сверхъестественного, зримого и незримого, известного и неизвестного

Подобно Ганеше в индуизме, Эшу ассоциируется с перекрестками, поскольку он, как обладатель силы аше, способен повернуть практически любую ситуацию в том направлении, в каком захочет. Перекресткам придается немалое значение во многих религиозных традициях. Крест напоминает об Иисусе; самое почитаемое индуистское божество, Ганеша, считается повелителем перекрестков. Перекрестки – место встречи естественного и сверхъестественного, зримого и незримого, известного и неизвестного. Это орел и решка, право и лево, место, где сходятся линии силы, высекая искры. На развилках мы определяем свою судьбу, выбирая наименее (или наиболее) нехоженую дорогу.

Как страж перекрестков, Эшу расчищает путь для тех, кто чтит его, и ставит препятствия перед теми, кто пренебрегает почитанием. Он привносит неопределенность и непредсказуемость в мир, в остальном управляемый судьбой, а затем сидит и хохочет, наблюдая, как возникает хаос. Следовательно, Эшу еще и плут, трикстер, неоднозначная фигура, – и блюститель закона, и его нарушитель, – в результате христиане с давних времен путают его с дьяволом. Йоруба делят свой пантеон на две половины, которые мой бывший коллега Ванде Абимбола условно называет «боги» и «антибоги»: ориша справа, символизирующие благоволение, и аджогун слева, олицетворяющие недоброжелательность. Эшу, присутствующий в обеих половинах, время от времени не прочь направоказничать. Или, как гласит стих ифа, «Смерть, Болезнь, Утрата, Нemoщность, Большая Беда, Проклятие, Заточение, Горе – все это подручные Эсу»¹³. Одно из самых известных преданий об Эшу повествует о том, как он в очередной раз принимается мутить воду. Его цвета – красный и черный, и он вышагивает посреди улицы в шикарной шляпе, которую невозможно не заметить, – с одной стороны красной, с другой черной. Люди по одну сторону улицы восхищаются роскошной красной шляпой, а люди по другую сторону той же улицы уверяют, что шляпа черная. Вспыхивает ссора (во многих вариантах предания весьма кровопролитная), которая вызывает у Эшу ироническую улыбку и подтверждает его роль озорника и нарушителя спокойствия.

Если в вашу машину врезались на пешеходном переходе, если на вашем жестком диске стерлась вся электронная почта, возможно, вы прогневили Эшу

Сегодня этот ориша-вестник ассоциируется с интернетом, с путешествиями и транспортом. Если в вашу машину врезались на пешеходном переходе, если на вашем жестком диске стерлась вся электронная почта, возможно, вы прогневили Эшу. Но в большей степени, чем к чему-либо еще, Эшу имеет отношение к переменам. Каждый день мы оказываемся на каком-нибудь распутье. Провокации Эшу выбивают нас из колеи. Он помогает нам выяснить, в какую сторону зовет нас судьба, и придает нам смелость двигаться в этом направлении.

Орунмила

Как источник вдохновения в гадании ифа, Орунмила (она же Орула и Орунла), согласно некоторым приверженцам религии йоруба, – «верховная ориша» и «краеугольный камень религии йоруба, ее метафизики и духовности»¹⁴. Разногласия вызывает вопрос о том, представляют ли собой Орунмила, ориша мудрости, и Ифа, ориша судьбы, разные явления или же это просто два имени одного и того же древнего мудреца – Йоды в искусстве поклонения ориша.

Орунмила – хозяин собрания ифа, истинного кладезя мудрости, содержащейся в мифологии, философии, этике и теологии йоруба. Поскольку Орунмила присутствовал при сотворении, считается, что ему известны судьбы как людей, так и ориша. Ввиду своего всеведения, в том числе и способности предсказывать будущее, он, согласно многим приверженцам религии йоруба, уступает только Олодумаре – впрочем, сторонники Эшу оспаривают такое толкование.

С точки зрения некоторых приверженцев религии йоруба, Орунмила, который ассоциируется с гармонией и стабильностью, а также его друг Эшу, олицетворение хаоса и перемен, образуют вместе с Олодумаре некое триединство. Говорят, что Орунмила невысок ростом и очень смугл – у йоруба есть выражение «черен, как Ифа», – однако скульптур, изображающих его, почти не существует. Дело в том, что его ремесло – устная речь. В Западной Африке он порой вселяется в своих жрецов, но не делает ничего подобного в Новом Свете, где его обычно отождествляют со святым Франциском.

Ошун

Ошун, изюминка пантеона йоруба, – ориша рек и пресной воды, особенно нигерийской реки Ошун (Осун), с которой ее постоянно отождествляют. Она была единственным существом женского пола, присутствовавшим при сотворении, и первым, кто провел гадание ифа. В Западной Африке Ошун – ориша плодovitости и деторождения, а в Новом Свете – нечто вроде богини любви. Изумительная красавица, яркая и дерзкая, окруженная мужьями, любовниками и детьми, Ошун – это «Венера йоруба» и Шакти Нового Света¹⁵.

Однако Ошун, любимый напиток которой – кукурузное пиво, способна быть не только милой, изящной и покладистой. Ее сила действует, как палка о двух концах, подобно силе многих других ориша. Да, Ошун помогает роженицам, но вместе с тем знает толк в ножах и смертоносных ядах. В любви Ошун еще чаще проявляет жестокость. Она не просто действует в этой сфере, а поднимает в ней бурю. Шанго она прогнала потому, что он пристрастился к ненавистному ей пиву, Оришанлу – потому, что он начал есть улиток. В конце концов, все эти драмы надоедают Ошун, и она отказывается от них раз и навсегда, превратившись в реку.

Согласно одному примечательному преданию об Ошун, Олодумаре послал семнадцать богов привести в порядок землю. Среди этих ори-ша была лишь одна богиня – Ошун. И боги, которые умели считать и относились к женщинам, как к слабым существам, отказались взять Ошун с собой. В отместку она забрала с земли воду. Без дождей и рек растения чахли, матерям было нечего пить и нечем кормить младенцев. Все пошло прахом, и боги, посоветовавшись, решили пожаловаться Олодумаре. Но тот не стал вмешиваться, напротив, упрекнул ориша мужского пола за отказ сотрудничать с Ошун. Перед ней извинились, она приняла извинения, но лишь после того, как услышала обещание с уважением относиться к ней в будущем¹⁶.

Обатала

Обатала («правитель белых одежд») или Оришанла («великий ориша») – бог сотворения человека, который первым вылепил из глины подобие человеческой фигуры. Хотя зачатие человека порой приписывают Ошун, именно Обатала придает тканям эмбриона сходство с человеком. Обатала (в Бразилии – Осала) – один из самых древних и мудрых ориша, квинтэссенция «прохлады», одной из главных ценностей в культуре йоруба. Образец терпения того рода, которое обеспечивает мир, он наделен «эстетикой святого»¹⁷. Как видно из его имени, Обатала ассоциируется с белизной. Его приверженцы одеваются в белое и носят свинцовые браслеты. Стены его храмов белят, он любит белые плоды, белый ямс, белых птиц (особенно голубей) и прочую белую пищу, такую, как рис и кокосы (и, к слову, не любит соль и перец).

Самое известное предание об Обатала (который также питает непреодолимое отвращение к собакам) рассказывает о том, как он перебрал пальмового вина как раз тогда, когда ему полагалось создавать мир. В итоге его работу поручили Оудудуе, который велел пятипалым курам разгребать и раскидывать песок над водой во все стороны, так далеко, насколько хватало взгляда. Протрезвев, Обатала поклялся, что ни он сам, ни его приверженцы не будут пить пальмовое вино. Но когда пришло время сотворить людей, Обатала вернулся к давней привычке. В итоге он нахалтурил и сотворил альбиносов, карликов, горбунов, людей с другими физическими недостатками, которых йоруба по сей день считают посвященными богам – «эни ориша», божьими людьми.

Обатала также сыграл заметную роль в узаконивании кубинской революции 1959 года. 8 января 1959 года, через несколько дней после того, как герильеры Кастро захватили Гавану, белый голубь сел на плечо Кастро, когда тот произносил речь о национальном единстве. В христианстве белый голубь символизирует Святой Дух, а в религии йоруба – Обатала, поэтому эта птица, опустившись на плечо Кастро во время его первого публичного выступления в роли лидера молодого государства, обеспечила ему поддержку и католиков, и сторонников сантерии¹⁸.

Огун

От прохладного Обатала далек, как небо от земли, жаркий Огун, ори-ша железа. Традиционно Огун (Огум в Бразилии и Огу в Гаити) ассоциируется с изготовлением орудий, охотой и войной – с мечом, копьем и воином. Поскольку он сам изготовил первое орудие, он также считается богом творчества и ремесел. Удивителен пример пластичности религии йоруба: в наше время Огуну приписывают связь не только с железом, но и с любыми другими металлами. Сегодня он ориша и локомотива, и летящей пули, его считают покровителем не только кузнецы и парикмахеры, но и проводники поездов, автомеханики, водители грузовиков, летчики и космонавты. Если кто-то пострадал в автомобильной аварии, возможно, он оскорбил этого ориша сотворения и разрушения, которому в Новом Свете поклоняются как святому Петру, святому Антонию и святому Георгу.

Огун появлялся в эпизодах телесериала 1980-х годов «Полиция Майами» (*Miami Vice*), однако его звездный час в истории йоруба пришелся на доисторическую эпоху. В каббалистическом иудаизме одинокий Бог сотворил людей, чтобы познавать и быть познанным, любить и быть любимым. В истории йоруба люди уже были сотворены, но ориша остались одинокими, так как с разрушением исходного единства космоса их сфера оказалась отделенной от мира нас, простых смертных. В конце концов ориша решили вновь объединиться с людьми. Но бездна, отделяющая орун (небеса) от айе (земли), уже заросла дремучими джунглями космических масштабов. Как ни старались ориша, пробиться сквозь эти джунгли им не удавалось. На выручку пришел храбрый Огун. Он выхватил железную руду из первичного хаоса, расплавил ее и сделал настолько надежный инструмент, что с ним он сумел прорубиться через джунгли бездны; при этом он расчистил путь для других ориша, сошедших на землю вслед за ним.

Огун пробился в Ире на территории современной Нигерии, где ему воздали хвалу как «тому, кто идет вперед там, где поворачивают обратно другие боги». Но вскоре он совершил досадную ошибку. Под действием пальмового вина он вступил в бой и в хмельной ярости принялся убивать как врагов, так и друзей. Несмотря на это, жители Ире хотели, чтобы он и впредь был их правителем – кто способен вершить справедливость лучше того, кто сам так близко знаком с несправедливостью? – однако сам Огун не так быстро прощал и забывал. Удалившись на ближайшие холмы, он стал земледельцем и охотником, и все время ковал из мечей орала. Но от спиртного он не отказался, как и его приверженцы. Согласно другой версии того же предания, Огун, увидев, что он натворил, закололся своим мечом и исчез с лица земли. Так или иначе, Огун – один из значительных трагических персонажей религии йоруба. Лауреат Нобелевской премии, нигерийский поэт и драматург Воле Шойинка считает его олицетворением «добродетелей Диониса, Аполлона и Прометея», «первым актером, первым страдающим божеством, первой созидательной энергией, первым, кто бросил вызов переменам и победил их»¹⁹.

Как правило, Огуна изображали как бога насилия и кровопролития (его цвет – красный), но подобно воинственной индуистской богине Кали, он также является богом справедливости, который искореняет гнет благодаря своим пробивным способностям. В хвалебных песнях его называют «защитником сирот» и «приютом для бездомных», а в традиционных судах йоруба не только принимают присягу, положив руку на Библию, но и целуют железо²⁰. Воинская доблесть Огуна, его преданность делу справедливости и способность к созидательным метаморфозам обеспечили ему в Америке популярность, превосходящую африканскую. Он

играл заметную роль в борьбе за независимость кубинцев в 1959 году и нигерийцев в 1960 году. Некоторые считают, что в истории кубинской революции Огун имел большее значение, чем сам Маркс.

Шанго, Ойя, Шопона, Йемойя и Осаньин

В число известных ориша входят также Шанго (он же Санго и Чанго), бог грома и молний, – «буря на лезвии ножа», согласно одной хвалебной песне²¹, – а с недавних времен и электричества, бог, олицетворяющий мужскую силу и сексуальность; Ойя (также Ианса) – правительница Ира, богиня реки Нигер, стражница кладбищ и хозяйка ветра, посылающая сильные порывы перед бурями, которые обрушивает ее супруг Шанго (как сказано, «без нее Шанго не в силах сражаться»)²²; Шопона (он же Бабалуайе, «отец, господин мира», и Обалуайе), бог оспы и других заразных болезней (и вместе с тем бог исцеления), хромой, но внушающий такой страх, что многие йоруба не называют его имени (как Вольдеморта или Волан-де-Морта в «Гарри Поттере»); Йемойя (Йемайя или Йеманджа), богиня океана и материнства, движения бедер которой в танце напоминают приливы; и Осаньин, одноногий, одноглазый и однорукий бог целебных трав, бог с писклявым и скрипучим голоском комического персонажа, украшающий вывески фитоаптек повсюду от Гаваны до Нью-Йорка.

Аше

Ориша обязаны тем, что они ориша, своей силе, которая в религии йоруба называется аше. Аше часто описывают при помощи метафор, сочетающих науку и религию: как сакральную силу, сверхчеловеческую энергию, «духовное электричество». Следовательно, аше сродни жизненной силе, которую китайцы зовут ци. В английском языке наиболее близкий аналог этого термина, который буквально переводится как «да будет так» или «пусть случится», – вероятно, просто «аминь». Но лучшее определение дал Роберт Фэррис Томпсон, назвавший аше «силой, благодаря которой что-либо происходит»²³.

Приверженцы религии йоруба считают центром аше Иле-Ифе, где ориша создали людей и привели мир в движение. Аше также аккумулируется в центрах религий кандомбле и сантерии (terreiras и casas соответственно). Однако ту же самую сакральную силу можно обнаружить и в ориша, жрецах, предсказателях, вождях, главах семейных кланов и обычных людях. Она пребывает в «произнесенных словах, тайных именах, мыслях, крови, ожерельях из бус, ритуальных нарядах, в земле, листьях, травах, цветах, деревьях, дожде, реках, горах, смерчах, громах, молнии и других природных явлениях»²⁴. Она проявляется в барабанном бое и танце, поэзии и песнях. Как индуистов критикуют за поклонение статуям, так йоруба критикуют за поклонение камням.

Однако йоруба с благоговейным трепетом приближаются не к самому камню, а к сакральной силе, одушевляющей его.

В любой своей форме сила аше направлена на достижение перемен. Ввиду сугубой практичности религии йоруба, аше имеет непосредственное отношение к явлениям реального мира – «таким, как удача, власть, богатство, красота, обаяние, дети, любовь»²⁵. Определение Томпсона подчеркивает тот факт, что благодаря аше происходят события. Но аше также способна прекращать их. Всякий раз, когда бросают пальмовые орешки и произносят строки оду, эта традиция свидетельствует о возможности развития, в частности, о возможности появления новых путей воплощения древней мудрости. Однако как и сами ориша, аше способна творить не только добро. Ее преобразующая власть может быть применена (и действительно применяется) и во зло, и во благо. Она соединяет и разделяет. А когда речь заходит о вопросах жизни и смерти, аше и отдает, и отнимает.

Глобальная религия

В книгах о мировых религиях нередко можно увидеть главу о «примитивных», «дописьменных» или «первобытных» религиях, как будто это одно и то же. Однако все эти

религии объединяет упрямое нежелание втискиваться в рамки, предназначенные для более «развитых» религий. В такие главы, зачастую помещаемые в самом конце книги, обычно впихивают всевозможные религиозные традиции, во многих случаях имеющие гораздо меньше общего друг с другом, чем «развитые» религии. В итоге эти главы читаются как вялая попытка извиниться за склонность богословов (многие из которых обучены переводить и толковать священные писания) к религиям, в которых чтение и письмо ставятся превыше говорения и слушания. Но склонность смешивать австралийские, коренные американские и африканские религии в одну кучу со стоящими на более низкой ступени религиозными феноменами, такими, как шаманизм, тотемизм и анимизм, порождена еще одним, не менее важным предубеждением. Так же, как разделение на черных и белых господствовало в диалоге о расовой принадлежности в США, и разделение на англоязычные и франкоязычные – в диалоге о культуре Канады, в полемике о мировых религиях преобладает деление на Восток и Запад. На кафедре религиоведения Бостонского университета мы делили годичное знакомство с религиями мира на «восточный» и «западный» семестры. К сожалению, такой подход затеняет часть религий и нередко порождает «невидимые» религии, которые можно лишь с большой натяжкой отнести к восточным или западным²⁶.

Поэтому не следует удивляться тому, что, несмотря на почти столетие тщательного изучения языка, культуры и искусства йоруба, религией йоруба либо полностью пренебрегали, либо в соответствии со стандартной классификацией религий мира отправляли ее в главу к «первобытным». Но религия Йорубаленда и его диаспоры своеобразна, она отличается от религии сиу так же, как буддизм от ислама. И при этом тоже относится к великим религиям²⁷.

Оценки численности приверженцев религии йоруба в Западной Африке дают заметно различающиеся результаты, но несомненно одно: приверженцев этой религии насчитываются десятки миллионов. Нигерия, родина народа йоруба, – самая населенная из африканских стран, а йоруба, которые также живут на территории Бенина, Того и Сьерра-Леоне, – одна из крупнейших этнических групп Нигерии. Согласно профессору Гарварда Джейкобу Олупона (Jacob Olupona) и профессору Темплского университета Терри Рею (Terry Rey), только в одной Западной Африке численность йоруба превышает 25 миллионов человек²⁸.

В настоящее время доминирующими религиями в Нигерии являются ислам и христианство (на долю каждой из них приходится 45 % населения), поэтому большая часть нигерийцев с почтением отзывается либо о Мухаммаде, либо об Иисусе (или и о том, и о другом), вдобавок евангелические христиане и пятидесятники совместными усилиями демонизируют ориша. Но даже среди неопитов мало кто полностью исключил религию йоруба из своего репертуара. Приверженцы религии йоруба бросают вызов бережно хранимым представлениям о том, что такое религия и каковы ее функции, отказываясь выбирать между ори-ша и Иисусом или ориша и Аллахом. Кто сказал, что религия должна быть игрой с нулевой суммой? Не йоруба, которые не видят ничего странного в том, чтобы в воскресенье повидаться со священником, а в понедельник – с прорицателем. Вместо того, чтобы воспринимать чужеземные религии с аристотелевским «или-или», они приветствуют их согласно принципу Эшу «и то, и другое». В итоге верования и обычаи йоруба выживают не сами по себе, а благодаря тем, кто дал решительный отпор мусульманским и христианским миссионерам, а внутри ислама и христианства, которые мусульмане-йоруба и христиане-йоруба незаметно превратили в каналы распространения религиозной культуры йоруба. Несмотря на одинаково активные усилия мусульманских и христианских священников, стремящихся искоренить страх перед «синкретизмом», мусульмане и христиане в Йорубаленде (в том числе имамы и пасторы) продолжают ходить к прорицателям йоруба и участвовать в религиозных празднествах йоруба. Эта креолизация особенно заметна на примере христианства аладура, гибрида йоруба и христианства, привлекающего в этот мир силы свыше с помощью усердных и частых молитв. В сущности, само название «аладура» свидетельствует о том, насколько распространено смешение религий среди йоруба, так как слово «адура» происходит от арабского, означающего

«молиться о заступничестве».

Однако религия йоруба ни в коей мере не ограничена ее африканской родиной. Производные от йоруба религии распространились вместе с африканской диаспорой, возникшей в результате трансатлантической работорговли, появились в Бразилии и на Кубе, в Колумбии и Пуэрто-Рико, Ямайке и Гренаде, Сент-Китсе и Сент-Винсенте, в Доминиканской республике и Венесуэле, в Уругвае, Тринидаде и Тобаго. Рабов-йоруба миллионами ввозили в Южную Америку, на острова Карибского моря, в США; в охваченном гражданскими войнами XIX века Йорубаленде победители продавали побежденных в рабство. Эти рабы оказали колоссальное влияние на экономическую, культурную и религиозную жизнь обеих Америк. «Ни одна африканская народность, – пишет один из первых исследователей культуры йоруба Уильям Баском, – не оказала на культуру Нового Света большего влияния, чем йоруба»²⁹.

В Новом Свете традиционные африканские религии осуждались как «языческие» и нередко объявлялись вне закона. В XVII веке в Гаити было запрещено даже бить в барабаны, а в последующие века эту практику строго ограничивали в Бразилии и на Кубе. И приверженцы йоруба занимались тем же, что делал народ йоруба с тех пор, как ориша огня, Огун, проложил богам путь с небес на землю: они отважно и творчески приспосабливались к трудным обстоятельствам. Это было непросто в США, где соотношение численности рабов к белому населению оставалось низким, а соотношение численности рабов, рожденных в Америке, к численности рабов, рожденных в Африке, – высоким, и где вдобавок рабовладельцы-протестанты безжалостно запрещали любые собрания рабов. Но в Бразилии и на Кубе, куда в больших количествах прибывали верховные жрецы йоруба, куда часто привозили из Старого Света новых рабов, где соотношение численности рабов к белому населению было высоким, работорговля продолжалась довольно долго (до 50-х годов XIX века в Бразилии и до 60-х годов того же века на Кубе), где меньше рабовладельцев протестовали против танцев и барабанного боя, приверженцы йоруба сумели сохранить свои религиозные традиции, сочетая их с католической верой. Получая приказ отречься от верований и обычаев своих предков, рабы-йоруба уводили своих ориша в подполье, а затем воскрешали их в облики святых: Огуна – как святого Петра, Йемойя – как Деву Марию из Реглы, Ойя – как святую Терезу. Так все изменилось и вместе с тем осталось прежним. Хвалу этим ориша продолжали петь на языке йоруба, под ритмы йоруба, но обряды поклонения проводились преимущественно с католической терминологией, на испанском, французском и португальском языках. Тем не менее в общем повествование сохранило целостность. В список элементов религии йоруба, переживших ужасы трансатлантической торговли и рабства, входят предсказания, владение духом и телом, барабанный бой, танцы, инициация, реинкарнация, духовное исцеление, жертвоприношение и, конечно, само поклонение ориша.

Осознанно ли рабы обманывали религиозные и политические власти, маскируя ориша под католических святых, а затем продолжая поклоняться своим божествам в праздники этих святых? Да, говорит Шойинка. В качестве стратегии они «поставили римско-католические божества на службу божествам йоруба, а затем преклонились перед первыми»³⁰. Возможно, некоторые рабы и не заходили дальше этой стратегии, и только делали вид, будто поклоняются святому Петру, тогда как на самом деле поклонялись Огуну. Однако возможно также, что сантерия, кандомбле и другие родственные им религии, производные от йоруба, развивались рывками, и их союз с католичеством – скорее удобство, нежели хитрость и маскировка. Хотя сегодня многие верующие воспринимают святых как маски на лицах ориша, другие считают и ориша, и святых проявлениями божественности, которая наполняет и тех, и других.

100 миллионов?

Современные потомки этих рабов по-прежнему оберегают обычаи своих предков и практикуют эти обычаи в разных формах и обликах, к которым относятся сантерия (буквально «путь святых», также называемая «лукуми» и «ла регла де оча») на Кубе;

кандомбле, умбанда и макумба в Бразилии; «движение ориша», или шанго, в Тринидаде и Тобаго; келе в Сент-Люсии, и, в меньшей степени, вуду в Гаити³¹.

Ориша, как и святые, не гнушаются заботами о нашей зубной боли, наших детях, нашем продвижении по службе и наших любимых

Многие европеиды и латиноамериканцы, не имеющие родственных связей с Йорубалендом, также причастны к этим традициям; почитатели ориша, когда-то поголовно относившиеся к беднякам, сейчас принадлежат к среднему классу. Эти традиции объединены союзом с католичеством и верностью основным методам поклонения ориша – таким, как гадание, владение духом и телом, а также жертвоприношение. Союз оказался долговечным ввиду поразительного сходства римского католичества и религии йоруба. Обе религии действуют в космосе, в котором главенствует высшая сущность, люди занимают низшее положение, а связь между ними, через пропасть, отделяющую божественное от человеческого, обеспечивают сонмы специализированных посредников. И если интеллектуалы в обоих случаях строят догадки относительно жизни после смерти, обе религии на популярном уровне вносят существенный вклад в повседневную жизнь. Ориша, как и святые, не гнушаются заботами о нашей зубной боли, наших детях, нашем продвижении по службе и наших любимых.

Поскольку у кандомбле, сантерии и родственных им религий нет централизованной организации, официальные данные по численности в диаспоре приверженцев религий, производных от йоруба, неизвестны. Ввиду скрытности йоруба даже неофициальные данные получить непросто, и поскольку эти религии носят клеймо «примитивных» и даже «сатанинских» культов, многие исповедуют их тайно. Вдобавок положение осложняет (ставя под сомнение глубоко укоренившиеся представления о том, как полагается действовать религии) тот факт, что приверженцы ориша, живущие в Новом Свете, не видят необходимости выбирать, кем называть себя – католиком или же сторонником кандомбле, умбанды, макумбы или сантерии.

Кроме того, возникает сравнительно малозначимый вопрос о том, что же, собственно, мы пытаемся подсчитать – тех, кто прошел обряд инициации, и ориша был помещен в их ори? Если да, то результаты подсчетов будут невелики. Или же мы считаем тех, кто обращается к предсказателям с вопросами, касающимися здоровья, работы и любви? Если так, цифры будут довольно существенными. Джозеф Мерфи, профессор кафедры теологии Джорджтаунского университета, пишет, что ему «еще не приходилось встречать кубинца, какой бы ни была его социальная или расовая принадлежность, который не обращался бы хотя бы раз (или, выражаясь еще осторожнее, «не вступал бы в контакт») к жрецам ориша с какой-либо проблемой»³².

Это разграничение, возможно, поможет объяснить гигантский разрыв между данными переписи приверженцев ориша в Бразилии и цифрами, полученными по оценкам религиоведов. Религиозные традиции йоруба особенно прочны в Бразилии, масштабы миграции рабов в которой были больше, чем где-либо в Новом Свете (примерно 4 миллиона рабов в период с 30-х годов XVI века по 50-е годы XIX века), а соотношение рабов к свободным гражданам оказалось наиболее высоким. Когда в середине XIX века работорговля прекратилась, рабы составили более трети общего населения Бразилии и большинство жителей в крупных городах – таких, как Рио-де-Жанейро и Салвадор. В итоге поклонение ориша в Бразилии «чрезвычайно распространено» – «это часть массовой культуры, бразильский образ жизни»³³.

Однако перепись 2000 года в Бразилии выявила всего 128 тысяч человек, которые назвали себя приверженцами кандомбле, и 387 тысяч человек, признавших, что исповедуют религию умбанда³⁴. Как же увязать эти скромные цифры со сведениями из книг, в которых как само собой разумеющееся говорится о десятках миллионов приверженцев обеих религий – и

кандомбле, и умбанды? Возможно, результаты переписи отражают численность тех, кто придерживается афро-бразильских традиций, не смешивая их с католическими, в то время как более высокие оценки относятся к сторонникам нескольких религий – к тем, кто, числясь в списках католиков, тем не менее посещает празднования в честь ори-ша, советуется с предсказателями и «делает эбо» (жертвоприношения).

Хорошо еще, что существуют достаточно достоверные сведения об установленных масштабах распространения кандомбле, – самой ранней, определенно африканской и, несмотря на данные переписи, наиболее популярной из религий Бразилии, производных от йоруба. Эти данные относятся в первую очередь к северо-восточному штату Баия, где поклонение ориша занимает по крайней мере такие же позиции, как католичество, а может, и превосходит последнее. Столицу этого штата Салвадор прозвали «черным Римом» ввиду численности афро-бразильского населения и его католической набожности. Говорят, что в городе 365 церквей, по одной на каждый день года. Сравнение выглядит внушительно, тем не менее цифра скорее всего завышена. Так или иначе, *terreiros* (общины) сторонников кандомбле по численности значительно перевешивают католические приходы. Во всем штате общее количество *terreiros* стремительно выросло: с 67 в 40-х годах XX века до 480 в 60-х и 1854 в 1989 году³⁵. Сегодня их гораздо больше двух тысяч, причем далеко не все они ведут ограниченную деятельность. В сущности, некоторые напоминают евангелические мегацеркви. Поселение Але Асе Опу Афонжу, основанное в 1910 году и перешедшее в начале XX века под управление харизматичной Май Стеллы Ошусси, располагало «школой, детским садом, мастерской, лечебницей и музеем, занимающими территорию площадью много акров»³⁶. Это поселение привлекало не только неимущих, образ которых зачастую ассоциируется с афро-бразильскими религиями, но и видных, преуспевающих лидеров в области политики, бизнеса, искусства и образования.

В печати чаще всего упоминается такая цифра, как сто миллионов приверженцев йоруба во всем мире, но численность тех, кто действительно исповедует эту религию – людей, обращающихся за помощью к ориша тем или иным способом, – скорее всего выражается восьми-, а не девятизначным числом. Если Олупона и Рей правы, значит, в Западной Африке таких приверженцев 25 миллионов, и следовательно, религия йоруба занимает положение самой широко распространенной религиозной традиции на этом континенте после ислама и христианства. Бразилия, общая численность населения которой в 2009 году составила 187 миллионов человек, служит домом по меньшей мере еще 10–25 миллионам приверженцев йоруба; Куба с населением 11 миллионов – как минимум двум-трем миллионам, и наконец, в США религию йоруба исповедуют несколько тысяч человек. Даже по этим приблизительным подсчетам видно, что количество сторонников религии йоруба превосходит количество иудеев, сикхов, джайнистов и зороастрийцев, следовательно, йоруба одной только численностью приверженцев обеспечивает себе место в первой шестерке мировых религий³⁷.

Но величие религии йоруба заключается не только в количестве приверженцев и географическом распространении. Это величие придано ей древностью и монументальностью. В древней Африке йоруба, создававшие поселения, подчиняющиеся правителю (оба), который также считался религиозным лидером, занимали положение одной из самых урбанизированных народностей. К IX веку н. э. их священный город Ифе (Иле-Ифе) был процветающей столицей, за последующие несколько веков художники йоруба создали немало предметов искусства из терракоты и бронзы – согласно Томпсону, эти изделия изумили Запад. На пути к современности культура йоруба пострадала от сочетания внутренних и внешних влияний, в том числе иностранных миссионеров, колониализма, гражданской войны. Однако йоруба остаются, по словам Томпсона, «создателями одной из первых мировых культур»³⁸. И я бы добавил, одной из первых религий. Если Библия служила источником вдохновения для Баха, Эль Греко и Тони Моррисон, то предания об ориша на протяжении веков управляли руками и душой танцоров, певцов, писателей, художников и поэтов не только в Западной

Африке, но и за ее пределами, в том числе самой Моррисон, чей роман 1998 года «Рай» (*Paradise*) повествует о жрице кандомбле и богине, напоминающей водяную ориша Йеманджа (Йемоя в Йорубаленде).

Май Стелла, Ойотунджи и африканизация

Безусловно, не всех радует распространение религиозного импульса йоруба в Новом Свете. Многие евангелические христиане и протестанты осуждают поклонение ориша как черную магию, колдовство, почитание демонов. Немало католических священников воспринимают сантерию и кандомбле как незаконных отпрысков истинной веры. Один юрист, который пытался добиться закрытия центра сантерии в Майами, назвал эту религию «сектой каннибалов, подобием вуду, притягивающим отбросы общества»³⁹.

Некоторые приверженцы йоруба сами считают сантерию и кандомбле незаконными порождениями своей религии. Но вместо того, чтобы попытаться очистить свои традиции от африканских суеверий, они стараются искоренить в них элементы католичества. Подобно пуританам в Англии и Новой Англии XVII века, эти реформаторы стремятся выйти из-под влияния католичества. Но вместо того, чтобы обратиться за примерами к Библии и ранним христианским течениям, они стараются восстановить в первоизданном виде традиции древних государств йоруба.

В Бразилии популярная и влиятельная служительница веры из Баии Май Стелла призвала всех сторонников кандомбле отказаться от католических святых как маскировки и поклоняться африканским ориша открыто, без чувства вины, угрызений совести и страха. Необходимость в католичестве уже отпала, кандомбле уже не запрещают, объясняла Стелла, поэтому «от святых надо избавиться, как от маски после карнавала»⁴⁰.

Еще одна попытка вернуть поклонение ориша «обратно в Африку» – африканская деревня Ойотунджи, основанная с целью воссоздания облика доколониального государства йоруба на современном Юге Америки. Расположенная вблизи Шелдона в сельской местности округа Бофорт, Южная Каролина, деревня носит название, означающее «Ойо поднимается вновь»; она была основана в 1970 году, однако ее историю можно проследить до Нью-Йорка и 50-х годов XX века. Ее основатель, его королевское величество Эфунтола Осейджеман Аделабу Адефунми (урожденный Уолтер Кинг, 1928–2005), в 1956 году учредил Орден потомственных жрецов Дамбалла Хведо, а в 1959 году – храм Шанго, в дальнейшем переименованный в храм Йоруба: и то, и другое стало прибежищем для афроамериканцев, стремившихся носить африканскую одежду, называться африканскими именами и вести африканский образ жизни.

Адефунми, воспитанный в духе учений и организаций одного из первых чернокожих борцов за национальное освобождение Маркуса Гарви, сталкивался с различными формами африканской религии, в молодости побывав в Египте и Гаити. В 1959 году на Кубе он был посвящен в сан жреца Обатала религии сантерия. Однако его сообщество придерживалось принципа «назад, в Африку» и поставило перед собой цель очиститься от влияний Нового Света. Для этого в 1972 году Адефунми принял сан жреца ифа в Нигерии. Во время следующей поездки в Нигерию в 1981 году его короновали в Ифе как оба. Несмотря на все старания сорвать с обычаев йоруба в Новом Свете католические (и протестантские) маски, в Ойотунджи по-прежнему ощущается влияние сантерии. Однако на территории общины, занимающей площадь двадцать семь акров, женщины еще в начале XX века получили право быть жрицами ифа, которое в Гаване и ее окрестностях остается для них недостижимым.

Жизнь в Ойотунджи многие считали непростой в финансовом и культурном отношении, в итоге численность населения заметно менялась. В начале 70-х годов XX века она достигла пика и составила двести человек, а в первое десятилетие XXI века снизилась до нескольких десятков человек⁴¹. Жителей деревни, в личной и общественной жизни полагающихся на гадание ифа, со времен смерти Адефунми в 2005 году возглавляет его сын, ныне известный

под именем Оба Адефунми II.

Попытки африканизации, предпринятые Стеллой и обоими Адефунми, спровоцировали любопытные споры. Переводя стрелки на тех, кто стремился избавить сантерию от влияния католичества, некоторые *santeros* и *santeras* (как называют себя приверженцы этой религии) убеждены, что на Кубе в настоящее время религия йоруба существует в более чистом виде, чем в Западной Африке, поскольку на родине в культуру йоруба слишком глубоко проник ислам.

Деси Арнас и DC Comics

Большинство европейцев и американцев почти ничего не знают о религии йоруба, однако на протяжении жизни последнего поколения религиозные традиции йоруба постепенно привлекали к себе все больше внимания международной общественности. В 50-х годах XX века кубино-американский актер и музыкант Деси Арнас неоднократно пел об ориша Бабалуае в телесериале «Я люблю Люси» (*I Love Lucy*), а после Кубинской революции 1959 года сотни тысяч беженцев с Кубы, в том числе множество приверженцев сантерии, хлынули в США. С конца 1960-х годов представители нигерийского афробита музыканты Фела Амкулапо Кути и Кинг Санни Аде гастролировали по Западу, творчески преобразуя эстетику йоруба в выражения, понятные поклонникам рок- и поп-музыки. Популярный бразильский фильм «Дона Флор и ее два мужа» (1976) способствовал распространению сведений о кандомбле (в нем ориша приходят на помощь скорбящей жене, которую играет Сония Брага) и в португальязычном мире, и среди миллионов зрителей Европы и США, посмотревших фильм с субтитрами. Борьба негритянского населения за национальное освобождение спровоцировала поиск африканских корней, и на этой волне появился роман Алекса Хейли «Корни» (1976), а за ним – двенадцатичасовой телесериал. В 1980 году из гавани Мариэля на Кубе в США было вывезено более ста тысяч кубинцев, в итоге позиции сантерии в США укрепились, сама религия стала более заметной. В 1990 году издательство *DC Comics* приступило к выпуску сериала «Ориша». И наконец, дело, рассматриваемое в Верховном суде США, «Церковь лукуми Бабалу-Айе против города Хайалиа» (1993), создало прецедент и узаконило сантерию: суд постановил, что попытки местных властей Хайалиа, Флорида, запретить приносить в жертву животных, нарушают Первую поправку к Конституции, гарантирующую свободу вероисповедания. С 90-х годов XX века религия йоруба присутствует и во Всемирной паутине, где такие сайты, как *Orishanet.org* занимаются тем же, что делают в интернете и другие религии – обучают, объединяют, руководят спорами, а в некоторых случаях – вводят в замешательство. В настоящее время в киберпространстве можно также обратиться к предсказателю.

На протяжении веков мусульмане и христиане осуждали религию йоруба как суеверие. В 70-х и 80-х годах XX века еще одна попытка опорочить ее традиции была предпринята с помощью сериалов, рассказывающих об ужасах культов; основную мысль этих сюжетов выразил в 1987 году голливудский триллер «Верующие» (*The Believers*, 1987), приравнивающий сантерию к принесению в жертву людей. Сравнительно недавно в одной из статей в *Newsweek* приверженцы сантерии были названы «фанатиками и птицеубийцами»⁴². Тем не менее эта древняя религиозная традиция, почти такая же давняя, как ислам, подробно рассматривает проблемы человека, предлагает практические методы решения и пользуется различными приемами (гаданием, жертвоприношением, владением духом и телом) для достижения целей. Несмотря на скорее устный, нежели письменный характер (в данном случае «книжный» – уничижительное выражение), религия йоруба гордится обширным и сложным корпусом священных преданий, исторических свидетельств, поучительных историй, стихов и пословиц, которые напоминают нам об индивидуальной и общей судьбе, обещают нам связь друг с другом, с сотворенным и божественным.

Следует отметить: несмотря на древность культуры йоруба, самосознание йоруба относится к современности. Подобно термину «индуизм», побочному продукту появления британцев в Индии, термин «йоруба» появился сравнительно недавно, он датирован лишь началом XIX

века⁴³. До того момента представители йоруба отождествляли себя не с йоруба, а с конкретными городами-государствами или с королевскими династиями, как индуисты до появления британцев относили себя не к индуистам, а к носителям того или иного языка, к жителям конкретного региона, к почитателям определенных богов. Чужаки говорили о «стране йоруба» или «народе йоруба», и сами йоруба со временем восприняли этот термин как знак отличия – сначала в Новом Свете, затем в Западной Африке, когда бывшие рабы во второй половине XIX века начали возвращаться на родину, продолжая хранить верность новой, всеобъемлющей религии и культуре йоруба, а не только конкретным городам-государствам и семействам правителей.

Растяжимость

Подобно индуизму, религия йоруба уделяет практике больше внимания, чем вере. В языке йоруба слово «верующий» (игбагбо) обозначает христианина⁴⁴. Причина в том, что религия йоруба не просто жесткая система убеждений – это практический образ жизни. Умение рассказывать хорошие истории и выполнять действенные ритуалы заботит ее приверженцев гораздо больше правильности мышления. К доктринальному аспекту религии они равнодушны и не проявляют никакого желания оберегать ортодоксальность или даже определять ее рамки. Религия йоруба – это традиция повествований, их толкования, их применения в ритуалах и повседневной жизни – «религия руки, а не головы», по словам одной из бразильских жриц кандомбле⁴⁵.

Опять-таки подобно индуизму, религия йоруба обладает почти неиссякающей податливостью, приветствует иностранные религиозные импульсы вечным «да» вместо «нет», принимает, адаптирует, впитывает их, одновременно занимаясь переосмыслением самой себя. В 40-х годах XIX века в Йорубаленд пришло христианство, за несколько веков до того – ислам, и религиозные традиции йоруба смешались с обеими религиями. Когда эти переосмысленные традиции йоруба пересекли Атлантический океан и попали в обе Америки, приверженцы заново переосмыслили их, заимствовав не только католическое влияние, но и влияние местных американских верований.

Шойинка описывает этот «дух приспособляемости богов йоруба» как «вечный дар миру, раздираемому нетерпимостью, ксенофобией и подозрительностью»⁴⁶. Несмотря на обладание масштабным, многожанровым устным корпусом сакральной литературы, приверженцы йоруба не придают ей статус догмы или откровения. Вероятно, причина в том, что этот корпус состоит главным образом из преданий, а не богословской аргументации в западном стиле. А может, нарративность и недоктринальность этого корпуса объясняется нежеланием приверженцев йоруба зазубривать сухую теологию. Как бы там ни было, йоруба демонстрируют ту же гибкость в адаптации своей религиозной практики к новым местам и временам, какую демонстрировали в подходе к своим устным текстам, включающим наряду с важными стихами, применяемыми при гадании, хвалебные песни, молитвы, поговорки, мифы, заклинания, народные сказки, рецепты растительных лекарственных средств. «Неизменная добродетель ифа, – пишет Шойинка, – это непрестанная растяжимость знания»⁴⁷.

Йоруба воспринимают сложную реальность космоса не как явленную свыше раз и навсегда, а как постоянно проявляющуюся в не менее сложном танце людей и ориша. В итоге приверженцы йоруба считают ориша образцами для подражания в трудных условиях, в которых существует человек, а не господствующими свыше, а сакральные тексты – «не более чем указателями, притчами, способными заставить глубже задуматься над положением человека, его противоречивостью и озарениями»⁴⁸.

Вероятно, ввиду этого признания противоречий и сложностей жизни на земле, религия йоруба не евангелизирует и не предаст анафеме. В ней нет папы римского, ее лидеры никогда не собираются, чтобы облечь верования йоруба в форму ^мвола веры. «Никого не отлучают от веры, – пишет Шойинка, – о фетве и не слыхивали»⁴⁹.

При всей этой свободе что же объединяет неопределенные и растяжимые проявления религии йоруба? Если отвечать одним словом – практика. Повсюду, от Нигерии до Нью-Йорка, люди, поклоняющиеся ориша, – скорее практики, чем верующие. Они практикуют различные способы общения между людьми и ориша. Цель применения этих способов – сокращение расстояния между земной и небесной сферами путем призвания ряда посредников. Глава семьи осуществляет посредничество между семьей и ее предками. Деревенский или городской вождь – посредник между жителями деревни или города и ориша. Ориша – посредники между людьми и Олодумаре. Бабалаво – посредник между клиентом и ориша. Эшу – между людьми и ориша.

Если говорить коротко, то религия йоруба видит проблему человека в отсутствии связи. Быть человеком – значит поддерживать связь, но слишком часто мы все равно оторваны друг от друга, от природы, от ориша, от верховного бога Олодумаре. Мы существуем даже в отрыве от собственной судьбы, мы отчуждены от своего истинного «я». Практики йоруба направлены на восстановление связей, преодоление того, что создает перечисленные разрывы.

Афроамериканский скульптор Лонни Холли жил в скромном доме у самого аэропорта в Бирмингеме, Алабама, и повсюду на своей территории – на участке у дома, в брошенных машинах, на деревьях – он соединял «скульптуры из найденных предметов» друг с другом посредством невероятной путаницы веревок, бечевки, рыболовной лески, телефонных проводов, превращая ландшафт и все объекты на нем в единое целое, связанное и впечатляющее произведение искусства. Религия йоруба тоже служит наглядным свидетельством силы, присущей взаимосвязанности. В ответ на наше непрекращающееся стремление делать вид, будто мы – обособленные частицы, религия йоруба утверждает, что люди связаны с божественным, связаны с животными, растениями, неодушевленными предметами и другими людьми (как живыми, так и мертвыми).

Христианские миссионеры, наводнившие Западную Африку в XIX веке, высмеивали йоруба, утверждая, что «покойники не говорят»⁵⁰. Идея общества как объединения живых людей совершенно чужда в Китае, где мертвые на самом деле очень даже живы: таблички с их именами бережно хранят дома, с ними советуются по всевозможным важным вопросам, в том числе деловым и сердечным. Однако эта идея так же чужда и культуре йоруба, где живых и мертвых связывают разнообразные предания и ритуалы.

Вкратце описать практики какой бы то ни было религии непросто, особенно если эта религия настолько же растяжима, как поклонение ориша. Но в нашем случае задачу осложняет и скрытность приверженцев религии йоруба. В роли религиозной элиты этой традиции в Западной Африке выступают хранители ее тайн, бабалаво. С тех пор, как религия йоруба мигрировала в Новый Свет, значение секретности возросло. Зачастую рабам запрещали исповедовать африканские религии, поэтому тем из них, кто считал своим долгом и впредь следовать по стопам предков, не оставалось ничего другого, кроме как приносить жертвы втихомолку. Даже сегодня сторонники религии йоруба в Новом

Свете приоткрывают завесу эзотерических истин лишь после ряда восходящих инициаций. Посвященные ведут игру в прятки соблазнительно, как сам эрос, заигрывают, устанавливая рамки и сопротивляясь сближению, находят другие способы обманывать ожидания всех, кто хотел бы получить их сокровища в подарочной упаковке.

Но если невозможно узнать все подробности происходящего в *terreiro* сторонников кандомбле или в *casa* приверженцев сантерии, можно сделать общие выводы, касающиеся методов, которые применяются в религии йоруба для восстановления связи с другими людьми, с предками, с ориша, с судьбой и миром природы. К этим методам относится инициация, при которой получаешь ориша в свой ори и при этом принимаешь его или ее аше. Однако к наиболее фундаментальным практикам этой «религии руки» относятся гадание и владение

духом и телом.

Гадание ифа

Гадание ифа, которое сравнивают с китайским гаданием по книге «И-Цзин», – это процесс общения верующего и ориша мудрости и судьбы Орунмилы (или Ифа). С Орунмилой советуются посредством гадания ифа по таким важным вопросам, как рождение детей, брак, смерть, а также в тех случаях, когда приверженец ориша находится в состоянии конфликта, который он хотел бы разрешить. Ни о каком вечном спасении души речь не идет. Религия йоруба подразумевает веру в «хорошие небеса» (орун рере) и «плохие небеса» (орун апади). Верующие также надеются на реинкарнацию, которая в этой традиции считается благом. (Злодеи и самоубийцы не рождаются вновь.) Но как и в израильской религии, целью остается долгая и благополучная жизнь на земле, а не достижение бессмертия где-то еще. Проблемы, на которых специализируется гадание ифа, однозначно приземленны: телесная болезнь или любовная тоска, невезение или враждебность. Возможно, дочь неважно учится в школе. Или умирает дед. Или мать никак не может найти работу. С бабалаво могут советоваться целые общины, особенно в периоды кризиса. Если бы йоруба была официальной религией США, в 2008 году лидеры страны обратились бы к Орунмиле с вопросом о финансовом обвале рынка. С точки зрения йоруба, совершенно мирских трудностей не бывает. Все они берут начало у ориша, которым пренебрегли, или же их источником является колдун или черный маг, следовательно, можно разрешить эти трудности духовными средствами.

Гадание ифа начинается в буквальном смысле слова с руки: бабалаво (или иялаво) берет шестнадцать пальмовых орехов или гадальную цепочку, вибрирующие от силы аше. Гадание с цепочкой проводится быстрее, сама цепочка портативнее традиционных пальмовых орехов, но по мнению некоторых, не обладает властью и авторитетом оригинального метода. Согласно этому методу, бабалаво воздействует на пальмовые орехи с помощью ори клиента. Затем он в произвольном порядке пересыпает орехи из одной руки в другую, пока в левой руке не останется всего один-два ореха. Эту процедуру бабалаво повторяет шестнадцать раз, отмечая результаты на песке в своем подносе для гадания. Затем повторяет еще шестнадцать раз то же самое, получив в итоге одну оду (комбинацию) из 256 (16x16) возможных. После этого бабалаво, который прошел напряженную многолетнюю подготовку, в том числе заучил наизусть тысячу стихов ифа, читает по памяти как минимум четыре предания для этой оды, начиная каждое со слов «ифа гласит». Клиент сам решает, какое из этих преданий наилучшим образом соответствует его ситуации. Затем бабалаво читает все известные ему стихи для этого предания – о действиях ориша, о последствиях этих действий. А клиент по мере возможности пытается применить эти стихи к своим обстоятельствам.

Консультация заканчивается рекомендацией совершить жертвоприношение какого-либо рода. Щедрость – главная добродетель, воплощение «крутизны» в культуре йоруба, а совершать жертвоприношения – значит, проявлять щедрость по отношению к ориша. Предложить конкретному ориша можно любую жертву, но сначала часть этой жертвы достанется Эшу, который с гарантией доставит ее по назначению, только если с самого начала будет в курсе событий. Иногда предлагается жертвенная кровь, например, курицы, которую почти во всех случаях затем готовят и съедают. В этой традиции кровь животных считается особенно богатой аше. Однако «эбо» может также принимать форму акта милосердия или самоотречения. Довольно часто в жертву приносят какой-нибудь фрукт, овощ или напиток. Например, Йемойя любит утятину, но ее можно порадовать и арбузом. В религии йоруба в целом принято считать, что гадание – обоюдный процесс. Сначала ориша предлагают слова мудрости приверженцу, а потом приверженец предлагает ориша какой-нибудь дар: «Да будут дары предложены, да будут дары приняты, – говорит в приветствии бабалаво, – да повлекут эти дары за собой перемены»⁵¹.

В Новом Свете ифа практикуют по-прежнему, однако нюансы и тонкости этого гадания во многих местах уступили место упрощенным, более прямым устным методам. Кроме того, в

рядах предсказателей заняли место и жрицы. Мало того, женщины руководят подавляющим большинством из двух тысяч с лишним terreiros кандобле в Баие. Пуристы, некоторое количество которых есть даже в растяжимой религии йоруба, потешаются над этим новшеством, считая его незаконным, а упрощенные методы – детским лепетом. Но даже в Новом Свете гадание по-прежнему считают «сущностью философии и поклонения йоруба»⁵².

Владение духом (и телом)

Все религии находят широкое применение чувствам, развивая тело в определенном направлении, в том числе специально для целей молитвы и покаяния. Мы не просто чему-либо учимся с помощью своих тел (хотя, конечно, и учимся тоже): мы становимся и остаемся мусульманами, простираясь ниц в молитве, или дзэн-буддистами, принимая определенные позы при медитации. Но йоруба особенно искусно сочетают религию с движением. В этом случае дух и материя танцуют щека к щеке. Мудрость облечена плотью. Не существует бесплотного «я», мыслящего вне рамок плоти, кости и дыхания. В традиционном католичестве святой довольствуется молитвами верующих да изредка свечами, зажигаемыми в его честь. Но в кандобле и сантерии слов и намерений недостаточно: ориша должны есть и пить. Поэтому неудивительно, что к религиозным практикам относятся барабанный бой и танцы. В этой традиции ориша вступают в человеческую жизнь, завладевая телом человека.

Ориша ассоциируются с конкретными частями тела, следовательно, с определенными болезнями. Значит, в этой традиции можно проследить болезнь не только до органа, где она гнездится, но и до ориша, который поразил этот орган и способен также исцелить его. Если на Кубе вы заболели герпесом, скорее всего, вас поразила Ошун. Однако в мире йоруба действуют разные «карты местности». На Кубе воин Огун ассоциируется с ногами, свирепый Шанго – с *censored*ом, а Элегба (он же Эшу) – со ступнями. В Бразилии Санго (он же Шанго) символизирует грудную клетку, и если левой ногой управляет Огун, то правая нога и *censored* принадлежат Эсу (бразильскому аналогу Эшу и Элегбы)⁵³.

Ориша можно распознать также по барабанному бою (медленному – для древней Орунмилы, быстрому – для пылкого Огуна) и по танцевальным па: Шанго соответствуют удары ногами, прыжки, высокие взмахи, кувырки; Обатала – медленное, хладнокровное вышагивание; Бабалуайе – судорожные, беспорядочные рывки, при которых танцор сгибается и корчится, как от боли. По сути дела, танец занимает настолько видное место в этой религиозной традиции, что иногда ее даже именуют «религией пляски». Некоторые ориша никогда и никем не завладевают. Например, Орунмила является на землю исключительно в процессе гадания. Зато Огун, бог войны, в танце делает резкие движения, принимает агрессивные позы воина, рассекает ладонями воздух, словно мечом. Охотник Ошосси вынимает стрелу из воображаемого колчана, вскидывает воображаемый лук и содрогается всем телом, с усилием выпустив стрелу. Шанго «притягивает энергию небес к своим гениталиям», хватается за промежность, как Майкл Джексон. Движения Ошун более лиричны и менее резки, они струятся, как река, которую она символизирует, чувственная и мощная сила, подобная влечению плоти⁵⁴.

Танец йоруба, вводящий в транс, нередко называют вселением духа, но это не совсем верно, поскольку ориша завладевает и телом, и духом верующего. Каждое слово, жест и движение того, кто «делает бога», – проявление скорее обладателя, нежели обладаемого. Ванде Абим-бола предлагает в этом случае более подходящую метафору «восхождение», поскольку большинство ориша (за примечательным исключением Шанго) живут внутри земли и проходят сквозь нее, чтобы попасть в тех, кем они владеют (сначала в ступни и нижние части ног)⁵⁵. О том, кем обладают, также говорят, как о пойманном или схваченном. Но чаще всего применяется другое сравнение – всадник, вскочивший верхом на коня, образ, имеющий сексуальные коннотации с доминирующим самцом, «оседлавшим» подчиненную самку. Во время празднеств и обрядов инициации ориша «салятся верхом» на приверженцев и «разъезжают» на них, владея их телами в танце и душами – в трансе.

Бурные споры вызывает вопрос о месте, которое занимают (если занимают вообще) гендерные вопросы в традиционной религии йоруба, однако неопределенность и проницаемость таких категорий, как «мужское» и «женское» для современных приверженцев йоруба бесспорна⁵⁶. Поклоняясь ориша в своих городах, правители Оданре и ближайшего Ово переодеваются женщинами. На празднике богини Оронсен собравшиеся восхваляют своего правителя как супруга Оронсен, Олово. Указывая на его внушительный живот, поют хвалу его беременности – «изобильному банану, приносящему много плодов»⁵⁷. В праздничные дни мужчины вправе исполнять в танце роли ориша-женщин, а женщины – роли ориша-мужчин. Однако проблему представляет даже разделение ориша на «мужчин» и «женщин», поскольку на Кубе, к примеру, brutального Шанго чтят как святую Варвару, богиня Ойя в определенный момент своего прошлого была богом, а про сравнительно малоизвестного бразильского ориша Логунде говорят, что полгода он проводит в лесах в образе охотника-мужчины, а вторую половину – в реке, в образе колдуньи-женщины. Приверженцы религии йоруба нередко меняют пол при реинкарнации. Многих девочек йоруба называют Бабатунде («отец вернулся»), многих мальчиков – Йетунде («мать вернулась»). Ориша меняют пол и одновременно со сменой местонахождения. Подобно буддийскому бодхисаттве сострадания, которого в Индии чтят в мужском роде, как Авалокитешвару, а в Восточной Азии – как женщину Гуаньинь, Одудува (он же Одуа и Одудуа), божественный предок всех правителей йоруба, принимает женский облик на северо-востоке Йорубаленда и мужской – в юго-западных городах и деревнях. Вероятно, из-за этой гендерной маневренности многие мужчины-натуралы в Бразилии и на Кубе отказываются становиться «жрецами владения». Они считают, что позволять «садиться на себя верхом» – все равно что играть пассивную роль в сексе, поэтому жрецами владения в этих странах чаще становятся женщины и мужчины-гомосексуалисты.

Метаморфозы Нового Света

Мигрировав в Новый Свет, религия йоруба заметно изменилась. Но эти изменения стали возможными только потому, что сохранился религиозный импульс йоруба. Одним из залогов выживания стала растяжимость. Если бы религия йоруба не склонилась под невообразимым гнетом плена, плавания, рабства, освобождения, она, несомненно, сломалась бы, разбилась вдребезги. Еще один источник успеха религии йоруба – ее принадлежность к устным традициям.

Иудаизм возник, когда после разрушения Иерусалимского храма в 586 году до н. э. в центре внимания иудеев оказались не храмовые ритуалы, а толкование текстов. Эта историческая метаморфоза не только создала иудаизм в том виде, в котором он нам известен: она сделала его более маневренным. Если храмовые ритуалы могли совершать только священники в Иерусалимском храме, то толковать Еврейскую Библию мог всякий умеющий читать. Подобной «транспортабельностью» обладает и религия йоруба с присущей ей децентрализацией власти. Но в случае религии йоруба власть определяется устными текстами гадания ифа, а не записанным текстом Еврейской Библии. «В книжной премудрости, – пишет лидер ЮНЕСКО и специалист по культуре йоруба, профессор Олабии Бабалола Яй, – нет асе»⁵⁸. Поэтому религия йоруба и смогла проделать долгий путь – сначала по Западной Африке, затем через океан – в голове предсказателей, в ногах и бедрах тех, кем владеют боги.

О некоторых изменениях религии йоруба в Новом Свете уже упоминалось ранее. Численность ориша сократилась с сотен или тысяч до десятков, гадание ифа в целом (хотя и не везде) уступило место упрощенным формам гадания. Но есть и другие важные различия между традиционной религией йоруба и производными от нее традициями обеих Америк. Многие ориша утратили ассоциации с конкретными местами и народами Западной Африки после переселения в Новый Свет. В Западной Африке лишь немногие избранные из них, например Огун, Эшу и Обатала, были всеобщими божествами, которых чтили все йоруба. А в Новом Свете почти все ориша служили их приверженцам независимо от местонахождения. Некоторые сравнительно малозначимые западноафриканские ориша получили «повышение»

после плавания через Атлантический океан. Вооруженного луком и стрелами охотника Ошосси почти не знают на его родине, зато он пользуется популярностью в Бразилии, где в регионе Рио его отождествляют со святым Себастьяном, которого изображают пронзенным стрелами. Вместе с тем в том же плавании многие ориша погибли, а другие зачали вместе с рабами, которые их чтили. Земледельческие ориша в урбанизированной Бразилии отпали за ненужностью, хотя продолжали жить и дышать (и питаться) в Гаити. Еще одной жертвой трансатлантического переселения стало поклонение предкам. Рабство настолько радикально разрушило обширные сети семейных связей, что традиционное поклонение предкам сделалось практически невозможным.

Еще одной значительной метаморфозой стало появление домов поклонения всем ориша. Одно из основных отличий индийского индуизма от его американского аналога заключается в том, что в Индии храмы обычно посвящают единственному богу, в то время как в США, как правило, нескольким богам. Нечто подобное произошло и с религией йоруба после путешествия через Атлантику. В Западной Африке святилища обычно ассоциировались с одним конкретным ориша, который, в свою очередь, ассоциировался с одним регионом или династией. Но в Новом Свете, где ресурсы были более скудными, а сторонников религии йоруба разделяли большие расстояния, бразильские *terreiros* и кубинские *casas* начали посвящать всем ориша, или, по крайней мере, всем тем, на память о которых хватило аше.

Эти и другие старания сохранить религию йоруба, изменив ее, можно и должно рассматривать как метаморфозы. Но даже в них присутствует последовательность. Культуре йоруба было изначально присуще умение приспосабливаться. Если христиане с давних времен заботились о чистоте веры, оберегая свои учения от «примесей», традиция йоруба охотно, на протяжении тысячелетий сочеталась с влияниями «извне». В итоге так называемый синкретизм Нового Света был, по сути дела, более ярким проявлением того же феномена.

Процветание

Захватывающие споры ведутся о том, какую нишу занимает религия в человеческой психологии и обществе. Может быть, первоочередной задачей религии является избавление от леденящего страха перед смертью? Многие отвечают на этот вопрос утвердительно: религии возвышаются и приходят в упадок главным образом в зависимости от того, как они рассматривают проблему смертности. Но возможно, смерть и жизнь после нее – преимущественно мужские заботы. В конце концов, большинство убийств в истории человечества совершено мужчинами. Тогда, может быть, первоочередная задача религии – осмысление не смерти, а рождения, не разрушения, а созидания? Ведь и христианская, и иудейская Библии начинаются не смертью Авраама или Иисуса, а сотворением мира. Возможно, истинная сфера конкуренции религий – вопрос о том, как достичь процветания⁵⁹.

Возможно, истинная сфера конкуренции религий – вопрос о том, как достичь процветания

В этом споре религия йоруба решительно выступает на стороне процветания человека. Разумеется, в дискуссии затрагиваются вопросы реинкарнации, «хороших» и «плохих» небес. Но целью является не новое рождение и не попадание в некий неземной рай, а процветание здесь и сейчас. Сегодня религия йоруба в Африке и обеих Америках пытается «починить» нашу жизнь и наш мир, восстанавливая связь между землей и небом, между людьми и ориша, между каждым из нас и нашей судьбой и естественным окружением. Этот мир никогда не станет раем, так как конфликт – эндемическое состояние для человека. Боги и «антибоги» непрестанно враждуют, а мы, люди, по-видимому, вечно забываем о своей судьбе. Но к счастью, мы можем обратиться к ориша с помощью гадания, призвать их на свою сторону жертвоприношением, танцевать вместе с ними, позволяя им завладеть нашими телами. Конечно, это лишь временное разрешение наших конфликтов, требующее повторений. Но по мнению йоруба, при надлежащем поклонении ориша мы, наши дети и внуки сможем жить долго и процветать, оставаясь здоровыми и мудрыми.

Глава 7

Иудаизм: путь изгнания и возвращения

Религия и народ (с. 257) Споры во имя Бога (с. 260) • О Символах веры и обращениях (с. 262) • Изгнание и возвращение (с. 265) • Освобождение и закон (с. 268) • Когда иудаизм стал иудаизмом (с. 272) • Шаббат и малые праздники (с. 273) • Песах и большие праздники (с. 275) • Ритуалы жизненных циклов (с. 277) • Реформизм, консерватизм, ортодоксальность (с. 278) • Реконструктивистский и гуманистический иудаизм (с. 281) • Сионизм и холокост (с. 283) • Феминистская теология (с. 283) • Каббала (с. 285) • Обновленческий иудаизм (с. 287)

Иудаизм начинается с предания и заканчивается им же. Если христианство – это в значительной мере учение, а ислам – ритуал, то иудаизм – повествование. Быть иудеем – значит рассказывать и пересказывать некую историю, ломая голову над ее ключевыми символами: такими персонажами, как Бог, народ Израиля, а также над внушающими беспокойство отношениями между первыми двумя.

В этом предании есть все, чего можно пожелать от качественного чтения. Есть секс, обман, любовь, убийство, прегрешение и трагедия библейских масштабов. В нем фигурируют известнейшие персонажи мировой литературы, не в последнюю очередь прелюбодей и убийца царь Давид и капризный, вспыльчивый Бог Еврейской Библии. Есть даже развитие действия: из сада в пустыню, а оттуда – в город. Иудейское повествование – история рабства и освобождения, заключенных, нарушенных и вновь заключенных заветов-договоров. Но в первую очередь это история народа, который сначала был изгнан, а затем снова призван домой, история изгнания и возвращения.

Еврейская Библия начинается с сотворения Богом мира за семь дней – шесть дней трудов и один день отдыха. Конфликт возникает вскоре после сотворения, когда в саду Едемском сходятся Адам, Ева, Бог и змей. В этом зачаточном обществе Бог вводит лишь один закон: не есть от дерева познания добра и зла. И конечно, Адам и Ева нарушают его и отправляются в изгнание за то, что поддались искушению. В христианской традиции это прегрешение заражает все человечество вирусом греха, исцелиться от которого помогает лишь казнь Иисуса на кресте. Так приводятся в действие две большие, образующие контрапункт темы иудейского повествования: первая – тема греха, наказания и изгнания, и вторая – тема завета, его нарушения и нового завета. Поскольку Бог справедлив, он наказывает людей за проступок, но так как он милосерден, то распространяет на них возможности и обязательства новых взаимоотношений.

Быть иудеем – значит рассказывать и пересказывать некую историю, ломая голову над ее ключевыми символами

Далее в этой саге действие сужается и усиливается, акцент смещается с взаимодействия Бога со всем человечеством на взаимодействие Бога с конкретным народом. В ходе самой, пожалуй, судьбоносной сделки в истории мировых религий Бог призывает Авраама и его потомков стать его, Божьим, народом и получить обещанную землю. Но ради этого им приходится долго странствовать – как и Моисею, который после того, как вывел израильтян из египетского рабства и плена, сорок лет водил их по пустыне совсем рядом с землей обетованной. Кульминация этой истории наступает на горе Синай, когда Бог посредством Моисея являет Тору и этим новым заветом предлагает новый путь домой, возвращение после изгнания.

Подобно дхарме в индийских религиях, Тора – удивительно широкий термин. Обычно его переводят как «закон», но в действительности он также означает «учение» или «наставление». Торой называют прежде всего Пятикнижие Моисеево: книги Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Кроме того, Торой называется вся Еврейская Библия, которую иудеи называют не «Ветхий Завет», а «ТаНаХ» – акроним названий трех ее частей: Тора (Пятикнижие

Моисеево в узком смысле), Невиим («пророки», например, Исая и Амос), и Кетувим (Хетувим, или «писания», в том числе Псалтирь, Притчи, Книга Иова, Песнь песней). В более широком смысле Тора – устный закон, традиция толкования, якобы явленная вместе с записанным законом Моисеем на Синае и ныне содержащаяся в основополагающих текстах раввинской традиции: Мишне (около 200 года н. э.), Иерусалимском Талмуде (IV век н. э.) и Вавилонском Талмуде (V век н. э.). Изучение и толкование ТаНаХа и Талмуда также является Торой. И, согласно еврейской поговорке, «даже беседы евреев – тоже Тора»¹.

В ходе самой, пожалуй, судьбоносной сделки в истории мировых религий Бог призывает Авраама и его потомков стать его, Божьим, народом и получить обещанную землю

Значит, эта религия памяти – и повествование, и закон. Евреи – народ, который помнит, кто он такой, рассказывая эти предания и следуя этому закону. Для них закон (галаха) и повествование (агада) неразделимы, это две стороны одной медали. Антрополог Мэри Дуглас однажды назвала библейскую книгу Числа «бутербродом из закона и предания», но то же самое можно сказать и об иудаизме в целом². В данном случае задача, стоящая перед человеком, – не достичь просветления за время жизни, не попасть в мокшу, а «смирennemудренно ходить пред Богом твоим» (Мих 6:8) и тем самым восстанавливать порядок в мире (тиккун олам)³. Искупление относится к этому миру, достигается не на небесах, а здесь, на земле. Причем достигается скорее действиями, чем верой. Исполняя 613 мицвот (множественное число от «мицва», заповедь), содержащихся в иудейских писаниях, мы привносим святость в наш несовершенный мир. В этом отношении иудаизм разительно отличается от христианства, в котором вера превыше всего. Если христиане всеми силами хранят верность вере, то иудеи стараются соблюдать заповеди.

Несколько лет назад я спросил одного ортодоксального раввина («учителя»), какой из двух элементов главенствует в иудаизме, что важнее – рассказывать предания или следовать закону? «Я дам вам еврейский ответ, – сказал он с сильным бруклинским акцентом. – Иметь одно без другого невозможно. Те, кто забывают закон, в конце концов забывают и предания».

Религия и народ

Иудаизм – и наименьшая, и величайшая из мировых религий. Если принимать во внимание только цифры, из всех перечисленных религий она окажется самой малой. Во всем мире насчитывается всего 14 миллионов иудеев, немногим больше численности населения Мумбаи, Индия. Иудейское население Израиля, единственной страны, где иудеи составляют большинство, – всего 4,9 миллионов человек. Немногим больше иудеев – примерно 5,2 миллионов – живет в США, но ни в какой другой стране мира иудейское население не приближается по численности даже к миллиону. Большинство людей в мире ни разу в жизни не видели иудея.

Однако влияние этой маленькой религии значительно превосходит количество ее приверженцев. Она подняла монотеистическую революцию, преобразившую западный мир. Она дала нам глас пророка, продолжающий требовать справедливости для бедных и угнетенных (или кого-нибудь из них). Ее предания по-прежнему оживляют политический и литературный диалог во всем мире: Адам и Ева в саду, Ной и потоп, Давид и Голиаф. Ее грандиозное повествование о рабстве и свободе, изгнании и возвращении, – при всем уважении к христианским повествованиям о страстях Господних и индуистским о Раме и Сите, – возможно, величайший из когда-либо рассказанных сюжетов. Вдобавок иудаизм находится в центре самого досадного и взрывоопасного международного конфликта современности: столкновения иудеев, христиан и мусульман на Ближнем Востоке – по мнению некоторых консервативных христиан, знаменующего конец света.

В США иудеи играют видную роль в политике отчасти благодаря высокой явке избирателей-евреев, а также своему заметному присутствию в ключевых коллегиях таких

штатов, как Нью-Йорк, Нью-Джерси и Флорида. Хотя в Белом доме президентов-иудеев пока что не бывало, иудеи занимают в Конгрессе США и в Верховном суде США количество мест, совершенно непропорциональное численности иудеев в составе населения. То же самое относится к высшим руководящим должностям в компаниях из списка *Fortune 500*.

Иудеи оставили неизгладимый отпечаток на массовой культуре Америки. Сэнди Коуфакс, вероятно, самый одаренный леворукий питчер в истории бейсбола, привлек внимание к иудаизму, отказавшись участвовать в матче команды Los Angeles Dodgers, открывающем мировую серию игр 1965 года, так как на этот же день приходился еврейский «Судный День» или «день искупления» – Йом-Киппур. Почти все крупные голливудские студии основаны евреями, как и NBC и CBS. Евреи отметились на Бродвее в мюзиклах (Джордж Гершвин, Ирвинг Берлин, Стивен Сондхайм) и пьесах (Артур Миллер, Дэвид Мэмет, Венди Вассерштайн). Иудаизм дал США целый ряд знаменитых литераторов – от поэта Аллена Гинзберга и автора песен Боба Дилана до прозаика Филипа Рота, самые известные здания – благодаря архитекторам Луису Кану, Фрэнку Гэри. Еще один еврей, Даниэль Либес-кинд, выиграл конкурс на генеральный план перестройки территории бывшего Всемирного Торгового Центра в Нижнем Манхэттене.

Большинство людей в мире ни разу в жизни не видели иудея. Однако влияние этой маленькой религии значительно превосходит количество ее приверженцев

В большей степени, чем любая другая форма американского искусства, комедия обрела нынешнюю форму благодаря исполнителям-евреям. Еврейский юмор, умение посмеяться над нелепостями жизни и лицемерием высокопоставленных и могущественных (в том числе самого Бога) имеют давние традиции. В США они попали через пункт приема иммигрантов, остров Эллис, в дальнейшем совершенствовались в водевилях, эстрадной комедии, на радио и телевидении. История американской комедии немыслима без братьев Маркс, «Трех бездельников», Милтона Берла, Джека Бенни, Мэла Брукса, Джорджа Бернса, Вуди Аллена, Ленни Брюса, Джерри Льюиса, Джоан Риверс, Джерри Сайнфелда, Сары Сильверман и Джона Стюарта. В сущности, почти по любым меркам евреи, составляющие менее 2 % населения США, дали подавляющее большинство американских артистов комического жанра.

Это непропорционально огромное влияние никоим образом не ограничено Соединенными Штатами. Четырнадцать из ста наиболее влиятельных личностей XX века по версии журнала *Time* – евреи, в том числе кинорежиссер Стивен Спилберг, автор дневника Анна Франк, «человек столетия» Альберт Эйнштейн. Еще успешнее евреи завоевывали Нобелевскую премию: на их долю пришлось почти четверть премий с тех пор, как в 1901 году они были вручены впервые. Всякому, кто надевает джинсы Levi's, потягивает капучино в кофейне Starbucks, проводит ночь в отеле Hyatt, включает компьютер Dell или ведет поиск в Гугле, следует благодарить предпринимателей-евреев.

Казалось бы, этого перечня заслуг хватит любой религии. Однако иудаизм также сумел подарить миру христианство и ислам. (Иисус соблюдал иудейские заповеди). Если сам иудаизм исповедуют лишь два человека из каждой тысячи, то порожденные им религии – каждый второй.

Иудаизм также выделяется из общего ряда тем, что это и религия, и народ. Слово «религия» происходит от *relegere* (вспоминать) и *religare* (связывать)⁴. Еврейский народ делает и то, и другое – поддерживает связь друг с другом и с Богом посредством преданий, закона и других способов сохранить память.

Если сам иудаизм исповедуют лишь два человека из каждой тысячи, то порожденные им религии – каждый второй

Порой можно услышать, что иудаизм – это этническая принадлежность в той же мере, что и религиозная, однако это не совсем так, поскольку иудеи происходят из самых разных этнических групп. Ашкеназы – евреи немецкого и восточноевропейского происхождения (на сегодняшний день – крупнейшая из групп), сефарды – евреи испанского и арабского происхождения, у эфиопских евреев африканские корни. Но подобно индуистам, евреи действуют как этнос, объединенные не столько общими убеждениями, сколько чувством принадлежности к одной группе. Эту сплоченность воспитывают соблюдение обрядов и праздники, ставящие евреев (иудеев) особняком, но даже те, кто не соблюдает их, все равно считаются евреями. Тот, кто называет себя евреем, может подразумевать, что он верит в Бога Израилева, пытается следовать его заповедям и изучает Тору. Кроме того, это может означать, что он происходит из еврейской семьи. Быть атеистом и одновременно мусульманином нельзя, однако довольно много евреев не верит в Бога.

Споры во имя Бога

Ввиду этого разнообразия особенностей не следует удивляться тому, что дать определение иудаизму непросто. Общеизвестно, что существует столько же еврейских мнений, сколько и евреев, но эта оценка занижена. Как гласит давняя поговорка, там, где сходятся два еврея, всегда найдется как минимум три мнения. Разумеется, абсолютно однозначных религий в мире не существует. Но даже на их фоне иудаизм выглядит невероятной какофонией. В большей мере, чем в какой-либо другой религии, приверженцы иудаизма следуют увещанию Рильке «любить вопросы»⁵. Только в иудаизме религиозный учитель известен главным образом бесчисленными «почему?»⁶

Если вам доведется попасть в традиционную ешиву, еврейское учебное заведение, где изучают священные тексты, первым, на что вы обратите внимание, будет шум. Студенты занимаются парами в большом зале, зачастую неистово жестикулируют и не думают понижать голос. Они зачитывают вслух предания и закон и еще громче спорят о смысле прочитанного. Ешива – наглядное свидетельство тому, что в иудаизме ценится учение и что путь к учению – разногласия. И самое главное – она демонстрирует, что евреи всегда рады хорошему спору.

Когда ученики ешивы спорят со своими напарниками, они пытаются докопаться до истины. Как гласит хасидская поговорка, «если ты оказался правым, ты немногого добился, а если оказался неправым, то достиг многого – ты познал истину»⁷. Но ученики ешивы не обязательно полагают, что в их спорах истина находится на той или иной стороне, или даже где-то посередине. Именем Израиль был наделен тот, кто боролся с Богом (Быт 32:28), и на протяжении тысячелетий именно этим евреи и занимались. Вдобавок они боролись друг с другом (в том числе и покойные праведники), с характерными для их традиции противоречиями между преданием и законом, пророком и священником, изгнанием и возвращением, милосердием и справедливостью, движением и покоем.

Что требуется в иудаизме, так это не соглашаться, а участвовать. По словам нобелевского лауреата Эли Визеля, «если еврею не с кем браниться, он бранится с Богом, и мы называем это теологией, или сам с собой, и мы называем это психологией»⁸. Именно еврей Альберт Эйнштейн доказал посредством теории относительности, что даже результаты научных наблюдений зависят от точки зрения наблюдателя.

Другой еврей, американский философ Хорас Каллен, ввел в обиход выражение «культурный плюрализм», а вместе с ним – и метафору цивилизации как оркестра, в котором религиозные, языковые и художественные различия способствуют социальной гармонии, а не нарушают ее⁹. В том, что может показаться какофонией учебы в ешиве, евреи слышат симфонию.

Иудейские заповеди Божии записаны в двух главных писаниях, таких же многоголосых, как сама ешива. ТаНаХ – обширная антология всевозможных жанров, голосов, источников, охватывающих приблизительно тысячу лет. Он начинается не с одной, а с двух разных

историй сотворения. Из ее двадцати четырех книг (две из которых – книги Руфь и Есфирь – названы женскими именами) мы узнаем о Боге и ангелах, царях и простолюдинах. Нам встречаются притчи, пророчества, стихи о любви, гимны, история богословия, литература мудрости, закон, апокалиптические видения.

Второй большой сборник сакральных текстов иудаизма, Талмуд, еще более разноплановый. Два с половиной миллиона слов этой масштабной мешанины различных линий аргументации не просто содержат противоречия, но и нагромождены вокруг них, и продираться к центру каждой страницы приходится в буквальном смысле слова в окружении конкурирующих толкований. «Переворачивай страницы, – наставляет один раввин, – листай их усердно, ибо в них – все»¹⁰. В одном из великих интеллектуальных поединков всех времен два раввина, Гиллель и Шаммай, расходятся в этой антологии споров по более чем трем сотням вопросов. За Гиллелем, которого называли образцовым иудеем, почти всегда оставалась победа, поэтому еврейский студенческий центр неподалеку от моего офиса назван «дом Гиллеля», а не «дом Шаммая»¹¹. Но в Талмуд вошли не только толкования иудаизма по Гиллелю. В нем изложены и взгляды Шаммая. Следовательно, его слова – тоже священное писание. Или, как гласит отрывок Талмуда, завершающий рассказ о трехлетнем ожесточенном споре между школой Шаммая и школой Гиллеля, «слова и тех, и других – слова живого Бога, но закон соответствует мнению дома Гиллеля»¹².

Большинство людей не выносит двусмысленности. Преследуя неопределенности и убегая от противоречий, мы шуримся, напрягаем зрение, пытаемся взять в фокус то, что видится размытым, как будто для этого достаточно нашей решимости. Евреи приучены не только терпимо относиться к двусмысленности, но и упиваться ею. Если, как писал

Оскар Уайльд, «воспитанный человек противоречит другим людям», в то время как «мудрый противоречит самому себе», то иудейские писания и есть воплощенная мудрость¹³.

Эта мудрость эхом повторяется в процедурах и методах работы Верховного суда США, который, подобно Талмуду, записывает особое мнение наряду с мнением большинства. Эта мудрость живет в тексте XVI века Шулхан арух (буквально «накрытый стол») – самом авторитетном галахическом собрании (еврейских «законов», или «правил») после Талмуда. Основной объем текста Шулхан арух написан евреем-сефардом с сефардской точки зрения, но комментарии, служащие «скатертью» (маппа) для «стола», накрытого сефарами, составил ашкеназский ученый. Раввинская традиция также прослеживается в жизни и наследии Зигмунда Фрейда, одного из великих еврейских мыслителей всех времен, который построил свой психоанализ на основе догадки, согласно которой люди спорят не только друг с другом, но и с голосами внутри них. Одна из задач психотерапии – обратить внимание на эти голоса и найти способ ужиться с двусмысленностями и противоречиями, которые они порождают.

О Символах веры и обращениях

Так почему же иудаизм, утверждающий, что существует один и только один Бог, снисходителен к такому множеству различных интерпретаций правильной (и праведной) жизни? Почему сегодня евреи разделены на ортодоксальных, консервативных, сторонников реформистского, реконструктивистского и гуманистического иудаизма? Почему уже во времена Иисуса различали столько разных иудеев – фарисеев, саддукеев, ессеев, zelотов? Почему на страницах Талмуда Абайе и Рава, два раввина и близких друга, так часто и так жаростно спорят друг с другом? Почему иудаизм в большей степени, чем любая другая религия, олицетворяет то, что поэт Эдвард Эстлин Каммингс назвал «whying» («почемуканье»)?¹⁴

Начнем с того, что иудаизм – не миссионерская религия. Хотя бывали времена, когда иудеи пытались обращать в свою веру, иудаизм выжил главным образом благодаря наследованию, а не евангелизации. В сущности, раввины традиционно не приветствовали обращения, отвечая отказом потенциальным новообращенным трижды, прежде чем согласиться принять их.

Следовательно, у иудеев никогда не возникало практических причин дать четкое определение своей идее для чужаков или же придерживаться этой идеи¹⁵.

Формула, которую повторяют сегодня во время иудейских богослужений и которая столетиями жила на губах еврейских мучеников, начинается с ясного утверждения монотеизма: «Слушай (Шма), Израиль: Господь, Бог наш, Господь, един есть»

Иначе говоря, в иудаизме нет Символа веры. Отлучения от веры крайне редки, иудеи никогда не пытались искоренить ересь, проводя аналог Никейского собора или составляя аналог Никейского Символа веры¹⁶. Однако отчасти функции Символа веры выполняет Шма (Шема). Эта формула, которую повторяют сегодня во время иудейских богослужений и которая столетиями жила на губах еврейских мучеников, начинается с ясного утверждения монотеизма: «Слушай (Шма), Израиль: Господь, Бог наш, Господь, един есть». Но сразу после этого доктринального утверждения происходит переход в ритуальное измерение: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём.

И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая. И навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих» (Втор 6:4–9). Так что даже Шма указывает за пределы доктрины, в сторону практики, подчеркивая склонность иудаизма ставить действия превыше веры, ортопраксию превыше ортодоксии.

Ортодоксия была, конечно, предметом одержимости ранних христиан, которые составляли Никейский Символ веры и добивались его принятия. А иудеи редко поддавались желанию дать определение ереси и искоренить ее. По сути дела, иудеи прекрасно уживались с нею и без изъятий веры до тех пор, пока Маймонид (1135–1204) не представил свои Тринадцать принципов, однако его квазикредо оказалось противоречивым и не получило повсеместного признания¹⁷. В итоге иудаизм всегда был скорее практикой, чем верой. Чтобы стать иудеем, надо родиться евреем. Активное участие в жизни иудейского сообщества – посещение синагоги, искупление грехов в Йом-Киппур, почитание родителей и чтение кадиша по ним, когда они умрут.

Одна из причин, по которым определение ортодоксии и отвергание еретиков никогда не находилось в центре внимания иудеев, заключается в том, что евреи с давних пор привыкли воспринимать себя не просто как народ, а как народ под угрозой. У других религий имелись основатели, которые, по-новому взглянув на человеческую проблему и предложив новаторское решение, собирали вокруг себя сообщества. А в случае с иудаизмом само сообщество было отправной точкой. Целью этой традиции было не разрешение человеческой проблемы, а объединение людей. Иудеи воспринимают себя в собирательных понятиях, как «народ святой» (Исх 19:6), избранный Богом. И зачем же они были избраны? Не для того, чтобы верить во что-то, а чтобы делать что-то – восстанавливать мир (тиккун олам). Так что евреев объединяет скорее ритуально-этическая сторона, чем учение.

Но наиболее фундаментально евреев объединяет память. Эта память говорит о едином Боге, который олицетворен, однако его ни в коем случае не следует воспринимать как человека. В отличие от христианского Бога, принимающего человеческий облик, иудейский Бог пребывает над сотворенным им миром и вне этого мира, то есть он всецело и полностью трансцендентен (но при этом ему никогда не отказывают в имманентном и интимном аспекте). Как и мусульмане, иудеи делают акцент на кардинальном качественном различии между Богом и людьми. В отличие от христиан, они утверждают, что Бога не следует изображать в человеческом облике или поклоняться «идолам». Хотя кое-где в ТаНаХе о Боге сказано на удивление по-человечески – сказано, что у него есть руки и глаза, что он завернулся в молитвенную накидку и надел филактерии, – иудеи настаивают на том, что Бог непостижим и

что описать его невозможно. Даже написание имени Бога представляет проблему для многих иудеев, которые пишут слово «Бог» как «Б-г», чтобы не проявить непочтительности, когда бумагу, на которой напечатано или написано это слово, выбросят. Традиция также неоднократно предостерегает от соблазна путать наши взгляды с мудростью Бога: «Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои» (Ис 55:8).

Изгнание и возвращение

Зная о том, какой акцент делается на народе, не следует удивляться тому, что проблема иудаизма относится скорее к обществу, чем к личности. Эта проблема – изгнание, отдаление от Бога и от места, где нам полагается быть. Решение – возвращение, и к Богу и в свой истинный дом. Методов совершения этого путешествия два: рассказывать предание и соблюдать закон – помнить и повиноваться¹⁸. Как однажды объяснил мне друг-еврей, мотивирующая трагедия христианства – смерть Иисуса. Если Иисус – мессия, кто же тогда будет править миром, почему земные правители сумели погубить его? А мотивирующая трагедия иудаизма – изгнание. Если Бог всемогущ, а мы – народ Божий, почему же тогда мы не на своей земле? Что нам делать вдали от нее?

Иудейский Бог – «Бог движения», и еврейский народ пребывает в вечном движении¹⁹. Но его эпическое путешествие из рая с садом в безлюдную пустыню, а затем в Новый Иерусалим еще не завершено, так как проблема изгнания носит хронический характер. В итоге еврейский народ живет с надеждой на место, куда он направляется, и сетует на места, оставленные позади. Кое-кто надеется и на мессию (буквально «помазанника», то есть царя), но пришествие этого мессии еще не состоялось. Не появились также мир и процветание, обещанные по его пришествии. Значит, задача еврейского народа – быть наготове, привести мир в порядок, «восстановить его» и положить конец изгнанию. А до тех пор, пока евреи не справились с этой задачей (или пока ее не выполнил за них мессия), они живут в подвешенном состоянии, между «почти» и «еще не».

Центр парадигматического предания для этой схемы из изгнания и возвращения – разрушение первого Иерусалимского храма в 586 году до н. э. По ТаНаХу, после смерти Моисея, который так и не дошел до Земли Обетованной, Иисус Навин привел израильтян в Ханаан. Позднее царь Соломон возвел Иерусалимский храм, который служил сакральным центром израильской религии, протоиудейской традиции, из которой вырос иудаизм в том виде, в каком он известен нам сейчас. Израильская религия (также известная как библейский иудаизм) была священнической традицией с акцентом на жертвоприношениях. Тот факт, что пророков ТаНаХа окуливали во время пиршеств и жертвоприношений, отвлекая внимание от истинных деяний правосудия, свидетельствует лишь о том, насколько центральное место занимали храмовые обряды. Но в 586 году до н. э. вавилоняне разграбили Иерусалим и разрушили храм. Или, как выражается пророк, которого принято называть Вторым Исайей, или Второисайей, «города святыни Твоей сделались пустынею; пустынею стал Сион; Иерусалим опустошен. Дом освящения нашего и славы нашей, где отцы наши прославляли Тебя, сожжен огнем, и все драгоценности наши разграблены» (Ис 64:10–11).

Вавилоняне также разгромили Иуду, южное царство, у которого позднее иудаизм заимствовал свое название, и выслали многих израильтян в изгнание, в Вавилон (современный Ирак). Находясь в изгнании, эти беженцы были разлучены не только со своей обетованной родиной, но и с правителями, обрядами жертвоприношения, Богом, который, как считалось, пребывает в «святая святых» храма – внутреннем святилище, куда имел право входить только первосвященник, да и то лишь в Йом-Киппур. Опыт изгнания привел к появлению синагоги как места для молитвы и учебы, а также к широкому распространению таких «транспортабельных» практик, как обрезание, которое всегда оставалось с израильтянами, где бы они ни находились. Вдобавок эта трагедия помогла израильтянам понять, что завет Бога с ними не был безусловным. Да, они – народ, избранный Богом, и это означало, что он благословит их, если они пойдут по пути, указанному для них Богом. Но вместе с тем это

означало, что за отклонения от этого пути Бог покарает свой народ.

После того, как самих вавилонян в 538 году до н. э. победил персидский царь Кир, иудеям (как теперь называли израильтян) позволили вернуться в Иерусалим и заново отстроить храм. Большинство не вернулось. Но вернувшиеся поведали предание. Они рассказали свою историю в Пятикнижии Моисеевом, которое было систематизировано в V веке до н. э. и прочитано Ездрой (по мнению некоторых, вторым Моисеем) во втором Иерусалимском храме, освященном в 515 году до н. э. История, рассказанная ими, была посвящена изгнанию и возвращению – схеме, которая теперь представляет собой, по словам специалиста по изучению иудаизма Джейкоба Нойснера, «структуру иудаизма в целом»²⁰.

Этот мотив появляется уже в первых главах Бытия, когда три первых человека караются изгнанием: Адам и Ева – за съеденный запретный плод, а Каин – за убийство брата. Он возникает вновь в истории Авраама, который по указанию Бога отправился странствовать к западу от своего дома в месопотамском Уре, в сторону современной Палестины и, как объяснил Бог, «в землю, которую Я укажу тебе» (Быт 12:1). В очередной раз этот же мотив всплывает в истории Моисея, который выводит народ Божий из Египта через Чермное море, только чтобы еще сорок лет блуждать по Синайской пустыне. Ни Авраам, ни Моисей так и не дошли до земли обетованной.

В 70 году н. э. римляне разрушили Второй храм – весь, кроме западной стены, а иудеев вновь отправили в изгнание. Новый опыт изгнания породил литературу тоски и превратил иудейскую общину в «людей книги». Псалтирь дал выход этой тоске, напомнил о тех, кто при реках Вавилонских сидел и плакал о Сионе – о людях, которые вопрошали, как продолжают вопрошать нынешние иммигранты: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» (Пс 136:4). Слезам залиты и те страницы Талмуда, где говорится о мессии. Иудеи, народ которых был рассеян от Египта до Вавилона, а великое царство Давида стало давним воспоминанием, стали надеяться на искупителя, который, возможно, прекратит их изгнание, соберет на родине еврейский народ и сделает эту родину земным раем.

Примерно два тысячелетия после разрушения римлянами Второго храма тема изгнания и возвращения жила скорее в воображении, чем на земле. Основание в 1948 году государства Израиль, в Декларации независимости которого говорится о народе, «силой изгнанном со своей земли», но никогда не прекращавшем «молиться и надеяться на возвращение в нее», стало осуществлением этой истории на земле²¹. Впервые за много веков евреи получили возможность жить на территории своей родины и управлять ею. Как и во времена вавилонских завоеваний, по сей день некоторые евреи предпочитают оставаться в изгнании по примеру скорее Моисея-скитальца, нежели Давида-основа-теля, и даже всецело отвергают различие между родиной и диаспорой за ее пределами. Другие решают совершить алию, а именно – ступить на землю Израиля вместо того, чтобы просто хранить в сердце память о ней. Однако храм так и не был возведен заново. Несмотря на то, что ортодоксальные иудеи по три раза на дню молятся о его восстановлении, земля, на которой он некогда стоял, теперь занята Куполом Скалы – древнейшим в мире мусульманским сооружением. В итоге евреи остаются «народом книги», а не «народом храма».

Тема изгнания и возвращения оказывает значительное влияние на еврейское искусство и литературу. Однако его мотивы желания и осуществления, перемещения и примирения, разрушения и восстановления находят отражение не только в иудаизме, но и в диаспорах всего мира, повсюду, где иммигранты поют давние песни в новой земле. Тема изгнания и возвращения поднимается в еврейских семьях всякий раз во время отпусков и каникул, а также в тех случаях, когда затрагивается щекотливый вопрос межнациональных браков. («Неужели моя дочь-еврейка отправится в изгнание, выйдя замуж за протестанта?», «Вернутся ли обратно ее дети?»). Эта же тема наполняет нашу личную жизнь, помогает разобраться в наших собственных драмах сокрытого и явленного Бога, нашего отчуждения от него и возвращения к

нему, как домой. После того, как шесть миллионов евреев погибло от рук Гитлера и Третьего рейха во время холокоста, многие еврейские мыслители задались вопросом: где был Бог, когда нацисты приводили в действие газовые камеры в Дахау и Освенциме – неужели и Бог отправился в изгнание? Но на протяжении всей своей истории евреи отказывались воспринимать ее события исключительно сквозь призму слезливости. Несмотря на то, что эта традиция наделила голосом тоску по тому, что было, и стремление к тому, что будет, вместе с тем она призывает радоваться жизни в настоящем: «Лехаим!» – «К жизни!»²²

Освобождение и закон

Если в настоящее время евреи живут между изгнанием и возвращением, то в той же мере их жизнь проходит между освобождением и законом. В книге Исход фараон уводит израильтян в египетское рабство и убивает их потомство мужского пола. Одного из этих сыновей, Моисея, спасает от общей участи дочь фараона. Став взрослым, Моисей решает потребовать у фараона: «Отпусти народ мой». Жестокосердный фараон отказывается, и тогда Бог насылает на Египет десять казней. В конце концов фараон смиряется и соглашается отпустить израильтян. Но сразу после их бегства он меняет решение и посылает в погоню войско. Моисею с израильтянами, оказавшимися на берегу Черного моря, уже кажется, что они в ловушке. Но Бог заставляет воды расступиться, пропустить беглецов к свободе. А потом по велению Бога воды опять смыкаются и топят египтян.

Эта сага о рабстве и спасении принадлежит, конечно, евреям, но также и всему миру. В США не знают сюжета, сравнимого с этим по силе воздействия. Отцы-пилигримы видели себя новыми израильтянами, Европу – Египтом, а Новый Свет – пустыней, которая со временем станет землей обетованной. На протяжении жизни многих поколений чернокожие рабы, мормоны, борцы за гражданские права и феминистки воспринимали свой опыт сквозь призму этого повествования о свободе. Но не следует забывать, что в ходе этой истории освобождения Бог установил закон.

Завоеванная израильтянами свобода вовсе не была свободой делать все, что им вздумается: они получили свободу, чтобы стать слугами Бога

Повсюду в ТаНаХе Бог и люди заключают священные соглашения – заветы. Бог вступает во всеобщие заветы с человечеством в лице Адама и Ноя. Позднее он заключает отдельные заветы с израильтянами, от имени которых выступают Авраам и Моисей. В этих заветах Бог обещает благословение тем, кто исполняет его заповеди, и наказание тем, кто этого не делает. Завоеванная израильтянами свобода вовсе не была свободой делать все, что им вздумается: они получили свободу, чтобы стать слугами Бога. Следовательно, кульминация сюжета книги Исход произошла не на дальнем берегу Черного моря, а на горе Синай. Моисей – и освободитель, и законодатель. Его имя вдохновляет революции, вместе с тем он стоит на здании Верховного суда США, как прародитель западной законодательной традиции. Праздник Шавуот (Пятидесятница), которым отмечают дарование Торы на Синае, наступает после Песаха (Пасхи). А когда мы переворачиваем последнюю страницу книги Исход, то видим, что за ней начинается книга Левит, вплоть до мельчайших подробностей повествующая о законах, касающихся жертвоприношений, телесных выделений, обрезания, искупления, идолопоклонства, татуировок, *censored*ции, шаббата, питания, мужского гомосексуализма (следует отметить, что лесбиянство нигде в Библии не упоминается). Как выразился мемуарист Шалом Аусландер, «за Книгой Свободы следует Книга Подчинения. За Книгой Возможностей – Книга «Делай что я велю»²³.

Иудеи делят свои 613 мицвот на разрешительные заповеди («тебе должно») и запретительные заповеди («тебе не должно»). Но гораздо полезнее деление на ритуальные (между людьми и Богом) и этические заповеди (между конкретным человеком и другими людьми). Одна из характерных особенностей иудаизма – этичность его монотеизма. Бог не только всемогущ, но и всеблаг, вот почему евреи на протяжении всей истории сетовали на него, когда его жизнь и

действия не соответствовали его же собственным этическим стандартам. Как мог произойти холокост, если Бог действительно и всемогущ, и благ? Почему с хорошими людьми случается плохое? Этика занимала в мире пророков центральное место, многие сторонники реформистского иудаизма усматривают сущность всей религии в золотом правиле этой этики. В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору в единственной фразе, пока ученик стоит на одной ноге (иначе говоря, в I веке составить об иудаизме нечто вроде аналога сообщения в Твиттере), Гиллель ответил: «Не делай другим того, чего не хотел бы от них для себя. В этом вся Тора, остальное – комментарии. Ступай заучивать»²⁴.

«Не делай другим того, чего не хотел бы от них для себя. В этом вся Тора, остальное – комментарии»

Как свидетельствует кодекс Левита, галаха (это слово часто переводят как «закон», но в действительности оно обозначает «путь» или «способ» – дао иудаизма) относится не только к вопросам нравственности. В ней содержатся предписания, согласно которым нам надлежит скорбеть, питаться, соблюдать шаббат. В сущности из 613 мицвот большинство касается ритуальной, а не этической стороны жизни. К примеру, в Левите в первую очередь говорится о ритуальных, а не этических законах. Лишь в главе 19, в которой дважды повторено, что ближнего надо любить, как себя самого, речь заходит об этических законах, но и в этом случае упоминания о лжи и воровстве неразрывно связаны с предписаниями насчет бород и татуировок. Так что когда евреи говорят о соблюдении закона, они ссылаются не только на этический, но и на ритуальный аспект религии.

Из всех ритуальных заповедей законы иудаизма, относящиеся к питанию (кашрут), кажутся стороннему наблюдателю самыми странными. Почти у всех религиозных групп есть правила питания, благодаря которым их представители отличаются от всех прочих (халяль в исламе, вегетарианство для многих индуистов), но религиозные иудеи придерживаются особенно строгих правил, когда речь заходит о том, что им можно и что нельзя употреблять в пищу. Они едят только рыбу с плавниками и чешуей (значит, никаких угрей или сомов), им запрещены свинина и мясо хищных птиц. Поскольку мясное и молочное смешивать нельзя, у многих иудеев есть отдельные комплекты посуды и кухонной утвари. В теориях о происхождении этих запретов не наблюдается недостатка. Согласно некоторым, запреты исходили непосредственно из уст Бога. Согласно другим, кашрут был способом Бога позаботиться о здоровье своего народа, в том числе избавить его от паразитов, переносчиками которых являются свиньи. Антрополог Мэри Дуглас утверждает: иудеи не едят омаров и креветки потому, что эти существа, живущие в океане, но передвигающиеся ползком по дну, самым фактом своего существования рушат стройную, изложенную в книге Бытие теорию деления на животных суши, воды и воздуха. По мнению Дуглас, мужской гомосексуализм запрещен по той же причине – он является концептуальной аномалией²⁵.

Иудейские законы могут показаться стороннему наблюдателю иррациональными, а рвение, с которым некоторые иудеи следуют им, – маниакальным и в то же время ханжеским. Например, нажимать кнопку вызова лифта в шаббат запрещено (так как кнопка приводит в действие электропереключатель, следовательно, ее нажатие считается работой), но в домах, где живут иудеи, есть «шаббатные лифты», которые автоматически останавливаются на каждом этаже. Гораздо шире известен другой пример – эрув. Иудейский закон запрещает в шаббат выносить вещи из дома. Значит, недопустимо отнести младенца в дом соседа или отвезти туда же прикованного к инвалидной коляске дедушку. Но чтобы и младенцы, и немощные старики могли порадоваться шаббату, иудеи творчески подошли к разрешению проблемы: «волшебный круг ношения», названный эрув и представляющий собой проволоку между соседними домами, создает символическую ограду, превращая бывшее общественное пространство в личное²⁶. С 2007 года эрув охватывает большую часть Манхэттена. «Эрувитектор» следит, чтобы символическая ограда содержалась в порядке и регулярно выкладывает в интернет обновленные сообщения о ее состоянии.

Может показаться, что в этих двух примерах речь идет о том, как люди обходят закон. Но подлинный способ обойти закон – просто игнорировать его. А в приведенных примерах к закону проявлено огромное уважение, хотя истолкован он весьма гибко. Даже иудеи, соблюдающие закон и пользующиеся «шаббатными лифтами», называют их юридической фикцией. Иудаизм остается иудаизмом: его приверженцы ведут споры о том, можно ли считать эти лифты действительно галахическими.

В мой прошлый приезд в Иерусалим меня водил по городу один друг-еврей. В двух случаях (в разные дни) я предлагал угостить его мороженым. И оба раза из-за запрета на смешение мясного и молочного моему другу приходилось вспоминать, когда он в прошлый раз ел мясо (правила его общины предписывают выждать три часа). Вся эта ситуация может показаться иррациональной, но друг счел мое предложение порожденным прямо-таки буддийской вдумчивостью, в свою очередь побудившей его задумываться о еде, вспоминать, что он ел ранее и когда именно. Но что еще важнее, предложение побудило его задуматься о Боге.

Когда иудаизм стал иудаизмом

Все эти рассуждения о книгах Бытие, Исход и Левит могут создать впечатление, будто бы иудаизм – это просто Еврейская Библия. Подобные представления распространены среди христиан, которые часто отождествляют иудаизм с книгой, которую называют Ветхим Заветом. Подобно индуизму, корни которого уходят в Веды, корни иудаизма находятся в ТаНаХе. Однако ТаНаХ описывает религию священников и жертвоприношений, которая уже прекратила существование к тому моменту, как во II веке н. э. эти священные писания были систематизированы. Иудаизм в том виде, в котором мы знаем его сегодня, развился в промежуток между разрушением первого храма вавилонянами в 586 году до н. э. и разрушением Второго храма римлянами в 70 году н. э.

Разрушение первого храма стало для израильтян своего рода генеральной репетицией, показало им, как реагировать на разрушение Второго. После вавилонского пленения у иудеев появились синагоги как место для учебы и молитвы. Кроме того, начался сбор книг, в дальнейшем составивших ТаНаХ. Эти меры, направленные на создание более ориентированной на молитвы и «транспортабельной» религии, ускорились после разрушения Второго храма. Центр тяжести религии сместился с жертвоприношений на сакральные тексты в первые два столетия нашей эры; израильская религия священников, совершающих ритуалы в Иерусалимском храме, уступила место новой религии раввинов, читающих и толкующих тексты в синагогах. Так родился иудаизм в известном нам виде²⁷.

Одним из собранных текстов был ТаНаХ, и по мере того, как раввины изучали и обсуждали его учения, становилось ясно, что служить всеобъемлющим руководством по иудейскому образу жизни он не может. В ТаНаХе почти ничего не говорится о браках и соглашениях. В нем не сказано, когда начинается и заканчивается шаббат, какая работа запрещена в это время. Поэтому раввины взяли на себя тяжкий труд ответить на все эти вопросы, и результатом их стараний стал современный иудаизм.

Современная иудейская жизнь носит раввинический характер. Образцы для подражания в ней – раввины. В центре внимания скорее книги, нежели жертвенники. Очищение от скверны производится не посредством жертвоприношений в храме, а с помощью слов и поступков. Эти поступки определяют не только религию, но и способ существования в мире – способ готовить пищу и потреблять ее, заниматься сексом, мыться, говорить и работать. Этот способ существования не ограничен каким-либо одним местом. Его может принять для себя каждый, а не только священники. В наши дни иудеи следуют не только письменной Торе ТаНаХа, но и устной Торе Талмуда. По сути дела, лишь некоторые из 613 мицвот, предписанных иудеям, фигурируют в самом ТаНаХе. Большинство заимствовано из Талмуда, который служит текстуальным сердцем иудаизма – «шедевром, которому нет равных в еврейской памяти», как писал Эли Визель²⁸.

Рассуждать о современном иудаизме – значит рассуждать об «иудаизме двух Тор», составленных раввинами в первые два столетия новой эры, подвергшихся глубокому влиянию греков и преобразованных, зачастую кардинально, последующими поколениями иудеев²⁹. Или, если выразиться иначе, Авраам и Моисей не были иудеями. А если и были, то потому, что таковыми их согласились считать, усилием воображения поместив их в рамки религии, родившейся спустя долгое время после их смерти.

Шаббат и малые праздники

Константой, объединяющей израильскую религию и раввинический иудаизм, является шаббат, или субботний день. Несмотря на то, что он отмечается каждую неделю – начиная с захода солнца в пятницу и до захода солнца в субботу, – это самый значительный праздник в традиции, опирающейся на фундамент сакрального времени. Шаббат – напоминание о заре времен, воспроизведение отдыха Бога на седьмой день после сотворения мира в первые шесть. Кроме того, это память об освобождении из рабства, о котором рассказано в книге Исход. Шаббат – единственный святой день, соблюдение которого предписано десятью заповедями (которые иудеи называют «десятью словами», поскольку существует 613 заповедей), он неоднократно обсуждается в Талмуде, который запрещает в этот день отдыха тридцать девять различных видов работы – от приготовления пищи и шитья до разжигания огня и его тушения.

Непосвященные зачастую воспринимают шаббат как запрет работать, но на самом деле в этот день запрещены акты творчества – подражание действиям Бога в первые шесть дней творения. Значит, каждый из тридцати девяти запрещенных видов деятельности – творчество в той или иной мере. Кроме того, непосвященным шаббат напоминает о том, чего делать «не должно» – о негативных заповедях, касающихся включения бытовой техники или вождения автомобиля. Но иудеи, соблюдающие закон, обычно относятся к шаббату позитивно, воспринимают его как присутствие в священном месте в определенное время. В шаббат жизнь замедляет ход. Семьи собираются за обеденным столом, зажигают свечи, произносят особые молитвы, пьют вино, лакомятся праздничной халой – хлебом в виде плетенки.

Шаббат – напоминание о заре времен, воспроизведение отдыха Бога на седьмой день после сотворения мира в первые шесть

Ханука – единственный еврейский праздник, известный многим европейцам и американцам, но в действительности это один из двух малых праздников иудаизма. Поскольку его отмечают примерно в то же время, что и Рождество, и празднование сопровождается обменом подарками, Хануку часто называют «еврейским Рождеством». На самом же деле этот праздник напоминает о том, как во II веке до н. э. Иерусалим был отвоеван восставшими Маккавеями, а также о последовавшем очищении и новом освящении храма.

Еще один малый еврейский праздник – Пурим. Это бурное торжество чем-то напоминает и Хэллоуин, и индуистский праздник Холи. Пурим – память о событиях, описанных в Книге Есфирь: как герой Мордехай срывает заговор злодея Амана, задумавшего истребить евреев.

В проповеди, которую я слышал однажды в день Пурима у Стены Плача в Иерусалиме, ортодоксальный раввин рассказывал, как он каждый день ездит в город через арабский сектор и приветствует людей, которых видит там, с радостью вместо паники. Затем он призвал слушателей пить вино и вбивать Бога, пока они не перестанут отличать врагов от друзей, арабов от израильтян, проклятого Амана от благословенного Мордехая.

Песах и большие праздники

Вероятно, в большей мере, чем любая другая религия, иудаизм приводит мир в соответствие со временем. Три его праздника паломников (по традиции отмечаемых паломничеством в Иерусалим) увековечивают ключевые моменты еврейской истории: Песах (Пасха) – исход из Египта; Шавуот (Пятидесятница) – дарование израильтянам Торы на горе Синай; Суккот

(праздник кушей) – бегство из Египта в пустыню. Еще два больших праздника – священные дни Нового года (Рош Ха-Шана) и Судный День (Йом-Киппур). Обычно эти праздники обсуждают с точки зрения истории и теологии, однако они отличаются и едой: на Рош Ха-Шана едят яблоки и мед, на Суккот – фаршированные овощи, на Хануку – пончики с желе или повидлом (суфганиот), на Песах – суп с клецками из мацы.

Из этих священных дней празднование Песаха практикуется особенно широко³⁰. Каждую весну евреи собираются за столом, чтобы отметить этот праздник семьи и еды. Они едят. Пьют. Поют. Задают вопросы и пытаются ответить на них с помощью инсценировок. Они вспоминают, каким сладким было возвращение освобожденных израильтян из Египта. Вспоминают горечь рабства и жестокость фараона. Вспоминают десять казней, в том числе и последнюю, гибель первенцев во всех египетских семьях, когда израильтяне принесли в жертву ягнят и окропили кровью дверные косяки и перекладины в своих домах, чтобы явившийся ангел смерти (Господь) увидел кровь и мирно прошел мимо этих домов. Ритуальный седер – это исполнение заповеди «объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта» (Исх 13:8). Значит, подобно самому иудаизму, седер – это повествование и действие, предание и закон.

Классическое угощение на седер – маца, пресный хлеб в виде больших тонких листов, хрустящих и ломких. Маца напоминает о поспешном бегстве из Египта, когда было некогда ждать, пока подойдет тесто. Поэтому во время восьми дней Песаха дрожжевые продукты в еврейских домах остаются под запретом. На стол, накрытый к седеру, также ставят марор – горькую зелень, напоминающую о горечи рабства, и харосет – смесь измельченных орехов и яблок, память о строительном растворе, который применяли рабы, трудившиеся по принуждению. Вино из четырех бокалов выпивают в ключевые моменты седера.

«Все мы, все наши поколения должны испытывать такие чувства, будто бы мы сами бежали из Египта»

Для того чтобы участвовать в праздновании Песаха, не требуется демонстрировать религиозность. Незачем вообще верить в Бога. Или даже быть евреем. Последние несколько лет я бывал на седерах у друзей в пригородах Нью-Джерси. В молодости мне случалось присутствовать на эрзац-седерах – странных мероприятиях, которые проводили в церковных помещениях за несколько дней до Песаха или после него раввины и священники, открытые для межконфессионального диалога. Но нынешние седеры, на которые меня приглашают, – самые настоящие седеры, когда родные и друзья съезжаются отовсюду, готовят еду, откупоривают вино, собираются в первые два вечера пасхальной недели в чьем-нибудь небольшом доме за огромным столом, чтобы еще раз пересказать древнее предание. Каждый год патриарх семьи начинает рассказ со слов, что это не просто древняя история. Собираться на Песах – значит беречь традиции людей, которые на протяжении тысячелетий собирались, чтобы рассказать ту же историю на своем языке с его особенностями. Но если мы не считаем эту историю своей, значит, не стоит и рассказывать ее, говорит патриарх. «Все мы, все наши поколения должны испытывать такие чувства, будто бы мы сами бежали из Египта».

Кульминация пасхального торжества – чтение Агады (Хаггады; буквально «рассказ»), излагающей историю исхода израильтян из Египта. Некоторые ортодоксальные евреи утверждают, что существует одна официальная Агада. Другие признают тысячи различных версий, в том числе чрезвычайно популярную «Агаду Максвелл-Хауса», распространяемую этой компанией, производящей кофе, с 1934 года³¹. Во времена преподавания в университете штата Джорджия в Атланте я предлагал студентам прочитать феминистскую Агаду, и многих неприятно поразило то, как еврейские женщины исказили свою традицию. Но в данном случае это искажение и является традицией. На седерах в Нью-Джерси, которые я посещал, семья пользуется Агадой, которую написала их дочь, воспринявшая сюжет Исхода сквозь призму движения за гражданские права и сдобрившая свой текст изрядной дозой еврейского

мистицизма.

Седер обычно начинается с оживленных разговоров и заканчивается продолжительным пением, в том числе и почти бесконечной песни «Дайену»: в ней упоминаются все чудеса, которые Бог совершил, чтобы вывести израильтян из Египта. Еще длиннее другая народная песня, «Хад Гада» («Наш козленок»), слова которой напоминают детскую книжку, где лягушка убегает от кошки, которая убегает от собаки, которая убегает от свиньи, которая убегает от коровы (и так далее), только в песне козленка съедает кошка, которую кусает собака, которую бьют палкой, которую сжигает огонь, который тушит вода, которую выпивает вол, которого режет мясник, которого убивает ангел смерти, покончить с которым достается «святому и благому».

Ритуалы жизненных циклов

У иудеев есть также обряды инициации, связанные с рождением, взрослением, браком и смертью. По традиции первые два из них предназначались скорее для мужчин, чем для женщин: это брит-мила (брис), или обряд обрезания, и бар-мицва («сын заповеди»). В настоящее время многие евреи проводят церемонии имянаречения для новорожденных девочек, а также обряд бат-мицва («дочь заповеди») для дочерей, достигших двенадцатилетия.

К траурным обрядам иудеев относятся семидневное отсиживание шивы в доме, после чего следуют похороны, молитвы каддиш по умершему, и отмечение годовщины смерти – ярцайт. Еврейские представления о жизни после смерти обобщить непросто. В ТаНаХе не встречается упоминаний о ней. Патриархи живут долго, умирают своей смертью, их хоронят родственники (или, как в случае Моисея, сам Бог), и нигде не встречается упоминаний о вознаграждении на небесах. Под влиянием высказанных греками предположений о бессмертии души, а также в связи с появлением еврейской традиции мученичества (также под влиянием греческой трагедии) иудеи пришли к утверждению о

Почти все иудеи соглашались с тем, что уделять основное внимание мы должны нынешней жизни

телесном воскресении – к учению, которое сыграло колоссальную роль в зарождении и развитии христианства, а позднее закрепилось в Тринадцати принципах Маймонида. Тем не менее иудейская мысль давно преуменьшила значение жизни после смерти. Если многие сторонники реформистского иудаизма отрицают воскресение во плоти, а многие ортодоксальные евреи отстаивают его, почти все иудеи соглашались с тем, что уделять основное внимание мы должны нынешней жизни³². Даже среди ортодоксов о жизни после смерти говорят меньше, чем в большинстве мусульманских и христианских кругов. Одно из высказываний Мишны осыпает насмешками всевозможные теологические домыслы и заканчивается залпом в сторону догадок о загробной жизни. «Лучше было бы не родиться тому, кто размышляет о четырех вещах: о том, что наверху, о том, что внизу, о том, что прежде и что потом»³³.

Реформизм, консерватизм, ортодоксальность

Единственная разновидность иудаизма, официально признанная государством Израиль, – ортодоксальный иудаизм. В остальном иудаизм разделен на различные ветви и течения. Все они рассказывают еврейскую историю изгнания и возвращения, все чтят авторитет Торы. Разногласия между течениями возникают главным образом по вопросам толкования и соблюдения галахи. Следовательно, если христианские конфессии различаются преимущественно в вопросах веры и убеждений, то иудейские – чаще в вопросах ритуалов и этики.

В США присутствуют три основных иудейских движения: реформистское, консервативное и ортодоксальное. Среди американских евреев, принадлежащих к той или иной синагоге, 39 %

относят себя к реформистскому иудаизму, 33 % – к консервативному и 21 % – к ортодоксальному. Но большинство американских евреев вообще не принадлежат ни к какой синагоге³⁴. Проще всего объяснить различия между тремя перечисленными группами – сказать, что каждая сосредоточивает внимание на одном ключевом элементе иудаизма: реформисты – на этике, ортодоксальные евреи – на законе, консервативные – на традиции.

Реформистское течение зародилось в Европе XVIII века и продолжало процветать в США, где в настоящее время его представляют кампусы Колледжа иудейского союза и Иудейского религиозного института в Цинциннати, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Евреи традиционно считали себя народом, стоящим особняком, однако реформистский импульс направлен на интеграцию и ассимиляцию. Пионеры реформистского течения стремились быть современными немцами или современными американцами, не переставая быть евреями. Поэтому вместо иврита они читали проповеди и молитвы на тех языках, которыми пользовались в повседневной жизни. Некоторые даже проводили субботние богослужения по воскресеньям, а не по субботам, и не соглашались делать обрезание своим сыновьям.

«Питтсбургская платформа» (1885), классический образец реформистского иудаизма, называет Еврейскую Библию «отражающей примитивные идеи того времени» и говорит об иудаизме как о «прогрессивной религии, неизменно стремящейся к соответствию с постулатами разума». Этот документ отвергает кашрут на том основании, что лишь нравственные законы Торы обязательны для исполнения. И поскольку приверженцы реформистского иудаизма стремились превратить в свою родину ту страну, где жили, в этом документе решительно отвергалась мысль о том, что евреи живут в изгнании и что их настоящий дом – в Сионе³⁵. Сегодня реформисты более усердны в соблюдении ритуалов, и буквально все они благодарны сионизму, кульминацией которого стало образование государства Израиль. Однако они по-прежнему подчеркивают важность пророческой традиции иудаизма и его преданности делу социальной справедливости, уверенные, что их задача – привести мир в порядок своими силами, не дожидаясь, когда это сделает мессия. Реформисты активно выступают за гендерное равноправие, приветствуют появление женщин-раввинов, считают женщин частью миньяна (молитвенного кворума) и утверждают, что не только мальчики должны вступать в период зрелости, проходя обряд бар-мицвы, но и девочки нуждаются в подобном посвящении во взрослую жизнь – бат-мицве.

В отличие от реформистов, ортодоксальные иудеи называют себя защитниками Торы и традиций. Они стараются соблюдать все мицвот, в том числе кашрут. Они допускают существование только раввинов-мужчин и проводят богослужения на иврите. Если мужчины-реформисты редко носят ермолки или кипы (головные уборы), то ортодоксы не сделают с непокрытой головой и четырех шагов. Если у реформистов женщины и мужчины могут собираться в храмах все вместе, то в ортодоксальных синагогах (шульт) мужчины отделены от женщин.

Разделение присутствует и внутри группы ортодоксальных евреев. К примеру, ортодоксальные модернисты предельно щепетильны в соблюдении галахи, но в большей мере, чем другие ортодоксальные евреи, открыты современной жизни и современным идеям, в том числе гуманитарному светскому образованию. В США ортодоксальный модернизм представлен университетом Ешива в Нью-Йорке, где можно увидеть молодых людей в джинсах с традиционной бахромой цицит на них.

Хасидизм считается ультраортодоксальным течением, но когда он зарождался в 30-х годах XVIII века в штетлах Восточной Европы, его воспринимали как либеральный и даже революционный иудаизм, поскольку акцент в нем был сделан на сердце, а не на разуме. Вдохновителем этого течения стал Бааль Шем Тов (Бешт, 1698–1760), чтимый не столько за книжную ученость, сколько за искреннюю одухотворенность, приземленность притч, непоколебимое убеждение, что Бог находится рядом с каждым из нас, а не только рядом с

учеными и мудрыми. Сегодня хасиды («религиозные») свидетельствуют о присутствии в иудаизме того, что индуисты называют бхакти-йогой – дисциплины преданности. Твердо веря в божественную имманентность, хасиды пытаются общаться с Богом всегда и повсюду, ощущая его присутствие в таких обыденных действиях, как сон или завязывание шнурков. Характеризуемые бескомпромиссным энтузиазмом – иудаизм как радость – их богослужения напоминают экстатические молитвы пятидесятников или религиозные танцы йоруба. Хасиды преклоняются перед новым образцом иудаизма – цадиком («праведником»), отличающимся скорее набожностью, нежели ученостью. Цадиков хасиды называют реббе и наделяют огромным авторитетом в общественной и личной жизни, почти как гуру в индуистской традиции. И все же отличительной особенностью этого течения является святая радость. «Бог жаждет сердца, – говорит Талмуд, – и хасид стремится исполнить заветное желание Бога»³⁶.

Убеждения и практики консервативных иудеев занимают промежуточное положение между реформистскими и ортодоксальными. Как и реформисты, консервативные иудеи открыты прогрессу современной мысли, в том числе и критике Библии. Но когда речь заходит о поклонении и законе, они занимают позицию, более близкую к позиции ортодоксальных евреев, чтят не только этические, но и ритуальные заповеди галахи, ведут богослужения на иврите. Женщины и гомосексуалисты могут проводить богослужения в синагогах консервативных иудеев, верующим позволено в шаббат приезжать в синагоги на машинах. Консервативные иудеи ведут свою историю от момента основания в 1886 году в Нью-Йорке Еврейской теологической семинарии, однако их течение набрало обороты лишь после того, как в 1902 году в США приехал, чтобы возглавить семинарию, преподаватель богословия из Кембриджского университета Соломон Шехтер (1847–1915).

Предмет многих еврейских шуток – различия между течениями иудаизма, причем шутки могут быть направлены на любую из этих групп. Например, в одной из них над ортодоксальными евреями потешаются за их незнание современной жизни, а над реформистами – за забвение еврейских традиций:

Один консервативный еврей из маленького городка купил новый «феррари». Он хотел, чтобы раввин произнес над машиной браха (благословение), но в городе было всего два раввина. И владелец машины отправился к ортодоксальному раввину: «Равви, ты не мог бы произнести браха над моим „феррари“?» Раввин спросил: «А что такое „феррари“?» Тогда владелец машины отправился к раввину-реформисту: «Равви, ты можешь произнести браха над моим „феррари“?» Раввин ответил: «А что такое „браха“?»

Реконструктивистский и гуманистический иудаизм

Еще два течения американского иудаизма – реконструктивистский и гуманистический иудаизм. Реконструктивистский иудаизм, основанный Мордехаем Капланом (1881–1983) из Нью-Йорка в первой половине XX века, нашел институциональное выражение после открытия Реконструктивистского раввинского колледжа в пригороде Филадельфии в 1968 году. Вслед за Капланом реконструктивисты отвергали представления о евреях как избранном народе и говорили о Боге только как о

выражении высших нравственно-этических идеалов человека. С их точки зрения, иудаизм – не сверхъестественная религия, а развивающаяся цивилизация. Сегодня реконструктивисты усердно адаптируют иудейскую цивилизацию к современной жизни. Поскольку реконструктивизм зародился в консервативном течении (Каплан более пятидесяти лет преподавал в Еврейской теологической семинарии), его приверженцам свойственны большая традиционность и стремление соблюдать закон, чем реформистам: так, реконструктивисты проводят богослужения на иврите и отмечают все еврейские праздники. Однако от трех основных течений иудаизма, присутствующих в США, реконструктивизм отличается тем, что рассматривает мицвот как народные обычаи, а не закон. Как и реформистский иудаизм, он стремится к равенству в вопросах гендера и сексуальной ориентации. Первая бат-мицва в

Америке была проведена для дочери Каплана Юдифи в 1922 году. Неудивительно, что существуют и еврейские шутки о реконструктивистском иудаизме: на свадьбе ортодоксов беременна мать невесты, на свадьбе консервативных иудеев – беременный раввин, на свадьбе реформистов беременна невеста, а на свадьбе реконструкционистов беременны обе невесты.

Гуманистический иудаизм зародился в 1963 году, когда «раввин-атеист» Шервин Вайн (1928–2007) основал в пригороде Детройта Бирмингемский храм как дом свободомыслящих евреев³⁷. Сегодня его прихожане прославляют еврейскую культуру и возможности личности, не призывая Бога, не молясь Богу и не читая откровений Божиих. Для них иудаизм – в первую и последнюю очередь этика, возможность «творить добро без Бога». Они отрицают обряд обрезания, как сексистский, предпочитая для мальчиков и девочек единообразные церемонии имянаречения. Эта группа поддерживает тесную связь с кибуцным течением Израиля, возникшим в начале XX века на светском и зачастую антирелигиозном фундаменте. Один из выразителей идей гуманистического иудаизма – священник Гарвардского университета Грег Эпштейн, ученик Вайна и автор книги «Добро без Бога» (*Good Without God*, 2009). Хотя группа представителей гуманистического иудаизма невелика – в Международной федерации секулярного гуманистического иудаизма насчитывается всего двадцать тысяч членов, – он выражает чувства гораздо большего количества людей. Согласно разнообразным исследованиям, многие евреи в США и в Израиле нерелигиозны, то есть не считают себя принадлежащими к какой-либо синагоге или не верят в Бога³⁸.

Сионизм и холокост

Еще один еврейский импульс, сионизм (от горы Сион близ Иерусалима), идет вразрез с упомянутыми течениями. Когда в XIX веке национализм захватил Европу, некоторые евреи начали переосмысливать свое повествование об изгнании и возвращении в явно политических терминах. Веками евреи терпели гонения и унижения, начиная с египетского и вавилонского пленения, гибели от рук крестоносцев в Иерусалиме в 1099 году, изгнания из Испании в 1492 году и вплоть до антисемитских отповедей протестантского лидера Мартина Лютера в сочинении «О евреях и их лжи» (1543). XIX век принес ряд антиеврейских погромов в России и в других странах, создал для евреев политическую необходимость в обретении родины, обычно датируемую первым Всемирным сионистским конгрессом 1897 года. В обсуждениях затрагивался вопрос основания еврейского государства за пределами Ближнего Востока, в том числе в Аргентине или современной Уганде, но сторонники этой идеи наконец остановили выбор на библейской земле обетованной.

Видным деятелем раннего сионизма был Теодор Герцль (1860–1904), венский еврей, светская аргументация которого в пользу создания еврейского государства изложена с практической и политической точек зрения. Многие ортодоксальные евреи поначалу выступали против сионизма, утверждая, что создание еврейского государства – задача, предназначенная только для Бога и его мессии. Сторонники реформизма поддерживали их, поскольку хотели вести полноценную жизнь в тех странах, в которых находились, а не обособляться от сограждан. Холокост стал переломным моментом для сионизма. Пользуясь многовековым опытом христианского антисемитизма, в том числе утверждением, что евреи «убили Христа», Адольф Гитлер и нацисты уничтожили шесть миллионов евреев – примерно треть всего еврейского населения мира. Вскоре после того, как мир узнал об этих зверствах, в 1948 году образовалось государство Израиль.

Феминистская теология

Иудаизм породил и оживленную дискуссию о роли женщин в еврейском сообществе. Традиционно иудаизм был олицетворением патриархальной религии. Библейские заветы заключались с мужчинами и передавались посредством обрезания мужчин. Для миньяна (кворума), необходимого при некоторых видах религиозной деятельности, обычно собирали десять взрослых мужчин. Женщин отстраняли от исполнения обязанностей раввина и от соблюдения многих заповедей. Неудивительно, что еврейские мужчины испокон веков

благодарили Бога за три дара: за то, что они не язычники, не рабы и не женщины.

Но ситуация меняется, по крайней мере, в неортодоксальных кругах. Женщины появились и среди раввинов, когда Регина Джонс из Восточного Берлина в 1935 году была посвящена в сан. В США реформисты впервые признали женщину раввином в 1972 году, а реконструктивисты и консервативные иудеи последовали их примеру в 1974 и 1985 годах соответственно. Постепенно поддаются даже ортодоксальные евреи. В современном Израиле ортодоксальные еврейки мало-помалу преодолевают мужскую монополию на надзор за сертификацией и процессом изготовления кошерных продуктов. И что еще важнее, женщины из числа ортодоксальных модернистов в настоящее время участвуют в углубленном изучении Торы, которое традиционно занимает центральное место в жизни иудеев.

Феминистские богословы постарались собрать примеры лидерства еврейских женщин: в список вошли Девора – судья, пророчица и военачальница из Книги Судей, адепт хасидизма Удиль, премьер-министр Израиля Голда Меир. Сторонники феминистской теологии говорят о Боге и в мужском, и в женском роде, обращаются к памяти не только Авраама, Исаака и Иакова, но и Сары, Ревекки, Рахили и Лии.

Еврейские мужчины испокон веков благодарили Бога за три дара: за то, что они не язычники, не рабы и не женщины

Однако никаких попыток отрицать патриархальную историю иудаизма не предпринимается. Термин «тексты ужаса» в настоящее время применяется для описания отрывков из иудейских, христианских и мусульманских писаний, в которых оправдывается насилие вслед за первоисточниками ТаНаХа, повествующими об убийствах женщин и насилии над ними³⁹. Предпочтение, которое Талмуд отдает мужчинам перед женщинами, начинается с рождения. Или, как сказано в Талмуде, «счастлив тот, чьи дети сыновья, и горе тому, чьи дети дочери»⁴⁰.

Каббала

У каждой из мировых религий есть то, что удастся ей хорошо, и то, что удастся ей плохо. Сильная сторона буддизма – эмпирический аспект религии, слабая – этический аспект. С иудаизмом дело обстоит прямо противоположным образом. Ввиду сосредоточенности на обществе иудеи (за примечательным исключением хасидов) не занимались культивированием личной духовности с той же интенсивностью и вниманием, как буддисты. Сравнительно недавно многие иудеи, изголодавшиеся по духовному опыту, потянулись к разным формам буддийской медитации. «Иубу» (JuBu), как их называют, привлекает не только опыт, обещанный этой практикой созерцания, но и возможность приобщиться к традиции, не предусматривающей ревнивого бога. Та же потребность в духовности побуждает многих евреев припадать к эмпирическим ресурсам собственной религии, в том числе к мистической традиции Каббалы.

Несколько лет назад одна моя знакомая-еврейка, которую я засыпал вопросами об иудаизме, поначалу терпеливо отвечала на них, но потом не выдержала и спросила: «Ты ведь знаешь, что я не иудейка?» Другого человека, который мог бы с большим правом называться иудеем, я не знал: ее мать еврейка, отец – раввин, брат живет в Израиле. Несколько лет эта моя знакомая изучала Тору. Она соблюдает заповеди и знает благословения. И олицетворяет все лучшее, что есть в иудейских традициях. Почему же она не считает себя иудейкой? Нет, на самом деле она этого не отрицает. Но объясняет, что ее опыт, связанный с тем, что принято называть Богом, гораздо шире и загадочнее, чем переданный термином «иудаизм».

Моя знакомая – мистик, хотя и к этой категории она отказывается причислять себя. Но она располагает связанным с Богом опытом, который большинство людей не может себе вообразить, и понимает еврейские традиции преимущественно в свете Каббалы. Ввиду трудностей и опасностей этого эзотерического пути по традиции изучением Каббалы

ограничивались женатые мужчины зрелых лет, преуспевшие в изучении Торы. Каббала пользовалась значительным влиянием в Средние века и в начале современного периода, но сдала позиции с началом одержимой разумом эпохи Просвещения. С недавних пор Каббала находится в сфере внимания широкой публики (и высмеивается), поскольку такие знаменитости, как Мадонна, Дэвид Бекхэм, Эштон

Кутчер, Деми Мур, Линдсей Лохан и Бритни Спирс, ассоциируются с лос-анджелесским Центром изучения Каббалы Филипа Берга. Однако корни Каббалы уходят далеко за пределы этой поп-каббалистики. Их можно проследить до Испании XIII века и написанной на арамейском языке книги «Зогар» («Зоар», «Зохар»). Авторство этого пространного многотомного текста по традиции приписывают религиозному деятелю II века н. э. Шимону Бар Йохан, хотя по мнению приверженцев, эта традиция восходит к Моисею, Синаю и даже к самому сотворению. Ученые-богословы утверждают, что «Зогар» вполне может быть написан человеком, который якобы всего лишь «нашел» его – Моше де Леоном (1250–1305) из Авилы, Испания.

Каббалистика представляет собой всевозможные эзотерические рассуждения и предположения, относящиеся не только к Богу, но и к цифрам, буквам, гласным и согласным. Прежде всего Бог обозначен как Эйн Соф, то есть бесконечный, не знающий пределов и непознаваемый. Однако Эйн Соф проявляется в десяти сефирот, или эманациях, – противники утверждают, что этот тезис слишком опасно подводит Каббалу к политеизму. Еще одна ключевая концепция Каббалы – Шехина, фемининный и имманентный аспект Бога, который, согласно каббалистам, дополняет и уравнивает более маскулинный и трансцендентный аспект Бога, выраженный в ТаНаХе и Талмуде. Шехина фигурирует и в Талмуде, где сказано, что она отправляется в вавилонский плен вместе с иудейским народом. Но в Каббале она занимает центральное место.

Ввиду трудностей и опасностей этого эзотерического пути по традиции изучением Каббалы ограничивались женатые мужчины зрелых лет, преуспевшие в изучении Торы

Согласно каббалистической мысли, до сотворения все было едино, а с сотворением возникли множественность и разнообразие. Во время духовного подвоя Большого взрыва все сущее разлетелось по космосу, но в каждой его частице содержалась искра божественного. Поэтому сотворение – разбитый сосуд, однако его можно починить. Наша задача – дать обратный ход этому первичному изгнанию многих от Единого, вернуть искры, содержащиеся в нас и во всем, что нас окружает, обратно изначальному целому.

Для этого требуется соблюдать заповеди, которые сближают иудейскую общину и приближают каждого к Богу. Однако мицвот действуют и на другом уровне, помогают вызвать Шехину из ее изгнания, вновь привлечь ее к союзу с более маскулинным аспектом божественного. Каббалисты называют этот союз брачным союзом Бога и народа Израиля, где Шехина выступает в роли народа Божия в изгнании, возвращающегося в свой истинный дом и одновременно восстанавливающего порядок в мире.

Обновленческий иудаизм

Иудаизм принято считать закрытой религией и сообществом, и действительно, существуют те, кто считает неотъемлемым аспектом иудейского образа жизни отделение от остального мира. Однако новое течение охотно впитывает всевозможные влияния извне, принимает их в иудейскую семью и дает им в ней новую жизнь. Опорой обновленческому иудаизму служат Каббала и хасидизм, однако он родился в контркультурной среде 60-х годов XX века, поэтому ему с самого начала были свойственны культурная и духовная неразборчивость и беспорядочность заимствований из феминизма и эквайронментализма, из дзэн-буддизма и тибетского буддизма. Одним из первых вдохновителей этого течения стал Залман Шахтер-Шалом (г. р. 1924), уроженец Польши, ортодоксальный раввин, переживший

холокост и одно время преподававший в буддийском Институте Наропы в Боулдере, Колорадо. Его путешествие в Индию и встреча с Далай-ламой описаны в книге Роджера Каменца «Иудей в лотосе» (Rodger Kamenetz, *The Jew in the Lotus*, 1994). Одним из первых заметных отражений идеи движения стал «Иудейский каталог» (*The Jewish Catalog*, 1973) – «комплект для самостоятельной сборки», способствующий творческому созданию иудейской духовности по образцу «Каталога всей Земли» (*The Whole Earth Catalog*, 1968). Целью упомянутого человека и книги было вывести иудаизм из его ниши на простор, направить к более экспериментальной и олицетворенной духовности, охватывающей не только внешний мир в целом, но и другие религиозные традиции.

Вместо того, чтобы основывать новые синагоги и называть свои объединения новыми конфессиями, сторонники обновленческого иудаизма организуют «хавурот» (товарищества), небольшие общины равных,

собирающихся ради молитвы, изучения Торы и медитации. Иудеи с давних времен относились к учебе как к поклонению; в обновленческом иудаизме учеба также считается медитацией. Само слово «хавура» имеет дополнительное значение «друг», следовательно, имеются в виду объединения друзей, у которых есть немало общего с Религиозным обществом друзей, квакерами, в том числе неформальные богослужения, обычная одежда, дух равенства, несовместимый с какой бы то ни было иерархией.

С 1993 года сторонники обновленческого иудаизма объединены союзом иудейского возрождения – *Alliance for Jewish Renewal*, дух этого движения лучше всего отражен в таких книгах, как «Иудаизм с чувством» (*Jewish with Feeling*, 2005) Шахтера-Шалом и «Обновленческий иудаизм» Майкла Лернера (*Jewish Renewal*, 1994). Во многих американских синагогах в настоящее время действуют хавурот, предоставляя под священной сенью синагоги место евреям, проявляющим интерес к йоге, суфизму или Каббале. Многие сторонники обновленческого иудаизма без пиетета отзываются о Шехине, считая, что мир обновит союз между иудаизмом и другими духовными традициями.

Почти все религии предоставляют человеку возможность убедить себя в собственной праведности, высказываться именем Бога и даже вести во имя его войну

С точки зрения критиков, обновленческий иудаизм – это «иудаизм нью-эйдж», иначе говоря, не иудаизм вообще. Точно так же, как гуманистический иудаизм чуть ли не впал в агностицизм и даже атеизм, обновленческому иудаизму недостает именно обновления. Разве не сам Бог сказал: «Я отделил вас от народов, чтобы вы были Мои» (Лев 20:26)? Если так, кто мы такие, чтобы переходить границы религий? Выразители этой критики забывают, насколько податливой была иудейская традиция на протяжении тысячелетий и насколько важна была эта податливость для ее выживания. Идея иудаизма в чистом виде так же расплывчата, как идея буддизма, который не меняется. К примеру, хасидизм всевозможными способами претендует на традиционность, тем не менее является плодом XVIII века, безусловно, более старым, чем протестантский фундаментализм, и все-таки современным изобретением. То же самое справедливо и для ортодоксального иудаизма, который появился в Германии XIX века как ответ реформистскому иудаизму. Иудейская традиция всегда представляла собой танец, а возможно, и схватку старого с новым. Именно благодаря этому компромиссу она по-прежнему жива.

Если иудаизм – традиция предания и закона, то угаснуть ей не дают беседы и споры, пытливость учеников (а в наше время – и учениц) ешивы. Как излагать предания? Как толковать закон? Как положить конец изгнанию? Почти все религии предоставляют человеку возможность убедить себя в собственной праведности, высказываться именем Бога и даже вести во имя его войну. Это «кошунство уверенности» так же часто встречается среди нерелигиозных людей, только на их стороне не Бог, а наука или пролетариат⁴¹. Разумеется,

вышесказанное относится и к евреям – как религиозным, так и нерелигиозным. Тем не менее их традиция неоднократно предостерегает их от мыслей, не являющихся Божиими, напоминает Гиллелю, что в каких-то вопросах может быть прав Шаммай, а Шаммаю – что в чем-то может быть прав Гиллель. Потому что истинным знанием обладает лишь Бог, а мы, все прочие, вправе без опасений выяснять, как именно надо читать текст или соблюдать ту или иную заповедь – превращать учебу в отдых и воссоздание, а спор – в игру. Если религия без полемики мертва, возможно, иудаизм – самая живая из всех мировых религий.

Глава 8

Даосизм: путь благоденствия

Дао всего (с. 292) • Возвращение жизни (с. 297) • От исконности до инакомыслия (с. 300) • Лао-цзы и «Дао дэ цзин» (с. 302) • Обращение вспять и возвращение (с. 305) • Принцип становления (с. 307) • «Мягкая сила» (с. 310) • «Чжуан-цзы» и его автор (с. 311) • Популярный даосизм и супергерои-бессмертные (с. 315) • Нефритовый император и царица-мать Запада (с. 318) • Ортодокс и путь единства (с. 319) • Школа Совершенной Истины (с. 320) • Популярный даосизм (с. 321) • Философский и религиозный даосизм (с. 322) • Изменение и исчезновение (с. 324)

Двигатель современной жизни – целеустремленность. Несмотря на то, что немалая часть этой жизни проходит в офисном кресле, прежде всего она представляет собой скорость и эффективность – «гонку на одном месте»¹. В отличие от нее, скитания замедленны, непродуктивны и богаты неожиданностями. Тому, у кого есть цель, место назначения или хотя бы план, не до скитаний. Бесцельные по определению, скитания ближе к игре, чем к работе. Они предоставляют обстоятельствам и желаниям возможность нести нас, куда им заблагорассудится, пренебрегая последствиями.

В западных монотеистических религиях скитания изображаются как кара – то, что тебя ждет, если откусишь яблоко (Адам и Ева) или убьешь брата (Каин). Но в даосизме (или таоизме²) скитания – скорее возможность, нежели наказание. Даосский патриарх Люй Дунбинь трудился не покладая рук, стремясь удачно жениться, получить должность и добиться успеха, пока однажды во сне не увидел мельком, какую тюрьму он себе готовит на будущее. Ему приснилось, что он стал богатым и почтенным чиновником, обзавелся детьми и внуками и вдруг в результате скандала лишился всего, что имел, в том числе и семьи,

и эта вереница бед сломила его. Проснувшись, Люй Дунбинь решил вырваться из клетки, в которую посадил себя сам. Он провалился на государственных экзаменах и отправился в горы. В конце концов этот недоучка стал одним из почитаемых в даосизме Восьми Бессмертных.

«Странствовать вместе с дао», руководствуясь интуицией, желанием и детской любознательностью, – значит, узнавать, кто ты на самом деле, открывать в себе природную непосредственность, жизненную силу и свободу

Если христианам и мусульманам свойственно воспринимать наш мир как генеральную репетицию перед загробной жизнью, то мантра даосистов – «вот оно!» На социальном уровне даосизм представляет собой бунт земли против города, деревенского юга Китая против урбанистического севера. И на земле, и в своих телах мы находимся дома. Мы становимся собой в наименьшей степени, когда наши тела вынуждены передвигаться по городскому бетону и асфальту, и в наибольшей – когда мы бродим в окружении гор.

Поэтому неудивительно, что в даосских писаниях возможность блуждать названа свободой. Блуждания в лабиринте социальных условностей и ритуальных приличий, с петлей норм и «нормальности» на шее, – отчуждение от самого себя, от других людей, от окружения. Блуждания среди гор и долин – возвращение к первоистокам, в том числе и к своей натуре.

«Странствовать вместе с дао», руководствуясь интуицией, желанием и детской любознательностью, – значит, узнавать, кто ты на самом деле, открывать в себе природную непосредственность, жизненную силу и свободу³.

Первая глава классического даосского труда «Чжуан-цзы» называется «Свободное и легкое странствование» (название в другом переводе – «Странствия в беспредельном»). В ней говорится об одном мудреце, который «передвигался, управляя ветром, спокойно и искусно» в течение нескольких дней; о другом, который мог «странствовать в беспредельном», о третьем, который, «оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствует за пределами четырех морей» и о четвертом, который «блуждал в недеянии». В следующих главах мудрецом называется тот, кто «странствует за пределами мирской пыли», о скитаниях говорят императоры и даже сам Конфуций. По мнению китаиста Виктора Мэйра, который назвал свой перевод «Чжуан-цзы» «Скитания по пути», скитания – это, «вероятно, единственная важнейшая концепция текста, являющаяся его квинтэссенцией». Мэйр также добавляет, что слово «юй», которое обычно переводится как «скитания», также означает «игру» – это «обозначение для свободного движения трансцендентного рода, отличительной особенности просветленного существа». Такое движение может быть как мысленным, так и телесным. «Просто двигайся вместе со всем, отпустив свои помыслы скитаться, – советует «Чжуан-цзы». – Это высший путь»⁴.

Сам текст «Чжуан-цзы» – экскурсия в неожиданное, непредсказуемое и неведомое, пиньята парадокса, пародии, притчи и остроумия, только и ждущая момента, чтобы с детской радостью выставить напоказ свое содержимое. Одна история в ней причудливым образом сменяет другую, ничуть не заботясь о последовательности, упорядоченности, развитии сюжета. Все они словно усмеваются: не знаешь, куда идти, – значит, тебе сгодится и сам Дао (путь).

Все это может показаться немыслимым, неуместным, глупым. Разве бывают целенаправленно бесцельные скитания? Разве лучник может поразить мишень, не целясь? Однако мы знаем: если в бейсболе целиться слишком тщательно, питчер может и не попасть в страйк-зону. Любой тренер Малой лиги скажет, что питчер должен делать бросок, не целясь. Его задача – дать себе волю.

Дао всего

Даосизм – наименее известная на Западе азиатская религия, но в некоторых отношениях она же является самой распространенной. Даосизм популярен не только у него на родине, в Китае, где он наравне с конфуцианством и буддизмом занимает положение одного из трех великих учений, но и повсюду в Восточной и Юго-Восточной Азии – на Тайване, в Гонконге, Корее, Японии, Сингапуре и Вьетнаме. Благодаря иммиграции и массовой культуре он распространился в Австралии, Европе, США. В эпоху глобального потепления и загрязнения окружающей среды жителей стран Запада особенно привлекают характерное для даосизма бережное отношение к природе, его призывы жить в гармонии с ней. Любовь даосистов к природе, к горам, находит отражение в китайской пейзажной живописи, мотивы простоты, перемен и нонконформизма эхом звучат в китайской поэзии. Даосизм наложил глубокий отпечаток на акупунктуру, китайскую медицину, тайцзицюань.

Классический текст «Дао дэ цзин», также называемый «Лао-цзы» по имени его чтимого автора, – книга, переводов которой существует почти так же много, как переводов Библии. «Дао дэ цзин» занимает второе место среди наиболее влиятельных книг в китайской истории, уступая только «Лунь юй» Конфуция. Поскольку этот текст довольно сложен, трудно понять, чем объясняется его популярность, но ввиду его краткости и в то же время двусмысленности каждый может, как пишет Мэйр, «не только найти в нем то, что хочет, но и сделать это достаточно быстро»⁵.

Даосизму в большей степени, чем любой другой мировой религии, принесло пользу недавнее

возрождение классического образования – в равной степени китайцами, европейцами и американцами. Однако даосские Бессмертные прибыли на Запад на крыльях скорее массовой и популярной, нежели, академической культуры. «Библия буддиста» (1932), которую кумир битников Джек Керуак – Люй Дунбинь Америки 1950-х годов (Люй тоже питал слабость к женщинам и спиртному) – сунул в задний карман, отправляясь «в дорогу», содержала не только буддийские, но и даосские тексты. Друзья Керуака, битники, а вслед за ними и хиппи находились под влиянием не только Четырех Благородных Истин буддизма, но и даосской верности природе, простоте, непосредственности и свободе. Следовательно, спутники Керуака были не только, по его же выражению, «бродягами Дхармы», но и даосскими скитальцами, различными способами воспроизводившими экстаз древнекитайских шаманов, которые путешествовали в другие миры и возвращались с мудростью духов и богов (и рассказами о них).

Познакомиться с даосизмом в собственной гостиной или в кино еще проще, чем в местном книжном магазине. В мультипликационном телесериале «Симпсоны» Лиза помогает своему брату Барту выиграть турнир по мини-гольфу, подбадривая его сборной солянкой из мудростей и афоризмов даосизма и дзэн-буддизма. Та же комбинация представлена в телесериале «Кунг-фу» (1972–1975) и в таких популярных фильмах, как «Парень-каратист» (1984), «Черепашки ниндзя» (1990), «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» (2000). Даосизм наполняет содержанием фэн-шуй (буквально «ветер и вода») и «биодуховные» дыхательные упражнения цигун⁶. Фэн-шуй, который первоначально предназначался для выбора места захоронений в соответствии с теневой (инь) и солнечной (ян) сторонами кладбищенских холмов, теперь применяется в архитектуре и дизайне интерьеров как в Восточной Азии, так и на Западе. Самая известная из даосских практик цигун, фалуныгун, в 1999 году попала в Китае под запрет.

Важнейшие средства распространения даосизма во всем мире – тысячи школ боевых искусств, рассеянные по Азии и почти всем большим и малым городам Европы и США. К примеру, занимаясь тайцзицюань, дети, взрослые и старики узнают о таких ключевых понятиях даосизма, как ци (чи) и взаимодополняемость женского начала инь и мужского ян. И, что еще важнее, становятся их воплощением.

Влюбленность Запада в даосизм особенно заметна в названиях сотен книг, в том числе множества бестселлеров, которые начинаются с магического слова «дао (чего-либо)» и относятся почти ко всем аспектам жизни человека. Есть «дао-книги» о приготовлении пищи, питании, мытье посуды, преподавании, наставничестве, свиданиях, мечтах, компьютерах, литературе, купании, существовании, умирании и релаксации.

Фэн-шуй, который первоначально предназначался для выбора места захоронений в соответствии с теневой (инь) и солнечной (ян) сторонами кладбищенских холмов, теперь применяется в архитектуре и дизайне интерьеров

В отделе книг о спорте можно увидеть такие названия, как «Дао серфинга», «Дао гольфа», «Дао баскетбола», «Дао бейсбола», «Дао покера» и «Дао шахмат». Для ученых предназначены «дао-книги» по антропологии, психологии, политологии, статистике, а также хит Фритьофа Капра «Дао физики». Для духовных или религиозных читателей (или и тех, и других) – «Дао ислама», «Дао дзэн-буддизма», «Дао Иисуса», «Дао Христа» и даже книга о еврейском мистике Мартине Бубере под названием «Я и дао». Таким вечным темам, как секс, деньги, любовь и бизнес, посвящено множество «дао-книг». Элвис, Эмерсон, Мухаммед Али, Уоррен Баффет, Брюс Ли, Уилли Нелсон – о каждом из них написаны «дао-книги». А для тех, кто любит животных, есть «Дао гав-гав», «Дао мяу» и даже «Дао му-у».

Среди всех «дао-книг» наиболее сильный шок (и отвращение) вызывает название «Дао какашки» (*The Tao of Poop*), хотя ее подзаголовок отчасти утешает – «Как сохранить душевное

здоровье (и саму душу), пока воспитываешь ребенка». Самая известная из «дао-книг» – «Дао Винни-Пуха» Бенджамина Хоффа (1982), в которой даосские истины излагаются Винни-Пухом и его друзьями. Представляя «три великих учения» Китая, Хофф рассказывает читателям о свитке, на котором изображены Конфуций, Будда и Лао-цзы, пробуящие уксус. У Конфуция лицо кислое, на лице Будды горечь, а Лао-цзы улыбается, потому что жизнь для него так же сладка, как обожаемый Винни-Пухом мед⁷. Конечно, во многом это глупость. В фильме «Дао Стива» (*Tao of Steve*) звучит безнравственная реплика: «Я ищу не просветления, а подружку». Но такая глупость уместна, потому что даосские мудрецы, по всей видимости, смеются чаще и охотнее, чем, скажем, Иисус или Павел.

Даосские мудрецы смеются часто и охотно

Одна из причин, по которым даосизм так популярен на Западе – жители западных стран слишком мало о нем знают. Невежество дает нам возможность представить даосизм в любом виде, и поскольку в Европе и США явных даосистов немного, подправить свой имидж они не в состоянии. Справедливости ради следует отметить, что даосисты никогда и не пытались систематизировать свое учение. Они не только не преследовали еретиков, но даже не выявляли их. Даосский свод священных писаний можно назвать энциклопедическим (его составляют более тысячи томов) и противоречивым. Но даосисты никогда не пытались превратить свои изменчивые учения в догму – уместный подход для традиции, охотно принимающей перемены и созидание. Опять-таки подобно индуистам, даосисты не отрекались от новых веяний, а впитывали их. Эта традиция – непостижимое, перемешанное собрание философских наблюдений, нравственных рекомендаций, физических упражнений, медицинских теорий, рассказов о сверхъестественном, погребальных обрядов, методов продления жизни, поэтому в меньшей мере, чем любая другая религия, поддается определениям. Да, даосизм – традиция книг, как священных, так и шуточных. Но вместе с тем это традиция священных гор, паломничеств, праздников, вина, благовоний, гимнов, сексуальных практик, альтернативной медицины, боевых искусств, витиеватых речей и Бессмертных, которые «скитаются в тумане» и «танцуют в бесконечности»⁸.

Численность этих скитальцев и танцоров – такое же неуловимое понятие, как сам даосизм. Поскольку даосизм относится к «трем учениям» Китая, большинство китайцев считают себя вправе совершать действия, характерные для даосистов, буддистов и конфуцианцев, не причисляя себя исключительно к одной из этих традиций. Те, кто в целом относит себя к даосизму, обычно называют «даосами» только жрецов и мудрецов. Более того, приверженцы даосизма обычно не собираются общинами, численность которых можно подсчитать. Следовательно, вести подсчеты в этом случае так же невозможно, как давать определения. (База данных по мировым религиям, в которой ведутся таблицы с численностью приверженцев других религий, к этой задаче даже не пробует подступиться). На Тайване, где с 60-х годов XX века наблюдается даосский ренессанс, насчитывается около десяти тысяч даосских храмов и почти шесть миллионов даосистов⁹. О численности даосистов в Китае, где даосизм вновь воспрял духом, можно лишь догадываться, так как в официальной правительственной статистике учтены только священнослужители. Хотя даосизм часто ассоциируется с отшельниками и бунтарями, обычаи этой традиции издавна привлекали представителей разных социальных слоев, в том числе правительственных чиновников, поэтому под влиянием учений даосизма в той или иной мере находится большинство китайцев. Однако позиции даосизма в сельской местности на юге Китая прочнее, чем на урбанистическом севере. Правдоподобно выглядит такая цифра, как 50 миллионов человек на одной только материковой части Китая, хотя она легко может превысить 100 миллионов человек, если учесть всех тех, кто совершает восхождение на даосские горы, покровительствует даосским храмам или ставит у себя дома благовонные курения перед изображениями даосских Бессмертных¹⁰.

Тем не менее следует отметить, что современное влияние даосизма объясняется не столько

численностью его приверженцев, сколько силой воздействия и распространенностью его идей. Влияние даосизма можно встретить за его пределами – в неоконфуцианстве и дзэн-буддизме, однако даосизм не наложил на цивилизацию Восточной Азии такой же заметный отпечаток, как конфуцианство и буддизм. Сила даосизма почти неизменно контркультурна, его влияние по сей день продолжает проявляться в живописи и литературе, а не в политике и экономике. По этой причине даосизм значительно отстает от конфуцианства и буддизма по степени воздействия на современность.

Взрачивание жизни

Изменчивое всегда привлекало даосистов больше, чем постоянное, поэтому даосисты оспаривают почти все, в том числе и цель их традиции. Некоторые из них считают смерть естественным явлением, другие бросают ей вызов, стремясь к бессмертию. Тем не менее большинство даосистов согласны с тем, что нет ничего ценнее жизни, следовательно, высочайшей из практик называют искусство ее взращивания. Беда в том, что мы упускаем жизнь – либо не ведем ее во всей полноте, либо живем недолго. Мы изнуряем себя, продаем в рабство шаблонным, общепринятым мыслям и поступкам. Решение, предложенное даосистами, – жить полной жизнью, радоваться здоровью, физической крепости и долголетию. Здесь чувствуются отголоски ориентации израильской религии на земную жизнь и привычный мир, где Авраам и Моисей не стремятся на небеса, а живут долго, умирают своей смертью, и родные хоронят их.

С точки зрения некоторых даосистов, у благоденствия есть цель и повыше – физическое бессмертие. Даосисты стремятся стать бессмертными, которые питаются ветром, пьют росу, разъезжают верхом на тучах и драконах, в том числе достигая края света и оказываясь за его пределами. Но даже эти даосисты не рассчитывают на загробную жизнь и не боятся ее. Если древнегреческие философы считали бессмертной душу, покидающую тело после смерти, то даосисты утверждают, что доступное нам бессмертие можно обрести на земле, пребывая в физическом теле.

Философ Грейс Янтцен утверждает, что великая тайна, лежащая в основе мировых религий, – не смерть, а рождение¹¹. Это утверждение справедливо для даосизма, который представляет собой скорее взращивание жизни, чем победу над смертью. С точки зрения даосистов, процветание встроено в природу вещей. Люди созданы для того, чтобы процветать, – точно так же, как деревья созданы для того, чтобы расти. Но процветание возможно лишь в том случае, если мы живем в гармонии с естественными ритмами Дао. Увы, почти все мы подчиняемся диктату социальных условностей, нравственных правил, официального образования, ритуальных предписаний. Цивилизация здесь выступает в роли вампира. Своими уловками она высасывает из нас жизнь, истощает запасы нашей ци (жизненной энергии), рано сводит нас в могилу. Мы действуем целенаправленно, подчиняясь воле, а не сердцу. Мы слишком много думаем и слишком мало постигаем чутьем. Мы всерьез относимся к дихотомиям, которые, в сущности, ничем не различаются, выбираем между тем, что нам нравится и не нравится, что правильно и неправильно, что красиво и что безобразно. И с каждым днем понемногу умираем.

Все это внимание к общепринятым взглядам и нравственным нормам убивает не только личности. Оно разрушает гармонию в обществе, возможную лишь в том случае, когда каждый действует естественным для него образом. Если конфуцианцы считают этикет и ритуалы спасением от недугов мира, для даосистов и то, и другое – причины стоящей перед человеком проблемы безжизненности. Все сущее создано Дао, чтобы меняться спонтанно, без предупреждения. Но социальный хлам – этикет, ритуалы, язык, мышление, – формирует нас, сковывает, вымораживает. Мы возводим барьеры в своей личной и общественной жизни, эти барьеры делят космос, некогда бывший единым, на все более и более мелкие частицы, отделяют нас друг от друга, препятствуют «свободному движению Дао». Такое дробление побуждает людей воспринимать себя как обособленные атомы, отделенные друг от друга, как

и от Дао. И мы становимся чужеземцами на своей земле, исступленными творцами цивилизации, так называемый прогресс которой отрезает нас от изначальной гармонии «девственно-чистого Дао»¹².

Другими словами, конфуцианское стремление активно культивировать такие добродетели, как жэнь (человечность) и ли (приличия), не просто бесполезно – оно вредно и для благоденствия отдельно взятой личности, и для гармонии в обществе. То, что конфуцианцы считают самосовершенствованием, на самом деле саморазрушение. Неудивительно, что многих учеников Конфуция ждала ранняя гибель: «Однако Янь Юань рано умер, Цзы-лу засолили в Вэй, Цзы-ся потерял зрение, Жань Боню заболел проказой». Все они положили свою природу и жизнь на алтарь ложного бога общественных условностей¹³.

В таких непростых условиях существует мудрец. Если чопорный цзюньцзы («благородный муж») служит примером для конфуцианцев, то непосредственный мудрец, которого также называют «истинным человеком» (чжэньжэнь) – образец в даосской традиции. Нестесненный социальными кандалами мудрец действует искренне и спонтанно, ничего не ждет и не ставит перед собой цели. Его готовность полагаться не на книжную ученость, а на интуитивную мудрость выставляет его глупцом перед сторонними наблюдателями. Однако он, открыто пренебрегая социальными нормами, способен пробиться сквозь высасывающие жизненную силу препятствия, нарастающие вокруг уловок, и дать возможность дарующему жизнь Дао перемещаться, куда ему вздумается. Только такое Дао способно вернуть нас к жизни. И мудрец олицетворяет его, сочетая в своем теле энергию ребенка и действенность матери.

Из всех крупных мировых религий даосизм, вероятно, испытывает наибольшую неприязнь к доктрине

Методы, которые даосисты применяют для достижения этой цели, возвращения жизни, предназначены не только для того, чтобы сохранить здоровье и обрести долголетие: с их помощью можно жить насыщенной, подлинной жизнью. Как правило, эти методы направлены на сохранение и стимуляцию нашей ци, гармонию наших инь и ян, а также возвращение к созидательному Дао. К таким методам относятся «сидение и забвение», «умственное воздержание», «свободное и легкое странствование». К ним также причисляют режимы питания, управление дыханием, упражнения на визуализацию, обряды очищения, сексуальные практики, техники медитации, различные физические упражнения, для которых за образец приняты движения животных-долгожителей («висят на деревьях медведи, вытягиваются птицы»)¹⁴. В области внешней алхимии древние даосы экспериментировали с киноварью, создавая эликсиры бессмертия – так, как стремился заполучить растение бессмертия главный герой древнего месопотамского эпоса Гильгамеш. В области внутренней алхимии, развившейся в XI веке н. э., лабораторией стало само человеческое тело, и потенциальные мудрецы стремились создать «зародыш бессмертия» в себе, манипулируя «тремя сокровищами» человеческого организма: ци (жизненной силой), цзин (энергией половых желез внутренней секреции) и шэнь (духом)¹⁵.

Все эти методы действуют, благоприятствуя союзу с дарующим жизнь Дао, поскольку жизненная сила, долголетие и даже бессмертие возможны лишь при условии жизни в гармонии с естественными ритмами сущего. Я могу быть отцом, сыном и профессором, но с даосской точки зрения ни одна из этих социальных ролей не отражает мою истинную сущность. Дело в том, что я принадлежу к природе, а не к обществу. Поэтому когда я говорю, что очередное собрание меня убивает или что некая вечеринка для меня – смерть, я выражаюсь не метафорически, а буквально. Ритуалы и этикет, которыми так дорожат конфуцианцы, лишают нас жизненной энергии и укорачивают нашу жизнь. А скитания по горам избавляют нас от смертельно опасных подробностей повседневной жизни в обществе, насыщают силой, необходимой в пути. Только «обретение Дао» позволяет нам достичь свободы и жизненной силы мудреца.

Как свидетельствует это стремление к насыщенной и долгой жизни, конек даосизма – эмпирический аспект. Вместо того, чтобы доискиваться истины по примеру древних греков, даосизм задается вопросом, куда идти: какой путь ведет к Пути (Дао)? В сущности, из всех крупных мировых религий даосизм, вероятно, испытывает наибольшую неприязнь к доктрине. Содержащаяся в нем мудрость вкраплена в притчи и парадоксы, зачастую она оказывается тайной. Суть ее интуитивных знаний в том, что существует естественный путь, называемый Дао, который в любой конкретный момент мы можем избрать или отвергнуть. Быть человеком – значит двигаться в танце вместе с этим Дао, подчиняться ритму его основополагающих ценностей – естественности, уравновешенности, спонтанности и свободы.

От исконности до инакомыслия

Влияние даосизма нарастало и ослабевало на всем протяжении истории Китая, однако почти всегда оно играло вторую скрипку для своего двойника, конфуцианства. Даосизм возник посреди конфуцианской цивилизации, даосский джаз с самого начала резко контрастировал с симфонией конфуцианства. Если конфуцианцы утверждают, что человек лишь в обществе становится в полной мере человеком, даосисты считают, что лишь естественность делает нас людьми. Поскольку «девственно-чистое Дао» содержится в нас, все, что от нас требуется, – быть собой¹⁶. Такой подход наверняка приятно взволнует тех из нас, кто в обществе чувствует себя запертым в клетку, а китайские правители слышали в нем отзвуки бунта и анархии. Поэтому чиновники, как правило, похвально отзывались о конфуцианских философах и прозаиках – в отличие от поэзии даосских отшельников.

Но большинство китайцев воспринимают эти две традиции как взаимодополняющие, а не противоречащие одна другой. С самого начала даосисты считали Конфуция своим (хотя кажется, что в даосских текстах ему отведена одна роль: сначала продемонстрировать свою недалекость, а потом признать правоту даосов и склониться перед ними). Между тем и конфуцианцы заимствовали немало даосских духовных дисциплин. Следовательно, на протяжении китайской истории конфуцианцы и даосисты не просто существовали, но и дополняли друг друга: конфуцианский коммунитаризм и даосский индивидуализм, конфуцианская педантичность и даосская изменчивость, жесткое ян конфуцианства и мягкое инь даосизма.

Во II веке до н. э. даосизм на краткое время проник в правящие круги, но его сферой чаще всего становились не правители, а подданные. Общественная поддержка даосизма усилилась в IV–V веках н. э., примерно в то же время даосисты приступили к составлению своего грандиозного собрания канонических текстов, 1200 трудов которого разделены на «три пещеры» (по образцу буддийской Трипитаки, или «трех корзин»). В сельской местности, где даосизм вобрал в себя местные праздники и популярные божества, даосисты ставили свою традицию превыше «трех учений», смело изображая Будду воплощением даосского мудреца Лао-цзы, а Конфуция – его смиренным, а иногда и недалеким учеником.

Расцвет даосизма пришелся на эпоху династии Тан (618–907), когда императорское семейство, которое объединяла с Лао-цзы фамилия, укрепило одновременно и его, и собственный статус. Объявив Лао-цзы «высшим досточтимым владыкой исконности», день его рождения сделали государственным праздником, а «Дао дэ цзин» включили в список книг, знание которых требовалось для сдачи государственного экзамена на звание чиновника¹⁷. Кроме того, даосским монастырям и храмам были пожалованы настолько внушительные суммы, что к середине VIII века в государстве насчитывалось 1687 даосских храмов и монастырей (в том числе 550 женских)¹⁸.

В XIII веке даосские книги подвергались сожжению. В XVII веке даосизм был осужден христианами миссионерами, как «инакомыслие», а китайские власти стали считать его излишне ритуализированным и далеким от науки суеверием¹⁹. Во время восстания тайпинов (1851–1864) во главе с провидцем, называвшим себя братом Иисуса, даосских жрецов убивали,

монастыри разрушали повсюду, где к власти приходили восставшие. В 1949 году, когда власть захватили коммунисты, даосизм запрещали как пережиток феодального прошлого. При Мао Цзэдуне посвящения в сан прекратились, праздники оказались под запретом, храмы и монастыри либо закрыли, либо преобразовали в предприятия или правительственные учреждения. При Дэн Сяопине, который пришел к власти в 1978 году, религиозные гонения прекратились, даосизм был признан одной из пяти официальных религий.

Сегодня в даосизме меньше профессиональных священнослужителей, чем в любом другом из официально признанных религиозных сообществ Китая (буддизме, протестантизме, католичестве и исламе), однако в настоящее время посвящения в сан возобновились²⁰. Благодаря обусловленному духовными причинами притоку денег из-за рубежа и поддержке правительства, рассчитанной на развитие туризма, более тысячи даосских храмов реставрировали и открыли вновь. Самые популярные даосские праздники посещают более ста тысяч приверженцев даосизма. Храмовый комплекс на горе Уданшань в провинции Хубэй и храм на горе Маошань в провинции Цзянсу ежегодно привлекают сотни тысяч паломников и туристов. На средства, которые эти посещения принесли храму на горе Маошань, в 1998 году там была воздвигнута самая большая в мире бронзовая статуя Лао-цзы.

В настоящее время даосизм представлен в Китае главным образом двумя школами: более ранней Школой Небесных Наставников, популярной на юге, и Школой Совершенной Истины, распространенной на севере. Западные специалисты, стремившиеся определить различия между этими сектами по примеру различий между протестантами и католиками, в конце концов запутались в противоречиях. Хотя лидеров Школы Небесных Наставников называют «даосскими папами [римскими]», celibата, подобно католикам, они не придерживаются. И хотя сторонники Школы Совершенной Истины, подобно протестантам, восставали против склонности Школы Небесных Наставников к магии и ритуалам, с католиками первую из них роднит акцент на монашестве и требование, чтобы их лидеры соблюдали celibат.

Лао-цзы и «Дао дэ цзин»

Даосисты ведут свою историю от Лао-цзы и приписываемого ему загадочного трактата «Дао дэ цзин». «Дао» означает «путь», «дэ» – «силу или добродетель», «цзин» – «классический труд». Следовательно, «Дао дэ цзин» – «Книга пути и его силы» или «Книга пути и его добродетели». Обычно этот текст датируют VI веком до н. э., в результате Лао-цзы оказывается современником Будды. Но поскольку новые открытия помогли установить, что Будда жил не так давно, как полагали ранее, теперь «Дао дэ цзин» чаще датируют III–IV веками до н. э., хотя многие из его ключевых концепций гораздо древнее. В отличие от иудейских и христианских писаний, изобилующих именами и датами, а также претендующих на историческую достоверность, «Дао дэ цзин» «не содержит дат и не упоминает имен собственных, ничем не указывая на свою связь с историей»²¹. Его территория – краткое изречение на все времена. Основополагающая концепция, Дао, превышает смены исторических эпох. Что касается самого Лао-цзы, есть вероятность, что его не существовало вообще, следовательно, «Дао дэ цзин» может оказаться плодом трудов множества авторов. В любом случае предания о том, как Лао-цзы соперничал с Конфуцием (и побеждал последнего) – скорее всего, вымысел. Тем не менее эти предания сохранились, так что в некотором смысле Лао-цзы не только жил когда-то, но и продолжает жить сейчас.

Само имя «Лао-цзы» означает «мудрый старец» или «старый младенец». Согласно преданию, Лао-цзы родился старым, как главный герой фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», которого играет Брэд Питт. В молодости Лао-цзы служил хранителем архива государства Чжоу. Но однажды, убежденный в том, что упадок цивилизации неизбежен, он бросил эту завидную работу. Сев верхом на буйвола, Лао-цзы последовал совету, позднее увековеченному американским журналистом Хорасом Грили – «ступай на запад, юноша». В данном случае под западом подразумевалась граница, отделяющая китайцев от «варваров». Прежде чем Лао-цзы ступил на неизведанную территорию, воин, охраняющий границу, зная о

репутации Лао-цзы как мудреца, попросил что-нибудь написать ему на память. Ответом Лао-цзы стала книга, содержащая около пяти тысяч иероглифов, ныне известная под названием «Дао дэ цзин». Написав ее, Лао-цзы неторопливо двинулся в сторону западных гор, и с тех пор о нем больше никто не слышал. Возможно, он добрался до Индии, где приобрел известность как Будда. Или отправился в Персию, где под именем Мани способствовал распространению христианской ереси, манихейства. Или же он вознесся на небо. Так или иначе, его стали чтить как «господина Лао», воплощение самого Дао.

Восемьдесят одну короткую главу «Дао дэ цзин», также называемого по имени предполагаемого автора («Лао-цзы»), можно успеть прочитать, пока пьешь кофе, но эти строки тысячелетиями радовали и озадачивали читателей. Загадочный классический труд, в котором сочетаются поэзия и проза, разделен на две части: более мистическая вступительная посвящена Дао, имеющая больше отношения к политике завершающая – дэ. Конфуцианцы с давних времен толкуют «Дао дэ цзин» как философский текст, и западные китаисты обычно следуют их примеру, однако новое поколение толкователей также принимает во внимание духовные и религиозные элементы текста, в том числе уходящие корнями в древнекитайские традиции шаманизма и гадания.

Восемьдесят одну короткую главу «Дао дэ цзин» можно успеть прочитать, пока пьешь кофе, но эти строки тысячелетиями радовали и озадачивали читателей

обычно переводимый словом «путь» термин «дао» также означает «способ». Представители всех великих китайских школ ломали голову над этим ключевым словом, но даосисты, как свидетельствует их название, озадачились всей глубиной его значения, разными способами пытались узнать, к чему оно способно привести. И оно привело обратно к источнику, к той неявной силе, которая создает все сущее, поддерживает его, проникает в него, то есть к самому Дао. Трансцендентное и имманентное, обладающее совершенством и потенциалом, не имеющее ни начала, ни конца Дао относится к теологии в той же мере, как и к философии. Все исходит из него (первоначально) и возвращается к нему (в конце концов). Так что оно и представляет собой высшую реальность, и пронизывает все сущее, в том числе нашу кровь и кости. «Дао недалеко, – говорит даосский мудрец, – оно здесь, в моем теле»²². Согласно Лао-цзы (или тому, кто написал «Дао дэ цзин»), это обезличенное Дао недоступно обычному языку и разуму, поэтому его невозможно ни понять полностью, ни исчерпывающе описать. При попытках уловить его суть она ускользает между пальцами. Поэтому даосисты хоть и пользуются языком для описания Дао, но обычно делают это шутивно и смиренно. Дао – путь необузданной природы, путь подлинной человеческой жизни и гармоничный союз этих двух элементов. Вместе с тем это и гармония в обществе, так высоко ценимая конфуцианцами: когда каждый действует истинным образом и не прибегает к уловкам, естественным результатом становится общественный порядок.

Обращение вспять и возвращение

Чаще всего в «Дао дэ цзин» встречается глагол «возвращаться», именно он придает тексту импульс. Лао-цзы настойчиво советует нам вернуться к изначальному единству самого Дао. «Спокойствие – это возвращение», – гласит «Дао дэ цзин», следовательно, «вернитесь к состоянию младенчества», «к состоянию обычного камня»²³. Одним из главных мотивов итальянского Ренессанса было возвращение *ad fontes* – к истокам. В «Дао дэ цзин» имеется в виду движение назад к природе, к бесконечно плодородным водам, из которых некогда появилось все, что в ней существует. «Движение Дао, – пишет Лао-цзы, – это возвращение»²⁴. А плоды этого пути домой – возрождение и обновление.

Возвращение необходимо лишь потому, что люди забыли природные ритмы, расстались с ними ради искусственных синкоп цивилизации. При рождении люди в полной мере владеют Дао. По известной метафоре из «Дао дэ цзин», мы – обычные, необработанные камни, сама простота. Однако конфуцианцы и другие представители цивилизации настаивают на том, что

эти камни надо обтесать, превратив в полезных родителей и подданных, мужей и жен. Лао-цзы видит в каждом ударе по камню маленькую смерть, в каждом осколке – кражу присущей нам от природы жизненной силы, истощение, сокращение продолжительности нашей жизни. Но как могут подтвердить Генри Дэвид Торо и Гек Финн, обычай обтесывать камни также лишает нас уникальности. Разве можем мы быть собой, если общество постоянно стремится превратить нас в кого-то другого? Неужели потребность правительства в добросовестных гражданах и потребность семьи в заботливых детях превыше нашего личного желания благоденствовать на свой лад и на своих условиях?

Здесь Лао-цзы отвечает конфуцианцам, убежденным, что наибольшего расцвета человечество и общество достигают в том случае, когда они неразрывно взаимосвязаны. Но для Лао-цзы ритуалы и этикет «приличного общества» – ловушка. Путь назад, то самое возвращение, – поворот вспять процесса социализации. Путь к свободе лежит через природу, в гораздо большей мере, чем общество, олицетворяющую единство и гармонию Дао. Живущие в обществе люди, которые действуют методами принуждения, борются с тем, как устроена природа, пытаются плыть против течения. «Люди природы» принимают ее такой, какая она есть. И если их подхватывает течение, они плывут вместе с ним до тех пор, пока им не представится возможность спокойно выбраться на берег.

Как и полагается настоящему путешествию, Дао удивит вас. Мало того, порой кажется, будто удивлять – его единственная задача

С темой возвращения тесно связана тема поворота вспять. Как и полагается настоящему путешествию, Дао удивит вас. Мало того, порой кажется, будто удивлять – его единственная задача. В новозаветных притчах об Иисусе Царство Божие – в первую очередь кардинальная перемена, полное несоответствие нашим ожиданиям: богатые поставлены перед бедными, а последние – перед первыми. В «Дао дэ цзин» наши ожидания переворачивает с ног на голову Дао. От нас требуется сдаться, а не настаивать на своем, отпустить, а не цепляться. Требуется предпочитать долины, на которых безопаснее в бурю, женщин, живущих дольше мужчин, и младенцев, свобода и жизненная сила которых ничем не ограничены. Подобно Джеймсу Айджи, который в книге «Восславим известных» (*Let Us Now Praise Famous Men*, 1941) прославляет повседневную жизнь тех, кого принято считать «ником», даосизм выступает на стороне побежденных. В бесконечном танце пассивного инь и активного ян нам следует объединяться с мягким и податливым, слабым и кротким. Мы должны дожидаться, когда что-либо придет к нам само, а не гнаться за тем, чего, как нам кажется, мы хотим, считая необходимым для нас. И все почему? Потому что уступчивость делает нас свободными, а свобода приносит благоденствие.

Следовательно, цель человеческой жизни – слияние с Дао, подражание его благоденствию ради благоденствия собственного. Лучшая метафора для Дао, которое невозможно описать, следовательно, можно лишь приблизиться к его описанию посредством метафоры (и то не без робости), – сама природа. Так что когда Лао-цзы хочет узнать, как действовать, он обращается к миру природы, которая не подвергалась ни социализации, ни окультуриванию. Он смотрит на младенца, который еще не научился притворяться. Он смотрит на воды, текущие с гор в долину, – воды, которые и не пытаются поступать противоположным образом.

И младенец, и вода олицетворяют у-вэй – еще одну ключевую концепцию «Дао дэ цзин». «У-вэй» буквально означает «бездействие», и в даосских текстах это слово может означать либо полное отсутствие действий, либо их сокращение до минимума. Но гораздо чаще под ним подразумеваются действия по примеру природы, то есть спонтанные, без усилий, исходящие из глубины существа, – совершение того или иного поступка, потому что в конкретный момент он кажется правильным, а не потому, что он предписан законом или божеством. Противоположность у-вэй – не просто действие, а действие с умыслом, с хитростью. Действовать в духе «невмешательства», как иногда переводят у-вэй, – значит,

спокойно подчиниться тому, что есть, вместо того, чтобы сопротивляться во имя того, что должно быть.

Кто-то однажды объяснял мне, что такое у-вэй, пользуясь для сравнения выбором, который стоит перед серфером. Взлетая и опускаясь вместе с океанскими волнами, серфер видит перед собой три пути. Он может начать грести, направляясь к берегу (намеренное действие). Может просто плыть по воле волн (недействие). А может поймать волну (у-вэй). Мой коллега Дэвид Эккел считает лучшей метафорой у-вэй воду, которая без усилий стекает со склона холма. Падающая вода – образец даосской добродетели «цзыжань», буквально «сам по себе», но обычно относящуюся к спонтанным действиям или к готовности предоставить событиям возможность идти своим чередом. «Дао дэ цзин» называет воду примером парадоксальной силы слабости. Лао-цзы увещевает нас быть гибкими и податливыми, как вода, которая точит камень, не обрушиваясь на него с размаху, а обтекая его. «В мире нет ничего более мягкого и слабого, чем вода, – пишет Лао-цзы, – но в схватке с жестким и сильным ее не может превзойти ничто»²⁵.

Принцип становления

Если судить по приведенным выше цитатам, может создаться впечатление, будто бы «Дао дэ цзин» выступает за превосходство пассивного инь над активным ян. «Знай мужчин, – пишет Лао-цзы, – но держись ближе к женщинам»²⁶. Однако цель всех этих рассуждений о долине и пустоте, простоте и спокойствии, – гармония. По мнению даосистов, инь и ян – противоположные, но взаимодополняющие (и взаимопроникающие) начала, содержащие частицы друг друга и вечно проникающие одно в другое. Поэтому даосисты стремятся к гармоничному единству этих двух начал. Но во время написания «Дао дэ цзин» энергия ян конфуцианства вышла из-под контроля. Уравновесить ее мог только приток инь.

Обращаясь к зороастризму, западные монотеистические религии говорят о космической битве двух противоположных начал и молятся о полной победе света над тьмой. К этому источнику припадают даже авторы голливудских фильмов. Но в «Дао дэ цзин» Дао не является ни хорошим, ни плохим. Конфуцианцы могут сколько угодно искать различия между красотой и безобразием, высшим и низшим, сильным и слабым, а Лао-цзы считает подобные суждения и ложными, и опасными. «Дао дэ цзин» изобилует упоминаниями о всевозможных парах, которые почти все мы считаем противоположностями. И в каждом случае оказывается, что противоположности на самом деле взаимно дополняют и даже перетекают друг в друга. Поэтому любые попытки принять ту или другую сторону тщетны и только вызывают раздражение. Зато надежду дарит гармония наряду с пониманием, что на самом деле все меняется: день сменяется ночью, лето – зимой, и наоборот.

«Дао дэ цзин» начинается двумя загадочными строками, которые тысячелетиями дразнили, злили и радовали переводчиков. Обычно их переводят следующим образом: «Дао, которое может быть высказано, не есть вечное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть вечное имя». Такая передача смысла указывает на мистическое прочтение: Дао

Цель всех рассуждений о долине и пустоте, простоте и спокойствии, – гармония

является неизреченным и неопишуемым, как Аллах для суфиев и Бог для каббалистов. Однако мой коллега Томас Майкл предлагает другую интерпретацию. В этих строках говорится о переменах и созидании, утверждает он. Вместо того, чтобы служить мистическим утверждением, это наблюдение относится к переменам и оправдывает созидание. Ключ к смыслу каждой фразы – не в субъекте, а в объекте, то есть ключевые слова здесь – «нет» и «вечное», или, в переводе Майкла, «постоянное»: «Дао может вести, но не существует постоянных Дао. Имена могут называть, но не существует постоянных имен»²⁷.

Вторая строка чуть проще поддается разбору. Именем «профессор» можно назвать меня в

одном контексте (например, когда я веду занятия), однако оно не подойдет в других контекстах (например, когда я «тренер» футбольной команды, в которой играет моя дочь, или «сын» за столом в доме моих родителей в День благодарения). Первая строчка каверзнее, но и ее можно объяснить. Существует множество Дао – в смысле, «способов» делать что-либо. Следование им может привести нас туда, куда мы хотим прийти. Но эти Дао не остаются постоянными, так как постоянно меняются обстоятельства, в которых эти Дао применяют. Возьмем пример с баскетболом, приведенный Майклом: дао игры в баскетбол существовало в те времена, когда Джеймс Нейсмит изобрел эту игру, и в 90-х годах XIX века это дао могло привести к победе.

«Дао дэ цзин» начинается двумя загадочными строками, которые тысячелетиями дразнили, злили и радовали переводчиков. Обычно их переводят следующим образом: «Дао, которое может быть высказано, не есть вечное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть вечное имя»

Однако оно не годилось для Майкла Джордана и Ларри Берда из НБА 90-х годов XX века. Почему? Потому что обстоятельства меняются. Потому что игроки стали выше ростом, быстрее и, помимо всего прочего, предпочитают забрасывать мяч в прыжке и сверху, с положения над корзиной.

Религиозные институты обычно лишь усугубляют стремление уцепиться за то, что остается неизменным. В отличие от них,

«Дао дэ цзин» призывает нас радоваться метаморфозам. Даосская традиция содержит предание о сотворении, которое переиначивает американский девиз «E Pluribus Unum»

(«Из многих – единое»), утверждая, что «из единого – многое». В начале было Дао – неизменное, бесформенное и неделимое, но вместе с тем порождающее, преобразующее и плодотворное – мать всего, чему предстояло появиться. Из этого изначального единства возникает ци, жизненная сила, присутствующая в любой материи, в том числе и в человеке. Затем эта жизненная сила порождает инь-ян, а они, в свою очередь, – три мира: небеса, мир людей и землю; пять стихий – воду, металл, огонь, дерево и землю, а также десятки тысяч вещей, то есть все прочее. Все, в том числе и люди, сделано из ци с разными пропорциями инь и ян. Бесконечное взаимодействие ци инь и ци ян вечно порождает новое и преобразует старое. В итоге эта космология одного, двух и десяти тысяч отвечает не только на вопрос «как появилось все, что существует в мире?», но и «как меняется все сущее?»

Немецкий богослов Пауль Тиллих дал известное определение Бога как «принципа бытия»²⁸. Это определение относится и к безличному Дао, но в первую очередь Дао – «принцип становления», естественный процесс, фундамент генеративности и перемен. Эта творческая трансформация происходит на виду в мире природы, где ежедневно свет сменяется тьмой, ежегодно чередуются весна, лето, осень и зима и в каждой жизни присутствуют и рождение, и смерть. То же самое относится к богатству и бедности, порядку и хаосу, войне и миру. Природа вещей не статична, а изменчива. И Дао – принцип этого становления.

«Мягкая сила»

«Дао дэ цзин» – не просто мистический, метафизический и мифологический текст, но и справочник по жизни, в том числе политической. Так что вторая половина этого классического труда посвящена «дэ», то есть силе или добродетели. Здесь отличие Лао-цзы от его конфуцианских друзей становится очевидным. Конфуций утверждал, что проблема хаоса в обществе будет решена методами общественной гармонии, только когда правители, равно как и подданные, приобретут классическое образование и будут взращивать в себе такие добродетели, как жэнь (благоволение). Лао-цзы дает прямо противоположный совет. Он велит правителям «отказаться от знаний» и «прекратить благоволение», добавляя, что «это будет в

сто раз лучше для людей»²⁹. В англиканском молитвеннике говорится о признании как в совершенных грехах, так и в тех, которые не были совершены. По мнению Лао-цзы, то, что так и не было совершено, представляет гораздо меньшую опасность.

Считается, что книга «Дао дэ цзин» была написана Лао-цзы перед тем, как он удалился в горы, в ней жизнь отшельника на лоне природы названа более предпочтительной, чем поддельная жизнь чиновника, которую он вел ранее. Лао-цзы говорит, что человек не должен жить под гнетом правителя, отца или мужа, человек должен быть свободным. В отличие от английского философа XVII века Томаса Гоббса, известного утверждением, что в натуральном состоянии жизнь человека была бы «омерзительна, жестока и коротка», Лао-цзы убежден, что в обществе, где все действуют естественным и непосредственным образом, жизнь человека приятна, гуманна и продолжительна. Но Лао-цзы не анархист. «Мягкая сила» для него предпочтительнее отсутствия силы. Ему представляются небольшие и не конкурирующие друг с другом сообщества, существующие в гармонии потому, что их правительства, в соответствии с у-вэй, стараются совершать как можно меньше действий и предоставляют остальное природе. Известный судья Верховного суда США Луис Брэндайс ссылаясь на Лао-цзы, когда говорил о высшем судебном органе Америки и утверждал, что «самое важное из наших действий – когда мы не действуем»³⁰.

«Чжуан-цзы» и его автор

Следующий классический даосский труд, авторитетностью уступающий только «Дао дэ цзин», – «Чжуан-цзы», названный по имени Чжуан-цзы (369–286 годы до н. э.), последователя Лао-цзы и современника конфуцианского мыслителя Мэн-цзы. О Чжуан-цзы мы знаем больше, чем о Лао-цзы, но все равно немного. Биографический очерк I или II века до н. э. изображает его автором антиконфуцианских аллегорий, рассмеявшимся в лицо главному министру, предложившему ему должность управляющего. «Да я лучше буду плескаться в какой-нибудь зловонной сточной канаве, – говорит Чжуан-цзы, – чем вести жизнь раба у правителя царства»³¹.

Признанный шедевром мировой литературы трактат «Чжуан-цзы», появившийся, вероятно, в IV–II веках до н. э., состоит из семи «внутренних глав», скорее всего, написанных самим Чжуан-цзы, пятнадцати «внешних глав» и одиннадцати «прочих глав», авторами которых могли являться последователи Чжуан-цзы. Эта книга оказала заметное влияние не только на даосизм, но и на чань-буддизм, известный в Японии под названием дзэн-буддизма. Как и дзэн-буддизм, «Чжуан-цзы» с помощью языка подвергает язык сомнению. С дзэн-буддизмом эту книгу также роднит убежденность, что предметы, наиболее заслуживающие внимания, можно найти повсюду, куда ни глянь. В известном коане сказано: «Что есть Будда?» – «Сухое дерьмо». «Чжуан-цзы» извещает нас, что Дао можно обнаружить даже в экскрементах.

Как видно из последнего замечания, «Чжуан-цзы» – озорной текст. Его предполагаемого автора называли «мистиком, сатириком, нигилистом, гедонистом, романтиком», а также «глубоко мыслящим и блистательным паяцем, сокрушающим нашу тягостную усерзненность»³². Приписываемые ему слова можно истолковать как угодно, зачастую одновременно. Задолго до того, как американский поэт Уолт Уитмен писал: «По-твоему, я противоречу себе? Ну что же, значит, я противоречу себе», Чжуан-цзы утверждал (наверняка с хитрой усмешкой), что споры – это тупик. Пока его современники, конфуцианцы, моисты и легисты обращались к логике и риторике, развивая аргументы, Чжуан-цзы рассказывал притчи. В обществе, которое ценило пользу, «Чжуан-цзы» отстаивал бесполезность, пел хвалу дереву, настолько изогнутому и неухоженному, что оно годится разве что давать тень, в которой можно вздремнуть среди дня. Чжуан-цзы не хотел, чтобы Дао приносило пользу в политике или даже в философии. Он хотел, чтобы оно ни на что не годилось. То же самое относится к каждому из нас. Вместо того, чтобы становиться полезными, он советовал стать бесполезными. И тогда все оставят вас в покое.

«Чжуан-цзы» извещает нас, что Дао можно обнаружить даже в экскрементах

В «Чжуан-цзы» входят главы с такими названиями «Перепонки между пальцами ног», среди множества ее персонажей можно встретить таких диковинных, как «учитель робкий болтун», «горбатый бормотун», «распорядитель жертвоприношений», «дядюшка ничтожество», «благородный ворчун», «безумный заика», словно выскочивших откуда-нибудь из рассказа Фланнери О'Коннор³³. Если «Дао дэ цзин» – философский труд, то «Чжуан-цзы» – литературное произведение, вдобавок комедийное. В нем басни и вымысел поставлены на службу сатире, книга занимает место в ряду самых смешных и самых непочтительных религиозных писаний. По мнению «Чжуан-цзы», один из способов справиться со смертью и упадком, – идти вперед, играя и смеясь. Если бы во времена Конфуция существовали ножи и вилки, его чопорные последователи ели бы лапшу чинно, пользуясь приборами. Но не Чжуан-цзы: он бы всасывал ее.

Поднимая многие ключевые темы «Дао дэ цзин», «Чжуан-цзы» делает акцент на изменчивости и на том, насколько тщетны попытки сопротивляться ей. «Чжу-ан-цзы» радуется простоте, спонтанности, гибкости и свободе, отмечая, что правила и принципы стоят на пути к личному счастью и гармонии в обществе. («Избавься от праведности, – читаем мы в «Чжуан-цзы», – и станешь праведным от природы»³⁴). Однако Чжуан-цзы в меньшей степени, чем Лао-цзы, заинтересован в распространении политических советов. Если Лао-цзы хотя бы отчасти затрагивал конфуцианскую проблему хаоса в обществе, Чжуан-цзы рассматривает трудности, с которыми сталкивается человек, почти исключительно сквозь призму индивидуальности. Проблему представляет безжизненность, порожденная принятыми в обществе обычаями, которые так ценят конфуцианцы. Решение – полноценная жизнь, то есть здоровье, долголетие, и, возможно, даже телесное бессмертие. Но ничто из перечисленного невозможно без свободы от высасывающих жизненные соки социальных условностей.

«Чжуан-цзы» также отличается от «Дао дэ цзин» тем, что предпочитает притчи изречениям. Одна из самых едких притч рассказывает о том, как редкая морская птица была обнаружена вдали от океана, в городе Лу. Местный правитель встретил ее как почетного гостя из дальних стран. Приготовили пышный пир, заиграла музыка, начали разливать вино. Но птица, ошеломленная всей этой суматохой, через три дня умерла³⁵.

Автор книги «Уход из церкви» (*Leaving Church*, 2006) Барбара Браун Тейлор пишет о том, как оставила службу епископального священника, – службу, которая ее убивала. Рассказывая об этом, она побуждает читателей задаваться вопросом, что в их жизни губит их, а что вселяет жизненную силу. Тот же вызов бросает людям и даосизм. В одной из самых известных притч «Чжуан-цзы» правитель посылает своих чиновников убедить Чжуан-цзы занять видный государственный пост. Но Чжуан-цзы, который как раз ловит рыбу, не удостоивает посланников даже взглядом. Не выпуская из рук удочку, он рассказывает о высохших костях древней черепахи, которые некий правитель хранит в храме и демонстрирует во время особых обрядов. «Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле?» – спросил Чжуан-цзы. «Лучше быть живой и волочить хвост по земле», – ответили знатные мужи. «Вот и я хочу волочить хвост по земле, – заключил Чжуан-цзы. – Уходите!»³⁶

В «Чжуан-цзы» говорится о разнообразных способах уйти от проблемы безжизненности к решению – благоденствию. Все они предназначены для того, чтобы вместо смерти в обществе направить нас к жизни среди природы. К примеру, Чжуан-цзы предлагает «сидеть и все забывать» как метод избавиться от мыслей о так называемой учености.

В отрывке, который ставит с ног на голову и конфуцианскую иерархию, согласно которой учитель стоит выше ученика, и конфуцианскую веру в образование, Конфуций беседует со своим любимым учеником Янь Хуэем. Тот с гордостью сообщает, что уже забыл все

важнейшие конфуцианские добродетели. «Я сижу и забываю о себе самом, – говорит Янь Хуэй. – Тело уходит, органы чувств отступают. Покинув тело и знания, [я] уподобляюсь всеохватывающему»³⁷. Притча заканчивается тем, что Конфуций не упрекает Янь Хуэя и просит взять его, Конфуция, в ученики. Так что образование, столь ценимое конфуцианцами, помогает продвинуться по китайской бюрократической лестнице, но не способствует жизни и не делает нас людьми. Это под силу лишь спонтанности и неожиданности Дао.

В отрывках, которые привлекают внимание западных специалистов по философии языка, «Чжуан-цзы» также высказывается по поводу конфуцианской (и нашей) склонности делить мир на удобные дуализмы. «За пределами идей истинного и ложного есть поле. Там мы и встретимся», – пишет суфийский мистик Руми³⁸. Если не считать упоминания о встрече, это классический Чжуан-цзы. С его точки зрения дихотомия верного и неверного, жизни и смерти, большого и малого действует лишь внутри очерченных нами условностей мысли и языка. С точки зрения Дао, откуда открывается более широкий обзор, так называемые противоположности логически зависят одна от другой и вечно сливаются друг с другом. Держаться за только одну из сторон этих дуализмов – значит провоцировать безжизненность. Зачем заикливаться на успехе, если, как некогда выразился Боб Дилан, «нет такого успеха, как неудача», и «неудача – вообще не успех»?³⁹

Порой можно услышать, будто бы даосисты верят, что человек рождается добрым. Да, даосисты действительно считают, что младенцы в избытке наделены такими добродетелями, как естественность и простота, вдобавок обладают дополнительным достоинством – балансом инь и ян. Но с даосской точки зрения человек не является по своей природе ни добрым, как утверждал Мэн-цзы, ни злым, как настаивали многие его противники. Как позднее высказался немецкий философ Фридрих Ницше, человеческая природа «за гранью добра и зла».

Как и в «Дао дэ цзин», примером для людей в «Чжуан-цзы» служит мудрец, названный в последней «настоящим человеком». Кроме того, в «Чжуан-цзы» мельком показан заманчивый образ, который станет центральным в более позднем даосизме, – образ бессмертного, который

равнодушен к политике, безразличен к славе, не заинтересован в прибылях или убытках и не боится смерти.

Популярный даосизм и супергерои-бессмертные

Приблизительно в то же время, когда возникло христианство, раввинистический иудаизм, индуизм преданности и буддизм махаяна, что произошло на заре I тысячелетия, даосизм начал приобретать характерные признаки других организованных религий. Подстегиваемый буддистами, которые по прибытии в Китай в I веке н. э. сплотились вокруг монастырей и храмов, даосизм постепенно становился институциональным. Даосисты писали тысячи текстов и собирали их в обширный канон. Они превращали своих кумиров в богов, разработали полный спектр празднеств, ритуалов, практик самосовершенствования. Они включили в свою традицию буддийские понятия кармы и перерождения, конфуцианскую заповедь почитания родителей, заимствовали элементы таких древнекитайских религий, как шаманизм, – гадания, священные горы, паломничества, жертвоприношения. Они институционализировали свою традицию, основывали новые общины, строили новые храмы и монастыри и содержали прежние. У них появились огромный пантеон богов, населяющих эти здания, и официально получившие сан священники, присматривающие за ними. Некоторые даосские жрецы по примеру Лао-цзы сторонятся общества. Другие женятся, обзаводятся детьми, проводят ритуалы жизненных циклов среди суесть общественной и личной жизни.

Опираясь на древнюю веру в призраков и демонов, а также на такие традиции, как почитание предков и шаманизм, даосизм добавил к возвращению жизни как своей цели ее логичное и амбициозное продолжение: физическое бессмертие. Если Лао-цзы и Чжуан-цзы культивировали в равной мере безразличное отношение и к жизни, и к смерти, теперь

даосисты стремились обрести не только жизненную силу и долголетие, но и стать бессмертными при жизни, в теле из плоти. По мере распространения буддизма даосисты стали чтить Лао-цзы как основателя своей религии, провидца и даже божество, доказавшее, что и обычные люди могут жить вечно. Если буддисты стремились стать бодхисаттвами или буддами, то даосисты – бессмертными (или «трансцендентными»⁴⁰), согласно легенде, отличаясь от всех прочих людей удивительными способностями.

В соответствии с даосским пристрастием к уединению, эти образцы для подражания жили, как было принято считать, высоко в горах, в укромных пещерах или на далеких островах. Согласно голландскому китаисту Кристоферу Шипперу, китайское слово «бессмертный» (сянь) состоит из иероглифов «человек» и «гора», следовательно, Бессмертные – люди, променявшие затхлость общества на энергичные ритмы мира природы⁴¹. Будучи скитальцами, они воздерживаются от употребления пяти злаков, присутствующих в жизни оседлых земледельцев, на том основании, что эти злаки питают «трех червей», высасывающих жизнь из человеческого тела. Вместо этого Бессмертные придерживаются особой диеты, едят корни, орехи, травы, другую пищу, которую можно собирать в горах, в том числе смолу и сосновые иголки, считая, что они вечно зеленеют потому, что обладают свойствами, дарующими бессмертие. В исключительных случаях Бессмертные вообще отказываются от пищи. Эти образцы для подражания особенно успешно пополняют запасы своей ци и берегают их. Занимаясь чем-то вроде «сексуального вампиризма», женщины, как и мужчины, вытягивают ци у партнеров, а собственную экономят, воздерживаясь от истощающих ее оргазмов⁴². Говорят, что благодаря огромным запасам ци и умению поддерживать баланс инь и ян в организме, Бессмертные бросают вызов не только смерти, но и физическому упадку. Они щеголяют молодыми телами, черными, как смоль, волосами, идеальными зубами и свежим цветом лица. Они ровно и глубоко дышат. Им нипочем не только жара и холод, но и старческая дряхлость.

Предания о даосских Бессмертных читаются, как комиксы о супергероях или рассказы о сиддхи (сверхъестественных силах) тибетских лам. Бессмертные способны с огромной скоростью пробегать невероятные расстояния, исчезать, уменьшаться в размерах, менять облик. Они умеют превращать один предмет в другой, заживлять раны, сращивать сломанные кости, обезвреживать змеиный яд, изгонять демонов, предсказывать будущее и воскрешать мертвых. Они являются примером главной даосской добродетели, естественности, но вместе с тем способны бросить вызов и природе. В воде они не мокнут, во льдах не мерзнут, в огне не горят. Они живут в мире, подобном миру из книг о Гарри Поттере, владеют невидимыми мечами и умеют мгновенно переноситься в другое место по желанию. И как Супермен, умеют летать. Их тела не только молоды, но и легки, как птичьи.

Предания о даосских Бессмертных читаются, как комиксы о супергероях

Даосы пользуются разными способами, чтобы развить в себе эти способности, в том числе специальными диетами, сексуальными практиками, дыхательными упражнениями, медитативными стратегиями. Они избегают пищи, богатой тяжелой энергией ци инь, и предпочитают ей пищу, богатую легкой энергией ци ян. Во время сексуальной практики под названием «искусство спальных покоев» мужчины и женщины обмениваются энергией ци при половом сношении, но при этом избегают оргазмов, истощающих ци. Если учение Католической церкви гласит, что семя мужа должно попадать только в вагину жены, то согласно учению даосов, мужчина вообще не должен проливать сперму, а вместо этого накапливать ее энергию в себе. Цель даосской сексуальной практики – не зачатие и не сексуальная стимуляция, а повышение уровня жизненной энергии. У женщин приветствуется сбор богатых ци менструальных выделений, некоторым удается полностью остановить истечение при менструации.

Наиболее спорный метод достижения бессмертия – внешняя алхимия, адепты которой

смешивали редкие металлы, стремясь получить эликсиры вечной жизни. Даосисты верили, что киноварь, красноватый минерал, считающийся особенно богатым ци ян, обеспечит им жизненную силу, долголетие и даже бессмертие, если правильно смешать и выпить его. Многие подобные снадобья оказывались опасными. Киноварь, содержащая много ртути, может вызвать смерть, и она, несомненно, погубила немало приверженцев внешней алхимии, в том числе нескольких императоров. Поэтому примерно тысячу лет назад даосисты решили довольствоваться внутренней алхимией – искусством очищения выделений самого организма и преобразования их в эликсиры бессмертия. Так лабораторией стал организм, который высоко ценился в теории и практике даосизма. Вместо того, чтобы пытаться смешать эликсир бессмертия, орудуя пестиком в ступке, даосисты разрабатывали всевозможные способы самосовершенствования, чтобы создать внутри своего тела «зародыш бессмертия».

Разумеется, лишь немногие даосисты читают легенды о Бессмертных как программы своей дальнейшей жизни. Хотя официально принято считать, что бессмертным может стать каждый, только некоторые обычные даосисты воображают, что когда-нибудь смогут летать с вершины одной горы на другую. Вместо того, чтобы ставить перед собой высшую цель, физическое бессмертие, они надеются на более близкую цель благоденствия: крепкое здоровье, долгую жизнь, полноту сил и энергии. К счастью, многие методы, которыми пользовались потенциальные бессмертные, действительно приближают приверженцев даосизма к более достижимым целям. Значит, подобные методы предназначены не только для тех, кто рассчитывает слетать верхом на драконе на Луну.

Нефритовый император и царица-мать Запада

Как и пантеон ориша в религии йоруба, сообщество даосских богов отличается поразительной громоздкостью, охватывает и людей, ставших богами, и обожествленные силы природы действиями, заметно напоминающими китайских императорских чиновников.

Во главе пантеона восседает небесный аналог китайского правителя – Нефритовый император, он же Повелитель небес. Существует также нечто вроде даосской троицы, составляющие которой упоминаются под разными именами в различные периоды и ассоциируются с тремя жизненными силами и тремя жизненными центрами человеческого организма. Самые популярные даосские божества – обожествленные люди, или Восемь Бессмертных, которых в настоящее время не только чтут в даосских храмах, но и упоминают в известных китайских легендах, сказках и других произведениях. Бессмертные считаются вестниками удачи, их изображения в Китае можно увидеть повсюду: «на подолах женской одежды, на занавесках над постелью, на храмовых воротах и крышах, на детских шапочках»⁴³. Бессмертные фигурируют в фильмах, передачах, книгах комиксов, видеоиграх. Опять-таки как католические святые или ориша религии йоруба, эти Восемь Бессмертных воспринимаются как покровители разных групп: Ли Тегуай («Железная клюка») покровительствует аптекарям; Цао Гоцзю – актерам; Лань Цайхэ – садоводам; старик Чжан Голао – пожилым людям; бессмертная женщина Хэ Сяньгу – лавочникам; Люй Дунбинь – цирюльникам; философ Хань Сянцзы – музыкантам; Чжунли Цюань – воинам. Популярны также боги домашнего очага, многим из них в

Китае поклонялись еще в глубокой древности. Наиболее видное место среди них занимает бог очага Цао Цзюнь, известный на Западе благодаря роману американской писательницы китайского происхождения Эми Тан «Жена кухонного бога» (*The Kitchen God's Wife*, 1991).

Резко контрастируя с патриархальным конфуцианством, этот пантеон вмещает столько богинь, что из всех мировых религий соперничать по их численности с ним может только индуизм. Главная из этих богинь – Сиван-му, или царица-мать Запада, олицетворяющая мистическую женственность, которую так высоко ценили даосы. Эта богиня помогает при сотворении, выполняет роль посредницы между небом и землей, расчищает путь к бессмертию, служит свахой, устраивая браки, помогает женщинам и отшельникам и близко

знакома и с созиданием, и с разрушением. Помимо нее, в пантеон входят мать Лао-цзы, или святая мать-богиня; Доуму, которая, подобно Гуаньинь в буддизме, олицетворяет бесконечное милосердие; женщина из X века, позднее обожествленная как Мацзу, покровительница моряков, рыбаков и купцов, и бессмертная женщина Хэ, единственная среди вездесущих Восьми Бессмертных.

Ортодокс и путь единства

В истории возвышения богов и богинь популярного даосизма ключевой датой является 142 год н. э., местом – пещера в сычуаньских горах, действующим лицом – конфуцианец по имени Чжан Даолин (жил в период между 34 и 156 годами). В молодости Чжан Даолин читал классические конфуцианские труды, но с возрастом его потянуло к предмету, которым эти труды пренебрегали, – долголетию. И он, как любой уважающий себя даос, отправился в горы, где погрузился в чтение классических даосских трактатов. Однажды «господин Лао», обожествленный Лао-цзы и воплощение Дао, явился к нему в горную пещеру. В легендарный момент ислама, также случившийся в пещере, Аллах обращался к Мухаммаду через посредника, ангела Джабраила (Джибрила). К Чжан Даолину «господин Лао» обратился напрямую. Лао-цзы научил Чжан Даолина пути Школы Небесных Наставников, разъяснил вопросы нравственности, медитации и медицины и объявил первым Небесным Наставником. Благодаря этой инициации Чжан Дао-лин обрел дар целителя. Он убедился, что добродетель – обязательный ингредиент в рецепте долголетия и что традиционные кровавые жертвоприношения духам предков следует заменить приношением овощей. В итоге Чжан Даолин написал свой труд – комментарии к «Дао дэ цзин», при этом понял, что Лао-цзы – не только божество, но и сам Дао. Таким образом Дао преобразился из обезличенного принципа в олицетворенное божество, а текстуальный даосизм Лао-цзы и Чжуан-цзы начал сливаться с богами и богинями распространенной китайской религии.

В результате ряда политических и военных маневров эта секта, существующая по сей день под названием Школы Истинного Единства (Чжэнъи дао), была официально признана в 215 году н. э. Ее традиционная территория – гора Лунхушань в провинции Цзянси, однако многие приверженцы этой школы живут на Тайване со времен бегства с материковой части Китая в 1949 году. Сегодня эту группу возглавляет шестьдесят пятый Небесный Наставник, которого иногда называют «даосским папой». В Школе Истинного Единства допустимы женщины-священнослужители, однако роль Небесного Наставника передается по наследству от одного мужчины к другому. Поскольку в древности для вступления в эту секту требовалось внести пять ковшей риса, первоначально она так и называлась – «Пять Ковшей Риса» (Удоуми дао).

Школа Совершенной Истины

Второе большое течение в даосской традиции – Цюаньчжэнь, что обычно переводят как «Совершенная Истина» или «Совершенная Подлинность». Основанная в XII веке бывшим воином, ставшим аскетом Ван Чунъяном (1113–1170), в настоящее время она является официальным, пользующимся поддержкой государства монашеским орденом материкового Китая и крупнейшей в стране даосской школой.

Даосизм Совершенной Истины зародился, когда сорокавосемилетний Ван, блуждая с похмелья, получил откровение от двух Бессмертных, рассказавших ему о новом синтезе даосизма, чань-буддизма, неоконфуцианства и старого доброго аскетизма. Ван объявил себя безумцем и доказал это: вырыл себе могилу и прожил в ней три года. Убежденный, что семейная жизнь – тюрьма, а узы между женой и мужем – кандалы, он десять лет провел в одиночестве, и лишь затем вернулся в мир распространять свою идею. Из всех даосских идеалов

Ван превыше всего ценил простоту. Однако он презрительно отвергал, как нелепость, и стремление даосистов к физическому бессмертию, и ритуалы, применяющиеся для

достижения этой цели. Поскольку приверженцы Школы Совершенной Истины не пользовались магическими амулетами и лабораторными эликсирами, с помощью которых другие рассчитывали обрести физическое бессмертие, их можно сравнить с протестантскими реформаторами Европы XVII века. Они утверждали, что путь к духовному бессмертию лежит не через внешние манипуляции предметами, а через внутреннюю алхимию и самосовершенствование.

У Вана появилось семеро учеников (шесть мужчин и одна женщина), также известные как «Семь Бессмертных», каждый из них со временем обрел своих последователей. Одна из этих последовательниц, поэтесса Сунь Буэр, в настоящее время входит в число «самых знаменитых женщин-даосов»⁴⁴. Второй, Цю Чуцзи, встретился с монгольским завоевателем Чингисханом и убедил его освободить монастыри Школы Совершенной Истины от уплаты дани. Все эти ученики и их приверженцы следовали примеру Вана, объединяя даосизм с чань-буддизмом и неоконфуцианством. Они чтили Лао-цзы как предка, Будду – как нашедшего путь, а Конфуция – как мудреца. Сегодня центр этой школы – монастырь Белых Облаков в Пекине. Если жрецы более древней Школы Истинного Единства проводят ритуалы у домашних алтарей, то обряды Школы Совершенной Истины обычно проводятся в монастырях.

Популярный даосизм

Эти две школы стали основными институциональными сосудами, в которые вливался даосизм, однако его традиции распространились по всему Китаю и китайским анклавам во всем мире благодаря разнообразным народным практикам. В сущности, популярный даосизм известен настолько широко, что трудно отделить его от народных китайских обычаев.

Сторонясь общества в соответствии со своей этикой, даосисты навлекли на себя гнев конфуцианцев, которые обвинили их в эгоизме, незрелости, антиобщественном поведении и безответственности. Однако та же этика тысячелетиями влекла даосистов в горы, которые они чтили как места, особенно обильные энергией ци. Некоторые горные вершины ассоциируются с конкретными школами даосизма (к примеру, гора Лунхушань – с Небесными Наставниками, а гора Утан – с различными боевыми искусствами). Но все даосисты и, в сущности, все китайцы чтят «Пять священных вершин» – горы Тайшань, Хуа-шань, Суншань и две разные горы Хэншань (одна – в провинции Шаньси, другая – в провинции Хунань). Тысячелетиями потенциальные мудрецы по примеру Лао-цзы удалялись в горы, чтобы обрести жизненные силы, и, возможно, бессмертие. В настоящее время обычные люди совершают краткие паломничества в этих горах, останавливаются в тамошних храмах, выражают почтение даосским Бессмертным, буддийским бодхисаттвам и конфуцианским мудрецам.

В популярном даосизме также развился ряд религиозных практик, в том числе празднование дней рождения богов, а также присутствие при торжественных открытиях храмов и инициации жрецов. Эти жрецы поочередно благословляют деревни, проводят обряды на свадьбах и похоронах. Кроме того, с помощью священных предметов, таких, как амулеты и изображения богов, жрецы прогоняют демонов или призывают божественную силу. В каждой даосской школе свои обряды, но зачастую они представляют собой комбинации пения, чтения нараспев, молитв, приношений и жертвоприношений, и даже танцев.

Философский и религиозный даосизм

По традиции религиоведы различают два даосизма: философский (дао-цзя) даосизм «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы», и религиозный даосизм (даоцзяо) Школ Небесных Наставников и Совершенной Истины. Согласно этим взглядам, философский даосизм, развившийся в Период Сражающихся царств (403–221 годы до н. э.), – это принятие смерти, а религиозный даосизм, развившийся в конце правления династии Хань (206 год до н. э. – 220 год н. э.), – преодоление смерти посредством бессмертия. В отличие от философского даосизма, религиозный многое заимствует у конфуцианства и буддизма. Кроме того, он обладает всеми атрибутами организованной религии, неизвестными Лао-цзы, Чжуан-цзы и их современникам – от

молитвы до священнослужителя и политеизма. Религиозные даосисты также разработали широкий спектр духовных методов достижения долголетия и бессмертия, в том числе различные практики созерцания и дыхательные упражнения. Как и философский индуизм, специально созданный для тех, кто отказался от обычной жизни, философский даосизм предназначен для элиты, для мистиков и отшельников, удалившихся от насущных проблем обыденности. В отличие от философского, религиозный даосизм пригоден для простых людей.

К сожалению, такая классификация полезнее для споров, чем для анализа. Христиане, конфуцианцы и коммунисты в равной мере пользовались этим различием, чтобы отвергать современный даосизм как «суеверие» для неграмотных масс. Как протестанты изображали католиков в карикатурном виде, обвиняя их в искажении истинного библейского христианства, так и защитники философского даосизма представляли в карикатурном виде религиозных даосистов, обвиняя их в искажении истинного даосизма древних классических трудов, выставляя незаконными наследниками «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы»⁴⁵.

Еще один серьезный изъян этой классификации заключается в том, что она упускает из виду немало примеров целостности раннего и более позднего даосизма. Во-первых, так называемый философский даосизм не настолько светский, как может показаться. Его проблемы носят мистический характер в той же мере, как и политический. И если Дао в «Дао дэ цзин» заведомо обезличенное, тем не менее оно глубоко духовное – неизреченное, таинственное, недуалистичное, непостижимо созидательное. Во-вторых, так называемый религиозный даосизм не настолько религиозен, как может показаться. Как и философский даосизм, он почти не проявляет интереса к тому, что многие считают преимущественно религиозной проблемой – к жизни после смерти. Религиозный даосизм также покоится на фундаменте ранних классических трудов. В нем фигурируют почти все ключевые понятия философского даосизма, в том числе Дао, дэ и у-вэй. Кроме того, религиозные даосисты чтят Лао-цзы как основателя и бога – «святого предка великого Дао, мистического изначального императора» – и считают не только «Дао дэ цзин», но и многие последующие даосские писания откровениями о Лао-цзы⁴⁶.

Сторонников религиозного даосизма нередко отличают от сторонников философского по стремлению к физическому бессмертию. Но и в «Дао дэ цзин», и в «Чжуан-цзы» говорится о Бессмертных. В первой главе «Чжуан-цзы» сказано о живущих на горе Бессмертных, не испытывающих недостатка в ци, которая дарит им не только бесконечную жизнь, но и поразительные способности. Один из этих даосских святых, нежный, как девушка, живет на далекой горе, обладает способностями целителя, избегает пяти знаков, которые выращивают в общинах земледельцев, и правит летающими драконами. В следующей главе «Чжуан-цзы» говорится о Бессмертном, которого не сжигает огонь и не морозит лед, не пугают самый страшный гром и молния, и он «управляет облаками и воздухом, оседлав солнце и луну, странствует за пределами четырех морей»⁴⁷.

Разумеется, со временем даосизм меняется, как и любая другая религия. Он заимствует элементы из конфуцианства и буддизма, мирится с конфуцианскими идеалами, такими, как почтительность к родителям, человечность, приличия, адаптирует буддийские медитативные техники к своим целям. Но все эти метаморфозы следует понимать как процесс развития в рамках религиозной традиции, не боящейся перемен. Так или иначе, при рассмотрении раннего и позднего даосизма целостности обнаруживается больше, чем ее отсутствия. На всем протяжении своей долгой истории, от «Дао дэ цзин» до «Дао Винни-Пуха», даосизм усматривает проблему в безжизненности и видит целью благоденствие.

Изменение и исчезновение

У меня дома на Кейп-Коде к холодильнику припилен клочок бумаги со словом «перемены». Обычно я читаю эту записку властно и повелительно, как приказ начать жизнь заново. Но с

моей стороны это нарушение принципа у-вэй – попытка сделать перемены своей целью и направить всю энергию на их достижение. При более даосистском толковании слово «перемены» следовало бы прочитать как наблюдение. Мы живем так, словно ничего не меняется – ни наша работа, ни семья, ни любовь, ни тело. А в действительности все перечисленное меняется изо дня в день.

Одна из самых известных притч «Чжуан-цзы» вызывает наиболее острую досаду. Описанные в ней события произошли сразу после смерти жены Чжуан-цзы. Когда друг пришел оплакивать ее, он застал Чжу-ан-цзы ударяющим в глиняный таз и радостно поющим. Иудейский закон недвусмысленно запрещает исполнять музыку в течение тридцати дней после смерти супруга, однако действия Чжуан-цзы достойны

осуждения и по конфуцианским, и по нашим понятиям и представлениям о приличиях. На современном Западе скорбят недолго. Список того, что нельзя контролировать, сокращается с каждым днем, но всякий раз в нем остается смерть. Поэтому мы стараемся не задерживать на ней внимание. И все-таки большинству из нас несколько часов, которые Чжуан-цзы должен был посвятить оплакиванию, покажутся сущим пустяком. В ответ на упреки друга Чжуан-цзы преспокойно ответил, что случившиеся перемены неизбежны, бояться смерти незачем. Как четыре времени года следуют одно за другим, как весна сменяется летом, а осень зимой, так и все сущее претерпевает метаморфозы, объяснил Чжуан-цзы. Зачем кому-либо из нас освобождаться от этого естественного процесса? Так что не отворачивайтесь от смерти и не стремитесь к жизни, а относитесь к обеим одинаково спокойно и равнодушно⁴⁸. И не бойтесь реагировать на болезнь, смерть и страх смехом, игрой и музыкой.

Корень даосизма – хорошо прожитая жизнь

С точки зрения некоторых приверженцев, даосизм – это погоня за физическим бессмертием. Однако в стержне этой традиции нет никакой магии – его образует хорошо прожитая жизнь. Если нам непонятно, почему такую цель следует считать религиозной, то лишь потому, что у нас возникает путаница с пониманием религии, а между тем китайские традиции учат, что она не прекращает быть религией, даже когда не обещает загробную жизнь без перемен. Даосизм после Лао-цзы и Чжуан-цзы, несомненно, не испытывает недостатка в богах и богинях, писаниях и школах, жрецах и молитвах, которые мы признаем атрибутикой организованной религии. В сущности, всего перечисленного в даосизме стало даже слишком много. Но на протяжении всей его эволюции он остается преданным в первую очередь достижению жизненной силы, благоденствию человека.

Для Конфуция быть человеком – значит жить в обществе. Для даосистов – быть естественным. По мнению многих конфуцианцев, право быть человеком достается не по факту рождения – его надо завоевывать, оно достигается трудами общества. Но конфуцианский мыслитель Сюнь-цзы, противник Мэн-цзы, постоянно прибегал к метафорам, заимствованным из ремесел – выковыванию, обработке паром, сгибанию, – чтобы описать напряженный процесс, в ходе которого мы становимся не такими, как прежде. В отличие от него, даосисты утверждают, что мы рождаемся людьми и что при обучении из нас выколачивают человечность. Чтобы вернуться к своей истинной природе, мы должны вернуться только к естественным ритмам Дао, без сопротивления принять приливы и отливы повседневной жизни: после лета – осень, зима и весна, после утра – вечер, после траура – рождение.

Каждый год в День труда дачники на Кейп-Коде вытаскивают на берег лодки, собирают вещи и уезжают – зачастую уже в свитерах. Я вижу это почти каждый год с тех пор, как пошел в детский сад, но это зрелище до сих пор волнует меня до глубины души. Я иду к океану. Провожу там время, пока не расходятся все, болтаю с местными, делаю вид, что просто любуюсь очередным закатом. А перед самым возвращением домой я слышу, как детский голосок у меня внутри жалеет, что нельзя прыгнуть через какой-нибудь магический круг

прямо в середине июня, перескочить через ностальгическую осень и зимнюю слякоть в очередное лето на Кейп-Коде. Но другой голос, юный и в то же время взрослый, напоминает, что все меняется, что «изреченное Дао не есть постоянное Дао», что здешнее лето не будет летом, если не последует за пронизывающе-холодной ветреной весной.

Один из ведущих мотивов даосских притч – исчезновение. Одна из Бессмертных, таинственная женщина, способна указывать на храмы и даже целые города и тем самым заставлять их исчезать. В конце ее жизнеописания, даосского аналога житий христианских святых, сказано, что она, подобно Христу, вознеслась на небеса среди бела дня, и больше ее не видели⁴⁹. Лао-цзы передвигается скорее по земле, чем по воздуху, но тоже исчезает. Изложив свою мудрость стражнику на границе, он вступает на неизведанную территорию, и, как сообщает нам его биограф, «никто не знает, что с ним стало»⁵⁰.

Даосизм можно свести к ряду притч о проблемах человека и решении этих проблем – притч о том, какую угрозу представляет безжизненность, но в результате торжествует благоденствие. Биение сердца этой религии слышится в историях о ее мудрецах и Бессмертных, овладевших способами возвращать жизнь и «странствовать вместе с Дао»⁵¹. Но в большей мере, чем любая другая мировая религия, даосизм наделен умением растворяться у нас на глазах, взмывать вверх, удаляться на запад, подниматься высоко в горы, исчезая в облаках.

Глава 9

Краткое дополнение об атеизме: путь разума

Сердитые атеисты (с. 329) Фундаментализм под другим названием (с. 332) • Но разве это религия? (с. 333) • Дружелюбные атеисты (с. 337)

Атеизм – не великая мировая религия. Он всегда предназначался для элиты, а не для простых людей. До XX века его влияние на мировую историю было таким же несуществующим, как бог Вуди Аллена. Даже сегодня влияние атеизма за пределами Европы незначительно. Недавний опрос Института Гэллага показал, что «убежденными атеистами» себя называют 9 % взрослых западноевропейцев (в странах, где и валюта на Бога не упоает). В Восточной и Центральной Европе этот показатель снижается до 4 %, в Латинской Америке – до 2 %, на Ближнем Востоке он составляет 2 %, в Северной Америке и Африке – 1 %¹. Большинство американцев заявляют, что не стали бы голосовать за атеиста, баллотирующегося в президенты².

Тем не менее атеизм – продолжение освященной веками традиции, восходящей к временам Древней Греции, где Диагора выгнали из Афин за отсутствие набожности, и Древней Индии, где буддисты, джайнисты и некоторые индуисты отрицали персонифицированного бога. Атеистами были величайшие умы современности – Фридрих Ницше, Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Жан-Поль Сартр. А также самые жестокие из современных диктаторов – Мао Цзэдун, Иосиф Сталин, Владимир Ленин, Пол Пот, Слободан Милошевич.

Несколько лет назад я писал, что в упрямо-религиозной Америке атеистам остается одно – «участь паноптикума»³. Я ошибался. На протяжении большей части последнего десятилетия книги по атеизму возглавляли списки американских бестселлеров. В своей инаугурационной речи 2009 года президент Барак Обама назвал США «страной христиан и мусульман, иудеев, индуистов и неверующих»⁴. И в Европе, и в США сегодня ведется оживленный диалог о достоинствах и недостатках бесед с Богом. Так что хоть атеизм и не великая религия, он заслуживает того, чтобы уделить ему внимание здесь.

Атеизм – продолжение освященной веками традиции. Атеистами были величайшие умы современности, а также самые жестокие из современных тиранов

Ведь атеизм действительно своего рода религия или может быть таковой. Многие атеисты весьма религиозны, своих представлений о Боге они придерживаются с фанатичной убежденностью, с жаром ведут проповеди о своей вере и пытаются обращать в нее. Мишенью для атеистов служат организованная религия, чудеса и шаблонное мышление. Они защищают разум, а не откровение, логику, а не веру, научные эксперименты, а не веру в чудеса. Эхом повторяя Конфуция и Лао-цзы, они сосредоточивают внимание на жизни до смерти. Но как указывает сам термин, атеизм – это прежде всего отрицание Бога. Теоретически атеисты отрицают существование всех богов, но практически они могут отрицать лишь существование тех богов, которых знают. Фрейд отвергал иудейские и христианские концепции Бога, с которыми сталкивался в Вене конца XIX века. Большинство нынешних «новых атеистов» имеют смутное представление, к примеру, о богах и богинях индуизма, поэтому когда избирают своей мишенью идола под названием «бог», речь идет о божествах западных монотеистических религий.

Атеисты утверждают, что религия не в состоянии решить проблему человека, так как сама религия представляет собой проблему. Религиозные убеждения порождены человеком и жестоки, иррациональны, суеверны и опасны для нашего здоровья. Решение – вымыть этот яд из нашего организма, последовать дерзкому примеру легендарных неверующих от Диагора до Фрейда и святых-покровителей «нового атеизма»: американского писателя Сэма Харриса, американского философа Дэниела Деннета, британского эволюционного биолога Ричарда Докинза, британского журналиста Кристофера Хитченса и французского философа Мишеля Онфре. И к чему приведет это очищение? К пострелигиозной утопии. Без такой глупости, как вера, все будет хорошо, причем во всех отношениях.

Сердитые атеисты

Разумеется, не все атеисты созданы равными. Одни называют себя секуляристами, гуманистами, приверженцами натурализма, свободомыслящими людьми, скептиками или рационалистами. А другие – нет. Так как термин «атеист» запятнан клеймом, кое-кто предлагает такую альтернативу: «мыслящий». В интернет-группу под названием *The Brights' Net* якобы входит пятьдесят тысяч членов из 185 стран, в ней состоят в том числе преподаватель психологии в Гарварде Стивен Пинкер, комедийный дуэт Пенн и Теллер и «новые атеисты» Деннет и Докинз⁵.

Так как термин «атеист» запятнан клеймом, кое-кто предлагает такую альтернативу: «мыслящий»

Кое-кто различает «сильных» атеистов (которые активно отрицают Бога) и «слабых» атеистов (которые просто не утверждают, что Бог есть), однако более полезным представляется различие между «сердитым» и «дружелюбным» атеизмом. «Новые атеисты» относятся к «сердитым». Они демонстрируют агрессивный атеизм евангелистического толка, он бросается в атаку и покоряет неопитов. Даже названия их книг («Бог как иллюзия», «Конец веры») и глав («Иисус в Хиросиме», «К черту крайнюю плоть!») провокационны⁶. Эти вояки воспринимают борьбу между религией и разумом как игру с нулевой суммой, но свои излюбленные метафоры они заимствуют из военного, а не из спортивного лексикона, их риторика бескомпромиссна и не предполагает взятие пленных.

Согласно Докинзу, «вера – одно из величайших зол мира, сравнимое разве что с вирусом оспы, только искореняется труднее»⁷. По мнению Харриса, теология – это «окрыленное невежество»⁸. Хитченс считал организованную религию «насильственной, иррациональной, нетерпимой союзницей расизма, трайбализма и фанатизма, заинтересованной в невежестве и враждебной свободным исследованиям, презирующей женщин и применяющей меры принуждения к детям»⁹. По крайней мере, в Европе эти «новые атеисты» не гнушаются ударами ниже пояса. Мишель

Онфре, популярный французский философ и enfant terrible, чей «Манифест атеиста» (2007) распродан в Европе тиражами в сотни тысяч экземпляров, нападает на обрезание как варварский обычай и пользуется запрещенным (особенно для француза) приемом, заявляя, что апостол

Несколько десятилетий назад западные интеллектуалы читали нечто вроде джентльменского соглашения и держали свою веру или ее отсутствие при себе

Павел был импотентом и «не мог вести хоть сколько-нибудь сносную половую жизнь»¹⁰. Скептики былых времен, такие, как Марк Твен и Г.Л.Менкен, целились в фундаменталистов и ривайвелистов. А Хитченс, радостно трепещущий в предвкушении гонений на «проповедников, которые с пеной у рта страшат адом и вечными муками», уже через несколько часов после смерти евангелического телепроповедника Джерри Фолуэлла вышел в эфир со словами: «Если сделать Фолуэллу клизму, его можно будет похоронить в спичечном коробке»¹¹. Но у этого «нового атеиста» было много других причин для недовольства: к примеру, грехи и пороки западных монотеистических религий, которые Хитченс называет «плагиатом плагиата слухов, основанных на слухах», а если брать шире, – религия в целом, которая, как добавлял Хитченс, и на Востоке, и на Западе проистекает из «горластого и пугливого младенчества человека как вида»¹².

Это давние жалобы, сами по себе плагиат Фрейда (к которому он перешел от Маркса, а к тому – от Людвиг Фейербаха, помимо многих других), дополнены в основном «фирменным» новоатеистическим негодованием и риторическими излишествами. Несколько десятилетий назад западные интеллектуалы читали нечто вроде джентльменского соглашения и держали свою веру или ее отсутствие при себе. Это соглашение было разорвано по трем причинам. Во-первых, в конце 70-х годов XX века религиозные правые в США начали привлекать Бога к защите политических целей, вынудив атеистов, придерживающихся различных политических взглядов, открыто высказывать критику в адрес богомыслия. Во-вторых, в Европу хлынули мусульмане и вскоре уже составляли 10 % населения Франции и более 5 % населения Нидерландов. И наконец, цитирующие Коран террористы угнали четыре самолета и не только покончили с собой, но и стали причиной гибели тысяч людей 11 сентября 2001 года.

Это стечение обстоятельств побудило многих задуматься о власти религии в обществе. Разве вера возродившегося в ней Джорджа Буша посылала солдат на смерть в Ираке? Разве католичество британского премьер-министра Тони Блэра было причиной его решения поддержать Буша? И перчатки были сняты. Воскресив метафору XIX века о войне между наукой и религией, «новые атеисты» стали воспринимать себя как профессиональных защитников разума, логики и здравого смысла. Все больше атеистов приходило к убеждению, что религия представляет не выдуманную, а самую настоящую опасность, все больше атеистов верило, что обрушить на религию грушу для сноса зданий – их личный долг во имя общественного блага.

Эти атеисты-разрушители вскоре поставили под сомнение даже свой излюбленный идеал религиозной терпимости. В статье, опубликованной в газете *Guardian* вскоре после 11 сентября, Докинз бросает перчатку, называя ужасы того дня точкой перехода от старого атеизма к новому:

«Многие из нас считали религию безобидной чепухой. Даже в том случае, когда религиозные убеждения были ничем не подкреплены, мы думали: если людям нужна эта подпорка для утешения, что в ней плохого? 11 сентября разом все изменило. Явленная вера – отнюдь не безобидная чепуха: эта чепуха может быть смертельно опасной. Ее опасность в том, что она дает людям непоколебимую уверенность в собственной правоте. И в том, что позволяет с ложной отвагой лишать себя жизни, в результате машинально преодолевать естественный барьер на пути к лишению жизни других людей... Ее опасность еще и в том, что все мы

поддается влиянию непонятной почтительности, которая как ничто другое защищает религию от нормальной критики. Так давайте же перестанем быть до идиотизма почтительными!»¹³

Затем в атаку пошел Харрис. Он обрушился на идею религиозной терпимости как «одну из главных сил, толкающих нас к пропасти»¹⁴. «Некоторые тезисы настолько опасны, – пишет он в леденящем душу отрывке, – что вера в них подразумевает даже убежденность в том, что убивать людей – этично»¹⁵. С точки зрения Харриса, религиозная терпимость почти так же опасна, как сама религия. Вера в Бога – не мнение, которое следует уважать, а зло, с которым надо бороться.

Для этих «новых атеистов» вместе с их приверженцами проблему представляет не религиозный фанатизм. Проблема – сама религия. Так называемые «умеренные» только распространяют «мозговые вирусы» религии, придавая им вид менее авторитарных, женоненавистнических, иррациональных, чем на самом деле¹⁶. «Умеренные» религиозные учения хотя и не являются экстремистскими, – пишет Докинз, – тем не менее представляют собой открытое приглашение к экстремизму»¹⁷. Единственное решение – взять дезинфицирующее средство и протереть им руки.

Фундаментализм под другим названием

Критики обвиняют евангелических атеистов в подражании догматизму их врагов, фундаменталистов. Крис Хеджес, бывший глава ближневосточного бюро *New York Times*, называет «новый атеизм» «светской версией религиозных правых», описывающей мусульманский мир «языком столь же расистским, грубым и нетерпимым, как тот, которым пользовались Пэт Робертсон и Джерри Фолуэлл»¹⁸. «Новые атеисты», обрушивающиеся на фанатиков, фанатичны, а их речи против ненависти полны той же самой ненависти, утверждает Хеджес. Неужели так трудно понять, что люди способны убивать во имя прогресса и пролетариата с тем же успехом, как и во имя традиций и Бога?

«Новые атеисты», обрушивающиеся на фанатиков, фанатичны, а их речи против ненависти полны той же самой ненависти

Одна из опаснейших игр в истории начинается с разделения мира на «хороших парней» и «плохих парней» и заканчивается решением о необходимости уничтожить злодеев любыми средствами. «Новые атеисты» с жаром участвуют в этой игре, демонизируя мусульман, осуждая за глупость христиан и иудеев, называя «мыслящими» своих товарищей по общине, кичащихся умом святош. Подобно фундаменталистам и ковбоям, они живут в манихейском мире, где силы света втянуты в апокалиптическую битву против сил тьмы. «Новые атеисты» – такие же нелюбопытные и невнимательные догматики, полезные неоконсервативным политикам, как и телепроповедники правого толка. Фрэнклин Грэм говорит, что ислам «религия зла и порока»¹⁹. Харрис – что ислам «обладает всеми задатками радикального культа смерти»²⁰.

«Новых атеистов» возмущает и анти-интеллектуальность религии. Но когда дело доходит до обоснований, эти «мыслящие» не просто повторяют своих противников-фундаменталистов, а умудряются перещеголять их. Большинство верующих людей держат в себе сомнения того или иного рода. Но якобы непредубежденные «новые атеисты» придерживаются настолько прочно сложившегося мнения и так уверены в нем, что их нападки не предусматривают никакой возможности открыть подлинный диалог.

Место главной эмоции в книгах «новых атеистов» наряду с возмущением занимает самодовольная досада. Почему остальной мир не может быть таким же, как мы?

Любой отказ верующего человека перейти на сторону атеистов расценивается не как принципиальное несогласие, а как свидетельство глупости, злого умысла или чего-нибудь

похуже. По-видимому, аксиомы атеизма настолько очевидны любому правильно функционирующему человеческому интеллекту, что их даже незачем обсуждать. В итоге место главной эмоции в книгах «новых атеистов» наряду с возмущением занимает самодовольная досада. Почему остальной мир не может быть таким же, как мы?

Но разве это религия?

Некоторые атеисты, в том числе адвокат Майкл Ньюдоу, дошедший до Верховного суда США со своими претензиями по поводу упоминания о Боге в тексте присяги, убеждены, что атеизм, выражаясь словами писателя Дэвида Фостера Уоллеса, – «антирелигиозная религия, поклонение разуму, скептицизму, интеллекту, эмпирическим доказательствам, человеческой автономности и свободному волеизъявлению»²¹. Но большинство атеистов оскорбляются, услышав предположение, что их тоже можно причислить к приверженцам религии²². С их точки зрения главным вещественным доказательством, простым и убедительным, является их отрицание Бога. Однако есть немало религиозных людей, отрицающих Бога, в том числе буддисты, конфуцианцы и иудеи. А в истории атеизма сохранились бесспорно религиозные моменты. В разгар Великой французской революции «старый режим», сочетавший католичество и французское государство, был казнен на

гильотине. Но последствием этого события стало не неверие и отсутствие религии, а культ разума. Эта религия, – а именно религию он собой и представлял, – была так же ритуализирована, как и французское католичество: Вольтеру поклонялись как светскому святому, чтители мучеников, погибших за дело революции. Нотр-Дам переименовали в храм Разума, восхваляли богиню Разума и отмечали праздник Свободы. Вскоре французы уже крестили своих детей во имя святой троицы *liberte, egalite, fratemite*, верили в французскую Республику, отмечали ход времени священными днями в память о разуме, добродетели и самой Великой французской революции²³. Сравнительно недавно социализм и коммунизм доказали, что светские режимы так же подвержены фанатизму и фундаментализму, как христианство и ислам. В своей докторской диссертации Маркс писал: «Мне ненавистна свора богов», но это не помешало его последователям поклоняться Ленину и Сталину²⁴.

Ответ на вопрос о принадлежности атеизма к религиям зависит, конечно же, от того, во что верят и какие поступки совершают атеисты. Следовательно, для каждого человека, для каждой группы ответ будет своим. Он также зависит от того, что мы подразумеваем под религией. В настоящее время ученые и эксперты дают религии широкое определение, скорее функциональное, чем содержательное. Вместо того, чтобы сосредоточить внимание на критериях, относящихся к вероучению, таких, как вера в Бога, мы ищем «фамильное сходство». Можно ли считать книги Айн Рэнд аналогами священного писания для атеистов? Выполняют ли различные гуманистические манифесты роль Символа веры? Согласно одной распространенной формуле, у представителей семейства религий обычно имеются «четыре С» – *creed, cultus, code, community* (Символ веры, культ, свод законов и норм, община). Другими словами, они должны пользоваться заявлениями о своих убеждениях и ценностях (Символ веры), совершать обряды (культ), иметь этические стандарты (свод) и учреждения (общины). Соответствует ли атеизм этим требованиям?

Символ веры у атеистов явно имеется. Некоторые атеисты отрицают, что верят во что-либо. Или отвечают на этот вопрос вопросом: а разве лысина – это цвет волос? Но это уклонение от ответа. На самом деле атеизм более доктринален, чем любая из мировых религий. По определению атеисты принимают догму, согласно которой бога нет – как монотеисты принимают догму, согласно которой бог один. Вера – пристрастие атеистов, что может подтвердить каждый, кто прочел хотя бы одну книгу по этой теме.

Вопрос с культом более щекотлив. Несколько лет назад я получил письмо от объединения капелланов, к письму был приложен межконфессиональный календарь. Оно призывало преподавателей проявить широту взглядов и отпускать студентов с занятий в дни религиозных

праздников, а в календаре были обозначены дни, когда именно следовало демонстрировать эту самую широту. Помимо религиозных праздников, отмечены были день рождения английского философа Бертрана Рассела (18 мая). Сравнительно недавно Нью-йоркский институт гуманитарных исследований в Олбани опубликовал календарь нерелигиозных праздников с более пространным перечнем «святых дней атеистов», в том числе Дня Томаса Пейна (29 января) и Дня Дарвина (12 февраля). Однако нет никаких свидетельств тому, что атеисты хоть сколько-нибудь масштабно отмечают эти дни или вообще чтят упомянутых деятелей как святых.

У большинства атеистов есть этический кодекс. Мало того, «новые атеисты» часто напоминают о том, что в нравственном отношении они превосходят «старых теистов». Инакомыслие в этом случае проявляет Онфре, самоназванный гедонист, который, как известно, после инфаркта потребовал, чтобы диетолог перевел его на усиленный режим питания, так как он «предпочитает умереть, поедая сливочное масло, а не влачить жалкое существование, давясь маргарином»²⁵. Вслед за Ницше, который утверждал, что смерть Бога избавила бы истинных атеистов от кандалов традиционной нравственности, Онфре убежден, что англо-американские атеисты, – Хитченс, Докинз, – до сих пор пребывают в плену христианской этики. И он призывает их сменить свой «христианский атеизм» на его «атеистический атеизм», обратиться от христианских ценностей с милосердием в центре к «этическому гедонизму» с акцентом на удовольствиях. «Наслаждаться самому и помогать наслаждаться другим, не делая зла ни им, ни себе, – пишет он, – вот основа всей нравственности»²⁶.

Большинство атеистов одиночки, но некоторые собираются в общины. Существует целая сеть летних лагерей для детей атеистов – Camp Quest. К другим известным атеистическим организациям относятся Международный атеистический альянс, «Американские атеисты», Британская гуманистическая ассоциация, Гуманистическая ассоциация Канады, германский Национальный совет бывших мусульман.

В окрестностях Бостона насчитывается свыше десятка различных групп гуманистов, атеистов и секуляристов, объединенных под эгидой Boston Area Coalition of Reason («Бостонской коалиции разума»). Американская организация под названием United Coalition of Reason («Объединенная коалиция разума») проводит кампанию с плакатами на рекламных щитах и автобусах: «Не веришь в Бога? Ты не одинок». Эта кампания, призванная обеспечить атеистам более широкую известность среди американской общественности, также возвещает о доступности атеистических общин, не в последнюю очередь самой коалиции.

Пользуясь таким функциональным подходом, Верховный суд США в 1961 году постановил, что секулярный гуманизм действует как религия, следовательно, его сторонники имеют такое же право на защиту согласно Первой поправке, каким пользуются приверженцы религий²⁷. В 2005 году, в рамках решения, раздосадовавшего и атеистов, и христиан, суд низшей инстанции постановил: поскольку атеизм функционирует как религия, судьям надлежит относиться к нему, как к таковой²⁸.

Онфре, наиболее радикальный и, после Хитченса, – самый талантливый писатель из числа «новых атеистов», улавливает религиозный душок во многих современных проявлениях атеизма и жалеет, что его до сих пор не развеял мощный порыв ветра. «Тактика некоторых нерелигиозных деятелей выглядит так, будто ее запятнала вражеская идеология: многие воинствующие сторонники секуляризма паразитически похожи на священнослужителей. Мало того – похожи на карикатуры на последних, – пишет он. – К сожалению, современное свободомыслие частенько пахнет ладаном и без зазрения совести кропит себя святой водой»²⁹. Здесь Онфре по крайней мере отчасти высказывается в духе немецкого философа Арнольда Руге, который отказывался прыгать в фургон атеизма не потому, что он чересчур радикален, а из-за его чрезмерной традиционности: «Атеизм так же религиозен, как Иаков,

боровшийся с Богом: атеист ничуть не свободнее, чем иудей, который ест свинину, или магометанин, который пьет вино»³⁰.

Действительно ли человек – *homo religiosus*? Заложено ли в человеческой природе стремление к сакральному? Да, говорят те биологи, которые усматривают в религиозных убеждениях и практиках эволюционные преимущества. Если они правы, если религия – неизбежная и неотъемлемая принадлежность человека, тогда атеизм обречен смириться с тем, что он одна из форм религии. Но не все атеисты религиозны. Некоторые сопровождают свое атеистическое кредо пожатием плеч, сторонясь культа, кодекса и общины себе подобных, атеистов. Однако для других атеизм, пользуясь словами немецкого теолога Пауля Тиллиха, – «главнейшая забота»³¹. Атеизм занимает центральное место в их жизни, дает определение им самим, их мышлению, их связям. Вопрос о Боге никогда не отступает для них на второй план, им и в голову не приходит объединиться с кем-либо за пределами своего круга. Короче, от костылей религии они свободны не более, чем приверженцы культа разума во Франции XVIII века. По крайней мере, для этих людей атеизм может быть решением проблемы религии. Но религиозным решением.

Дружелюбные атеисты

Приверженцы религии зачастую совершают одну и ту же ошибку, считая всех религиозных людей убежденными верующими. Мы уделяем слишком мало внимания простым христианам, которые читают Библию, пожимая плечами (или никогда не пытаемся пошатнуть их убеждения). То же самое относится к атеизму. Деревенский атеист – назойливый овод, а не террорист, большинство нынешних атеистов гораздо менее догматичны, чем первосвященники «нового атеизма».

На сайте *Friendly Atheist* («Дружелюбный атеист») дано определение этому более добродушному и мирному атеисту, как тому, кто «способен беседовать с религиозным человеком, но не спорить с ним» по вопросам «веры обоих собеседников» и «не ставит кого-либо ниже себя только потому, что этот человек верит в Бога»³². В книге «Теряя веру» (*Losing My Religion*, 2009) Уильям Лобделл, бывший автор религиозной рубрики *Los Angeles Times*, рассказывает о том, как он обратился от евангеличества к католицизму, а затем – к атеизму. Это повествование об обращении наоборот, но его автор, «атеист поневоле», никого не пытается убедить последовать тем же путем, его тон скорее задумчив, чем сердит. Лобделл пишет о «новых атеистах», что «их неверию свойственна религиозность, которую я не готов принять». «После всего, что случилось со мной, – добавляет он, – я не считаю себя вправе судить других»³³. Еще один подобный проект – «Избавление от Бога» (*Letting Go of God*) бывшей участницы телепередачи «Субботним вечером в прямом эфире» Джулии Суини. Ее пьеса для единственной героини – скорее рассказ, чем спор, в ней не чувствуется сарказма «новых атеистов». К дружелюбным атеистам можно отнести и Найку Лалли, бруклинскую писательницу и самопровозглашенную «розовую атеистку», которая в очерке «Не все атеисты говорят в унисон» (*Atheists Don't Speak With Just One Voice*) отмечает, что атеисты бывают разными. Большинство сердитых атеистов-спорщиков – мужчины, пишет она, но ее мнение эта мужская компания не выражает³⁴.

Поворотным для ее речи и для всего собрания стал момент, когда Галледж мимоходом упомянула, что дети некоторых соседей отказываются водиться с ее мальчишками, потому что те не считают Иисуса своим Спасителем.

На собрании атеистов в Гарвардском университете, где я побывал в 2009 году, я услышал два совершенно разных довода. Первым из них был давний тезис «новых атеистов»: религиозные люди глупы, религия – опиум, значит, двигаться вперед можно лишь одним способом – покончить с этим идиотизмом и очиститься от яда. Второй был менее противоречивым и менее утопическим. Сторонники этой точки зрения представляли атеизм не как непогрешимую истину, а как точку зрения, имеющую право на существование и

заслуживающую, чтобы ее выслушали. Их цель – не мир без религии, а мир, в котором верующие и неверующие сосуществуют в духе взаимной терпимости.

Невозможно представить себе более далекие друг от друга подходы, чем эти два. Один – вызов на поединок, второй – непредубежденный призыв к признанию и уважению. Или, если пользоваться терминами движения за права секс-меньшинств, один из них напоминает попытку сделать всех геями, а второй – попытку добиться равных прав для гомосексуалистов.

На том собрании в Гарварде несколько белых ораторов проповедовали хору слушателей, выступали с резкой критикой против христиан, а их прихожане дружно взрывались смехом. Но одна из ораторов-женщин произнесла совсем другую речь. Аманда Галледж называет себя «мамой из Алабамы». Чтобы успеть на собрание, ей пришлось сначала лететь первым же рейсом, а затем – ехать первым поездом метро. Галледж выступала на стороне логики и разума, ее речь звучала искренне. Вместо того чтобы спорить, она рассказывала о «врожденной доброте» двух ее сыновей, которые как-то умудряются демонстрировать нравственность, не веря в Бога. Но поворотным для ее речи и для всего собрания стал момент, когда Галледж мимоходом упомянула, что дети некоторых соседей отказываются водиться с ее мальчишками, потому что те не считают Иисуса своим Спасителем.

«Новый атеизм» стоит на распутье. До сих пор его возглавляли белые активисты-мужчины из той же группы, которая встала во главе евангеличества во время Второго великого пробуждения в начале XIX века. Но в нем появился и еще один голос – назовем его новым «новым атеизмом», – причем с программой, разительно отличающейся от программы «четырех всадников» апокалипсиса сердитых атеистов (Хитченса, Харриса, Докинза и Деннета). Этот дружелюбный атеизм больше похож на движение за гражданские права, чем на крестовый поход, его тезисы с большей вероятностью можно услышать из уст добродушных женщин, чем от брызжущих слюной сердитых мужчин.

Если атеистическое движение рассчитывает привести к подчинению всех теистов от Солт-Лейк-Сити до Сан-Паулу и Сиднея, тогда шансов у него столько же, как и у евангелического ривайвелизма в Национальном собрании Франции. Но если им движет надежда на жизнь в мире, где дети смогут играть друг с другом независимо от религиозных или нерелигиозных убеждений их родителей, тогда эту волну наверняка с радостью поймут многие христиане и мусульмане, иудеи и индуисты. Я поленился бы пройти всего квартал, чтобы послушать, как Кристофер Хитченс мечет молнии в христиан. Но я готов ехать на метро, а может, и лететь самолетом, чтобы услышать, как Аманда Галледж объясняет мне, почему ее дети – тоже хорошие люди.

Заключение

Легко вообразить, будто бы задача мировых религий – перемещать и преображать нас. Наш настоящий дом – не этот мир, быть человеком – не наше истинное призвание. Мы вязнем в грязи и трясине греха, страдания или иллюзии, а дело религии – доставить нас на небеса, в нирвану или мокшу. На этом пути мы превратимся из гусеницы в кокон, а потом в бабочку: христианство преобразит нас в святых, буддизм – в бодхисаттв, индуизм – в божества.

Мировые религии обещают волшебство метаморфозы, но предлагаемая метаморфоза зачастую оказывается не настолько эффектной, как скручивание золотистых фигурок богов из соломинок-людей. Даже в традициях, предполагающих бегство от греха и страданий этого мира, религия помогает нам не столько избавиться от человеческой природы, сколько понять ее. «Слава Божия, – писал епископ II века Иринеи Лионский, – это человек во всей полноте его жизни»¹. Или, как высказался один современный конфуцианец, «нам незачем отдаляться от своей индивидуальности и человеческой природы, чтобы полностью реализоваться в жизни»².

Конечно, в некотором смысле мы рождаемся людьми, но лишь потому, что в целом

принадлежим к тому же виду, типу и имеем ДНК. Зачастую нам еще только предстоит обрести человеческую природу – это скорее достижение, чем наследие, причем достижение далеко не тривиальное. Да, христианство объясняет нам, что мы грешники, и призывает стать другими, но Иисус принял человеческий облик не только для того, чтобы спасти нас от грехов. Одна из задач христианского учения о вочеловечении – показать нам, как надо жить в человеческом теле, продемонстрировать, что и человеческая жизнь может иметь сакральный смысл. В том же свете можно рассматривать и другие религии. В исламе тот факт, что Мухаммад определенно не божество, ничуть не мешает ему служить образцом для человечества.

В даосизме мудрецы показывают, как действовать, словно мы настоящие – естественные, непосредственные, свободные.

Одно из величайших преданий мира относится также к самым древним – это древний месопотамский эпос о Гильгамеше и его друге Эн-киду. Гильгамеш – бог и человек, правитель Урука, горожанин и хранитель цивилизации. Энкиду – зверь и человек, лесной житель, угроза для цивилизации, одевающаяся в шкуры и бегающая вместе с дикими зверями. Рассказ с этими двумя действующими лицами – нечто вроде «В дороге», только из III тысячелетия до н. э., – начинается с того, что при первой встрече они так и не смогли победить друг друга в бою и стали верными друзьями. Вскоре их затянул водоворот приключений, какие у молодых и смелых мужчин во все времена ассоциировались с лесной чащей и чудовищами. И когда одно из этих чудовищ принесло смерть, Гильгамеш отправился на поиски бессмертия.

Как в любом классическом произведении, многочисленные сюжетные линии в истории о Гильгамеше сплетены воедино, однако в первую очередь это размышления о том, как стать человеком. В начале рассказа богочеловек Гильгамеш считает себя выше других людей, а зверочеловек Энкиду – ниже. Постепенно оба становятся людьми. Эн-киду превращается в человека после того, как женщина, с которой он был близок, моет его и бреет его заросшее шерстью тело, а Гильгамеш превращается в человека, когда видит, как умирает его друг и оплакивает его. Эрос и танатос, как сказал бы Фрейд: половое влечение и влечение к смерти – две стороны человеческого бытия.

Несколько лет назад, когда евангелические колонизаторы распространяли по всей Америке браслеты с надписью «Как поступил бы Иисус?», одна из моих знакомых начала делать браслеты «Как поступил бы ты?» Забудьте о том, что сделал бы Иисус. Что сделал бы Джозеф? Или Кейт? В коробки с этими браслетами она вкладывала листочки с высказываниями разных мыслителей – о поиске и обретении своего пути. Почти во всех религиях есть по крайней мере намеки на то, что Бог или Небеса хотят, чтобы мы просто были самими собой:

Когда хасидский раввин XVIII века Зюся (Зюша) уйдет в мир иной, Бог не спросит его: «Почему ты не был Моисеем?» Он спросит: «Почему ты не был Зюсей?»³

У Дао десять тысяч врат, – говорят наставники, – и задача каждого из нас – найти среди них свои⁴.

Изучать великие религии – значит блуждать среди этих десяти тысяч врат. Это значит вступать в индуистский диалог о логике кармы и перерождения, в христианский диалог о механике греха и воскресения, даосистский диалог о благоденствии здесь и сейчас (и, вероятно, в вечности). Кроме того, это означает сталкиваться с соперничеством индуистов и мусульман в Индии, иудеев и мусульман в Израиле, христиан и приверженцев религии йоруба в Нигерии. Каждый из этих соперников придерживается своих представлений о том, что значит «вести человеческую жизнь во всей ее полноте». Каждый предлагает свою диагностику человеческой проблемы, каждый выписывает свой рецепт для исцеления. Каждый предлагает свой метод достижения религиозной цели и свои образцы для подражания. Мусульмане утверждают, что проблема в гордыне, христиане – что спасение и есть решение; образование и

ритуал – основные методы конфуцианцев, а буддийские образцы для подражания – архаты (в т*ensored*аваде), бодхисаттвы (в махаяне) и ламы (в тибетском буддизме).

Разумеется, эти различия можно счесть избыточными, и указать на точки, в которых мировые религии сходятся. Потому что религии – действительно своего рода семейства, некоторые вопросы, которые они задают, пересекаются, как и отдельные ответы. Все приверженцы этих религий – люди с человеческим телом и человеческими недостатками, поэтому каждая из религий проявляет внимание к нашему воплощению и положению человека, не в последнюю очередь к определению «всей полноты жизни».

Но религиозные люди подступают к этой задаче, двигаясь по совершенно иному пути. Конфуцианцы верят, что настоящими людьми мы становимся, когда встраиваемся в разветвленную сеть социальных взаимоотношений. Даосисты – когда мы выпутываемся из социальных взаимоотношений. С точки зрения мусульман, тремя основополагающими человеческими качествами Мухаммада являются набожность, воинственность и великодушие⁵. Будда, возможно, был великодушным, но далеко не набожным. В сущности, он даже не верил в Бога. Иисус тоже наверняка был великодушным, но когда требовалось проявить воинственность, подставлял другую щеку. Если у Дао десять тысяч врат, то же самое относится и к великим религиям. И задача каждого из нас – найти среди них свою.

У тех, кто нашел этот путь, возникает искушение впасть в наивное «богомыслие» и свалить пути всех прочих религий в одну кучу противоположностей или зеркальных отображений собственного. «Новые атеисты» воспринимают все религии (кроме собственной «антирелигиозной религии») как одинаковую глупость и опиум. Вечные философы считают все религии одной и той же истиной и состраданием. Но оба лагеря не замечают многообразия религий. Вместо десяти тысяч врат они видят лишь одни.

Богомыслию присущ скорее идеологический, чем аналитический характер: оно начинается в плотных облаках стремления, а не с четкого представления о том, как обстоит дело на местности. В случае Хитченса и «новых атеистов» все начинается со стремления осудить религию как зло. В случае Хьюстона Смита и вечных философов все начинается со стремления восхвалять религию как благо. Ни то, ни другое не служит нашему пониманию мира, в котором религиозные традиции по меньшей мере так же разнообразны, как наше политическое, экономическое, социальное устройство, где религиозные люди воюют и заключают мир именами своих богов, будд, ориша. Дипломатам или предпринимателям, работающим в Индии или Китае, не стоит заявлять, что все индуисты или все конфуцианцы глупы. Солдатам на Ближнем Востоке не следует высказываться о том, что иранский шиизм – в сущности, то же самое, что и суннитский ислам Саудовской Аравии, или что мусульмане, христиане и иудеи в Израиле не имеют фундаментальных расхождений по вопросам веры и ее исповедания.

Конечно, находятся люди, подчеркивающие разницу между, допустим, исламом и христианством, чтобы подкрепить теологический тезис об исламе как единственном истинном пути или Иисусе как единственном пути, единственной истине и единственной жизни. Еще опаснее те, кто подчеркивает религиозные различия, подкрепляя политическое заявление, согласно которому религиозные цивилизации обречены на конфликт. И особенно опасны те, кто подчеркивает религиозные различия, чтобы оправдать ведение войны против своих теологических противников. Священная война – именно то, чего, к их чести, стремятся избежать «новые атеисты» и вечные философы.

Я тоже надеюсь пожить в мире, в котором люди научатся соседствовать со своими религиозными соперниками. Но я убежден, что к этой цели мы должны стремиться с помощью новых средств. Вместо того, чтобы способствовать распространению богомыслия, сваливающего все религии вместе, в один мусорный бак или сундук с сокровищами, мы

должны взяться за дело, ясно представляя себе фундаментальные различия в убеждениях и практике ислама и христианства, конфуцианства и индуизма.

Есть люди, уверенные, что единственный фундамент, на котором можно построить межрелигиозную культуру, – догма, согласно которой все религии одинаковы. Я к ним не отношусь. Во всем мире люди изо дня в день мирно и даже радостно сосуществуют с членами своих семей, совершенно не похожими на них самих. В Нью-Йорке фанаты команд *Mets* и *Yankee* научились жить и работать бок о бок, как и болельщики команд *Real Madrid* и *Barcelona* в Испании, стране поклонников европейского футбола. Каким же надо быть наивным, чтобы считать, что успех в отношениях зависит от сходства партнеров? Разве не различия вызывают интерес? Что требуется в любых взаимоотношениях, так это знать, что на самом деле представляет собой партнер. При такой потребности наивная надежда на то, что вы с партнером вдруг станете одинаковыми, только раздражает. Во взаимоотношениях и религиях отрицание различий – верный путь к катастрофе. Действенный метод – постараться понять различия, а потом принять их и, возможно, даже порадоваться им. В конце концов, невозможно договориться о разногласиях, пока не поймешь, в чем заключаются эти разногласия.

До недавнего времени межконфессиональный диалог происходил только среди тех, для кого учение и повествование своих традиций существенно отставало по значимости от этического императива уживаться с соседями. Иными словами, это была игра для религиозных либералов; религиозные консерваторы и не стремились участвовать в ней. Но сегодня молодежь прокладывает новый путь – «межконфессиональный диалог 2.0», – открытый как для верующих, так и для неверующих именно потому, что он подразумевает: подлинный диалог через религиозные границы должен признавать существование этих границ и фундаментальные различия между землями, которые эти границы разделяют.

В Межконфессиональном молодежном центре Чикаго, которым руководит Эбу Патель, от участников диалога не требуют согласия с какими-либо условиями. Патель активно отговаривает их от обсуждения политики и теологии и вместо этого ориентирует их на работу по общественным проектам, побуждает рассказывать о том, как разительно отличающиеся традиции подтолкнули их к готовности вместе взять на себя ответственность. В итоге Пателю (сам он мусульманин) удается сплотить в процессе работы ортодоксальных евреев, консервативных католиков и возродившихся в вере христиан. «Религия – значительная сила в этом мире, – говорит Патель, – но только нам решать, разделит она нас или объединит»⁶. Разделяющие или объединяющие функции религии зависят также и от того, способны ли мы научиться обсуждать ее с позиций взаимопонимания.

События последнего времени, в том числе культурные войны, доказали, что есть два способа обсуждать религию. Один из них – религиозный способ молитв в синагогах и проповедей в церквях – способ, которым религиозные люди свидетельствуют о своих Символах веры, своих богах, своих обрядах. Но есть и другой, нерелигиозный способ обсуждать религию. Этот второй путь не подразумевает, что религия в целом или любая из религий в частности истинна или ложна, так как допустить подобное – значит завести религиозный разговор о религии. Вместо этого выбирается другая цель: просто наблюдать и сообщать как можно объективнее о том, что делают люди во зло или во благо (или и то, и другое).

Есть разница между созданием истории искусства и созданием произведений искусства. Конечно, искусствоведы могут быть художниками, но создавать произведение искусства и интерпретировать его – две совершенно разные задачи. То же самое относится к созданию и толкованию религии. Разумеется, и среди религиоведов есть религиозные люди, но для такой работы быть верующим не обязательно, как не обязательно быть скульптором или художником для того, чтобы заниматься историей искусств. Само собой, в работах религиоведы нередко излагают собственные теологические взгляды, рассматривают религию

сразу с двух ракурсов. Проблема богомыслия «нового атеиста» или вечного философа – в том, что представители этих лагерей не замечают то, что очевидно стороннему наблюдателю: их собственные теологические позиции. Когда Ричард Докинз называет религию иллюзией, он рассуждает как теолог (или а-теолог), а не объективный комментатор. Когда Хьюстон Смит называет все религии едиными, он тоже вносит свой вклад в развитие богословской мысли.

Если бы религия не имела значения, тогда всеобщая путаница не затуманивала бы наши представления о мире. Если бы люди действовали в семье, сообществе и стране, движимые исключительно алчностью и силой, тогда описать мир было бы под силу экономистам и политологам. Но люди ежедневно действуют на основании религиозных убеждений, и сторонние наблюдатели расценивают их поступки как глупые, опасные или еще хуже. Аллах велит им взрывать себя или делиться с бедными, и они так и делают. Иисус велит им подбрасывать бомбу в клинику, где делают аборт, или строить благотворительный фонд, и они так и делают. Поскольку так сказал Бог, иудеи, христиане и мусульмане считают одну и ту же землю своей землей, поэтому сражаются за нее именем Б-га, Иисуса или Аллаха. Независимо от того, одобряем мы их действия или осуждаем, именно так обстоит дело. И если мы хотим жить в реальном мире, а не в кроличьей норе нашего воображения, с этим придется смириться.

Для того чтобы принять мир таким, какой он есть, нам необходима религиозная грамотность. Мы должны иметь представление об основных убеждениях и практике мировых религий. Эта книга – попытка предложить религиозный ликбез. В ней рассказано о том, как восемь соперничающих религий борются с обстоятельствами, в которых находится человек, рассказано про проблемы этих религий, их решения, методы и примеры для подражания. В ней показано, как различные религии делают акцент на разных аспектах: к примеру, конфуцианство – на этическом и ритуальном, иудаизм – на законном и повествовательном. Кроме того, религии выстроены в порядке от наиболее до наименее распространенной, от ислама и христианства до конфуцианства, индуизма, буддизма, религии йоруба, иудаизма и даосизма. Но религиозной грамотности такого рода недостаточно.

Сегодня нам с избытком хватает христиан, публично создающих христианскую теологию, атеистов, публично создающих атеологию, вечных философов, объясняющих, что все религии едины. Наш эфир и книжные магазины заполнены яростными доводами в пользу одной религии и против другой. В передаче *Hardball* («Вопрос на засыпку») и других, подобных ей, с названиями, будто бы придуманными подростками, продюсеры регулярно стравливают идеологов нерелигиозных левых с идеологами религиозных правых. Поэтому недостатка в навешивании религиозных (и антирелигиозных) ярлыков не наблюдается. Недостает лишь примеров второго способа обсуждать религию, голоса, который звучал бы, как старомодные новостные передачи *CBS* или *BBC*, а не нынешние нападки с бранью на *Fox News* или *MSNBC*. Эта книга – попытка дать слово другому голосу, предложить новый способ входить в десять тысяч врат человеческой религиозности.

Широко известна народная притча о том, как слепые ощупывали слона. Скорее всего, она зародилась в Индии еще до начала нашей эры, но со временем распространилась на Востоке, в Юго-Восточной Азии, а затем и во всем мире. В этой притче один слепец пощупал слоновий хобот и объявил, что слон – это змея. Другой потрогал хвост и объявил, что слон – это веревка. По мнению остальных, слон представлял собой стену, колонну, копьё, опало в зависимости от того, до какой части слоновьего тела они дотронулись. Но каждый слепец уверял, что именно он прав, в итоге разгорелась ссора.

В кругах истинных верующих из числа вечных философов эта притча занимает то же положение, что и евангелия. С точки зрения этих верующих, слон – это Бог, а слепцы – христиане, мусульмане и иудеи, которые ошибочно принимают свою, конкретную (и ограниченную) точку зрения на божественное за саму божественную реальность. Так как Бог

непостижим для человека, мы вечно будем блуждать вокруг него в потемках. Глупо утверждать, будто бы только ваша религия истинна, а все прочие ложны. Никто не располагает истиной в целом, но к слону прикасаются все. Следовательно, заключает индуистский учитель (и вдохновитель многих вечных философов) Рамакришна, «познавать Бога можно посредством всех религий»⁷.

Но эта же притча показывает, насколько различны религии, так как разные религиозные группы рассказывают и применяют ее каждая по своему. Для буддистов это доказательство, что домыслы об отвлеченных метафизических вопросах приносят страдания. Для суфиев – что Бога можно узреть сердцем, а не с помощью органов чувств. Индуисты читают между строк этой притчи: «К Богу можно идти разными путями»⁸. И наконец, современные западные писатели, например, американский поэт Джон Годфри Сакс, на примере все той же притчи доказывают глупость теологии:

Услышав богословский спор,
Не раз мы замечали:
Невежды обсуждали то,
Чего не понимали.
Судили о слоне, хотя
Его и не видали!⁹

Для меня эта история служит напоминанием не о единстве мировых религий (как убеждают нас Рамакришна и вечные философы) и не о масштабах глупости (как утверждают Сакс и «новые атеисты»), а о пределах человеческого познания. Религии принято считать неизменными, застывшими догмами, в которых не положено сомневаться. Несомненно, в большинстве религий есть фундаменталисты, которые придерживаются именно такого мнения. Однако одна из функций трансцендентного – пробуждать в нас смирение, напоминать, что наши мысли – не мысли Бога или великой богини, что многое мы видим как сквозь тусклое стекло. Да, религиозные люди предлагают решения, рассчитанные на недостатки положения человека, каким они его воспринимают. Однако эти решения не столько отвечают на прежние вопросы, сколько порождают новые. Это в первую очередь относится к Конфуцию и Гиллелю, которые, вероятно, в большей мере, чем любые другие личности, упомянутые здесь, следовали увещанию Рильке «любить сами вопросы»¹⁰. Вместе с тем это относится и к Мухаммаду, некогда сказавшему, что умение задавать хорошие вопросы – половина учения, и к Иисусу, притчи которого предназначены не столько для того, чтобы преподать нам урок, сколько для того, чтобы мы озадаченно призадумались¹¹.

Но когда речь заходит о спасении мира от зол религии, в том числе от насилия, совершаемого во имя Бога, утверждение, что все религии едины, столь же бесполезно, как попытки доказать, что все религии – опиум. Гораздо эффективнее напоминание о том, что любая подлинная вера в то, что мы называем Богом, должна смирать нас, указывать, что если и вправду существует бог или богиня, достойные так называться, то он, она или оно наверняка знает гораздо больше нас о том, что имеет первостепенное значение. По крайней мере, это утверждение является общим для всех великих религий.

Примечания **Вступление**

¹ Единственная уцелевшая копия этой книги хранится в Библиотеке и художественной галерее Хантингтона в Сан-Марино, Калифорния. В интернете ее можно увидеть по адресу <http://www.blakearchive.org/exist/blake/archive/work.sq?workid=arp&java=yes>. Блейк писал: «Подобно всем бесконечно разным людям, все религии... имеют один источник», – и называл его «поэтическим гением».

- ² Хьюстон Смит, «Религии мира: наши великие традиции мудрости» (Huston Smith, *The World's Religions: Our Great Wisdom Traditions*, New York: HarperSanFrancisco, 1991), 73.
- ³ Далай-лама, «Открытое сердце: практика сострадания в повседневной жизни» (Dalai Lama, *An Open Heart: Practicing Compassion in Everyday Life*, Boston: Little, Brown, 2001), 8–9.
- ⁴ Смит, «Религии мира», 73. «Те, кто обходят гору, пытаются и других повести по своему пути, а не через вершину», – добавляет Смит.
- ⁵ Свами Шивананда, «Единство, лежащее в основе всех религий», <http://www.dlshq.org/religions/unirel.htm>.
- ⁶ См.: Рювен Файрстоун, «Спорь, ради Бога, или еврейские споры ради споров». [Reuven Firestone, *Argue, for God's Sake – or, a Jewish Argument for Argument*, *Journal of Ecumenical Studies* 39, no. 1–2 (2002)], 47–57.
- ⁷ Адам Б.Селигмен, «Толерантность, традиция и современность» [Adam B.Seligman, *Tolerance, Tradition and Modernity*, *Cardozo Law Review* 24, no. 4 (2003): 1645–1656]. Помимо написания социологических статей по этой теме, Селигмен ведет проект «Толерантность» и Международную летнюю школу религий и общественной жизни (<http://www.issrpl.org>).
- ⁸ Смит, «Религии мира», 5, 388–389.
- ⁹ Шивананда, «Единство, лежащее в основе всех религий».
- ¹⁰ Ханс Кюнг, «О том, как быть христианином» (Hans Kung, «On Being a Christian», trans. Edward Quinn, Garden City, NY: Doubleday, 1976), 98.
- ¹¹ Трейси Макниколл, «Заманивание денег ислама во Францию» (Tracy McNi-coll, «Courting Islamic Cash in France», *Newsweek*, September 21, 2009), 12.
- ¹² У. Э. Б. Дюбуа, «Душа черного народа: впечатления и зарисовки» (W. E. B. DuBois, *The Souls of Black Folk: Etches and Sketches*, Chicago: A. C. McClurg, 1903), 23. Впервые я услышал этот довод от Эбу Пателя из Межконфессионального молодежного центра (*Interfaith Youth Core*).
- ¹³ Ниниан Сمارт, «Измерения сакрального: анатомия мировых верований» (Ninian Smart, *Dimensions of the Sacred: An Anatomy of the World's Beliefs*, Berkeley: Univ. of California Press, 1996).
- ¹⁴ Абрахам Джошуа Хешель, «Ни одна религия не является островом» (Abraham Joshua Heschel, *No Religion Is an Island*, in *No Religion Is an Island: Abraham Joshua Heschel and Interreligious Dialogue*, eds. Harold Kasimov and Byron L. Sherwin, Maryknoll, NY: Orbis Books, 1991), 3-22. «Местечковость стала нерациональной, – пишет Хешель. – Было время, когда никакими силами нельзя было втолковать бостонцу, что бостонская палата представителей – это не центр Солнечной системы, а конфессия, к которой он принадлежит, вовсе не монополизировала Святой Дух. Сегодня же мы знаем, что даже Солнечная система не является центром вселенной» (5–6).
- ¹⁵ Прочитано в Эрик Дж. Шарп, «История компаративной религии» (Eric J. Sharpe, *Comparative Religion: A History*; London: Duckworth, 1975), 36.
- ¹⁶ Надеюсь, из текста ясно, что я вовсе не пытаюсь возродить шаблонное деление мировых религий на официальные «великие традиции» книжных людей и еретические «малые традиции» некнижных. Об этом делении см., например: Клиффорд Уилкокс, «Роберт Редфилд и развитие американской антропологии» (Clifford Wilcox, *Robert Redfield and the Development of American Anthropology*, 2nd ed., Lanham, MD: Lexington Books, 2006).

¹⁷ База данных по мировым религиям, <http://www.worldreligiondatabase.org>. За исключением особо оговоренных случаев, демографические данные по мировым религиям, приведенные в этой книге, взяты из данного источника.

¹⁸ «Список: самые быстрорастущие из мировых религий» («The List: The World's Fastest-Growing Religions, Foreign Policy», May 2007, http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=3835). Темп прироста ислама – 1,84 %. Численность христиан, которой идет на пользу высокий уровень рождаемости и массовые обращения на глобальном юге, растет со скоростью 1,38 % в год.

¹⁹ Кристофер Хитченс, «Бог не любовь. Как религия все отравляет» (Christopher Hitchens, *God Is Not Great: How Religion Poisons Everything*, New York: Twelve Books, 2007).

²⁰ Макс Хастингс, «Теперь Мохаммед – третье по популярности мужское имя в Англии» (Max Hastings, *Mohammed Is Now the Third Most Popular Boy's Name in England*, MailOnline, September 10, 2009, <http://www.tiny.cc/8ET3Y>).

²¹ Дэвид Маски, «Непредсказуемая дорога: мусульмане и будущее Европы» (David Masci, *An Uncertain Road: Muslims and the Future of Europe*, The Pew

Forum on Religion and Public Life, October 2005, <http://pewforum.org/docs/?DocID=60>).

²² В указателе к книге Акселя Майклса «Прошлое и настоящее индуизма» (Axel Michaels, *Hinduism: Past and Present*, trans. Barbara Harshav, Princeton: Princeton Univ. Press, 2004) значатся десять отдельных пунктов, относящихся к «спасению», и на протяжении всей книги Майклс обращается к проблеме «греха» (см., например, с. 16). В буддийском контексте о «спасении» пишет Ниниан Смут в «Религиях Азии» (Ninian Smart, *Religions of Asia*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993), 107; о «грехе» пишет Д.Т. Судзуки в «Очерках дзен-буддизма» (D.T. Suzuki, *Essays in Zen Buddhism: Second Series*, London: Luzac, 1933), 243. К религиям, в которых фигурируют «грех» и «спасение», обычно относят даже даосизм. См., например: Джулия Цзин, «Религии Восточной Азии» в издании «Мировые религии: восточные традиции» (*World Religions: Eastern Traditions*, 2nd ed., ed. Willard G. Oxtoby, New York: Oxford Univ. Press, 2001), 392.

²³ Смит, «Религии мира», 73.

²⁴ Джеймс Фейдимен и Роберт Фрегер, под ред. «Основы суфизма» (James Fadiman and Robert Frager, eds. *Essential Sufism*, New York: HarperCollins, 1999), 82.

²⁵ Райнер Мария Рильке, «Рильке о любви и других трудностях» (Rainer Maria Rilke, *Rilke on Love and Other Difficulties*, trans. John J.L. Mood, New York: Norton, 1975), 25; Уолт Уитмен, «Врачеватель ран» в «Листьях травы» (Walt Whitman, *Leaves of Grass*, Philadelphia: David McKay, 1891–1892), 242.

²⁶ Ричард Рорти, «Религия как стопор для разговоров» (Richard Rorty, *Religion as a Conversation Stopper*, Common Knowledge 3, no. 1, 1994), 1–6. Здесь Рорти цитируется по Стивену Л. Картеру, «Культура неверия: как американский закон и политика опошляют религиозность» (Stephen L. Carter, *The Culture of Disbelief: How American Law and Politics Trivialize Religious Devotion*, New York: Basic Books, 1993).

²⁷ Блаженный Августин, «Исповедь» (10.33.50 in Augustine of Hippo: Selected Writings, trans. Mary T. Clark, New York: Paulist Press, 1984), 150.

Глава 1. Ислам: путь подчинения

¹ «Общественность неоднозначно относится к исламу и мормонизму» («Public Expresses Mixed

Views of Islam, Mormonism», *The Pew Forum on Religion and Public Life*, September 25, 2007, <http://pewforum.org/surveys/religionviews07>). Десять слов, которые чаще всего ассоциируются с исламом (начиная с самых частых): «религиозный/религиозность», «фанатик/фанатичный», «иной», «мир/мирный», «запутанный/путаница», «радикальный», «строгий», «террор/терроризм», «преданный», «насилие/насильственный».

² «Большой барьер: как жители Запада и мусульмане воспринимают друг друга» («The Great Divide: How Westerners and Muslims View Each Other»,

Pew Global Attitudes Project, June 22, 2006, <http://pewglobal.org/reports/display.php?ReportID=253>).

³ Лори Гудстейн, «Наиболее резкая евангелическая критика в адрес ислама» (Laurie Goodstein, «Top Evangelicals Critical of Colleagues over Islam», *New York Times*, May 8, 2003; <http://www.nytimes.com/2003/05/08/us/top-evangelicals-critical-of-colleagues-over-islam.html>).

⁴ За исключением особо оговоренных случаев, все цитаты из Корана приводятся по изданию Э.Дж. Арберри, «Толкование Корана» (A.J.Arberry, *The Koran Interpreted*, New York: Touchstone, 1996). (Для русского издания использован перевод смыслов Э.Р. Кулиева. – *Прим. пер.*)

⁵ База данных по мировым религиям, <http://www.worldreligiondatabase.org>. Китай обычно не значится в первой десятке главным образом из-за печально известных трудностей, связанных со сбором данных по религиозным вопросам, однако он вполне может оказаться одной из наиболее населенных стран мусульманского мира.

⁶ «Мусульманский экстремизм: общие проблемы мусульманской и западной аудитории» («Islamic Extremism: Common Concern for Muslim and Western Public», *Pew Global Attitudes Project*, July 14, 2005, <http://pewglobal.org/reports/display.php?PageID=809>); «Ислам и Запад: поиски общего» («Islam and the West: Searching for Common Ground», *Pew Global Attitudes Project*, July 18, 2006, <http://pewglobal.org/commentary.display.php?AnalysisID=1009>); «Большой барьер: как жители Запада и мусульмане воспринимают друг друга» («The Great Divide: How Westerners and Muslims View Each Other», *Pew Global Attitudes Project*, June 22, 2006, <http://pewglobal.org/reports/display.php?ReportID=253>).

⁷ См.: Джек Шахин, «Действительно плохие арабы: как Голливуд очерняет народ» (Jack Shaheen, *Reel Bad Arabs: How Hollywood Vilifies a People*, New York: Olive Branch Press, 2003).

⁸ Уильям Ч. Читтик, «Суфийское учение Руми» (William C.Chittick, *The Sufi Doctrine of Rumi*, Bloomington, IN: World Wisdom, 2005), 82.

⁹ Сеид Хоссейн Наср, «Идеалы и реальность ислама» (Seyyed Hossein Nasr, *Ideals and Realities of Islam*, London: George Allen&Unwin, 1985), 22.

¹⁰ Некоторые западные критики утверждают, что столпов в исламе на самом деле шесть, а не пять, и что шестым столпом является джихад. Ряд современных исламистских групп, в частности, «Аль-Каида» и «Талибан», также придерживаются подобных взглядов. Но подавляющее большинство мусульман в прошлом и настоящем ограничивают количество столпов пятью.

¹¹ Некоторые мусульманские государства оплачивают хадж своим гражданам. В 2008 году Нигерия отправила в Мекку 84878 мусульман, потратив в общей сложности 127 миллионов долларов. Заявив, что их паломничество в Иерусалим не менее достойно правительственных субсидий, чем мусульманский хадж, 17 тысяч нигерийских христиан в том же году добились субсидий в размере 17 миллионов долларов и стали «иерусалимскими паломниками». См.:

Габриэль Омо, «Нигерия: граждане тратят 35 миллиардов нигерийских найр на паломничества» (Gabriel Omoh, «Nigeria: Citizens Spend N35 Billion on Pilgrimages», *Vanguard*, January 5, 2009, <http://allafrica.com/stories/200901051100.html>).

¹² Следует отметить, что лишь немногие мусульмане воспринимают Коран как sola scriptura (единственное писание) по примеру протестантов. Скорее как талмудисты или римо-католики, они воспринимают коранические тексты сквозь призму давних традиций толкования, во многих случаях смягчающих острые углы трудных фрагментов не только о войне, но и о других спорных вопросах, например правах женщин.

¹³ «Пост поднимает настроение в развивающихся странах» («A Rising Tide Lifts Mood in the Developing World», *Pew Global Attitudes Project*, July 24, 2007, <http://pewglobal.org/reports/display.php?ReportID=257>). Американские мусульмане с гораздо меньшей вероятностью оказывают поддержку «АльКаиде», чем мусульмане других стран, но даже в США каждый двадцатый мусульманин благосклонно относится к этой организации. Не менее тревожно выглядит и тот факт, что лишь 40 % американских мусульман верят в то, что виновниками терактов 11 сентября были арабы. Остальные либо отвечают, что они ничего не знают, либо возлагают вину на Израиль или США. См.: «Американские мусульмане: средний класс и преимущественно общее направление» («Muslim Americans: Middle Class and Mostly Mainstream», *Pew Research Center*, May 22, 2007, <http://pewresearch.org/pubs/483/muslim-americans>).

¹⁴ Майкл Х.Харт, «100 самых влиятельных личностей в истории» (Michael H.Hart, *The 100: A Ranking of the Most Influential Persons in History*, New York: Citadel Press, 1992).

¹⁵ Брошюра С.Х. Паша, дата неизвестна, раздавалась на улицах Атланты в 90-х годах XX века (из личной коллекции автора).

¹⁶ Уилфред Кантуэлл Смит, «Ислам в современной истории» (Wilfred Cantwell Smith, *Islam in Modern History*, New York: New American Library, 1959), 26. Продолжая ту же мысль, можно отметить, что аналог Библии в исламе – не Коран, а хадисы.

¹⁷ В переводе Арберри «man» заменен словами «human being», так как арабское слово в оригинале нейтрально в гендерном отношении.

¹⁸ Абрахам Хешель, «Пророки» (Abraham J. Heschel, *The Prophets*. New York: Harper&Row, 1962), 12. «Угроза наказания – один из самых распространенных мотивов пророчеств», – добавляет Хешель (187).

¹⁹ См. также: «Верующие не должны считать неверующих своими помощниками и друзьями вместо верующих» (3:28); «О те, которые уверовали! Не берите неверующих себе в помощники и друзья вместо верующих»

(4:144); и «О те, которые уверовали! Не берите врага Моего и врага вашего своим покровителем и помощником» (60:1). За электронную переписку по этому вопросу благодарю Омида Сафи и Кесиа Али.

²⁰ Однажды я слышал, как известный коранический каллиграф отвечал на вопрос об одном печально известном хадисе, процитированном в уставе «Хамаса» и утверждающем, что Судный день не настанет, пока мусульмане не убьют евреев. Этот каллиграф сразу же заявил, что хадис поддельный, так как противоречит учению Корана о принятии евреев как товарищей, «людей Писания». Этот хадис взят из мусульманского собрания, 41:6985, <http://www.use.edu/schools/college/crcc/engagement/resources/texts/muslim/hadith/muslim/041.smt.html>.

²¹ Эти четыре школы – ханафитская, названная в честь Абу Ханифа (ум. в 767 году); маликитская, в честь Малика ибн Анаса (ум. в 795 году); шафиитская, в честь Мухаммада ибн Идриса аш-Шафии (ум. в 820 году); и ханбалитская, в честь Ахмада ибн Ханбаля (ум. в 855 году). Южная Азия преимущественно ханафитская. Шафиитская школа преобладает в Индонезии, маликитская – в Северной Африке, ханбалитская – в Саудовской Аравии.

²² Фетва «Аль-Каиды», The Online NewsHour, February 23, 1998, http://www.pbs.org/newshour/terrorism/international/fatwa_1998.html.

²³ «Исламский комитет Испании опубликовал фетву, осуждающую терроризм и «Аль-Каиду» («La Comision Islamica de Espana Emite una Fatua Condenando el Terrorismo y al Grupo Al Qaida», March 10, 2005, <http://www.webislam.com/?idn=399>). – *Пер. авт.*

²⁴ Даниэль Эрвье-Лежер, «Религия как цепочка памяти» (Daniele Hervieu-Leger, *Religion as a Chain of Memory*, trans. Simon Lee, New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 2000).

²⁵ Оmid Сафи, «Прогрессивный ислам в Америке» (Omid Safi, «Progressive Islam in America», in *A Nation of Religions: The Politics of Pluralism in Multireligious America*, ed. Stephen Prothero, Raleigh: Univ. of North Carolina Press, 1996), 52–53.

²⁶ Оmid Сафи, «Прогрессивный ислам в Америке», 54.

²⁷ Джеймс Фейдимен и Роберт Фрегер, под ред. «Основы суфизма», 102.

²⁸ Джеймс Фейдимен и Роберт Фрегер, под ред. «Основы суфизма», 111. Руми высказывает подобную мысль: «Для тех, кто достиг (единства с Богом), нет ничего (необходимого), кроме (духовного) ока и светильника (интуитивной веры): они не заботятся о знаках (ведущих их) или о пути (по которому идут)». Прочитировано в Читтик, «Суфийское учение Руми», 20.

²⁹ Прочитировано у Кесиа Али в «Добродетель и опасность: сексуальность и пророческие нормы в мусульманской жизни и мысли» (Kecia Ali, «Virtue and Danger: Sexuality and Prophetic Norms in Muslim Life and Thought»,

Interreligious Dialogue, September 30, 2009, <http://irdialogue.org/wp-content/uploads/2009/10/Ali-JIRD-Oct-2009.pdf>). Как отмечает Али, параллельный хадис гласит: «В исламе нет монашества».

³⁰ Коулмен Баркс, пер. «Сущность Руми» (Coleman Barks, trans., *The Essential Rumi*, New York: Harper-Collins, 1995), 242, 129.

³¹ Баркс, «Сущность Руми», 193.

³² Фейдимен и Фрегер, под ред. «Основы суфизма», 58.

³³ Фейдимен и Фрегер, под ред. «Основы суфизма», 115.

³⁴ Джалаладдин Руми, «Избранные произведения из дивана Шамса Тебризи» (Jalal al-Din Rumi, *Selected Poems from the Divani Shamsi Tabriz*, trans. Reynold A. Nickolson, Richmond, UK: Routledge Curzon Press, 1999), 135.

³⁵ Игнац Гольдзи**censored**, «Мухаммад и ислам» (Ignac Goldziher, *Mohammed and Islam*, trans. Kate Chambers Seelye, New Haven: Yale Univ. Press, 1917), 183. Суфийский ученый Сеид Хоссейн Наср проявляет такую же примирительность: «Всецело жить любой религией – значит жить всеми религиями» («Идеалы и реальность ислама», 16).

³⁶ Уильям Вордсворт, «Поэзия Уильяма Вордсворта» (William Wordsworth, *The Poetical Works*

of William Wordsworth, eds. Ernest de Selincourt and Helen Darbishire, Oxford: Oxford Univ. Press, 1949). 4.57.

³⁷ Баркс, «Сущность Руми», 178.

³⁸ Процитировано в Наила Минай, «Женщины в исламе: традиции и перемены на Ближнем Востоке» (Naila Minai, *Women in Islam: Tradition and Transition in the Middle East*, New York: Seaview Books, 1981), 40.

³⁹ Мухаммад Эль-Корчи, «Исламское финансирование набирает обороты» («Mohammed El Qorchi, Islamic Finance Gears Up», *Finance and Development* 42, no. 4 (2005), <http://imf.org/external/pubs/ft/fandd/2005/12/qorchi.htm>.

Глава 2. Христианство: путь спасения

¹ Харви Кокс, «Будущее веры» (Harvey Cox, *The Future of Faith*, New York: HarperOne, 2009), 174.

² На декабрь 2009 года – на 1082 языков, согласно сайту *The Jesus Film Project* (<http://www.jesusteam.org/film-and-media/statistics/languages-completed>). На том же сайте пастор мегацеркви Рик Уоррен называет этот фильм «самым эффективным евангелическим инструментом, какой когда-либо был изобретен».

³ Дж. Ч.Холлмен, «Дьявол – джентльмен: исследование религиозной периферии Америки» (J.C.Hallman, *The Devil Is a Gentleman: Exploring America's Religious Fringe*, New York: Random House, 2006), xv.

⁴ См.: Стивен Протеро, «Американский Иисус: как Сын Божий стал кумиром нации» (Stephen Prothero, *American Jesus: How the Son of God Became a National Icon*, New York: Farrar, Straus&Giroux, 2003).

⁵ Дэвид Б. Барретт, Тодд М. Джонсон, Питер Ф. Кроссинг, «Миссиометрия-2008: реальность испытывает христианские общины мира» (David B. Barrett, Todd M. Johnson, Peter F. Crossing, «Missiometrics 2008: Reality Checks for Christian World Communions», *International Bulletin of Missionary Research* 32, no. 1, 2008), 29.

⁶ Джон Р. У. Стотт, «Основы христианства» (John R. W. Stott, *Basic Christianity*, 2nd ed., London: InterVarsity Press, 1971), 81.

⁷ Дэвид Б. Барретт, Джордж Т. Кьюриэн, Тодд М. Джонсон, «Мировая христианская энциклопедия» (David B. Barrett, George T. Kurian, Todd M. Johnson, *World Christian Encyclopedia*, 2nd ed., New York: Oxford Univ. Press, 2001), 22.

⁸ Дайана Л. Экк, «Новая религиозная Америка: как «христианская страна» стала мировым лидером религиозного многообразия» (Diana L. Eck, *A New Religious America: How a «Christian Country» Has Become the World's Most Religiously Diverse Nation*, New York: HarperSanFrancisco, 2001).

⁹ На одном из семинаров по истории Библии в США я задал студентам прочитать Revolve. Прочитав этот перевод до конца, один из моих студентов сделал вывод, что это пародия на евангеличество в стиле американского агентства сатирических новостей *Onion*, а не отражение самого евангеличества. См.: «Размышление: полный Новый Завет» (*Revolve: The Complete New Testament*, Nashville: Thomas Nelson, 2003).

¹⁰ Джон Хенсон, «Лучше прежнего: кардинальный пересказ Священного Писания» (John Henson, *Good as New: A Radical Retelling of the Scriptures*, Winchester, UK: O Books, 2004), 23, 335.

¹¹ Картер Линдберг, «Европейская реформация» (Carter Lindberg, *The European Reformations*, 2nd ed., Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010), 64.

¹² Режи Дебре, «Маршрут Бога» (Regis Debray, *God: An Itinerary*, trans. Jeffrey Mehlman, London: Verso, 2004), 62.

¹³ Джордж Э. Гансс, под ред. «Игнатий Лойола: духовные упражнения и избранные труды» (George E. Ganss, ed., *Ignatius of Loyola: Spiritual Exercises and Selected Works*, New York: Paulist Press, 1991), 213. Это правило значится под тринадцатым номером в списке «Правил мышления, суждения и чувствования вместе с церковью» Игнатия Лойолы.

¹⁴ Марк Э. Нолл, «Новый облик мирового христианства: как американский опыт отражает глобальную веру» (Mark A. Noll, *The New Shape of World Christianity: How American Experience Reflects Global Faith*, Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2009), 191.

¹⁵ Здесь приверженцы Англиканской, или Епископальной, как ее называют в США, церкви занимают среднюю позицию между протестантами и католиками, опираясь на «трехногий табурет» писаний, разума и традиций.

¹⁶ База данных по мировому христианству, <http://www.worldchristiandatabase.org>. В этой базе данных христиане всего мира разделены на шесть «мегаблоков»: сторонники Англиканской церкви, католики, независимые христиане, маргинальные христиане, православные и протестанты. Маргинальных христиан, к которым вдобавок к мормонам отнесены унитарии и сведенборгианцы, база определяет как группу верующих, которые чтят Иисуса, но отвергают традиционные христианские вероучения и власти, а в некоторых случаях обращаются к новым откровениям помимо Библии. Здесь я отношу сторонников Англиканской церкви и независимых христиан к протестантам. Все демографические данные в этой главе заимствованы из указанной базы данных, за исключением случаев, оговоренных особо.

¹⁷ Салли Аткинсон, «Следующий американский топ-мормон» (Sally Atkinson, «America's Next Top Mormon», *Newsweek*, May 6, 2008, <http://www.newsweek.com/id/135758>).

¹⁸ Филипп Дженкинс, «Следующий крещеный мир: пришествие глобального христианства» (Philip Jenkins, *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity*, New York: Oxford Univ. Press, 2002), 66. Провокационный довод, согласно которому у мормонизма есть все шансы стать первой новой мировой религией со времен появления ислама, см.: Родни Старк, «Возвышение мормонизма» (Rodney Stark, *The Rise of Mormonism*, ed. Reid L. Neilson, New York: Columbia Univ. Press, 2005). Согласно Старку, церковь СПД к 2080 году могут составить 267 миллионов верующих.

¹⁹ «Сейчас в США нет ни одного юноши, – писал Джефферсон в письме к медику Бенджамину Уотерхаусу, – который не умрет в лоне унитарно-англиканской церкви». (Dickinson W. Adams, *Jefferson's Extracts from the Gospels. The Philosophy of Jesus and the Life and Morals of Jesus*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983), 406.

²⁰ Дэвид У. Беббингтон, «Евангеличество в современной Великобритании: история с 30-х годов XVIII века по 80-е годы XX века» (David W. Bebbington, *Evangelicalism in Modern Britain: A History from the 1730s to the 1980s*, London: Unwin Hyman, 1989), 2-17.

²¹ Нолл, «Новый облик мирового христианства», 111.

²² Огюст Конт, «Система позитивной политики» (August Comte, *System of Positive Policy*, trans. John Henry Bridges, London: Longmans, Green, 1875), 1.600.

- ²³ Джордж М. Марсден, «Понимание фундаментализма и евангеличества» (George M. Marsden, *Understanding Fundamentalism and Evangelicalism*, Grand Rapids: Eerdmans, 1991), 1.
- ²⁴ Данные за 1900 год по европейцам (к которым отнесены европейцы, германцы, славяне) и по христианам в Европе (68 % от общей численности христиан) и Северной Америке (14 %) см. в: Тодд М. Джонсон, «Христианство в глобальном контексте: тенденции и статистика» (Todd M. Johnson, *Christianity in Global Context: Trends and Statistics*, *Pew Forum on Religion and Public Life*, <http://pewforum.org/events/051805/global-christianity.pdf>).
- ²⁵ Хилэр Беллок, «Европа и вера» (Hilaire Belloc, *Europe and the Faith*, New York: Paulist Press, 1920), ix.
- ²⁶ Тодд М. Джонсон и Сунь Ян Чжун, «Наблюдение за смещением статистического центра притяжения глобального христианства в 33-2100 годах н. э.» (Todd M. Johnson and Sun Young Chung, «Tracking Global Christianity's Statistical Centre of Gravity, A.D.33 – A.D.2100», *International Review of Mission* 93.369, April 2004), 166–181.
- ²⁷ Руфус Рокуэлл Уилсон, под ред., «Личные мемуары Линкольна» (Rufus Rockwell Wilson, ed., *Intimate Memories of Lincoln*, Elmira, NY: Primavera Press, 1945), 243.
- ²⁸ «Дикое вавилонское столпотворение» (Weird Babel of Tongues, Los Angeles Daily Times, April 18, 1906, reprinted in Judith Mitchell Buddenbaum and Debra L. Mason, eds., *Reading on Religion as News*, Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2000), 175.
- ²⁹ «Ежегодная статистическая таблица по глобальной миссионерской деятельности: 2009» («Annual Statistical Table on Global Mission: 2009, Center for the Study of Global Christianity», *Gordon-Conwell Theological Seminary*, <http://www.gcts.edu/sites/default/files/IBMR2009.pdf>).
- ³⁰ «Дух и сила: изучение пятидесятничества в 10 странах» («Spirit and Power: A 10-Country Survey of Pentecostals», *Pew Forum on Religion and Public Life*, October 2006, <http://pewforum.org/surveys/pentecostal/>).
- ³¹ О том, что он называет «примитивизмом» и «прагматизмом» в пятидесятничестве, см.: Грант Уоккер, «Небо внизу: раннее пятидесятничество и американская культура» (Grant Wacker, *Heaven Below: Early Pentecostals and American Culture*, Cambridge: Harvard Univ. Press, 2001).
- ³² Кокс, «Будущее веры», 204.
- ³³ «Движимые духом: власть и политика пятидесятников по прошествии 100 лет» («Moved by the Spirit: Pentecostal Power & Politics After 100 Years», *Pew Forum on Religion and Public Life*, April 24, 2006, <http://pewforum.org/events/?EventID=109>).
- ³⁴ Доналд Э. Миллер и Тецунао Ямамори, «Глобальное пятидесятничество: новое лицо общественной деятельности христианства» (Donald E. Miller and Tetsunao Yamamori, *Global Pentecostalism: The New Face of Christian Social Engagement*, Berkeley: Univ of California Press, 2007), 39–67.
- ³⁵ «Ежегодная статистическая таблица по глобальной миссионерской деятельности: 2009» («Annual Statistical Table on Global Mission: 2009», *Center for the Study of Global Christianity*, *Gordon-Conwell Theological Seminary*, <http://www.gcts.edu/sites/default/files/IBMR2009.pdf>).
- ³⁶ «Христианство во всех регионах», База данных по мировому христианству, <http://www.worldchristiandatabase.org>.
- ³⁷ Нолл, «Новый облик мирового христианства», 20.

³⁸ «Церковный альманах Deseret News 2009» (*Deseret News 2009 Church Almanac*, Salt Lake City: Deseret News, n.d., http://www.deseretbook.com/item/5018625/2009_Deseret_News_Church_Almanac). См. также: «Мировая паства СПД» (*World LDS Membership*, Rickety Blog, <http://www.rickety.us/lds/world>).

³⁹ «Социальные ценности, наука и техника» («Social Values, Science & Technology», *Special Eurobarometer 225*, European Commission, June 2005, 9, http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf).

⁴⁰ Филипп Дженкинс, «Следующий крещеный мир», 40. «Во времена Великой хартии вольностей или крестовых походов, – пишет Дженкинс, – в качестве типичного христианина нам следовало представить себе не французского ремесленника, а сирийского крестьянина или месопотамского горожанина, не европейца, а азиата».

⁴¹ Дженкинс, «Следующий крещеный мир».

⁴² Харфордский институт религиозных исследований ведет базу данных по всем американским протестантским церквям «со стабильной еженедельной посещаемостью богослужений не менее чем 2000 человек». См.: <http://hrr.hartsem.edu/megachurch/definition.html>.

⁴³ Дана Л. Роберт, «Сдвиг в южном направлении: глобальное христианство с 1945 года» (Dana L. Robert, «Shifting Southward: Global Christianity Since 1945», *International Bulletin of Missionary Research* 24, no. 2 (2000): 50). См. также: Дана Л. Роберт «Мировое христианство как женское движение» (Dana L. Robert, «World Christianity as a Women's Movement», *International Bulletin of Missionary Research* 30, no. 4, 2006: 180–188). Несколько лет назад, в разговоре с друзьями из Европы и Индии, до меня вдруг дошло, как легко забывается история. Когда стало ясно, что один из участников разговора, протестант из Германии, считает, что все индийцы – индуисты, собеседница поправила его: «Я христианка из церкви Мар Фомы в штате Керала». И она добавила, что ее церковь, считающая своим основателем библейского Фому, исповедовала веру в Христа за несколько столетий до рождения Лютера.

⁴⁴ Кокс, «Будущее веры», 222, 1, 20.

⁴⁵ Нолл, «Новый облик мирового христианства», 111.

⁴⁶ «Ежегодная статистическая таблица по глобальной миссионерской деятельности: 2009» («Annual Statistical Table on Global Mission: 2009», *Center for the Study of Global Christianity, Gordon-Conwell Theological Seminary*, <http://www.gcts.edu/sites/default/files/IBMR2009.pdf>).

⁴⁷ По мнению епископа Епископальной церкви Джона Шелби Спонга, христианам не повредило бы изучить собственную историю насилия и антиинтеллектуализма, прежде чем критиковать за них мусульман. Библия, пишет Спонг, применялась, «чтобы противостоять Великой хартии вольностей и поддерживать божественную власть королей, осуждать догадки Галилея и Чарльза Дарвина... способствовать рабству, а в дальнейшем – апартеиду и сегрегации... оправдывать крестовые походы и невыразимые ужасы, пережитые по их вине мусульманами, а также зверства инквизиции и яростного антисемитизма времен холокоста». См. его «Грехи писания: изучение библейских текстов ненависти с целью явления Бога любви» (John Shelby Spong, *The Sins of Scripture: Exposing the Bible's Texts of Hate to Reveal the God of Love*, New York: HarperSanFrancisco, 2005, суперобложка).

⁴⁸ Дебре, «Маршрут Бога», 264.

Глава 3. Конфуцианство: путь приличия

¹ «Лунь юй», 15:24, 15:23, 4:16; Майлс Менандер Доусон, под ред. «Этическое учение Конфуция: изречения учителя и его учеников о поведении «благородного мужа» (Miles

Menander Dowson, ed. *The Ethics of Confucius: The Saying of the Master and His Disciples on the Conduct of «The Superior Man»*, New York: G.P. Putnam Sons, 1915), 76; «Лунь юй» 15:6. Эти и последующие цитаты приведены по тексту Конфуций, «Лунь юй» (Confucius, *The Analects*, trans. D.C. Lau, New York: Penguin, 1979).

² Макс Вебер выдвигает этот аргумент в двух текстах: в книгах «Протестантская этика и дух капитализма» и «Религия Китая: конфуцианство и даосизм», впервые появившихся в Германии в 1904–1905 и 1915 годах соответственно. Основная мысль: капитализму не удалось развиваться в Китае так, как в протестантских странах Европы.

³ Существуют конкурирующие системы транслитерации китайского на английский. До недавнего времени наиболее распространенной была система Уэйда-Джайлса, в которой название китайской столицы писалось как Peking, а название наиболее известного на Западе китайского духовного трактата – Tao Te Ching. Здесь я пользуюсь набирающей популярность системой пиньинь (ею пользуются в ООН), в которой те же названия выглядят как Beijing и Daodejing. Название «Книги перемен» – *I Ching* по Уэйду-Джайлсу и *Yijing* согласно пиньиню.

⁴ Первым конфуцианским каноном было «Шестикнижие»: нынешние пять книг плюс утраченная книга о музыке. Классическое «Пятикнижие» разрослось до тринадцати классических трактатов во времена династии Сун (960–1279 годы н. э.). Ту Вэймин усматривает в «Пятикнижии» пять разных точек зрения, составляющих конфуцианство: поэтическую, социальную, историческую, политическую и метафизическую. Люди многогранны, утверждает он. Чтобы понять их и самих себя, надо менять ракурсы, смотреть на них с разных точек. См. его «Конфуцианство» в книге: *Наши религии: семь мировых религий, представленных специалистами* (Our Religions: The Seven World Religions Introduced by Preeminent Scholars from Each Tradition, ed. Arvind Sharma, New York: HarperSanFrancisco, 1993), 195–197.

⁵ Дж. Дж. Кларк, «Западное дао: преобразование даосистского мышления на Западе» (J.J. Clarke, *The Tao of the West: Western Transformations of Taoist Thought*, London: Routledge, 2000), 22.

⁶ Грейс Янтцен, «Стать божеством: к вопросу о феминистской философии религии» (Grace Jantzen, *Becoming Divine: Towards a Feminist Philosophy of Religion*, Manchester Univ. Press, 1998), особенно 128–170.

⁷ Джеймс Физер и Джон Пауэрс, под ред. «Священные писания Востока» (James Fieser and John Powers, eds. *Scriptures of the East*, Boston: McGraw Hill, 1998), 158.

⁸ Ту Вэймин, «Конфуцианство», в: Sharma, *Our Religions*, 147.

⁹ Ту Вэймин, «Конфуцианство», в: Sharma, *Our Religions*, 214. Ряд ведущих специалистов по конфуцианству, в том числе Дэвид Л. Холл и Роджер Т. Эймс, утверждают, что на всем протяжении царствования династии Хань конфуцианство не имело отношения к трансцендентности. Трансцендентность, имманентность и прочее были привнесены в него позднее иностранными веяниями. См. указанных авторов, «Осмысление Конфуция» (David L. Hall, Roger T. Ames, *Thinking Through Confucius*, Albany: State Univ. of New York Press, 1987) и «Мышление времен династии Хань: «я», истина и трансцендентность в китайской и западной культуре» (David L. Hall, Roger T. Ames, *Thinking from the Han: Self Truth and Transcendence in Chinese and Western Culture*, Albany: State Univ. of New York Press, 1998).

¹⁰ Ту Вэймин, «Конфуцианство» в Sharma, *Our Religions*, 207. См. также: Герберт Фингаретт, «Конфуций: сакральное как мирское» (Herbert Fingarette, *Confucius: The Sacred as Secular*, New York: Harper&Row, 1972).

¹¹ Гордон Хейбер, «Лженаука» (Gordon Haber, «The False Science», *Killing the Buddha Blog*, <http://killingthebuddha.com/mag/exegesis/the-false-science>).

¹² Ту Вэймин, «Конфуцианское мышление: индивидуальность как творческая метаморфоза» (Tu Wei-Ming, *Confucian Thought: Selfhood as Creative Transformation*, Albany: State Univ. of New York Press, 1985), 15.

¹³ Подробно этот термин обсуждается в Холл и Эймс, «Осмысление Конфуция», 176–192.

¹⁴ Джон Уинтроп, «Образец христианского человеколюбия», в: Kirsten Fischer and Eric Hindraker, eds., *Colonial American History*, Malden, MA: Blackwell, 2002), 85, 87.

¹⁵ «Лунь юй», 12:11.

¹⁶ Джеймс Легг, «Китайская классическая литература» (James Legge, *The Chinese Classics*, Oxford: Clarendon Press, 1893), I.87.

¹⁷ «Лунь юй», 7:1, процитировано в: *The Analects of Confucius*, trans. Arthur Waley, New York: Vintage, 1989, 23.

¹⁸ Конфуций, «Священные книги Китая: конфуцианские тексты» (Confucius, *The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism*, trans. James Legge, New York: Charles Scribner's Sons, 1899), 5.353.

¹⁹ Физер и Пауэрс, «Священные писания Востока», 148.

²³ См.: Фингаретт, «Конфуций: сакральное как мирское».

²⁴ Ту Вэймин, «Конфуцианство», в: Sharma, *Our Religions*, 206.

²⁵ «Лунь юй», 2:17, в: *The Analects*, trans. Waley, 91. (Здесь и далее цитаты из «Лунь юй» приведены в переводе Л. С. Переломова. – Прим. пер.)

²⁶ «Лунь юй», 17:19, в Филип Новак, «Мудрость мира: священные тексты мировых религий» (Philip Novak, *The World's Wisdom: Sacred Texts of the World's Religions*, New York: HarperCollins, 1995), 116. На этот отрывок часто ссылаются как на отрицание откровений, но его же можно воспринимать как утверждение мистицизма определенного рода.

²⁷ Личная беседа с Джоном Бертронгом, 27 мая 2009 года.

²⁸ Физер и Пауэрс, «Священные писания Востока», 156.

²⁹ Ту Вэймин, «Конфуцианство», в: Sharma, *Our Religions*, 175.

³⁰ Дженнифер Олдстоун-Мур, «Конфуцианство», в: Coogan, eds., *Eastern Religions*, 329.

³¹ Майкл Найлен, «Пять конфуцианских классических произведений» (Michael Nylan, *The Five «Confucian» Classics*, New Haven: Yale Univ. Press, 2001), 330.

³² «Лунь юй», 1:12.

³³ Джон Нейш, «Почему теперь Конфуций имеет значение» (John Naish, «Why Confucius Matters Now», *Times Online*, April 25, 2009, http://women.timesonline.co.uk/tol/life_and_style/women/relationships/article6160664.ece).

³⁴ Личная беседа с Джоном Бертронгом, 27 мая 2009 года.

³⁵ Чэньян Ли, под ред. «Мудрец и второй пол: конфуцианство, этика и гендер» (Chenyang Li, ed., *The Sage and the Second Sex: Confucianism, Ethics and Gender*, Chicago: Open Court, 2000).

³⁶ Лу Синь, «Дневник сумасшедшего», <http://www.chinarice.org/madmans-diary.pdf>.

³⁷ Личная беседа с Джоном Бертронгом, 27 мая 2009 года.

³⁸ Конфуций, «Беседы и суждения Конфуция: великое учение и учение о Середине», (Confucius, *Confucian Analects: The Great Learning and the Doctrine of the Mean*, trans. James Legge, New York: Dover, 1971), 67–68.

³⁹ «Лунь юй», 2:11.

⁴⁰ Новак, «Мудрость мира», 129.

⁴¹ «Учение о Середине», 13, процитировано в: Ту Вэймин, «Конфуцианство», в: Sharma, *Our Religions*, 59. См. также: «Лунь юй», 14:28.

⁴² Уэнделл Берри, «Писатель и местность» в его очерках «Для чего существуют люди?» (Wendell Berry, *What Are People For?* San Francisco: North Point Press, 1990), 85, 78.

Глава 4. Индуизм: путь преданности

¹ Ф. Макс Мюллер, «Стружка из немецкой мастерской» (F. Max Muller, *Chips from a German Workshop*, London: Longmans, Green, 1867), 2.300.

² «Индуистская демография», *Американский фонд индуизма*, http://www.hmdu-americanfoundation.org/resources/hinduism_101/hinduism_demographics.

³ Оксфордский словарь английского языка относит появление слова hin-dooism к 1829 году, а именно – к труду Генри Баркли Хендерсона «Бенгальцы, или Очерки общества и манер Востока» (Henry Barkley Henderson, *The Bengalee: Or, Sketches of Society and Manners in the East*, London: Smith, Elder, 1829), 46. Специалисты по истории индуизма обычно приписывают возникновение этого термина приблизительно тому же периоду. В «Введении в индуизм» (Gavin Flood, *An Introduction to Hinduism*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996) Гэвин Флад сообщает, что «-изм» добавился к слову hindu примерно в 1830 году» (6). Но поиски в интернете свидетельствуют о двух случаях употребления термина Hindooism (измененного в связи с религией) в 90-х годах XVIII века. Первое из них, относящееся к «суевериям индуизма», встречается в книге под ред. Роберта Нэрса «Британская критика» (Robert Nares, ed., *The British Critic*, London: F. and C. Rivington, 1793), 18. Второе содержится в журнале The Wesleyan-Methodist Magazine (1798): 516, редактором которого был известный евангелический христианин Джордж Уайтфилд. «Hindooism» десятки раз встречается в первое десятилетие XIX века и более сотни раз – между 1810 и 1819 годами. Хотя рождение этого термина обычно приписывают ориенталистам, все четыре упомянутых публикации носят скорее религиозный, чем филологический характер. По-видимому, термин все же введен в обращение не ориенталистами, а христианскими миссионерами.

⁴ Эмерсон в письме к Элизабет Хоар, 17 июня 1845 года, в Ральф Л. Раск, под ред., «Письма Ральфа Уолдо Эмерсона» (Ralph L. Rusk, ed., *The Letters of Ralph Waldo Emerson*, 6 vols., New York: Columbia Univ. Press, 1939), 3:290.

⁵ Эрлендур Харальдссон, «Популярная психология, вера в жизнь после смерти и реинкарнацию в скандинавских странах, Западной и Восточной Европе» (Erlendur Haraldsson, «Popular Psychology, Belief in Life After Death and Reincarnation in the Nordic Countries, Western and Eastern Europe», *Nordic Psychology* 58, no. 2, 2006: 171–180); Хамфри Тейлор, «Религиозные и другие верования американцев» (Humphrey Taylor, «The Religious and Other

Beliefs of Americans», *Harris Interactive*, February 26, 2003, http://www.harrisinteractive.com/harris_poll/index.asp?pid=359).

⁶ К чрезвычайно авторитетным книгам, в которых мокша ошибочно называется спасением души, относятся «Введение в индуизм», 13, Флада; «Индуизм: прошлое и настоящее», 24, Майклса; и Карл Олсон, «Многоцветье индуизма: тематически-историческое введение» (Carl Olson, *The Many Colors of Hinduism: A Thematic-Historical Introduction*, Piscataway, NJ: Rutgers Univ. Press, 2007), 8. К сожалению, специалисты также упоминают о грехе в контексте индуизма, зачастую переводя таким образом санскритский термин «папа». В «Истоках зла в индуистской мифологии» (Wendy Doniger O'Flaherty, *The Origins of Evil in Hindu Mythology*, Berkeley: Univ. of California Press, 1976) Венди Донигер О'Флаэрти объясняет, что перевела бы слово «папа» как «зло», а не как «грех» (7), но и она, и прочие тем не менее регулярно пользуются термином «грех». Эта категория слишком перегружена христианскими богословскими допущениями о сотворении, грехопадении и искуплении, чтобы пользоваться ею подобным образом.

⁷ Ж. А. Дюбуа, «Описание характера, манер и обычаев народов Индии» (J.A. Dubois, *Description of the Character, Manner and Customs of the People of India*, London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1817), 331.

⁸ 11 декабря 2000 года. Десятки других карикатур из *New Yorker* с юмором повествуют о жизненных возможностях, которые открываются перед индуистским аскетом. На одной из них гуру с вершины горы объясняет туристу с рюкзаком: «Делаешь фокус-покус, встаешь на голову – только и всего» (22 ноября 1999 года).

⁹ Брахманы ближе к Ведам, а Араньяки – к Упанишадам. Как и Веды, Брахманы – ритуальные тексты, хотя предмет их внимания – отправление обрядов в целом, нежели проведение конкретных жертвоприношений. Араньякам присущ значительно более философский характер, ритуальному аспекту они почти не уделяют внимания.

¹⁰ Шон Майлс, под ред. «Симона Вейль: антология» (Sian Miles, ed., *Simone Weil: An Anthology*, New York: Grove Press, 2000), 92.

¹¹ Сунил Сегаль, «Энциклопедия индуизма» (Sunil Sehgal, *Encyclopedia of Hinduism*, New Delhi: Sarup&Sons, 1999), 2.477.

¹² Шанкара, «Драгоценная эмблема различия» (Shankara, *Crest-Jewel of Discrimination*, trans. Swami Prabhavananda and Christopher Isherwood, Hollywood: Vedanta Press, 1978), 41.

¹³ Роберт Э. Ван Ворст, «Антология азиатских священных писаний» (Robert E. Van Voorst, *Anthology of Asian Scriptures*, Belmont, CA: Wadsworth, 2000), 34.

¹⁴ Еще одна притча Упанишад – из издания в переводе Патрика Оливелла (Patrick Olivelle, trans. *Upanishads*, Oxford: Oxford Univ. Press, 1996), 46, – выражает предпочтение, отданное философским индуистом одному перед многим, а также распространенной индуистской склонности видеть единство в многообразии. В Брихадараньяка-упанишаде ученик Видагдха Шакалья расспрашивает великого мудреца Яджнявалкью о математике божественного:

«Тогда Видагдха Шакалья стал спрашивать его: «Яджнявалкья, сколько [существует] богов?» Он ответил согласно тому нивиду: «[Столько], сколько упомянуто в нивиде [хвалебного гимна] вишведевам – три и три сотни, и три, и три тысячи». – «Так, – сказал тот, – сколько же в действительности богов, Яджнявалкья?» – «Тридцать три». – «Так, – сказал тот, – сколько же в действительности богов, Яджнявалкья?» – «Шесть». – «Так, – сказал тот, – сколько же в действительности богов, Яджнявалкья?» – «Три». – «Так, – сказал тот, – сколько же в действительности богов, Яджнявалкья?» – «Два». – «Так, – сказал тот, – сколько же в

действительности богов, Яджнявалкья?» – «Один с половиной». – «Так, – сказал тот, – сколько же в действительности богов, Яджнявалкья?» – «Один».

А на вопрос, кто же этот один, Яджнявалкья отвечает, что дыхание, Брахман и так далее.

¹⁵ Дж. Н. Фрейзер и К. Б. Маратхе, «Поэзия Тукарама» (J. N. Fraser and K. B. Ma-rathe, *The Poems of Tukaram*, Madras: Christian Literature Society, 1909), 114115.

¹⁶ Венди Донигер О'Флаэрти, «Шива: эротический аскет» (Wendy Doniger O'Flaherty, *Shiva: The Erotic Ascetic*, Oxford: Oxford Univ. Press, 1981), 262263, 268–269.

¹⁷ Вдохновенные доводы в пользу местонахождения тантризма в центре индуистской жизни, а не на ее периферии, см. в: Дэвид Гордон Уайт, «Поцелуй йогини: тантрический секс в его южноазиатском контексте» (David Gordon White, *Kiss of the Yogini: «Tantric Sex» in Its South Asian Contexts*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 2006).

¹⁸ Дайана Л. Экк, «Даршан: созерцание божественного изображения в Индии» (Diana L. Eck, *Darsan: Seeing the Divine Image in India*, 3rd ed., New York: Columbia Univ. Press, 1998), 3. Центральное место, которое занимает зрение в индуизме преданности, а также даршан в пудже, подчеркивается тем, как неодушевленное изображение божества в ходе ритуала преобразуется в само живое божество. Это происходит, когда жрец либо помещает глаза (почти всегда неестественно огромные) в глазницы статуи, либо рисует их на ее лице. С этого момента божество считается живым и нуждающимся в круглосуточном внимании жреца: божество будят, моют, одевают и кормят.

¹⁹ «Сита поет блюз», Reel 13 Blog, <http://www.thirteen.org/sites/reel13/blog/watch-sita-sings-the-blues-online/347/>.

²⁰ «Рамаяна»: легенда о царевице Раме» («The Ramayana: The Legend of Prince Rama», *National Theatre*, <http://www.nationaltheatre.org.uk/?lid=1217>).

²¹ Марк Твен, «Следуя экватору: путешествие вокруг света» (Mark Twain, *Following the Equator: A Journey Around the World*, Hartford, CT: American Publishing Company, 1898), глава 52, проект Gutenberg EBook, <http://www.gutenberg.org/files/2895/2895-h/p6.htm>.

²² Это распространенный эпитет. Один из ранних источников – Дэвид Э. Кертис, «Индийский Мартин Лютер» (David A. Curtis, «The Martin Luther of India», *Frank Leslie's Sunday Magazine* 4, no. 6, 1878), 657–661.

²³ Према Куриэн, «Мистер президент, почему вы перестали упоминать обо мне в молитвах?» Индуист бросает вызов американскому плюрализму» в Протеро, «Нация религий», 119–138.

Глава 5. Буддизм: путь пробуждения

¹ «Мадджхима-никая», процитировано в Уолпола Рахула, «Чему учил Будда» (Walpola Rahula, *What the Buddha Taught*, New York: Grove Press, 1974), 109.

² Джек Керуак, «Пробудись: жизнь Будды» (Jack Kerouac, *Wake Up: A Life of the Buddha*, New York: Viking, 2008), 58.

³ Эта фраза прозвучала в «Силе идей», второй части телесериала BBC «Легенда об Индии» (*The Story of India*, <http://www.pbs.org/thestoryofindia/>), первый показ которого в США состоялся в январе 2009 года.

⁴ «Мадджхима-никая», процитировано в Уолпола Рахула, «Чему учил Будда», 12.

⁵ Лишь примерно три миллиона американцев считают себя буддистами, но недавний опрос

показал, что около 12 % граждан США, то есть приблизительно 25 миллионов человек, утверждают, что буддизм оказал значительное влияние на их религиозную или духовную жизнь. См.: Роберт Уатноу и Венди Кейдж, «Буддисты и буддизм в США: масштабы влияния» (Robert Wuthnow, Wendy Cadge, «Buddhists and Buddhism in the United States: The Scope of Influence», *Journal for the Scientific Study of Religion* 43, no. 3, 2004), 361–378.

⁶ Фридрих Ницше, «“Антихрист”, “Ессе Homo”, “Сумерки идолов” и другие сочинения» (Friedrich Nietzsche, *The Anti-Christ, Ecce Homo, Twilight of the Idols and Other Writings*, trans. Judith Norman, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005), 16; Джек Керуак, «Бродяги Дхармы» (Jack Kerouac, *The Dharma Bums*, New York: Penguin, 2006), 83.

⁷ Увы, многие ученые продолжают упоминать о «грехе» и «спасении души» в буддийском контексте. В одном особенно вопиющем случае «Энциклопедия живой веры» (*Encyclopedia of Living Faiths*, New York: Hawthorn Books, 1959) называет буддизм «евангелием спасения» («Будда», 216).

⁸ Эту практику иногда называют анапанасати, или «вдумчивое дыхание». Простое и элегантное описание см. в: Аджан Сумедо, «Наблюдение за дыханием (анаянапати)» и «Усилия и релаксация» в «Вдумчивость, путь к бессмертию: учение о медитации почтенного Аджана Сумедо» (Ajahn Sumedho, *Mindfulness, The Path to the Deathless: The Meditation Teaching of Venerable Ajahn Sumedho*, Morristown, NJ: Yin Shun Foundation, 1999), 23–24, 28–32. Моя коллега Дайана Лобел напоминает, что христианскую аналогию телесного дыхания можно найти в русской книге XIX века. «Путь паломника», анонимный автор которой обнаруживает, что молитва Иисусу пронизывает его даже во сне.

⁹ Райнер Мария Рильке, «Часослов» (Rainer Maria Rilke, *Rilke's Book of Hours: Love Poems to God*, trans. Anira Barrows and Joanna Macy, New York: Riverhead, 2005), 119.

¹⁰ Новак, «Мудрость мира», 74.

¹¹ Керуак, «Пробудись», 30. Здесь я упоминаю буддийский термин танха (буквально означающий «жажда») в значении скорее «алчность», а не «желание» отчасти потому, что американский буддист и психотерапевт Марк Эпстайн убедил меня: то, что пытается преодолеть буддизм, имеет к желанию гораздо меньше отношения, чем к отчаянию. «Проблема заключается не в желании, – пишет Эпстайн в книге «Открытость желанию: истина об учениях Будды» (Mark Epstein, *Open to Desire: The Truth About What the Buddha Taught*, New York: Gotham Books, 2006), – а в привязанности, или в алчном стремлении к конкретному результату» (41). Эпстайн творчески истолковал срединный путь как границу между «правым путем отречения и монашества с избеганием чувственных желаний и левым путем страстей и взаимоотношений, на которых чувственных желаний не избегают, а превращают их в предметы медитации» (40). Словом, желание может быть наставником. Суть его учений в том, что между страстным желанием и его удовлетворением всегда существует разрыв.

¹² Шери Губер, «Попытка быть человеком: беседы о дзэне» (Cheri Huber, *Trying to Be Human: Zen Talks*, ed. Sara Jenkins, Murphys, CA: Keep It Simple Books, 2006), 17.

¹³ Керуак, «Пробудись», 7.

¹⁴ Сумедо, «Вдумчивость», 15, 40.

¹⁵ Харальдссон, «Популярная психология», 171–180. Показатели выше в Исландии (41 %) и ниже в Италии (18 %), в то время как 27 % американцев верят в реинкарнацию. См., например: Тейлор, «Религиозные и другие верования американцев» (Taylor, *Religious and Other Beliefs of Americans*, http://www.harrisinteractive.com/harris_poll/index.asp?pid=359).

¹⁶ Рахула, «Чему учил Будда», 45.

¹⁷ i, F.O.A.: Full on Arrival (n.p.: n.p., n.d.), 24.

¹⁸ Эдвард Б.Тайлор, «Первобытная культура» (Edward B.Tylor, *Primitive Culture*, London: John Murray, 1891), 1.424.

¹⁹ Роберт Э.Ф.Термен, «Тибетский буддизм в Америке: усиление плюрализма сакральной сени», в: Протеро, «Нация религий» (Prothero, *Nation of Religions*), 94.

²⁰ Процитировано у Далай-ламы в «Основных учениях» (Dalai Lama, *Essential Teachings*, trans. Zelig Pollon, Berkeley, CA: North Atlantic Books, 1995), 52.

²¹ Дайсецу (Дайсец) Тэйтaro Судзуки, «Воспитание дзэн-буддийского монаха» (Daisetz Teitaro Suzuki, *The Training of the Zen Buddhist Monk*, New York: Cosimo Classics, 2004), 103. Во время совместной жизни поэт-битник Аллен Гинзберг и его любовник Питер Орловски дали клятву, которую

Гинзберг называл «взаимной клятвой бодхисаттвы». По словам Гинзберга, они поклялись, что «никто из них не уйдет на небеса, если не сумеет взять с собой и другого» (Уинстон Лейленд, под ред. «Интервью в Gay Sunshine», (Winston Leyland, ed., *Gay Sunshine Interviews*, San Francisco: Gay Sunshine Press, 1978), 1.109–113.

²² Эпстайн, «Открытость желанию», 188.

²³ Пэт Бернс, карикатура в *New Yorker*, 15 января 2001 года, <http://www.cartoon-bank.com/2001/Are-you-not-thinking-what-Im-not-thinking/invt/120275>.

²⁴ Нагарджуна процитирован в Нэнси Маккэгни, «Нагарджуна и философия открытости» (Nancy McCagney, *Nagarjuna and the Philosophy of Openness*, Lanham, MD: Rowman&Littlefield, 1997), 34.

²⁵ Доналд С.Лопес-младший, «Толкование “Сутры сердца”: индийские и тибетские комментарии» (Donald S. Lopez, Jr., *Heart Sutra Explained: Indian and Tibetan Commentaries*, Albany: State University of New York Press, 1988), 57.

²⁶ Пема Чёдрён, «Аудиоколлекция Пемы Чёдрён: чистая медитация, эффективное средство, от страха к бесстрашию» (Pema Chodron, *The Pema Chodron Audio Collection: Pure Meditation*, Good Medicine, From Fear to Fearlessness, Louisville, CO: Sounds True, 2005).

²⁷ i, F.O.A.: Full on Arrival (n.p.: n.p., n.d.), 47.

²⁸ Согьял Ринпоче, «Тибетская книга живых и мертвых» (Sogyal Rinpoche, *The Tibetan Book of Living and Dying*, ed. Patrick Gaffney and Andrew Harvey, New York: HarperSanFrancisco, 1993), 83.

²⁹ Термен, «Тибетский буддизм в Америке», в Протеро, «Нация религий», 105. В том же очерке Термен убедительно высказывается против приравнивания тибетской ситуации к церковным и гражданским бракам в средневековой Европе (97–99).

³⁰ Термен, «Тибетский буддизм в Америке», в Протеро, «Нация религий», 114–116.

³¹ Об (ошибочных) интерпретациях этого текста на Западе см.: Брайан Дж. Куэвас, «Тайная история тибетской Книги мертвых» (Bryan J. Cuevas, *The Hidden History of the Tibetan Book of the Dead*, New York: Oxford Univ. Press, 2003), особенно 5-14.

³² Здесь я обращаюсь к материалам моего коллеги Дэвида Эккела, который читал лекции на эти темы в рамках моих курсов.

³³ Новак, «Мудрость мира», 103.

³⁴ Дайсецу Тэйтaro Судзуки, «Введение в дзэн-буддизм» (Daisetz Teitaro Suzuki, *An Introduction to Zen Buddhism*, New York: Grove Press, 1991), 46.

³⁵ Далай-лама, «Сущность «Сутры сердца»: учение Далай-ламы о сердце мудрости» (Dalai Lama, *Essence of the Heart Sutra: The Dalai Lama's Heart of Wisdom Teachings*, trans. Thupten Jinpa, Boston: Wisdom, 2005), 126.

³⁶ Нагарджуна процитирован в «Основах тибетской философии: изучение и перевод "Сущности истинного красноречия" Дже Цонкапа» (*The Central*

Philosophy of Tibet: a Study and Translation of Jey Tsong Khapa's Essence of True Eloquence, trans. Robert A.F. Thurman, Princeton: Princeton Univ. Press, 1991), 152.

³⁷ Джон Апдайк, «Ранние рассказы 1953–1975 годов» (John Updike, *The Early Stories: 1953–1975*, New York: Knopf, 2003), xv. Здесь Апдайк имеет в виду не буддизм, а свою прозу.

Глава 6. Религия йоруба: путь связи

¹ Я благодарен моему коллеге Дэвиду Эккелу, который помог мне с основополагающими концепциями для этого курса, и моему ассистенту Кевину Тейлору, который помогал мне изложить эти концепции в аудитории.

² Ключевые слова в религии йоруба меняются в зависимости от страны и языка. Здесь я пользуюсь терминами языка йоруба (за исключением диакритических знаков) во всех случаях, если речь не идет конкретно о бразильской или кубинской символической.

³ Притча, процитированная Джозефом М. Мерфи в «Традициях ориша и интернет-диаспоры» в: Джейкоб К. Олупона и Терри Рей, под ред. «Поклонение ориша как мировая религия: глобализация религиозной культуры йоруба» (Jacob K. Olupona and Terry Rey, eds., *Orisa Devotion as World Religion: The Globalization of Yoruba Religious Culture*, Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2008), 482.

⁴ О производных от йоруба традициях как «ризоммах» см.: Джеймс Лоранд Матори, «Религия черной Атлантики: традиции, транснационализм и матриархат в афро-бразильской религии кандомбле» (James Lorand Matory, *Black Atlantic Religion: Tradition, Transnationalism, and Matriarchy in the Afro-Brazilian Candomblé*, Princeton: Princeton Univ. Press, 2005), 274–280. Обратите внимание, как корневища и побеги ризом (например, имбиря) соединены друг с другом – настолько тесно, что даже Матори сравнивает традиции йоруба и кандомбле с «сиамскими близнецами» (72).

⁵ Процитировано в: Воле Шойинка, «Миф. литература и африканский мир» (Wole Soyinka, *Myth, Literature and the African World*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976), 10.

⁶ Режи Дебре, «Маршрут Бога», 57.

⁷ Роберт Фэррис Томпсон, «Вспышка духа: африканское и афро-американское искусство и философия» (Robert Farris Thompson, *Flash of the Spirit: African and Afro-American Art and Philosophy*, New York: Random House, 1983), 5.

⁸ Карен Маккарти Браун, «Мама Лола: жрицы вуду в Бруклине» (Karen McCarthy Brown, *Mama Lola: A Vodou Priestess in Brooklyn*, Berkeley: University of California Press, 2001), 6.

⁹ Пол Кристофер Джонсон, «Тайны, сплетни и боги: метаморфоза бразильской кандомбле» (Paul Christopher Johnson, *Secrets, Gossip and Gods: The Transformation of Brazilian Candomble*, Oxford: Oxford Univ. Press, 2002), 38. Разумеется, это неточное сравнение. Как напоминает мне Джейкоб Олупона, Ошун ни в коем мере не полагается (в отличие от Джинджер) на своих друзей-мужчин, чтобы чего-то достичь, и наши планы венчает успех лишь в случае ее благосклонности.

¹⁰ Боги ли ориша? Есть те, кто ни в какую не желает называть ориша божествами – вероятно, опасаясь запятнать религию йоруба клеймом политеизма. Я не вижу в политеизме ничего плохого, но здесь веду речь об ориша, оставив открытым вопрос (вызывающий споры и среди самих йоруба), к каким религиям относится йоруба – монотеистическим или политеистическим.

¹¹ Здесь я перечисляю самые популярные у йоруба имена ориша. Бога-вест-ника Эшу, который в Бразилии известен как Эсу, на Кубе – как Элегба, а в Гаити – Легба, я называю просто Эшу – за исключением случаев, когда речь идет конкретно о Бразилии, Кубе или Гаити.

¹² Томпсон, «Вспышка духа», 5. Насчет методов и средств Олодумаре имеются разные мнения. В «Олодумаре, Бог йоруба» (E. Bolaji Idowu, *Olodumare, God in Yoruba Belief*, London: Longmans, 1962) Э.Боладжи Идову утверждает, что этот верховный бог присутствует повсюду и в то же время бесконечно далек. Убежденный в том, что ориша – проявления Олодумаре, Идову называет религию йоруба «диффузным монотеизмом». Идову, рукоположенный священник, возглавлявший методистскую церковь Нигерии на протяжении более чем десятилетия в 70-80-х годах XX века, стал объектом критики за то, что усматривал слишком много сходства с христианством и его монотеистическим императивом в религиозных традициях йоруба. Подробное обсуждение взглядов Идову, его «высшей богословской» школы толкования Ибадан, его сторонников и противников см. в: Джейкоб К. Олупона, «Изучение религиозных традиций йоруба в исторической перспективе» (Jacob K. Olupona, «The Study of Yoruba Religious Tradition in Historical Perspective», *Numen* 40, no. 3 (1993): 246–247).

¹³ Ванде Абимбола, «Боги против антибогов: конфликт и его разрешение во вселенной йоруба» (Wande Abimbola, «Gods Versus Anti-Gods: Conflict and Resolution in the Yoruba Cosmos», *Dialogue & Alliance* 8, no. 2 (1994): 76).

¹⁴ Биодун Дж. Огундайо, «Ифа» в «Энциклопедии африканских религий» под ред. Молефи Кете Асанте и Ама Мазама (Molefi Kete Asanti, Ama Mazama, eds. *Encyclopedia of African Religion*, Thousand Oaks, CA: Sage, 2009), 1.331.

¹⁵ Уильям Баском, «Йоруба юго-запада Нигерии» (William Bascom, *The Yoruba of Southwestern Nigeria*, Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1969), 90. Об Ошун см. также: Джозеф М. Мерфи и Мей-Мей Санфорд, под ред. «Ошун

по водам: богиня йоруба в Африке и Америках» (Joseph M. Murphy and Mei-Mei Sanford, eds. *Osun Across the Waters: A Yoruba Goddess in Africa and the Americas*, Bloomington: Indiana Univ. Press, 2001).

¹⁶ Джейкоб К. Олупона, «Образ богини: гендер в религиозных традициях йоруба и современности» (Jacob K. Olupona, «Imagining the Goddess: Gender in Yoruba Religious Traditions and Modernity», in *Dialogue & Alliance*, 18, no. 2 (Fall/Winter, 2004/05): 71–86. См. также: Дейдре Бадехо, «Осун Сеегеси: роскошная богиня богатства, власти и женственности» (Deidre Badejo, *Osun Seegesi: The Elegant Deity of Wealth, Power and Femininity*, Trenton, NJ: Africa World Press, 1996).

¹⁷ Шойинка, «Миф, литература и африканский мир», 13.

¹⁸ Об этом случае, названном в кубинской газете *Diario de la Marina* «Божьим промыслом», см.: Мигель А. де ла Торре, «Сантерия: верования и обряды развивающейся религии в Америке» (Miguel A. De La Torre, *Santeria: The Beliefs and Rituals of a Growing Religion in America*, Grand Rapids: Eerdmans, 2004), 197.

¹⁹ Воле Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ори-ша», 43; Шойинка, «Миф, литература и африканский мир», 141, 145. Шойинка – приверженец Огуна. См. также: Сандра Т. Барнс, под ред. «Африканский Огун: Старый и Новый Свет» (Sandra T. Barnes, eds. *Africa's Ogun: Old World and New*, 2nd ed., Bloomington: Indiana Univ. Press, 1997).

²⁰ Шойинка, «Миф, литература и африканский мир», 26.

²¹ Томпсон, «Вспышка духа», 85.

²² Уильям Баском, «Шестнадцать каури: путь гадания йоруба из Африки в Новый Свет» (William Bascom, *Sixteen Cowries: Yoruba Divination from Africa to the New World*, Bloomington: Indiana Univ. Press, 1980), 45.

²³ Томпсон, «Вспышка духа», 5.

²⁴ Микелле Смит Омари-Тункара, «Манипулирование сакральным: искусство и ритуалы йоруба в бразильской кандомбле и ее сопротивление» (Mikelle Smith Omari-Tunkara, *Manipulating the Sacred: Yoruba Art, Ritual and Resistance in Brazilian Candomble*, Detroit: Wayne State Univ. Press, 2006), 35.

²⁵ Джонсон, «Тайны, сплетни и боги», 56.

²⁶ Вдохновенную критику протяженностью в целую книгу, критику, направленную на склонность ученых делить религиозные феномены по принадлежности к «почтенному Востоку, хранящему историю» и «прогрессивному Западу, создающему историю», см. в: Томоко Масудзава, «Изобретение мировых религий, или Как европейский универсализм сохранился в языке плюрализма» (Tomoko Masuzawa, *The Invention of World Religions: Or, How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005), 4. Хотя я разделяю скептическое отношение Масудзавы к широко распространенному мнению, будто бы «все религии повсюду одинаковы по сути» (9), я не согласен с ее утверждением, что концепция «мировой религии» (придуманная и поощряемая в контексте колониальных стремлений) недопустима. Кроме того, у меня вызывают неловкость неизбежные оценочные суждения, вытекающие из этой фразы (например, христианство как «универсалистская» религия лучше иудаизма как «этнической» религии). Но подобно термину «религия», термин «мировая религия» начал вести свою жизнь за пределами академических кругов, поэтому уничтожить его не представляется возможным. Все, что остается ученым, – подправить его, и я надеюсь сделать это здесь, приведя доводы ученых и приверженцев религии йоруба в споре о пути ориша как одной из великих религий.

²⁷ В этом вопросе основное влияние на меня оказали труд Олупоны и Рея «Поклонение ориша», а также беседы с моим другом Онадже Вудбайном, кандидатом наук и сотрудником кафедры религиоведения и богословия в Бостонском университете. Кроме того, я признателен своему бывшему коллеге по Бостонскому университету Ванде Абимбола за то, что он сумел ненавязчиво привлечь мое внимание к важности этой традиции. Абим-бола не только ученый, но и жрец йоруба, и бабалаво: в 1981 году оони в Ифе провозгласил его Ависе Аво Агбайе («всемирным выразителем интересов ифа и религии йоруба»). И наконец, я благодарен незнакомой женщине из народа акан, инициированной Абимболой много лет назад, которая в 2009 году на публичном диспуте в Луисвилле, Кентукки, призвала меня относиться к африканским религиям со всей серьезностью, которой они заслуживают.

²⁸ Олупона и Рей, вступление к «Поклонению ориша», 4. По другим оценкам, численность западноафриканских йоруба колеблется в пределах от 20 до 50 миллионов.

²⁹ Баском, «Йоруба юго-запада Нигерии», 1.

³⁰ Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 44.

³¹ Как утверждает Мигель де ла Торре в «Сантерии», поклонение ориша объединяется с протестантизмом – «в ямайских группах «Возрождение» и «Покомания», а также «в тринидадской группе духовных баптистов, или «крикунов» (xiv). К прочим протестантским носителям культуры йоруба относятся «кумина и конвинсе на Ямайке, «большой барабан» в Гренаде, кариока и келе в Сент-Люсии», Лесли ДжАеманглс, «Карибские религии, производные от африканских» в «Энциклопедии африканских и афроамериканских религий» под ред. Стивена Д. Глазьева (Stephen D. Glazier, ed. *Encyclopedia of African and African-American Religions*, New York: Routledge, 2001), 78.

³² В личной беседе с Джозефом Мерфи, 21 июля 2009 года. Согласно исследованиям 1954 года, четверть кубинских католиков по крайней мере изредка обращаются к santero или santera. См.: *Agrupacion Catolica Unversitaria, Encuesta Nacional sobre el Sentimiento Religioso del Pueblo de Cuba*, Habana: Buro de Information y Propaganda de la ACU, 1954), 37, процитировано в: Торре, «Сантерия», 170–171.

³³ Акинтунде Акинаде, «Макумба» в «Энциклопедии африканских и афроамериканских религий» под ред. Стивена Д. Глазьева (Stephen D. Glazier, ed. *Encyclopedia of African and African-American Religions*, New York: Routledge, 2001), 177.

³⁴ «Бразилия: международный отчет 2007 года о свободе вероисповедания» («Bureau of Democracy, Human Rights and Labor», U. S. *Department of State*, <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2007/90244.htm>).

³⁵ Джонсон, «Тайны, сплетни и боги», 198.

³⁶ Мерфи, «Традиции ориша» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 472.

³⁷ Многие из тех, кто отвергает цифру в 100 миллионов, утверждают, что столько верующих насчитывается в одном Новом Свете. См., например: Миген Гонсалес-Уипплер, «Сантерия: религия – вера, обряды, магия» (Migene Gonzalez-Wippler, *Santeria: the Religion: Faith, Rites, Magic*, 2nd ed., Saint Paul, MN: Llewellyn, 1994), 9; и Торре, «Сантерия», xiv. Более скромная цифра, 100 миллионов во всем мире, фигурирует у Кола Абимбола, «Культура йоруба: философский отчет» (Kola Abimbola, *Yoruba Culture: A Philosophical Account*, Birmingham, UK: Iroko Academic, 2005), 24. На Конгрессе традиций и культуры ориша, проведенном в Гаване в 2003 году, Ванде Абимбола также утверждал, что в мире насчитывается 100 миллионов приверженцев религии йоруба. См.: Джон Райс, «Африканские религиозные лидеры свидетельствуют почтение Кубе» (John Rice, «African Religious Leaders Pay Homage to Cuba», *Associated Press*, July 8, 2003).

³⁸ Томпсон, «Вспышка духа», xv.

³⁹ Джордж Волски, «Религия с Кубы вызывает разногласия в Майами» (George Volsky, *Religion from Cuba Stirs Row in Miami*, New York Times, June 29, 1987).

⁴⁰ Процитировано в: Джонсон, «Тайны, сплетни и боги», 71.

⁴¹ См.: Карл Хант, «Деревня Ойотунджи: движение йоруба в Америке» (Carl Hunt, *Oyotunji Village: The Yoruba Movement in America*, Washington, DC: Univ. Pres of America, 1979); и Камари Максин Кларк, «Карта связей йору-ба: сила и средство в создании транснациональных

сообществ» (Kamari Maxine Clarke, *Mapping Yoruba Networks: Power and Agency in the Making of Transnational Communities*, Durham, NC: Duke Univ. Press, 2004). Из числа недавних публикаций см., например: Икуломи Джисови Исон, «Истори-зация культуры ифа в африканской деревне Ойотунджи» (Ikulomi Djisovi Eason, *Historicizing Ifa Culture in Oyotunji African Village*), 278–285; Камари Максин Кларк, «Изменение ритуала и меняющийся канон: легитимизация древних корней йоруба с помощью гадания в африканской деревне Ойотунджи» (Kamari Maxine Clarke, *Ritual Change and the Changing Canon: Divinatory Legitimization of Yoruba Ancestral Roots in Oyotunji African Village*), 286–319; и Трейси Э.Хакс, «От кубинской сантерии до африканской йоруба: эволюция афро-американской истории ориша в 1959–1970 годах» (Tracey E. Hucks, *From Cuban Santeria to African Yoruba: Evolutions in African American Orisa History, 1959–1970*), 337–354, все в Олупона и Рей, «Поклонение ориша». Деревня Ойотунджи выглядит классическим примером «изобретения традиции» – в данном случае изобретения древней африканской традиции американцами XX века. См.: Эрик Хобсбаум и Теренс Рейнджер, под ред. «Изобретение традиции» (Eric Hobsbawm and Terence Ranger, eds., *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983).

⁴² Боб Кон и Дэвид А. Каплан, «По курице на каждый жертвенник?» (Bob Cohn and David A. Kaplan, «A Chicken on Every Altar?», *Newsweek*, November 9, 1992, 79, <http://www.newsweek.com/id/147404>).

⁴³ Оксфордский словарь английского языка (*The Oxford English Dictionary*, 2nd ed., New York: Oxford Univ. Press, 1989) датирует термин «йоруба» 1843 годом, а его распространение – ближайшим десятилетием, но поиск в интернете дает разрозненные ссылки на французские и английские источники 20-х годов XIX века.

⁴⁴ Улли Бейер, «Возвращение богов: сакральное искусство Сюзанны Венгер» (Ulli Beier, *The Return of the Gods: The Sacred Art of Susanne Wenger*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1975), 44.

⁴⁵ Матушка В. процитирована у Джонсона в «Тайнах, сплетнях и богах», 12. По всем этим причинам я не согласен с тем, как Мигель де ла Торре охарактеризовал сантерию как «систему верований» (в «Сантерии», 189).

⁴⁶ Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 41.

⁴⁷ Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 41.

⁴⁸ Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 36.

⁴⁹ Шойинка, «Толерантные боги» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 35. Далее в этой же статье Шойинка добавляет, что ориша – не евангелические и не ревнивые боги. «Ориша не занимаются прозелитизмом, – пишет он. – Их вполне устраивает быть или считаться несуществующими» (47).

⁵⁰ Процитировано в Олупона, «Изучение религиозных традиций йоруба», 245.

⁵¹ Баба Ифе Караде, «Руководство по религиозным концепциям йоруба» (Baba Ife Karade, *The Handbook of Yoruba Religious Concepts*, York Beach, ME: Weiser Books, 1994), 112. Однако Эрнесто Пичардо, один из основателей церкви Лукуми Бабалу Айе в Хайалиа, Флорида, утверждает, что лишь в

2% жертвоприношений, в которых он участвовал, в жертву приносили животных, Стивен Дж. Вег, «Сантерия – возможная причина убийства животных: зловещие свидетельства найдены в Норфолк-Бич» (Steven G. Vegh, «Santeria Worship May Be Behind Animal Killings: Macabre Evidence Found in Norfolk Beach», *The Virginian-Pilot*, November 8, 2001), процитировано в

Торре, «Сантерия», 127. Ванде Абимбола отмечает, что принесение в жертву животных гораздо более распространено в Новом Свете, чем в Африке. «В Африке бабалаво может принять в день до 20 клиентов и не предписать принесение в жертву животного или птицы ни одному», – пишет он в книге «Ифа починит наш сломанный мир: мысли о религии и культуре йоруба в Африке и диаспоре» (Wande Abimbola, *Ifa Will Mend Our Broken World: Thoughts on Yoruba Religion and Culture in Africa and the Diaspora*, Roxbury, MA: Aim Books, 1997), 84.

⁵² Баба Ифе Караде, «Руководство по религиозным концепциям йоруба», 13. Матори в «Религии черной Атлантики» утверждает, что появление жриц в религиях, производных от йоруба в Новом Свете, можно проследить вплоть до влияния антропологов-феминисток, таких, как Рут Лэндс (188–223).

⁵³ Ивонна Дэниэл, «Мудрость танца: воплощенное знание в гаитянском вуду, кубинской йоруба и кандомбле в Баии» (Yvonne Daniel, *Dancing Wisdom: Embodied Knowledge in Haitian Vodou, Cuban Yoruba and Bahian Candomhle*, Urbana: Univ. of Illinois Press, 2005), 75–79.

⁵⁴ Дэниэл, «Мудрость танца», 49, 267, 138–140. В «Сантерии» Торре говорит о сантерии как о «религии танца» (118). Джозеф Мерфи в книге, также названной «Сантерия», называет ее «религией танца» и добавляет, что «ориша более понятны как ритмы, нежели как личности» (Joseph Murphy, *Santeria*, Boston: Beacon Press, 1988), 131, 165.

⁵⁵ Абимбола, «Ифа починит наш сломанный мир», 152–155.

⁵⁶ Классический текст – Ойеронке Ойевуми, «Изобретение женщин: придание африканского смысла западному гендерному дискурсу» (Oyeronke Oyewumi, *The Invention of Women: Making an African Sense of Western Gender Discourses*, Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1997), где сказано, что до колонизации культура йоруба была практически слепой в гендерном отношении. Классические ответы – Олупона, «Образ богини», 71–86, и Дж. Лоранд Матори, «Есть ли гендер в культуре йоруба?» в Олупона и Рей, «Поклонение ориша», 513–558.

⁵⁷ Роуленд Абиодун, «Скрытая сила: Ошун, семнадцатая оду» (Rowland Abiodun, «Hidden Power: Osun, the Seventeenth odu», in *Murphy and Sanford, Osun across the Waters*, 150).

⁵⁸ Олабийи Бабалола Яй, «Религия йоруба и глобализация: некоторые размышления» (Olabiṣi Babalola Yai, «Yoruba Religion and Globalization: Some Reflections», in *Olupona and Rey, Orisa Devotion*), 241.

⁵⁹ Здесь я оказался под влиянием «теологии процветания» феминистского философа-религиоведа Грейс Янтцен, на которую обратила мое внимание коллега по Бостонскому университету Донна Фрейтас. См.: Грейс Янтцен, «Стать божеством: к вопросу о феминистской философии религии» (Grace Jantzen, *Becoming Divine: Towards a Feminist Philosophy of Religion*, Manchester Univ. Press, 1999).

Глава 7. Иудаизм: путь изгнания и возвращения

¹ Мидраш Техиллим 5.5, процитировано в Джозеф Л. Бэрон, «Сокровища еврейской мудрости» (Joseph L. Baron, *A Treasury of Jewish Quotations*, Lanham, MD: Rowman&Littlefield, 2004), 66.

² Мэри Дуглас, «В пустыне: учение об осквернении в Книге Чисел» (Mary Douglas, *In the Wilderness: The Doctrine of Defilement in the Book of Numbers*, Sheffield, UK: JSOT Press, 1993), 101.

³ Эта и последующие цитаты из ТаНаХа взяты, за исключением особо указанных случаев, из «Священных писаний согласно масоретским текстам: новый перевод» (*The Holy Scriptures According to the Masoretic Text: A New Translation*, Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1917).

⁴ Разумеется, это предмет бурных споров среди религиоведов, однако Ф. Макс Мюллер прослеживает именно такую связь в своей «Естественной религии: гиффордские лекции в университете Глазго в 1888 году» (F. Max Muller, *Natural Religion: The Gifford Lectures Delivered before the University of Glasgow in 1888*, London: Longmans, Green, 1889), 33–35.

⁵ Рильке, «Рильке о любви», 25.

⁶ Этот учитель – рабби Иехошуа бен Леви. См.: Эли Визель, «Мудрецы и их рассказы: портреты библейских, талмудических и хасидских наставников» (Elie Wiesel, *Wise Men and Their Tales: Portraits of Biblical, Talmudic and Hasidic Masters*, New York: Schocken, 2003), 233.

⁷ Сефер-хасидим, 13С, процитировано в Бэрон, «Сокровища еврейской мудрости», 14.

⁸ Визель, «Мудрецы и их рассказы», 298.

⁹ Эта классика – Хорас М. Каллен, «Демократия против плавильного котла: исследование американской национальности» (Horace M. Kallen, «Democracy Versus the Melting-Pot: A Study of American Nationality», *The Nation*, February 25, 1915, 18–25. Впервые Каллен воспользовался выражением «культурный плюрализм» в своей «Культуре и демократии в США» (Kallen, *Culture and Democracy in the United States*, New York: Boni and Liveright, 1924), 11. См. также: Сидни Ратнер, «Хорас М. Каллен и культурный плюрализм» (Sidney Ratner, «Horace M. Kallen and Cultural Pluralism», *Modern Judaism* 4, no. 2? 1984), 185–200.

¹⁰ Вавилонский Талмуд, Абот, 5.22, процитирован в Визель, «Мудрецы и их рассказы», 279. Это высказывание также цитируется судьей Верховного суда США Скалиа в особом мнении по делу *Caperton v. A. T. Massey Coal Co.*, June 8, 2009, <http://www.supremecourtus.gov/opinions/08pdf/08-22.pdf>, 40.

¹¹ Джозеф Телушкин, «Еврейский ликбез: самое важное, что надо знать о еврейской религии, народе и его истории» (Joseph Telushkin, *Jewish Literacy: The Most Important Things to Know About the Jewish Religion, Its People and Its History*, New York: William Morrow, 1991), 120.

¹² Ханина Бен-Менахем, Нил С.Хехт и Шай Воснер, «Полемика и диалог в иудейской традиции: читатель» (Hanina Ben-Menahem, Neil S. Hecht, Shai Wosner, *Controversy and Dialogue in the Jewish Tradition: A Reader*, New York: Routledge, 2005), 71.

¹³ Ричард Элмманн, под ред. «Художник как критик: критические тексты Оскара Уайльда» (Richard Ellmann, ed., *The Artist as Critic: Critical Writings of Oscar Wilde*, Chicago: University of Chicago Press, 1982), 433.

¹⁴ Э. Э. Каммингс, «100 избранных стихов» (E. E. Cummings, *100 Selected Poems*, New York: Grove Press, 1994), 119.

¹⁵ Иудеи не поощряют обращение в том числе и по той причине, что сами они долго были объектами направленных на обращение усилий христиан и мусульман. Еще одна причина – нелегкая доля иудея. Если иудей должен соблюдать 613 мицвот, то язычнику достаточно и семи: не поклоняться ложным богам, не убивать, не воровать, не заниматься запрещенным сексом (к которому относятся инцест, прелюбодеяние, скотоложество и мужской гомосексуализм), не богохульствовать, не есть мяса живого животного и создавать суды, чтобы следить за исполнением других шести законов (Вавилонский Талмуд, Санхедрин, 56а). Поскольку все эти законы были даны Ною, а он не считался иудеем, их называют семью законами Ноя. Любому язычнику, исполняющему их, обеспечена жизнь после смерти.

¹⁶ В иудаизме есть законы на случай отлучения, действующие скорее как изгнание у амишей. Такое отлучение называется**censored**ем, наиболее печальную известность приобрело

отлучение Баруха Спинозы (1632–1677), голландского философа-рационалиста: его не только изгнали из иудейской общины, но и его книги попали в список запрещенных Католической церковью (*Index Liborum Prohibitorum*). Спинозу проклинали и предали*~~censored~~ему за «омерзительную ересь» по таким вопросам, как откровение, ангелы, бессмертие души – все перечисленное он отрицал (Льюис С.Фойер, «Спиноза и расцвет либерализма», Lewis S. Feuer, *Spinoza and the Rise of Liberalism*, New Brunswick, NJ: Rutgers Univ. Press, 1987), 1.

¹⁷ Тринадцать принципов Маймонида утверждают: существование Бога, его единственность, отрицание его телесности, вечность его существования, то, что лишь Бог может быть объектом поклонения, что Бог говорит устами пророков, что Моисей был величайшим из пророков, что Тора богодухновенна и что Тора неизменна, что Богу известны помыслы и действия людей, что подчиняющийся ему будет вознагражден, а непокорный – наказан, что мессия грядет и что мертвые воскреснут.

¹⁸ Моя коллега Дайана Лобел сообщает, что из двух библейских стихов о десяти заповедях один призывает «наблюдать» их (Втор 8:12), а другой – «помнить» (Исх 20:8).

¹⁹ Дебре, «Маршрут Бога», 47.

²⁰ Джейкоб Нойснер, «Иудаизм» в Арвинд Шарма, «Наши религии» (Arvind Sharma, *Our Religions*), 314.

²¹ «Текстуальные источники для изучения иудаизма», ред. и пер. Филип С. Александер (Philip S. Alexander, ed. and trans., *Textual Sources for the Study of Judaism*, Manchester: Manchester Univ. Press, 1984), 164.

²² Популярное обсуждение того, что историк Сало Бэрон называл «слезливой концепцией еврейской истории», см. в: Теодор Стейнджер и Ханна Броу, «Переосмысление еврейской истории» (Theodore Stanger and Hannah Brow, *Rethinking Jewish History*, Newsweek, May 18, 1992, 38. Научная дискуссия включена в Роберт Либерлес, «Эпилог: за слезливой концепцией» в его *Сало Уиттмейер Бэрон: архитектор еврейской истории* (Robert Liberles, *Salo Wittmayer Baron: Architect of Jewish History*, New York: New York Univ. Press, 1995), 338–359.

²³ Шалом Аусландер, «Exodus Compexidus» (Jewish Quarterly, Spring 2008, <http://heroic-media.com/jq/issuearchive/artide8230.html?artideid=355>).

²⁴ Вавилонский Талмуд, Шаббат 31a.

²⁵ Мэри Дуглас, «Чистота и опасность: анализ концепции загрязненности и табу» (Mary Douglas, *Purity and Danger: An Analysis of Concept of Pollution and Taboo*, London: Routledge&Kegan Paul, 1966), особенно глава о «Мерзостях Левита», 51–71.

²⁶ Калвин Триллин, «Подведение черты» (Calvin Trillin, «Drawing the Line», *The New Yorker*, December 12, 1994, 50.

²⁷ Разумеется, встает и оспаривается вопрос о происхождении иудаизма. Если иудаизм – это монотеизм, он восходит к Аврааму. Если это закон, то к Синаю. Некоторые утверждают, что иудаизм появляется лишь после разрушения Второго храма в 70 году н. э. Согласно литературному критику Гарольду Блуму, иудаизм – «более молодая религия», чем христианство (Майкл Кресс, «Беседа с Гарольдом Блумом в конце года», Michael Kress, *A Year-End Chat with Harold Bloom*, http://www.jbooks.com/interview/index/IP_Kress_Bloom.htm).

²⁸ Визель, «Мудрецы и их рассказы», 278.

²⁹ Нойснер, «Иудаизм» в Арвинд Шарма, «Наши религии» (Arvind Sharma, *Our Religions*), 321.

³⁰ Согласно Объединению еврейских общин и проведенному им «Национальному опросу еврейского населения в 2000–2001 годах», результаты которого были опубликованы в январе 2004 года, 77 % американцев ответили, что либо проводят, либо посещают седер на Песах, в то время как лишь 72 % сообщили, что зажигают ханукальные свечи и всего 59 % постятся на Йом-Киппур (7). См.: http://www.ujc.org/local_includes/downloads/3905.pdf.

³¹ Было отпечатано более пятидесяти миллионов экземпляров Агады компании Maxwell House. См.: Кэрл Б. Бэлин, «Хорош до последней капли: распространение Агады «Максвелл-Хауса», в *Пасхальная Агада моего народа: традиционные тексты и современные комментарии*, под ред. Лоуренса Э.Хоффмана и Дэвида Арноу (Lawrence A. Hoffman and David Arnow, eds., *My People's Passover Haggadah Traditional Texts, Modern Commentaries*, Woodstock, VT: Jewish Lights, 2008), 85–90.

³² Различные взгляды на этот важный вопрос см. в: Алан Ф. Сигал, «Жизнь после смерти: история загробной жизни в западных религиях» (Alan F. Segal, *Life After Death: A History of the Afterlife in Western Religions*, New York: Doubleday, 2004), и Джон Д.Левенсон, «Воскресение и восстановление Израиля: окончательная победа Бога жизни» (Jon D. Levenson, *Resurrection and the Restoration of Israel: The Ultimate Victory of the God of Life*, New Haven: Yale Univ. Press, 2006).

³³ Агига 2:1, процитировано в Джейкоб Нойснер, «Мишна: новый перевод» (Jacob Neusner, *The Mishnah: A New Translation*, New Haven: Yale Univ. Press, 1991), 330.

³⁴ «Национальный опрос еврейского населения в 2000–2001 годах», *Объединение еврейских общин*, январь 2004 года, http://www.ujc.org/local_includes/downloads/4606.pdf.

³⁵ «Питтсбургская платформа, 1885 год» в: *Текстуальные источники для изучения иудаизма*, ред. и пер. Филип С.Александр, 136–138.

³⁶ Санхедрин 106b.

³⁷ «Иудаизм: раввин-атеист» (Judaism: The Atheist Rabbi, *Time*, January 29, 1965, <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,839200,00.html>).

³⁸ По США см.: Барри Космин, «Изменяющиеся характеристики американских евреев в 1990–2008 годах» (Barry Kosmin, «The Changing Population Profile of American Jews, 1990–2008», статья, представленная на XV Всемирном конгрессе иудаистики, Иерусалим, август 2009 года). Согласно этим исследованиям, 37 % американских евреев считают себя нерелигиозными. В 2008 году исследование Израильского демократического института показало, что 51 % израильтян нерелигиозны. См.: «Исследование: 51 % нерелигиозных израильтян» («Study: 51 percent of Israelis Secular», *Jewish World*, <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3514242,00.html>).

³⁹ Основной источник – Филлис Трайбл, «Тексты ужаса: литературно-феминистское прочтение библейских повествований» (Phyllis Trible, *Texts of Terror: Literary-Feminist Readings of Biblical Narratives*, Philadelphia: Fortress Press, 1984).

⁴⁰ Бава Батра 16b, процитировано в Дениз Ларднер Кармоди, «Женщины и мировые религии» (Denise Lardner Carmody, *Women and World Religions*, 2nd ed., Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989), 147.

⁴¹ Ричард Родригес, «Бог пустыни: Иерусалим и экология монотеизма» (Richard Rodriguez, *The God of the Desert: Jerusalem and the Ecology of Monotheism*, Harper's, January 2008), 45.

Глава 8. Даосизм: путь благоденствия

¹ Виктор Х. Мэйр, пер. *Скитания по пути: ранние даосские предания и притчи «Чжуан-цзы»* (Victor H. Mair, *Wandering on the Way: Early Taoist Tales and Parables of Chuang Tzu*, Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1998), 33.

² Я опять воздерживаюсь от употребления более старой системы транслитерации Уэйда-Джайлса, согласно которой предмет этой главы называется «таосизм», а путь – «Тао», и отдаю предпочтение более новой системе пиньинь с ее «даосизмом» и «Дао».

³ «Хуайнань-цзы», 1, процитировано в Томас Майкл, «Девственно-чистое Дао: метафизика раннего даосского дискурса» (Thomas Michael, *The Pristine Dao: Metaphysics of Early Daoist Discourse*, Albany: State Univ. of New York Press, 2005), 130.

⁴ Мэйр, «Скитания по пути», 5, 7, 9, 21, 385, 35. В другом месте Мэйр пишет, что «Чжуан-цзы» следовало бы назвать «Похвалой скитаниям». См.: Виктор Х. Мэйр, ««Чжуан-цзы» и Эразм: родственное остроумие», в *Экспериментальные очерки о «Чжуан-цзы»*, под ред. Виктор Х. Мэйр (Victor H. Mair, *Experimental Essays on Chuang-tzu*, Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1983), 86.

⁵ Мэйр, «Скитания по пути», xiii. Более сотни различных переводов первой главы «Дао дэ цзин» на английский язык можно найти по адресу <http://www.bopsecrets.org/gateway/passages/tao-te-ching.htm>.

⁶ Расселл Керкленд, «Даосизм: живучая традиция» (Russell Kirkland, *Taoism: The Enduring Tradition*, New York: Routledge, 2004), 43.

⁷ Бенджамин Хофф, «Дао Винни-Пуха» (Benjamin Hoff *The Tao of Pooh*, New York: Penguin Books, 1982), 1–7. «Дао Винни-Пуха» – любимая мишень специалистов по даосизму, которые называют учения из этой книги «дао-систским нью-эйдж» или «винни-пуховским даосизмом». Эта критика, исходящая от ученых, которые всецело преданы изучению даосских текстов, понятна, однако она игнорирует свойственные даосистам представления о неизбежности перемен. Решимость ученых сделать даосизм серьезным проистекает скорее из академической культуры, чем из самого даосизма. Чжуан-цзы, о чувстве юмора которого сохранилось немало свидетельств, наверняка понравилось бы «Дао Винни-Пуха».

⁸ Кристофер Шиппер, «Тексты даосизма» (Kristofer Schipper, *The Taoist Body*, trans. Karen C.Duval, Berkeley: Univ. of California Press, 1993), 1.

⁹ Чжэн-тянь Гуо, «Религия и демократия на Тайване» (Cheng-tian Kuo, *Religion and Democracy in Taiwan*, Albany: State of Univ. New York Press, 2008), 56.

¹⁰ Шэн-чи Лю, «Развитие религии в материковом Китае в эпоху реформ» (Sheng-chi Liu, «Religious Development in Mainland China in the Reform Era», *Studies on Mainland China* 44, no. 12, 2004:79).

¹¹ См.: Янтцен, «Стать божеством».

¹² Томас Майкл, «Девственно-чистое Дао», 77.

¹³ «Хуайнань-цзы», 7, процитировано в: Томас Майкл, «Девственно-чистое Дао», 134.

¹⁴ Мэйр, «Скитания по пути», 145.

¹⁵ Шиппер, «Тексты даосизма», 126.

¹⁶ Или, как пишет мой коллега Томас Майкл в «Девственно-чистом Дао», «человек – не реактивный снаряд в попытке вырваться из своей онтологической реальности, чтобы

отождествить себя с абсолютным началом, находящимся неизвестно где» (35).

¹⁷ Алан К. Чань, «Дао дэ цзин» и ее традиции», в: *Энциклопедии даосизма*, под ред. Ливии Кон (Livia Kohn, ed. *Daoism Handbook*, Leiden, the Netherlands: Brill, 2000), 4.

¹⁸ Ливия Кон, «Руководство даосских монахов: перевод Фэндао Кэцзе» (Livia Kohn, *The Daoist Monastic Manual: A Translation of the Fengdao Kejie*, New York: Oxford Univ. Press, 2004), 12.

¹⁹ Шиппер, «Тексты даосизма», 16.

²⁰ Джулиан Ф. Пас, «Введение: китайская религия в переходный период», в *Смена течения: религия в современном Китае* под ред. Джулиан Ф. Пас (Julian F. Pas, ed. *The Turning of the Tide: Religion in China Today*, New York and Hong Kong: Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society in association with Oxford Univ. Press, 1989), 8–9.

²¹ Шиппер, «Тексты даосизма», 5.

²² Шиппер, «Тексты даосизма», 4.

²³ Томас Майкл, «Девственно-чистое Дао», 47; Джеймс Физер и Джон Пауэрс, под ред. «Священные писания Востока», 186.

²⁴ Шиппер, «Тексты даосизма», 158.

²⁵ Лао-цзы, «Изречения Лао-цзы», пер. Лайонел Джайлс (Lao Tzu, *The Saying of Lao Tzu*, trans. Lionel Giles, Radford, VA: Wilder, 2008), 31.

²⁶ Ливия Кон, под ред. «Опыт даосизма: антология» (Livia Kohn, ed. *The Taoist Experience: An Anthology*, Albany: State Univ. of New York Press, 1993), 288.

²⁷ Томас Майкл, «Тени девственно-чистого Дао» (Thomas Michael, *Shadows of the Pristine Dao*, Albany: SUNY Press, forthcoming). Согласно Майклу, «первая строчка «Дао дэ цзин» – бесспорно, самая знаменитая во всей восточноазиатской религии и философии, но вместе с тем она чаще всего переводилась неверно в традиции западной китаистики» (1).

²⁸ Пауль Тиллих, «Систематическая теология» (Paul Tillich, *Systematic Theology*, Chicago: Univ. of Chicago Press, 1951), 1.238.

²⁹ Шиппер, «Тексты даосизма», 188.

³⁰ Александер М. Биккел, «Наименее опасная ветвь: верховный суд в политике» (Alexander M. Bickel, *The Least Dangerous Branch: The Supreme Court at the Bar of Politics*, 2nd ed., New York: Yale Univ. Press, 1986), 71.

³¹ Виктор Мэйр, «Чжуан-цзы» и его влияние», в: Кон, *Энциклопедия даосизма*, 32.

³² Виктор Х. Мэйр, «Чжуан-цзы» и Эразм: родственное остроумие», в: *Экспериментальные очерки о «Чжуан-цзы»*, 86.

³³ Мэйр, «Скитания по пути», 75, 21, 46, 57, 44, 42, 211.

³⁴ Мэйр, «Скитания по пути», 274.

³⁵ Чжуан-цзы, «Чжуан-цзы», пер. Хюн Хехсманн и Ян Гожун (Zhuangzi, *Zhuangzi*, trans. Hyun Hochsmann and Yang Guorong, New York: Pearson Longman, 2007), 194. Более поздний даосский труд «мастера, охватывающего простоту», рассказывает о женщине, которая сохраняла физическую форму, прожила в горах более двухсот лет, после чего ее поймали, привезли в

большой город и насильно кормили городской пищей. У пленницы выпали волосы, она быстро состарилась и через два года умерла (пересказано в: Шиппер, «Тексты даосизма», 169).

³⁶ Чжуан-цзы, «Чжуан-цзы», пер. Хюн Хехсманн и Ян Гожун, 188–189. (Здесь и далее пер. Л.Д. Позднеевой. – *Прим. пер.*)

³⁷ Чжуан-цзы, *Чжуан-цзы*, пер. Хюн Хехсманн и Ян Гожун, 123.

³⁸ Руми, «Книга любви: стихи экстаза и томления» (Rumi, *The Book of Love: Poems of Ecstasy and Longing*, trans. Coleman Barks, New York: HarperCollins, 2003), 123.

³⁹ Боб Дилан, Love Minus Zero/No Limit, Bringing It All Back Home, Columbia Records, March 1965, <http://www.bobdylan.com/#/songs/love-minus-zero-no-limit>.

⁴⁰ Мэйр, «Скитания по пути», 376.

⁴¹ Шиппер, «Тексты даосизма», 164.

⁴² Катрин Деле, «Женщины в даосизме», в: Кон, *Энциклопедия даосизма*, 405.

⁴³ Шиппер, «Тексты даосизма», 160.

⁴⁴ Джеймс Миллер, «Даосизм: краткое введение» (James Miller, *Daoism: A Short Introduction*, Oxford: OneWorld, 2005), 115.

⁴⁵ См.: Расселл Керкленд, Т. Х. Барретт и Ливия Кон, «Вступление», в: Кон, *Энциклопедии даосизма*, xiii–xiv.

⁴⁶ Лю Сяогань, «Даосизм», в: Шарма, *Наши религии*, 238.

⁴⁷ Чжуан-цзы, *Чжуан-цзы*, пер. Хюн Хехсманн и Ян Гожун, 95.

⁴⁸ Чжуан-цзы, «Чжуан-цзы», пер. Хюн Хехсманн и Ян Гожун, 195.

⁴⁹ См.: Ливия Кон, под ред. «Опыт даосизма», 291–292.

⁵⁰ Сыма Цянь «Шицзи», 63.2142, процитировано в Джеймс Физер и Джон Пауэрс, под ред. «Священные писания Востока», 179.

⁵¹ «Хуайнань-цзы», 1, процитировано в Томас Майкл, «Девственно-чистое Дао», 130.

Глава 9. Краткое дополнение об атеизме: путь разума

¹ «Глас народа-2005: религиозность в мире», Gallup International, <http://extranet.gallup-international.com/uploads/internet/Religiosity%20around%20the%20world%20VoP%202005%20press%20release.pdf>.

² См., например: Джеффри М. Джонс, «Некоторые американцы не хотят голосовать за мормона, 72-летнего кандидата в президенты», (Jeffrey M. Jones, «Some Americans Reluctant to Vote for Mormon, 72-Year-Old Presidential Candidates», *Gallup News Service*, February 20, 2007, <http://www.gallup.com/poll/26611/some-americans-reluctant-vote-mormon-72yearold-presidential-candidates.aspx>).

³ Стивен Протеро, «Религиозный ликбез: что должен знать и чего не знает каждый американец» (*Religious Literacy: What Every American Needs to Know – and Doesn't*, 2007), 40.

⁴ Президент Барак Обама, инаугурационная речь, 21 января 2009, <http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>.

⁵ См.: <http://the-brights.net>. К его чести, Хитченс отказывался пить «яркий» Kool-Aid. В своей книге «Бог не любовь» (*God Is Not Great*) он называл «brightism» «предложением, вызывающим неловкость» (5).

⁶ Ричард Докинз, «Бог как иллюзия» (Richard Dawkins, *The God Delusion*, Boston: Houghton Mifflin, 2006); Сэм Харрис, «Конец веры: религия, террор и будущее разума» (Sam Harris, *The End of Faith: Religion, Terror and the Future of Reason*, New York: W.W. Norton, 2004). Названия глав из Мишеля Онфре, «Манифест атеиста: против христианства, иудаизма и ислама» (Michel Onfray, *The Atheist Manifesto: The Case Against Christianity, Judaism and Islam*, trans. Jeremy Legatt, New York: Arcade, 2007). Первая книга Онфре под названием *Traite d'atheologie* опубликована во Франции в 2005 году, а затем как «В защиту атеизма» (*Defense of Atheism*) – в Великобритании в 2007 году.

⁷ Ричард Докинз, «Наука – это религия?» (Richard Dawkins, «Is Science a Religion?» *Humanist* 57, no. 1, 1997, <http://www.thehumanist.org/humanist/articles/dawkins.html>).

⁸ Харрис, «Конец веры», 173.

⁹ Хитченс, «Бог не любовь», 56.

¹⁰ Онфре, «Манифест атеиста», 134.

¹¹ Хитченс, «Бог не любовь», 58; интервью с Кристофером Хитченсом и Ральфом Ридом, Hannity&Colmes, Fox News, May 16, 2007.

¹² Хитченс, «Бог не любовь», 280, 64.

¹³ «Изменился ли мир? Часть 2» («Has the World Changed? – Part Two». *The Guardian*, October 11, 2001, <http://www.guardian.co.uk/world/2001/oct/11/afghanistan.terrorism2>).

¹⁴ Харрис, «Конец веры», 15.

¹⁵ Харрис, «Конец веры», 52–53. Харрис утверждает, что эта фраза была совершенно неверно истолкована. См. его «Реакция на полемику» («Response to Controversy», http://www.samharris.org/site/full_text/response-to-controversy2/).

¹⁶ Ричард Докинз, «Капеллан дьявола: размышления о надежде, лжи, науке и любви» (Richard Dawkins, *A Devil's Chaplain: Reflections on Hope, Lies, Science and Love*, New York: Houghton Mifflin, 2003), 117.

¹⁷ Докинз, «Бог как иллюзия», 306.

¹⁸ Крис Хеджес, «Я не верю в атеистов» (Chris Hedges, *I Don't Believe in Atheists*, New York: Free Press, 2008), 6.

¹⁹ Прочитировано в Гюстав Нибур, «Вызов нации: евангельские христиане» (Gustav Niebuhr, «A Nation Challenged: The Evangelist», *New York Times*, November 20, 2001, B5). Грэм первым сделал этот комментарий несколькими днями раньше в *Nightly News* на NBC 16 ноября.

²⁰ Харрис, «Конец веры», 123. См. также: обличение Мартином Эмисом «танатизма» в его «11 сентября и культ смерти», «September 11», *Times Online*, 2007, <http://tiny.cc/wnlRw>.

²¹ Дэвид Фостер Уоллес, «Все это» (David Foster Wallace, «All That», *The New Yorker*, December 14, 2009), 79.

²² В «Атеисты восстали!» («The Atheists Are Revolting!», n.p.: Lulu.com, 2007) Ник Гисберн

утверждает: спрашивать, религия ли атеизм – значит, задавать «глупейший из всех вопросов». «Вы не найдете ни единого атеиста, который молился бы гравитации или эволюции, – пишет он. – Атеизм – просто не религия в любом принятом понимании этого слова» (56).

²³ Некоторые из этих практик возникли во времена более деистического культа верховной сущности, который заменил культ разума при Робеспьере в 1794 году. См.: Найджел Эстон, «Религия и революция во Франции, 1780–1804 годы» (Nigel Aston, *Religion and Revolution in France, 1780–1804*, Washington, DC: Catholic Univ. of America Press, 2000), и Джон Макмэннерс, «Церковь и общество во Франции XVIII века» (John McManners, *Church and Society in Eighteenth-Century France*, New York: Oxford Univ. Press, 1998).

²⁴ Карл Маркс, «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (Karl Marx, «The Difference Between the Democritean and

Epicurean Philosophy of Nature», in Marx/Engels *Collected Works*, London: Lawrence and Wishard, 1975), 1.30, <http://www.marxists.org/archive/marx/works/1841/dr-theses/foreword.htm>.

²⁵ Брэд Сперджон, «Агент-provokator» (Brad Spurgeon, «Agent Provocateur», *The Star* (Toronto), December 17, 2006, <http://www.thestar.com/print-Article/157872>).

²⁶ Онфре, «Манифест атеиста», 57; Онфре, ссылающийся на французского автора афоризмов Никола Шамфора, процитирован в: Эндрю Хиггинс, «Религиозная борьба нарастает, европейские атеисты захватывают кафедру» (Andrew Higgins, «As Religious Strife Grows, Europe's Atheists Seize Pulpit», *Wall Street Journal*, April 12, 2007, A1).

²⁷ *Torcaso v. Watkins*, 367 U.S. 488 (1961). Сноска 11: «К религиям этой страны, которые не учат тому, что обычно считается верой в существование Бога, относятся буддизм, даосизм, этическая культура, секулярный гуманизм».

²⁸ *Kaufman v. McCaughtry*, 419 F.3d 867 (8th Cir. 2005). Рассматривалось дело заключенного, который ссылался на Первую поправку, чтобы создать группу атеистов. См.: Дерек Х. Дэвиса, «Религия ли атеизм? Недавние представления судей о конституционном значении слова «религия»» (Derek H. Davis, «Is Atheism a Religion? Recent Judicial Perspectives on the Constitutional Meaning of “Religion”», *Journal of Church and State* 47, no. 4, 2005), 707–723. Подкрепленный юридический спор об атеизме как религии представлен в Дуглас Лейкок, «Свобода вероисповедания как свобода» (Douglas Laycock, «Religious Liberty as Liberty», *Journal of Contemporary Legal Issues* 7, 1996), 313–356. Кент Гринавальт опровергает Лейкока в вопросе «высказывания, которое считается религиозным», в своей «Религии и конституции» (Kent Greenawalt, «Religion and the Constitution», vol. 1: Free Exercise and Fairness, Princeton: Princeton Univ. Press, 2006), 124–156.

²⁹ Онфре, «Манифест атеиста», 215.

³⁰ Процитировано в: Сидни Хук, «От Гегеля до Маркса: исследование интеллектуального становления Карла Маркса» (Sidney Hook, *From Hegel to Marx: Studies in the Intellectual Development of Karl Marx*, New York: Columbia Univ. Press, 1994), 154. См. также: Дэвид Слоун Уилсон, «Атеизм как скрытая религия» (David Sloan Wilson, «Atheism as a Stealth Religion», *Huffington Post Blog*, December 14, 2007, http://www.huffington-post.com/david-sloan-wilson/atheism-as-a-stealth-reli_b_76901.html).

³¹ Тиллих, «Систематическая теология», 1.11–12.

³² Часто задаваемые вопросы (FAQ) блога «Дружественных атеистов», <http://friendlyatheist.com/faq/>.

³³ Уильям Лобделл, «Теряя веру: как я утратил веру, делая репортажи о религиозной жизни» (William Lobdell, *Losing My Religion: How I Lost My Faith Reporting on Religion in America – And Found Unexpected Peace*, New York: Harper Collins, 2009), 269, 271.

³⁴ Ника Лалли, «Не все атеисты говорят в унисон» (Nica Lalli, «Atheist Don't Speak With Just One Voice», *USA Today*, October 8, 2007, <http://blogs.usatoday.com/oped/2007/10/atheists-dont-s.html>). Еще один возможный кандидат на роль «дружелюбного атеиста» – литературный критик Гарольд Блум. Вскоре после появления его книги «Иисус и Яхве: божественные имена» (Harold Bloom, *Jesus and Yahweh The Names Divine*, New York: Riverhead, 2005) он рассказал одному журналисту о своей неприязни к Яхве – «он как нельзя лучше годится в качестве объяснения, почему все постоянно идет не так», – но тут жена перебила его и сказала, что он был атеистом. «Нет, атеистом я не был, – возразил Блум. – В этом нет ничего забавного». А в чем есть, спросил журналист. «В том, чтобы развлекаться всеми этими выдумками». (Лора Куинни, «Интервью с Гарольдом Блумом», http://www.rc.umd.edu/praxis/bloom_hartman/bloom/bloom.html).

Заключение

¹ Ириной, «Против ереси», 4.20.7.

² Ту Вэймин, «Конфуцианство», 63.

³ Люси С. Давидович, под ред. «Славная традиция: еврейская жизнь и мысль в Восточной Европе» (Lucy S. Dawidowicz, ed. *The Golden Tradition: Jewish Life and Thought in Eastern Europe*, Syracuse, NY: Syracuse Univ. Press, 1996), 93.

⁴ Шиппер, «Тексты даосизма», 158.

⁵ Наср, «Идеалы и реальность ислама», 73–74.

⁶ «Наше движение, наши рассказы» Межконфессиональный молодежный центр (Interfaith Youth Core), <http://www.ifyc.org/donate>.

⁷ Свами Никхилананда, пер. «Благая весть Шри Рамакришны» (Swami Nikhilananda, trans., *The Gospel of Sri Ramakrishna*, New York: Ramakrishna-Vivekananda Center, 1942), 191.

⁸ Никхилананда, «Благая весть Шри Рамакришны», 191.

⁹ Джон Годфри Сакс, «Поэзия Джона Годфри Сакса» (John Godfrey Saxe, *The Poetical Works of John Godfrey Saxe*, Boston: Houghton, Mifflin, 1882), 112. Об этой же истории упоминали Лев Толстой, Никос Казандзакис и современные авторы детских книг. Подробный обзор этой литературы и рассказ о неожиданном применении притчи в мире программирования, см.: Эдит Фейстнер и Альфред Холл, «Моноперспективные взгляды на мультиперспективность: моделирование информационных систем и «Слепые со сломом»» (Edith Feistner and Alfred Holl, *Mono-perspective Views of Multi-perspectivity: Information Systems Modeling and «The Blind Men and the Elephant»*, Vaxjo, Sweden: Vaxjo Univ. Press, 2006), http://www.informatik.fh-nuernberg.de/professors/Holl/Personal/Elfant_Acta.pdf.

¹⁰ Рильке, «Рильке о любви», 25.

¹¹ Фейдимен и Фрегер, «Основы суфизма», 82.

Указатель имен

А

А

Абайе 262

Абд-аль-Ваххаба 66

Абимбола, Ванде 226, 249, 372, 373, 375

Абимбола, Кола 373

Абу Ханиф 354

Абу-Бакр 63

Авалокитешвара 250

Августин Блаженный 34, 106, 112

Авель 56

Авраам 39, 43, 46, 56, 85, 93, 252, 255, 256, 266, 267, 269, 273, 284, 297, 378

Агнесса 94

Агни 156, 176

Адам 46, 56, 83, 85, 86, 255, 257, 266, 269, 290

Аде, Кинг Санни 241

Адефунми I 240, 241

Адефунми II, 241

Азим 42

Айджи, Джеймс 306

Айодхью 176

ал-Халладж, Мансур 72

Али 63

Али, Кесиа 7, 354, 355

Али, Мухаммед 29, 41, 202, 294

Аллах 16, 21, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 68, 75, 233, 319, 346

Аллен, Вуди 258, 327

аль-Газали 15, 73

аль-Китаб, Ахль 38

Аман 274, 275

Амида 205

Амитабха 205

Аммермен, Нэнси 7
Ан, Джун 7
Ансари 70
Антоний 229
Апдайк, Джон 215
Аполлон 230
Апу 151
Арджуна 156, 174, 175
Аристотель 112, 137
Армстронг, Карен 12, 16, 180
Арнас, Деси 241
Архэм, Лаоде 7
Арчулет, Дэвид 97
Аусландер, Шалом 269
Афанасий Александрийский 112
Ахмад ибн Ханбаль 354
Ахура Мазда 16
Ашока 189

Б

Бабалаво 244
Бабалуайе 231, 241
Бабатунде 250
Баккер, Джим 102
Баккер, Тамми 102
Баском, Уильям 234
Басри, Рабия 75
Баффет, Уоррен 294
Бах, Иоганн Себастьян 239
Бebbингтон, Дэвид 97
Бекхэм, Дэвид 285

Беллок, Хилэр 100
Бенедикт XVI 107
Бенни, Джек 258
Берг, Филипп 286
Берд, Ларри 309
Берл, Милтон 258
Берлин, Ирвинг 258
Бернс, Джордж 258
Бернс, Хэзер 7
Берри, Уэнделл 144
Бертон, Джули 8
Бертронг, Джон 7, 137, 140
Бистали, Язид 71
Блаватская, Елена 190
Блейк, Уильям 11
Блейн, Дэвид 79
Блум, Гарольд 378, 386
Блэр, Тони 39, 331
Болейн, Анна 92
Бонхеффер, Дитрих 94
Бор, Нильс 158
Брага, Сония 241
Браун, Дэн 11
Браун, Карен Маккарти 222
Брахма 147, 167, 172, 224
Брук, Питер 173
Брукс, Мэл 258
Брэндайс, Луис 311
Брюс, Ленни 258
Бубер, Мартин 294

Будда 34, 35, 37, 50, 117, 126, 128, 140, 167, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 195, 196, 199, 201, 203, 204, 206, 207, 210, 213, 295, 303, 311, 321, 342

Буш, Джордж 39, 85, 331

Бхарата 174

Бэрон, Сало 378

В

Вадуд, Амина 67

Вайн, Шервин 282

Вальмика 176

Ван Чунъян 320, 321

Ван Шоужэнь 135

Ван Янмин 135

Варвара 250

Вассерштайн, Венди 258

Вебер, Макс 115

Вивекананда, Свами 179, 180, 182

Видагдха Шакаля 364

Визель, Эли 20, 260, 273

Винни-Пух 295

Вишну 145, 147, 151, 156, 165, 167, 170, 171, 172, 182

Волан-де-Морт 231

Вольдеморт 231

Вольтер 334

Вордсворт, Уильям 70

Второисайя 266

Вудбайн, Онадже 7, 372

Вьяса 154

Вэймин, Ту 120, 122, 123, 137, 138, 360

Г

Галилей, Галилео 360

Галледж, Аманда 338, 339

Ганапати 146, см. также Ганеша
Ганди, Индира 20, 21
Ганди, Мохандас 12, 180, 181, 182
Ганеша 145, 146, 147, 151, 170, 182, 225
Гарви, Маркус 240
Генрих VIII 92
Георг 229
Герднер, Скотт 7
Герцль, Теодор 283
Гершвин, Джордж 258
Гиллель 132, 261, 270, 289
Гильгамеш 299, 341
Гинзберг, Аллен 258, 367, 368
Гитлер, Адольф 27, 268, 283
Гласс, Филипп 73
Гленн, Джон 77
Гоббс, Томас 310
Голиаф 56, 257
Грили, Хорас 303
Гринавальт, Кент 385
Грэм, Билли 85
Грэм, Фрэнклин 39, 332
Гуаньинь 205, 250, 319
Гэри, Фрэнк 258

Д

Давид 17, 56, 254, 257, 267
Далай-лама 12, 37, 191, 211, 213, 287
Данте, Алигьери 60
Дарвин, Чарльз 335
Дебре, Режи 90, 221

Девора 284

Декарт, Рене 194

Деннет, Дэниел 19, 328, 329, 339

Джабраил см. Джибрил

Дже Цонкап 368

Джейкс, Поттерс-Хаус Т.Д. 106

Джексон, Майкл 249

Джексон, Фил 191

Дженкинс, Филипп 359

Дженнингс, Кен 216

Джетер, Престон 86

Джефферсон, Томас 69, 97, 126, 357

Джибрил 52, 319

Джинджер 370

Джонс, Регина 284

Джонсон, Пол 7, 374

Джордан, Майкл 24, 80, 309

Джюльетта 74

Диагор 328

Диджкстр, Сэнди 7

Дилан, Боб 258, 314

Диоклетиан 86

Дионис 230

Добсон, Джеймс 99

Докинз, Ричард 19, 328, 329, 331, 332, 335, 339, 345

Дон Кихот 158

Доуму 319

Дуглас, Мэри 256, 271

Дурга 170

Дэн Сяопин 302

Дэниэл, Ивонна 7

Дюбуа У.Э.Б. 21

Дюркгейм, Эмиль 104

Е

Ева 83, 85, 86, 255, 257, 266, 290

Ездра 266

Екатерина Арагонская 92

Елизавета II 130

Ж

Жань Боню 298

З

Занк, Майкл 7

Захария 56

Зевс 220

Зенкевич М. 34

Зюся 341

И

Иаков 56, 284

Ианса 223, 231

Ибн Араби 74

Ибрахим 46, 56 см. также Авраам

Идову, Э. Боладжи 370

Измаил 56

Израиль 56, 260

Иисус 9, 12, 18, 21, 34, 35, 39, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 60, 71, 72, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 93, 94, 96, 97, 98, 103, 104, 107, 111, 112, 113, 115, 117, 128, 129, 149, 164, 179, 225, 233, 253, 255, 259, 265, 295, 301, 306, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 346, 366

Иисус Навин 265

Индра 156, 157

Иоанн Креста 15

Иоанн Креститель 56, 87

Иона 56

Иосиф 56, 77, 78

Ириней Лионский 340

Ирод 78

Исаак 46, 56, 284

Исмаил 46

Исмаил, сын Мусы 64

Иуда 93

Ифа 219, 226, 246

Ишвара 16, 172

Й

Йемоджа (Йемаджа) 220, 231, 239

Йемойя 230, 231, 235, 239, 247

Йетунде 250

Йогананда, Свами 182

Йода 227

Йохаи, Шимон Бар 286

К

Кабир 164

Казандзакис, Никос 386

Каин 56, 266, 290

Кали 170, 179, 201

Каллен, Хорас 261

Кальвин, Жан 43, 44, 89, 91, 95

Камелот 140

Каменец, Роджер 287

Каммингс, Эдвард Эстлин 262

Кан, Луис 258

Каннингем, Мерс 116

Каннон 205

Каплан, Мордехай 281, 282

Каплан, Юдифь 282

Капр, Фритьоф 294

Картрайт, Питер 98

Кастро, Фидель 229

Каурава 174

Кейдж, Джон 116

Кеннеди, Джон Ф. 140

Керуак, Джек 191, 196, 206, 293

Кидман, Николь 74

Кинг, Мартин Лютер 67, 93

Кинг, Уолтер 240

Кир II 183

Клаванс, Джонатан 7

Клеппер, Диана 7

Клинтон, Билл 46, 115

Кодир, Зули 69

Кокс, Харви 78, 108

Колфилд, Холден 158

Константин Великий 79, 86, 87, 134

Конт, Огюст 99

Конфуций 34, 35, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 158, 177, 183, 184, 187, 292, 293, 295, 298, 300, 301, 303, 311, 314, 321, 325, 328

Кором, Фрэнк 7

Коуфакс, Сэнди 257

Козн, братья 14

Кришна 16, 63, 167, 168, 169, 170, 172, 174, 175, 178, 179, 205

Кроу, Джим 21

Крус, Хуан де ла см. Иоанн Креста

Кулиев Э.Р. 352

Кун Фу-Цзы 126, см. также Конфуций

Куриэн, Прем 182

Кутб, Саид 66

Кути, Фела Амкулапо 241

Кутчер, Эштон 286

Кушинг, Лесли 7

Кэмпбелл, Джозеф 16

Кьеркегор, Серен 93

Кюнг, Ханс 16

Л

Лакшмана 176

Лакшми 18, 170

Лалли, Найка 338

Лань Цайхэ 318

Лао-цзы 34, 35, 158, 290, 293, 295, 301, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 310, 311, 313, 315, 319, 320, 321, 323, 325, 326, 328

Лев IX 88

Легба см. Элегбара

Лейкок, Дуглас 385

Ленин, Владимир 327, 334

Леон, Моше де 286

Леонардо да Винчи 20

Лерих, Кристофер 7

Лернер, Майкл 288

Ли, Брюс 294

Ли Тегуай 318

Ли Чэнъян 137

Либескинд, Даниэль 258

Линкольн, Авраам 101

Лия 284

Лобделл, Уильям 337

Лобел, Дайана 7, 366, 378

Логунде 250

Лойола, Игнатий 90, 356

Лохан, Линдсей 286

Лу Синь 139

Льюис, Джерри 258

Лэндс, Рут 375

Люй Дунбинь 290, 291, 293, 318

Лютер, Мартин 89, 90, 91, 95, 104, 106, 180, 283

М

Магомет 51, см. также Мухаммад

Мадонна 73, 285

Майкл, Томас 7, 308, 309, 381

Майклс, Аксель 351

Маймонид, Моисей 263, 278, 377

Майстер Экхарт 112, 113

Макар, Эшли 7

Маккавеи 274

Маккензи, Дженет 107

Макклаймонд, Кэтрин 7

Макферсон, Сэмпл 102

Малик ибн Анас 354

Малькольм Икс 41

Мани 303

Мао Цзэдун 136, 137, 139, 301, 327

Мара 185

Мария 51, 56, 77, 78, 81, 93, 94, 235

Маркс, братья 258

Маркс, Карл 136, 137, 139, 194, 230, 327,
330, 334

Марсден, Джордж 99

Масудзава, Томоко 371

Матори 369, 375

Матушка В. 374

Махадеви 145, 167, 169, 170, 171, 172

Махариши Махеш Йоги 152

Мацзу 319

Меир, Голда 284

Мейер, Стефани 96

Менандр см. Милинда

Менкен Г.Л. 330

Мерфи, Джозеф 7, 237, 372

Микеланджело 60

Милинда 199

Миллер, Артур 258

Милошевич, Слободан 327

Мильтон, Джон 165

Мо-цзы 129

Моисей 34, 39, 53, 56, 86, 96, 128, 154, 255, 256, 265, 266, 267, 269, 273, 277, 286, 297, 341, 377

Мойерс, Билл 16

Мордехай 274, 275

Мороний 95

Моррисон, Тони 239

Мур, Деми 286

Муса 64

Мухаммад 10, 30, 33, 34, 37, 39, 40, 43, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 61, 62, 63, 64, 66, 71, 128, 131, 184, 233, 319, 340, 342

Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии 354

Мухаммад, У.Д. 41

Мухаммад, Элайджа 41

Мэйр, Виктор 292, 293

Мэмет, Дэвид 258

Мэн-цзы 114, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 140, 142, 311, 314, 325

Мюллер, Макс 27, 147

H

Нагарджуна 208, 209

Нагасена 199

Наполеон, Бонапарт 183

Нараяна 165

Наст, Дженнифер 7

Невилл, Роберт 137, 138

Нейсмит, Джеймс 309

Нелсон, Уилли 294

Никсон, Ричард Милхауз 140

Нитирэн 206

Ницше, Фридрих 191, 314, 327, 335

Ной 56, 85, 86, 257, 269, 377

Нойснер, Джейкоб 266

Нойхаус, Дэвид 7

Нокс, Джон 91

Нолл, Марк 108

Ньюдоу, Майкл 333

Ньютон, Исаак 208, 209

O

Обалуайе 231

Обама, Барак 130, 328

Обатала 220, 228, 251

Огун (Огу, Огум) 229, 230, 234, 235, 248, 249, 251, 371

Одудува (Одуа, Одудуа) 228, 250

Ойя 223, 230, 231, 235, 250

О'Коннор, Фланнери 312

Олкотт, Генри Стил 187

Олодумаре 217, 220, 221, 223, 224, 228, 244, 245, 370

Олорун 224

Олупона, Джейкоб 7, 233, 238, 370, 372
Онфре, Мишель 19, 329, 330, 335, 336
Оришанла 227, 228
Орловски, Питер 367
Оронсен 250
Орунмила (Орула, Орунла) 219, 220,
225, 226, 227, 246, 249
Осала 227, см. также Обатала
Осаньин 230, 231
Осборн, Джоан 80
Осмонд, братья 105
Остин, Джоэл 106
Осум 223
Отто, Рудольф 60
О'Флаерти, Венди Донигер 364
Ошосси 249, 251
Ошун 220, 223, 227, 228, 248, 249, 370
Ошусси, Май Стелла 238

П

Павел 32, 50, 51, 83, 90, 98, 106, 112, 295
Пандавы 174
Панду 174
Парвати 146, 147, 169
Патель, Эбу 345
Пейн, Томас 335
Пеле 80
Пенн 329
Петершем, Мишке 77
Петершем, Мод 77
Петр 87, 93, 229, 235

Пиктолл 56, 70
Пинкер, Стивен 329
Питт, Брэд 191, 303
Пифагор 183
Пичардо, Эрнесто 374
Платон 137, 193
Пот, Пол 327
Поттер, Гарри 316
Прабхавананда, Свами 16
Прабхупада, Свами 63
Пресли, Элвис 294
Прин, Гестер 144
Прометей 230
Пуджа 145
Пулман, Филипп 116
Пуруша 155

P

Рабел, Нора 7
Рабин, Шари 8
Рава 262
Равана 176, 177
Радха 167, 168, 169, 170
Рама 167, 170, 176, 177, 178, 181, 257
Рамакришна 179, 180, 347
Ранер, Карл 16
Рассел, Бертран 335
Рахиль 284
Ревекка 284
Рей, Терри 233, 238, 372
Риверс, Джоан 258

Ривз, Киану 191
Рильке, Райнер Мария 34, 193, 260
Ринпоче, Согьял 209
Робертсон, Пэт 102, 332
Рой, Рам Мохан 179, 180
Ромео 74
Роберт, Дана 7, 107
Робинсон, Джин 109
Ромни, Митт 105
Рорти, Ричард 34
Росс, Роберт 7
Рот, Филип 258
Руге, Арнольд 336
Рудра 156, 169
Рузвельт, Франклин Делано 27
Руми 44, 73, 74, 75, 314, 354
Рушди, Салман 62
Рэнд, Айн 334

С

Садат, Анвар 20
Саид, Эдвард 67
Сайнфелд, Джерри 258
Сакс, Джон Годфри 347
Саладин 37
Санди, Билли 98
Сапиро, Вирджиния 7
Сара 284
Сарасвати, Даянанда 180, 181
Сартр, Жан-Поль 327
Саул 56

Сафи, Омид 67, 354

Сваггарт, Джимми 102

Свенсон, Кристин

Себастьян 251

Сеид Хоссейн Наср 355

Сеймур, Уильям Джозеф 101

Селигмен, Адам 7, 15, 349

Сербин, Кен 7

Сиван-му 319

Сиддхартха Гаутама 183, 184, 185 см.
также Будда

Сильверман, Сара 258

Симеон Столпник 79

Симона Вейль 154

Симпсон, Барт 293

Симпсон, Лиза 293

Синран 205, 206

Сита 170, 176, 177, 257

Смарт, Ниниан 23, 61, 351

Смит, Джозеф 63, 95, 96

Смит, Уилфред Кантуэлл 51

Смит, Хьюстон 11, 12, 15, 16, 17, 32, 180,
343, 345, 349

Сократ 126, 127, 132, 162

Соллмен, Уорнер 107

Сондхайм, Стивен 258

Спилберг, Стивен 258

Спиноза, Барух 377

Спирс, Бритни 286

Спонг, Джон Шелби 359

Сталин, Иосиф 27, 327, 334
Старк, Родни 357
Стелла 240, 241
Страшила 98
Стюарт, Джон 258
Суини, Джулия 337
Сун, династия 134, 135
Сунь Буэр 321
Сюнь-цзы 114, 132, 133, 134, 138, 325

T

Тайлор Э.Б. 201
Тан, династия 301
Тан, Эми 319
Таубер, Марк 8
Твен, Марк 178, 330
Тейлор, Барбара Браун 313
Тейлор, Кевин 369
Теллер 329
Тереза Авильская 112, 235
Тереза Калькуттская 113, 183
Термен, Роберт 7, 368
Тиллих, Пауль 120, 310, 337
Тов, Бааль Шем 280
Толстой, Лев 386
Томпсон, Роберт Фэррис 7, 222, 231,
232, 239
Торо, Генри Дэвид 138, 181, 305
Торре, Мигель де ла 372, 374, 375
Трайбл, Филлис 59
Туид, Томас 7

Тукарам 165
Тумма, Скот 7
Туту, Десмонд 107
Тхитъ Нят Хань 195
Тьягананда, Свами 17

У

Уайлд, Оскар 262
Уайлдмен, Уэсли 7
Уайтфилд, Джордж 363
Уддалак 163
Удиль 284
Уилсон, Джефф 7
Уильямс, Дункан 7
Уиннер, Лорен 7
Уинтроп, Джон 125
Уитмен, Уолт 34, 148, 312
Уоллес, Дэвид Фостер 333
Уоллис, Джим 99
Уоррен, Рик 106
Уотерхаус, Бенджамин 357
Усама бен Ладен 37, 62, 63
Уэсли, Джон 95
Уэсли, Чарльз 95

Ф

Фаррахан, Луис 41
Фард, Уоллес Д. 41
Фейербах, Людвиг 330
Финн, Гекльберри 144, 305
Фолуэлл, Джерри 39, 330, 332
Фома 359
Фома Аквинский 112, 113

Франк, Анна 258
Франциск Ассизский 93, 112
Франциск Сальский 91
Фредриксен, Пола 7
Фрейд, Зигмунд 104, 262, 327, 328, 330, 341
Фрейзер, Джо 202
Фрейтас, Донна 7, 376
Фримен, Морган 42
Фрит, Роджер 8
Фрост, Дэвид 140
Фрэнк, Джорджия 7
Фрэнк, Элис 7

Х

Хагдео, Николас 7
Хадиджа 51
Хаксли, Олдос 16
Ханумана 176
Хань, династия 322
Хань Сянцзы 318
Харрис, Барбара 104
Харрис, Сэм 19, 328, 329, 331, 332, 339
Хеджес, Крис 332
Хейбер, Гордон 123
Хейли, Алекс 242
Хендерсон, Генри Баркли 363
Хендерсон, Джеффри 7
Хенсон, Джон 87
Хестон, Чарлтон 86
Хефнер, Роберт 7
Хешель, Абрахам 26, 59, 350, 353

Хильдегарда Бингенская 94

Хинсон, Меган 7

Хитченс, Кристофер 19, 30, 328, 329, 330,

335, 336, 339, 343

Холл, Дэвид Л. 361

Холли, Лонни 245

Холлмен Дж. Ч. 81

Хомейни 37, 62

Хонэн 205, 206

Хофф, Бенджамин 295

Хохмен, Ли 7

Христос 49, 85, 86, 88, 185, 326

Хьюдак, Кэтрин 7

Ху Цзиньтао 136

Хусейн 64

Хэ Сяньгу 318, 319

Хэнди, Сет 7

Ц

Цао Гоцзю 318

Цвингли, Ульрих 89

Цзао Цзюнь 319

Цзы-лу 298

Цзы-ся 298

Цинь, династия 134

Цю Чуцзи 321

Ч

Чавес, Уго 103

Чайтанья 165

Ченрезиг 205

Чеппелл, Дэвид 7

Черчилль, Уинстон 27

Чёдрён, Пема 209, 368

Чжан Голао 318

Чжан Даолин 319, 320

Чжоу, династия 123

Чжу Си 135

Чжуан-цзы 15, 311, 312, 313, 314, 315,
324, 325, 380

Чжунли Цюань 318

Чи Лу 120

III

Шакти 169, 170, 227

Шакур, Тупак 216

Шакьямуни 183, см. также Будда

Шаммай 132, 261, 289

Шамс 73, 74

Шамфора, Никола 385

Шанго (Санго, Чанго) 221, 227, 230, 231, 249, 250

Шанкара 162

Шантидева 203

Шариф, Али Омар 42

Шахтер-Шаломи, Залман 287, 288

Шветакегу 162

Шекспир, Уильям 83, 222

Шехтер, Соломон 281

Шива 9, 145, 146, 147, 151, 156, 160, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 178, 180, 182, 201, 205

Шивананда, Свами 13, 16

Шиппер, Кристофер 316

Ширё, Ивонна 7

Шойинка, Воле 230, 235, 243, 244, 371, 374

Шопона 230, 231

Шори, Кэтрин Джеффертс 104

Э

Эдмонд 222

Эйми 102

Эймс, Роджер Т. 361

Эйн Соф 286

Эйнштейн, Альберт 208, 209, 258, 260

Экк, Дайана 172

Эккел, Дэвид 7, 307, 368, 369

Элегбара (Элебара, Элегба) 225, 249, 370

Элиот, Томас Стернс 20

Эль Греко 239

Эмерсон, Ральф Уолдо 149, 294

Эндо, Сюсаку 20

Энкиду 341

Эпстайн, Марк 205, 367

Эпштейн, Грег 282

Эшу 156, 219, 220, 226, 227, 244, 247, 249, 251, 370

Ю

Юй Дань 136

Юлиана Норичская 112

Я

Яджнявалкья 364, 365

Яй, Олабийи Бабалоло 251

Янг, Бригам 96

Янтцен, Грейс 119, 297, 376

Янь Хуэй 314

Янь Юань 298

Яхве 16